МИНОБРНАУКИ РОССИИ

Известия
Юго-Западного государственного университета
Серия: История и право

Научный журнал

Том 12 № 6 / 2022

Proceedings
of the Southwest State University
Series: History and Law

Scientific Journal

Vol. 12 № 6 / 2022

Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право (Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo)

Научный рецензируемый журнал

Основан в 2011 г.

Цель издания – публичное представление научной общественности научных результатов фундаментальных, прикладных, проблемно-ориентированных научных исследованиях в таких отраслях, как теория государства и права, история политических и правовых учений, конституционное и муниципальное право, гражданское право, предпринимательское право, семейное право, международное частное право, уголовное право, криминология, уголовносоного процесса, криминалистики, земельное право, трудовое право, отечественная история, археология, историография, политические институты, процессы и технологии, политическая регионалистика.

В журнале публикуются оригинальные работы, обзорные статьи, рецензии и обсуждения, соответствующие тематике издания.

Публикация статей в журнале для авторов бесплатна.

Целевая аудитория: научные работники, профессорско-преподавательский состав образовательных учреждений, экспертное сообщество, молодые ученые, аспиранты, заинтересованные представители широкой общественности.

Журнал придерживается политики открытого доступа. Полнотекстовые версии статей доступны на сайте журнала, научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU.

Журнал включен в перечень ведущих научных журналов и изданий ВАК Минобрнауки России, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора наук, кандидата наук по следующим научным специальностям:

Юридические науки: 5.1.1; 5.1.2; 5.1.3; 5.1.4; 5.1.5.

Политология: 5.5.2; 5.5.4.

Исторические науки и археология: 5.6.1; 5.6.3; 5.6.5; 5.6.6.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Богдан Варвара Владимировна, д-р юрид. наук, доцент, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

Коровин Владимир Викторович, д-р ист. наук, профессор, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Алихаджиева Инна Саламовна, д-р юрид. наук, доцент, Российская криминологическая ассоциация имени Азалии Ивановны Долговой (г. Москва, Россия)

Ананьева Анна Анатольевна, д-р юрид. наук, доцент, Российский государственный университет правосудия (г. Москва, Россия)

Андреев Юрий Николаевич, д-р юрид. наук, профессор, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

Апанасенок Александр Вячеславович, д-р ист. наук, доцент, Региональный открытый социальный институт (г. Курск, Россия)

Баумштейн Антон Борисович, д-р юрид. наук, доцент, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

Беляев Валерий Петрович, д-р юрид. наук, профессор, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

Брежнев Олег Викторович, д-р юрид. наук, профессор, Курская академия государственной и муниципальной службы (г. Курск, Россия)

Гаврилов Станислав Олегович, д-р ист. наук, профессор, Кемеровский государственный университет (г. Кемерово, Россия)

Голубцов Валерий Геннадьевич, д-р юрид. наук, профессор, Пермский государственный национальный исследовательский университет (г. Пермь, Россия)

Горюшкина Наталья Евгеньевна, д-р ист. наук, доцент, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

Гриненко Александр Викторович, д-р юрид. наук, профессор**,** Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации (г. Москва, Россия)

Дилбандян Самвел Агванович, д-р юрид. наук, профессор, Ереванский государственный университет (г. Ереван, Республика Армения)

Коростелев Станислав Валентинович, д-р полит. наук, доцент, Объединенная комиссия при Межпарламентской Ассамблее государств-участников Содружества Независимых Государств по гармонизации законодательства в сфере безопасности и противодействия новым вызовам и угрозам (г. Санкт-Петербург, Россия)

Коротеева Наталья Николаевна, д-р ист. наук, профессор, зам. Председателя Правления Курского регионального отделения «Российского общества историков-архивистов» (г. Курск, Россия)

Лагутин Игорь Борисович, д-р юрид. наук, доцент, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

Малышева Елена Михайловна, д-р ист. наук, профессор, Адыгейский государственный университет (г. Майкоп, Россия)

Никуленко Андрей Вячеславович, д-р юрид. наук, доцент, Санкт-Петербургский университет МВД России (г. Санкт-Петербург, Россия)

Новичков Валерий Евгеньевич, д-р юрид. наук, доцент, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

Русскевич Евгений Александрович, д-р юрид. наук, Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя (г. Москва, Россия)

Рябинина Татьяна Кимовна, д-р юрид. наук, профессор, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

Самович Юлия Владимировна, д-р юрид. наук, профессор, Казанский филиал Российского государственного университета правосудия (г. Казань, Россия)

Сафронова Елена Викторовна, д-р юрид. наук, профессор, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (г. Белгород, Россия)

Слатинов Владимир Борисович, д-р полит. наук, профессор, Курский государственный университет (г. Курск, Россия)

Соловых Светлана Жорисовна, д-р юрид. наук, доцент, Саратовская государственная юридическая академия (г. Саратов, Россия)

Татьянина Лариса Геннадьевна, д-р юрид. наук, профессор, Удмуртский государственный университет (г. Ижевск, Россия)

Хисамутдинова Равиля Рахимяновна, д-р ист. наук, профессор, Оренбургский государственный педагогический университет (г. Оренбург, Россия)

Цыбаков Дмитрий Леонидович, д-р полит. наук, доцент, Академия гражданской защиты МЧС России (г. Москва, Россия)

Шевченко Алевтина Владимировна, д-р полит. наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Москва, Россия)

Шевелева Светлана Викторовна, д-р юрид. наук, доцент, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

Учредитель и издатель:
ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет»
Адрес учредителя, издателя и редакции:
305040, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94
Телефон: (4712) 22-25-26,
Факс: (4712) 50-48-00.
E-mail: rio_kursk@mail.ru

Наименование органа, зарегистрировавшего издание:
Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (ПИ №ФС77-80259 от 09.02.2021).

ISSN 2223-1501 (Print)
DOI Prefix: 10.21869

Сайт журнала: https://swsu.ru/izvestiya/serieshistory/

© Юго-Западный государственный университет, 2022

Материалы журнала доступны под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License

Типография:
Полиграфический центр Юго-Западного государственного университета, 305040, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94

16+

Подписка и распространение:
журнал распространяется по подписке.
Подписной индекс журнала 44296 в объединенном каталоге «Пресса России».

Периодичность: один раз в два месяца

Свободная цена.

Оригинал-макет подготовлен Е. Г. Анохиной

Подписано в печать 16.12.2022.
Дата выхода в свет 30.12.2022. Формат 60x84/8.
Бумага офсетная. Усл.печ.л. 27,1.
Тираж 1000 экз. Заказ 74.

Proceedings of the Southwest State University
Series: History and Law

Peer-reviewed scientific journal

Published since 2011

The purpose of the publication – public presentation of scientific results of fundamental, applied, problem-oriented research in such areas as theory of state and law, the history of political and legal doctrines, constitutional and municipal law, civil law, business law, family law, private international law, criminal law, criminal science, criminal procedure, criminology, land law, labor law, domestic history, archeology, historiography, political institutions, processes and technology, political regionalism.

The journal publishes scientific articles, critical reviews, reports and discussions in the above mentioned areas.

All papers are published free of charge.

Target readers are scientists, university professors and teachers, experts, young scholars, graduate and post-graduate students, stakeholders and interested public.

The Editorial Board of the journal pursues open access policy. Complete articles are available at the journal web-site and at eLIBRARY.RU .

The journal is included into the Register of the Top Scientific Journals of the Higher Attestation Commission of the Russian Federation as a journal recommended for the publication of the findings made by the scientists working on a doctorial or candidate thesis in the following areas:

Juridical Studies: 5.1.1; 5.1.2; 5.1.3; 5.1.4; 5.1.5.

Political Studies: 5.5.2; 5.5.4.

Historical Studies and Archaeology: 5.6.1; 5.6.3; 5.6.5; 5.6.6.

EDITOR-IN-CHIEF

Varvara V. Bogdan, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

DEPUTY EDITOR

Vladimir V. Korovin, Doctor of Historical Sciences, Professor Southwest State University (Kursk, Russia)

EDITORIAL BOARD

Inna S. Alihadzhieva, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Russian Criminological Association named after Azalia Ivanovna Dolgova (Moscow, Russia)

Anna A. Ananieva, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Russian State University of Justice (Moscow, Russia)

Yuri N. Andreev, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Aleksandr V. Apanasyonok, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Regional Open Social Institute (Kursk, Russia)

Anton B. Baumstein, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Oleg V. Breznev, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Kursk Academy of State and Municipal Service (Kursk, Russia)

Valeriy P. Belyaev, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Stanislav O. Gavrilov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Kemerovo State University (Kursk, Russia)

Valerij G. Golubcov, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Perm State National Research University (Perm, Russia)

Natalia E. Gorushkina, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Aleksandr V. Grinenko, Doctor of Juridical Sciences, Professor, MGIMO University (Moscow, Russia)

Samvel A. Dilbandyan, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Yerevan State University (Yerevan, Republic of Armenia)

Stanislav V. Korostelev, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Joint Commission under the Interparliamentary Assembly of the Commonwealth of Independent States on the Harmonization of Legislation in the field of security and countering New Challenges and Threats (St. Petersburg, Russia)

Natalia N. Koroteeva, Doctor of Historical Sciences, Professor, Board of the Kursk regional branch of the Russian society of historians and archivists (Kursk, Russia)

Igor B. Lagutin, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Elena M. Malysheva, Doctor of Historical Sciences, Professor, Adygea State University (Maykop, Russia)

Andrej V. Nikulenko, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Saint Petersburg, Russia)

Valeriy E. Novichkov, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Evgenij A. Russkevich, Doctor of Juridical Sciences, Vladimir Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russia (Moscow, Russia)

Tatiyana K. Ryabinina, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Yuliya V. Samovich, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Kazan Branch of the Russian State University of Justice (Kazan, Russia)

Elena V. Safronova, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Belgorod State National Research University (Belgorod, Russia)

Vladimir B. Slatinov, Doctor of Political Sciences, Professor, Kursk State University (Kursk, Russia)

Svetlana Z. Solovyh, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Saratov State Law Academy (Saratov, Russia)

Larisa G. Tatynina, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Udmurt State University (Izhevsk, Russia)

Ravilya R. Hisamutdinova, Doctor of Historical Sciences, Professor, Orenburg State Pedagogical University (Orenburg, Russia)

Dmitrij L. Cybakov, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Academy of Civil Protection of the Ministry of Emergency Situations of Russia (Moscow, Russia)

Alevtina V. Shevchenko, Doctor of Political Sciences, Professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russia)

Svetlana V. Shevelyova, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Founder and Publisher :
"Southwest State University"
Official address of the Founder, Publisher and Editorial Office:
305040, Russia, Kursk, ul. 50 Let Oktyabrya, 94

Phone: (+74712) 22-25-26,
Fax: (+74712) 50-48-00.
E-mail: rio_kursk@mail.ru

The Journal is officially registered by:
The Federal Supervising Authority in the Field of Communication, Information Technology and Mass media
(PI №FS77-80259 of 09.02.2021).

ISSN 2223-1501 (Print)
DOI Prefix: 10.21869

Web-site: https://swsu.ru/izvestiya/serieshistory/

© Southwest State University, 2022

Publications are available in accordance with the Creative Commons Attribution 4.0 License

Printing office:
Printing Center
of the Southwest State University,
305040, Russia, Kursk,
ul. 50 Let Oktyabrya, 94

16+

Subscription and distribution:
the journal is distributed by subscription.
Subscription index 44296 in the General Catalogue "Pressa Rossii"

Frequency: once in two months

Free-of-control price.

Original lay-out design: E. G. Anohina

Sent to the printer 16.12.2022.
Release 30.12.2022. Format 60x84/8.
Offset paper. Printer's sheets: 27,1.
Circulation 1000 copies. Order 74.

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ 10

Право гражданина на изображение: актуальные проблемы охраны……..... ……10

Каменский М. А.

Об определении оснований неправомерности использования изображения гражданина (по данным правоприменительной практики по статье 152.1 Гражданского кодекса Российской Федерации) 23

Григорьева И. М.

Об определении предмета доказывания по делам о защите неприкосновенности частной жизни гражданина…….....……37

Попова И. Ю.

Правовой статус занятости в условиях развития гиг-экономики…… 50

Пономарченко А. Е.

О способах защиты чести, достоинства и деловой репутации…… 61

Фролов И. В.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ …… 72

Соотношение назначения и цели уголовного судопроизводства в Российской Федерации..... 72

Татьянина Л. Г., Машинникова Н. О.

Проблемы квалификации незаконного оборота особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов……. ..... ……85

Русскевич Л. А.

К вопросу о стратегии государственного обвинения в процессе доказывания по уголовному делу в суде первой инстанции…… ..... ……99

Брянская Е. В., Пашутина О. С.

Гарантии допустимости и действительности отказа от субъективного права в уголовном процессе: проблемы законодательного регулирования…….....……..113

Чеботарева И. Н., Пашутина О. С., Ревина И. В.

Оптимизация правового режима возбуждения уголовных дел о налоговых преступлениях в свете цикличных изменений уголовно-процессуального закона……..... ……132

Ряполова Я. П.

Классификация организационно-технических мер противодействия кибертерроризму в отношении предприятий и организаций……..... ……143

Унукович А. С., Цвилий А. В.

Общая характеристика сирийского Закона об охране исторических памятников..... 155

Закер Манаф

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ…… 165

Установление научной периодизации на примере исследования деятельности метеорологической службы по обеспечению военно-воздушных сил Красной армии в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов…… .....……..165

Гаврилов А. Г., Прямицын В. Н.

«Музеи для общества»: о работе коллекционеров в городах Иркутской губернии во второй половине XIX века…….. .....……..175

Ткачев В. В.

Развитие советско-японских научных связей в советский период 189
Киба Д. В.
Инновации в лесоустройстве, учете и оценке лесов России в XIX веке 202
Никифоров С. А., Сембиева Л.
Проблемы кадрового обеспечения физкультурной работы в школах Курского края (1918–1940 годы) 215
Цуканова О. М., Карпова Г. Г.
Советская массовая песня 1920-1940-х годов в зеркале эпохи……..……224
Стародубцева И. Ф., Хаит Г. А., Башкеева К. С.
К сведению авторов 233

CONTENT

PRIVATE (CIVIL) JURISPRUDENCE……10

Citizen's Right to Image: Current Security Issues……10

Maksim A. Kamenskiy

On Determining the Grounds for the Unlawful USE of a Citizen's Image (According to Law Enforcement Practice Under Article 152.1 of the Civil Code of the Russian Federation)……23

Irina M. Grigorieva

On the Definition of the Subject of Evidence in Cases on the Protection of the Privacy of a Citizen……37

Irina Y. Popova

The Legal Status of Employment in the Context of the Development of the Gig Economy……50

Anastasia E. Ponomarchenko

About Ways to Protect Honor, Dignity and Business Reputation……61

Ivan V. Frolov

CRIMINAL LEGAL SCIENCE……72

The Ratio of the Purpose and Purpose of Criminal Proceedings in the Russian Federation……72

Larisa G. Tatyanina, Natalia O. Mashinnikova

Problems of Qualification of Illegal Trade in Especially Valuable Wild Animals and Aquatic Biological Resources……85

Lyubov A. Russkevich

On the Issue of the Strategy of Public Prosecution in the Process of Proving a Criminal Case in the Court of First Instance……99

Elena V. Bryanskaya, Olesia S. Pashutina

Guarantees of the Admissibility and Validity of the Rejection of Subjective Law in Criminal Proceedings: Problems of Legislative Regulation……113

Irina N. Chebotareva, Olesia S. Pashutina, Irina V. Revina

Use of the Potential of Operational-Search Activities in Solving Problems Stages of Initiation of a Criminal Case: Problemic Issues of Theory and Practice……132

Yaroslava P. Ryapolova

Classification of Organizational and Technical Measures to Counteract Cyberterrorism in Relation to Enterprises and Organizations……143

Anton S. Unukovich, Alexander V. Tsviliy

General Characteristics of the Syrian Antiquities Protection Law……155

Manaf Saker

HISTORICAL SCIENCES……165

The Establishment of Scientific Periodization on the Example of Activity of Meteorological Service for the Support of the Red Army air Force During the Great Patriotic War of 1941–1945……165

Alexey G. Gavrilov, Vladimir N. Pryamitsyn

"Museums for Society": About the Work of Collectors in the Cities of the IRKUTSK Province in the Second Half of the 19th Century……175

Vitaliy V. Tkachev

Development of Soviet-Japanese Scientific Relations in the Soviet period……189

Darya V. Kiba

Innovations in Forest Management, Accounting and Assessment of Forests in Russia in the XIX Century…..…..202
Sergey A. Nikiforov, Lyazzat Sembiyeva
Problems of Staffing Physical Education Work in Schools of the Kursk Region (1918–1940)…… ..……..215
Olga M. Tsukanova, Galina G. Karpova
Soviet Mass Song of the 1920s-1940s in the Mirror of the Epoch…… .....……..224
Irina F. Starodubtseva, Gennadii A. Khait, Kseniya S. Bashkeeva
К сведению авторов…… …… ……..233

Оригинальная статья / Original article

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-6-10-22

(cc) BY 4.0

Право гражданина на изображение: актуальные проблемы охраны

М. А. Каменский[1] ✉

[1]Постоянное представительство Республики Марий Эл при Президенте Российской Федерации
ул. Большая Якиманка 50, г. Москва 119049, Российская Федерация

✉ e-mail: login8@mail.ru

Резюме

Актуальность. *Право гражданина на изображение как личное неимущественное право подлежит абсолютной защите в соответствии со статьей 152.1 Гражданского кодекса Российской Федерации. В доктрине и в юридической практике не существует единства мнений по вопросам гражданско-правовой охраны права на свое изображение, в том числе правомерности его использования и обнародования другими лицами, а также толкования положений соответствующей нормы и имеющейся в ней терминологии. В этой связи в работе рассматриваются пробелы действующего законодательства на основе научных взглядов специалистов гражданского права и сложившейся судебной практики.*

Цель исследования *состоит в дополнении теоретических положений и законодательных предложений, направленных на углубление научного знания об охране права на изображение гражданина и единообразное применение статьи 152.1 Гражданского кодекса Российской Федерации.*

Задачи*: проанализировать имеющиеся в теории гражданского права научные позиции и российскую судебную практику по делам об охране права на изображение гражданина; выявить и уточнить имеющиеся пробелы законодательства, препятствующие его надлежащей охране; актуализировать сформулированные ранее предложения цивилистов по внесению изменений в статью 152.1 Гражданского кодекса Российской Федерации.*

Методология*. Исследование проводилось с применением методов индукции и дедукции, анализа и синтеза, формально-юридического, системно-аналитического и логического методов.*

Результатами исследования *являются сформулированные предложения по решению теоретических проблем, связанных с применением статьи 152.1 Гражданского кодекса Российской Федерации, и совершенствованию действующей нормы об охране права человека на изображение в целях ее единообразного правоприменения.*

Вывод. *Проведенное исследование позволяет утверждать, что норма об охране права на изображение гражданина требует доработки в части терминологии, в том числе разработки дефиниций изображения, внешнего облика человека, основного объекта использования, мест, открытых для свободного посещения, формы выражения согласия на публикацию своего изображения, и устранения иных пробелов, требующих внимания законодателя.*

Ключевые слова*: изображение гражданина; внешний облик; право на изображение; согласие на использование изображения; основной объект изображения.*

Конфликт интересов*: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Для цитирования: Каменский М. А. Право гражданина на изображение: актуальные проблемы охраны // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2022. Т. 12, № 6. С. 10–22. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-6-10-22.

Поступила в редакцию 11.10.2022 Принята к публикации 08.11.2022 Опубликована 16.12.2022

© Каменский М. А., 2022

Citizen's Right to Image: Current Security Issues

Maksim A. Kamenskiy[1] ✉

[1]Permanent Mission of the Republic of Mari El to the President of Russian Federation
50 Bolshaya Yakimanka Str., Moscow 119049, Russian Federation

✉ e-mail: login8@mail.ru

Abstract

Relevance. *The right of a citizen to an image as a personal non-property right is subject to absolute protection in accordance with Art. 152.1 of the Civil Code of the Russian Federation. In doctrine and in legal practice, there is no unity of opinion on the civil protection of the right to its image, including the legality of its use and promulgation by other persons, as well as the interpretation of the provisions of the relevant rule and the terminology available in it. In this regard, the work considers gaps in current legislation based on the scientific views of civil law experts and established judicial practice.*

The purpose *of the study is to supplement the theoretical provisions and legislative proposals aimed at deepening scientific knowledge about the protection of the right to the image of a citizen and the uniform application of Art. 152.1 of the Civil Code of the Russian Federation.*

Objectives: *to analyze the scientific positions available in the theory of civil law and Russian judicial practice in cases on the protection of the right to portray a citizen; Identify and clarify existing legal gaps that impede its proper protection; update the previously formulated proposals of civilists to amend Art. 152.1 of the Civil Code of the Russian Federation.*

Methodology. *The study was conducted using methods of induction and deduction, analysis and synthesis, formal-legal, system-analytical and logical methods.*

The results *of the study are formulated proposals for solving theoretical problems related to the application of Art. 152.1 of the Civil Code of the Russian Federation, and improving the current norm on the protection of human rights to the image in order to uniformly enforce it.*

Conclusion. *The study allows us to assert that the rule on the protection of the right to an image of a citizen requires refinement in terms of terminology, including the development of the definition of the image, the appearance of a person, the main object of use, places open for free visits, the form of expression of consent to the publication of one's image, and the elimination of other gaps requiring the attention of the legislator.*

Keywords*: image of a citizen; appearance; right to image; consent to use of image; main object of image.*

Conflict of interest: *The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Kamenskiy M. A. Citizen's Right to Image: Current Security Issues. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2022; 12(6): 10–22. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-6-10-22.

Received 11.10.2022 Accepted 08.11.2022 Published 16.12.2022

***

Введение

Одним из нематериальных благ наряду с именем человека является его изображение. Как свидетельствует судебная практика, право на неприкосновенность своего изображения как составляющее право на неприкосновенность частной жизни подвергается массовым нарушениям посредством обнародования изображения физических лиц без их согласия в средствах массовой информации (печатных и электронных), сети Интернет, на веб-сайтах органов государственной власти, на обучающих дизайну и фотографии площадках; веб-сайтах физических лиц, страницах пользователей социальных сетей при размещении в аккаунте чужой фотографии; художественных выставках, аукционах; упаковке товара, сувенирной продукции и др. Известны слу-

чаи, когда изображение человека намеренно искажалось и сопровождалось негативными комментариями; когда фотографии живых людей, сделанные в фотосалоне, использовались без их согласия как изображение на надгробном памятнике [1, с. 46][1]. Изображение человека вместе с его именем индивидуализирует или рекламирует тот или иной товар или услугу, выступая в роли бренда. СМИ множество раз публиковали сообщения об использовании лиц известных людей для рекламы, что порождало споры не только по охране своего изображения в соответствии со ст. 152.1 «Охрана изображения гражданина» Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), но и доброго имени (ст. 150 «Нематериальные блага» ГК РФ).

Судебная практика об использовании изображения человека не единообразна, а в теории гражданского права имеются разные подходы к тому, как осуществлять охрану права на изображение при расплывчатости формулировок соответствующих статей ГК РФ, в отсутствие необходимой терминологии и глобальном развитии российского сегмента сети Интернет как новом способе массового использования и распространения чужого изображения. В этой связи представляет интерес рассмотрение возможных пробелов нормы об охране права гражданина на изображение (ст. 152.1 ГК РФ), анализ мнений ученых-юристов по этому вопросу, выработанная позиция судов по искам о защите права гражданина на собственное изображение.

Методология

При написании работы применялись общенаучные (дедукции, индукции, анализа и синтеза) и частнонаучные методы познания. Среди специальных методов юридической науки использовались формально-юридический и анализ судебной практики по ст. 152.1 ГК РФ (при изучении гражданского законодательства для выявления имеющихся пробелов, постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» и решений судов, результатов научных работ по рассматриваемой теме на предмет дополнения научного знания); системно-аналитический (для формулирования теоретических положений и законодательных предложений, направленных на совершенствование охраны права человека на изображение в соответствии со ст. 152.1 ГК РФ); логический (для интерпретации теоретических и законодательных положений, структурированного и логического изложения материала).

Результаты и их обсуждение

Право гражданина на изображение охраняют, прежде всего, положения специальной нормы – ст. 152.1 «Охрана изображения гражданина» ГК РФ. Введённая в Гражданский кодекс РФ в декабре 2006 г.[2], она заменила собой регулировавшую защиту этого права до 2007 г. ст. 514 ГК РСФСР 1964 г. «Охрана интересов гражданина, изображенного в произведении изобразительного искусства» раздела IV «Авторское право». Учитывая местоположение новой нормы – гл. 8 ГК РФ «Нематериальные блага и их защита», право на изображение относится к личным неимущественным правам человека.

Согласно п. 1 ст. 152.1 ГК РФ, обнародование и дальнейшее использование изображения гражданина, а к нему законодатель относит среди прочего его фотографии, видеозаписи или произведения

[1] Ваше фото уже на надгробье: кто и зачем нелегально использует ваши соцсети. URL: https://www.m24.ru/articles/obshchestvo/29082019/155931 (дата обращения: 12.10.2022).

[2] О введении в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации: федер. закон от 18 дек. 2006 г. № 231-ФЗ [ред. от 30.12.2015]. URL: https://www.consultant/cons_doc_LAW_64630 (дата обращения: 09.09.2022).

изобразительного искусства, на которых он изображен, допускаются только с его согласия. После смерти изображенного такое согласие должно быть получено у его детей и пережившего супруга, а при их отсутствии необходимо согласие родителей умершего лица.

Указанная норма содержит и исключения из указанного положения в части наличия согласия изображенного человека. Оно не требуется, если: изображение используется в государственных, общественных или иных публичных интересах; изображение было получено при съемке, проведенной в местах, открытых для свободного посещения или на публичных мероприятиях (собраниях, съездах, конференциях, концертах, представлениях, спортивных соревнованиях и подобных мероприятиях), за исключением случаев, когда такое изображение является основным объектом использования; гражданин позировал за плату.

Если проводить сравнительный анализ двух норм – ст. 514 ГК РСФСР 1964 г. и ст. 152.1 ГК РФ – содержание и способы защиты права гражданина на изображение в определенной части изменились. *Во-первых*, законодатель изменил состав охраняемых объектов и предпринял попытку разграничить понятия «изображение гражданина» и «произведение искусства», указав, что именно первое подлежит защите. *Во-вторых,* претерпел изменения круг лиц, согласие которых обязательно для использования изображения умершего родственника (и это родители)[1] [2, с. 59]. *В-третьих,* расширен перечень случаев, когда не нужно согласия изображенного (пп. 2 п. 1 ст. 152.1 ГК РФ, съемка в местах, открытых для свободного посещения, или на публичных мероприятиях, за исключением случаев, когда такое изображение является основным объектом использования). *В-четвертых*, право человека на изображение подвергается нарушению посредством использования виновным уже размещенных владельцем своих фотографий или видеоизображения или их незаконного обнародования другим лицом в социальных сетях, на сайтах, прочих платформах сети Интернет, что создает риски совершения преступлений против изображенного лица. В этой связи правоведы считают необходимым наделить диспозицию ст. 137 «Нарушение неприкосновенности частной жизни» УК РФ соответствующим квалифицирующим признаком [3, с. 18]. Л. А. Букалерова и А. В. Остроушко, приводя в пример нормы зарубежного уголовного права, предлагают признать преступлением незаконное использование изображения другого человека в СМИ, социальных сетях, по ТВ без его согласия [4, с. 44]. Основанием для наступления уголовной ответственности, как считают юристы, могут быть неприличные, порочащие комментарии в отношении изображенного лица [5, с. 189; 6, с. 43]. *В-пятых*, если по прежнему ГК РСФСР охрана изображения гражданина считалась нормой авторского права, то теперь это один из институтов охраны нематериальных благ.

Учитывая вред, причиняемый человеку размещением его изображения в общем доступе в отсутствие его согласия, гражданин вправе требовать удаления этого изображения, а также пресечения или запрещения дальнейшего его распространения (п. 3 ст. 152.1 ГК РФ). В соответствии с п. 2 ст. 152.1 ГК РФ, если право на охрану изображения нарушено, то гражданин может требовать в судебном порядке не только изъятия из оборота, но и уничтожения изготовленных в целях введения в гражданский оборот и находящихся в обороте экземпляров материальных носителей с его изображением.

[1] В этой связи в теории предлагается закрепить в ГК РФ норму о необходимости истребования письменного нотариально удостоверенного волеизъявления умершего лица на использование его изображения, а при отсутствии такового – нотариально удостоверенного согласия совершеннолетних детей и пережившего супруга либо родителей.

Эти положения следует признать прогрессивным решением правотворца, развивающим институт защиты личных неимущественных прав человека и права на собственное изображение в частности. В этой связи И. А. Михайлова отмечает, что применение закрепленных способов защиты нематериальных благ способно действенно противостоять широко распространенным нарушениям в названной сфере и обеспечить более эффективную защиту нематериальных благ и личных неимущественных прав граждан [7, с. 4].

В исследованиях по проблеме охраны изображения человека без его согласия [8; 9; 10], в том числе его использования в рекламе товара, работы или услуги, обнародования в сети Интернет, ученые выделяют ряд актуальных проблем. Среди них: отсутствие дефиниций внешнего облика и изображения человека в гражданском законодательстве [11, с. 19; 12, с. 43] и точного определения исключений из права на изображение гражданина, в том числе позирования за плату [13, с. 49]; доказывание нарушения права на изображение гражданина в сети Интернет и выбора способов защиты нарушенного права [14, с. 107]; отчуждение права на изображение по согласию на возмездной основе [15, с. 59] и др. Рассмотрим некоторые из них.

К изображению гражданина ст. 152.1 ГК РФ относит *в том числе* фотографии, видеозаписи и предметы изобразительного искусства, на которых он изображен. Между тем формально-определенного термина «изображение» в российском законодательстве нет, а потому в теории активно дискутируется вопрос о его законодательном закреплении в ГК РФ. А есть ли в этом предложении теоретиков практический смысл?

В научных исследованиях ученые, как правило, ссылаются на «классические» определения слова «изображение» из работ В. И. Даля [16, с. 344], С. И. Ожегова [17, с. 239] и А. М. Эрделевского [18, с. 11], и в зависимости от их субъективного толкования выводят авторские оригинальные дефиниции этого понятия. Приведем некоторые из них: «изображение можно представить как совокупность сведений (информацию) об объекте или субъекте, позволяющих его индивидуализировать, выделить среди прочих подобных материальных субстанций» [14, с. 107]; «изображение – совокупность признаков (сведений), характеризующих тот или иной объект, а также субъект; информация, позволяющая выделить и индивидуализировать их среди других субстанций» [19, с. 109]; «изображение представляет собой индивидуальный облик человека, который может быть запечатлен в какой-либо объективной форме (картина, видеозапись, фотография и т. д.)» [20, с. 144] и др.

Разделяют ученые и понятия «изображение» и «внешний облик», полагая, что именно на защиту индивидуального облика и направлено право на изображение. С. П. Гришаев, к примеру, пишет, что «индивидуальный облик – это нематериальное благо, под которым в доктрине понимается неразрывная совокупность наружных признаков человека (внешность, фигура, физические данные, одежда и т. п.), воспринимаемых в виде целого или фрагментарного образа». Такого же мнения придерживается и А. М. Эрделевский, называя в числе защищаемых ст. 152.1 ГК РФ благ и тайну внешнего облика. В. А. Микрюков указывает, что «изображение гражданина представляет собой зафиксированный в определенный момент времени внешний целый или фрагментарный образ (облик) человека, визуально отличающий его от других людей» [21, с. 37]. В. С. Толстой характеризует внешний облик как систему признаков, «составляющих образ человека, а “компонентами” облика являются свойства, приобретённые человеком с рождения либо в процессе жизнедеятельности: цвет кожи, рост, волосы, осанка и др.» [22, с. 112]. Действительно, оба понятия не тождественны, что подтверждается и

диссертационными исследованиями [23, с. 14].

Примечательно, что и судебная практика разделяет эти два понятия. Так, в Апелляционном определении Судебной коллегии по гражданским делам Астраханского областного суда от 22 мая 2019 г. по делу № 33-1944/2019 указано, что «изображение гражданина представляет собой его индивидуальный облик, запечатленный в какой-либо объективной форме, в частности в произведении изобразительного искусства, на фотографии или в видеозаписи. Под индивидуальным обликом лица как нематериальным благом понимается неразрывная совокупность наружных признаков человека, воспринимаемых в виде целого или фрагментарного образа»[1].

Очевидно, что любое определение должно включать так называемые «критерии изображения» в юридическом смысле. Исходя из предложенных дефиниций в науке, главным, или основным, является критерий идентифицируемости личности изображенного человека в соответствии с индивидуальными особенностями этого физического лица. Именно его устанавливают суды общей юрисдикции при рассмотрении исков о признании использования изображения незаконным, взыскании денежных средств и компенсации морального вреда, о защите чести и достоинства в соответствии со ст. 152.1, 150 ГК РФ. К примеру, Ленинский районный суд г. Челябинска установил, что ответчик Б. разместил в социальной сети «ВКонтакте» в группе «Черный список, мошенники» фотографию истца П. без его согласия, а также текст рядом с его фотографией о том, что П. – брачный аферист, альфонс. Суд, удовлетворяя иск, в своем решении от 15 июня 2020 г. указал: «Разрешая настоящий спор, суд исходит из доказанности исковых требований П. о размещении в социальной сети «ВКонтакте» в группе «Черный список Челябинска» его фотографии, *идентифицирующих его личность*. При наличии в публикации фотографии, на которой изображен истец П., у суда не возникает сомнений в том, что речь идет о П.»[2].

Вместе с тем, говоря о критерии идентифицируемости, возникает вопрос о том, какая совокупность внешних признаков изображения должна устанавливаться, т. е. достаточно ли для идентификации изображенного лица определить один или несколько признаков схожести или следует устанавливать все? Именно потому в законе не нужна, на наш взгляд, точная, формально-определенная дефиниция изображения гражданина как максимально достоверного и полного визуального отображения, поскольку она позволит использовать искаженное изображение человека, когда оно подверглось частичному изменению внешних признаков. Нельзя вводить в закон и формулировку об отображении изображением некоторых внешних признаков изображенного человека, поскольку она приведет к широкому толкованию с вынесением неправосудных решений и нарушением прав граждан. В научной литературе уже приводились похожие примеры злоупотребления правом [24, с. 7].

Теоретики обращают внимание и на то, что в ст. 152.1 ГК РФ не определены формы выражения согласия гражданина на действия третьих лиц в отношении своего изображения [25, с. 254; 26, с. 44], что констатируют и суды[3]. В этой связи

[1] Апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Астраханского областного суда от 22.05.2019 по делу № 33-1944 // СПС «Гарант». URL: http://www.garant.ru (дата обращения: 12.09.2022).

[2] Решение Ленинского районного суда г. Челябинска от 15.06.2020 по делу № 2-139. URL: https://sudact.ru/regular/doc/GbuDe0yI19ox/ (дата обращения: 12.09.2022).

[3] Апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Челябинского областного суда от 10.09.2019 по делу № 11-11437 // СПС «Гарант». URL: http://www.garant.ru (дата обращения: 12.09.2022).

Пленум Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 в постановлении «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» в п. 46 дал соответствующие разъяснения. Вслед за ним суды практически в каждом решении приводят в качестве обоснования следующую формулировку: «Согласие гражданина по своей природе является сделкой, а потому оно может выражаться в устной, простой письменной или посредством совершения действий, явно говорящих о его воле на дальнейшее использование его изображения». В этой связи суды, признавая согласие на обнародование и использование собственного изображения гражданско-правовой сделкой, описывают условия, которые может содержать такое согласие. Например, «условие о сроке, на который согласие дается, условие ограничения или перечисления способов использования изображения (например, исключительно в рекламе или, напротив, лишь путем нанесения изображения на тот или иной товар и др.). Не исключается установление гражданином и территориальных пределов допустимого использования его изображения тем или иным способом»[1].

Отсутствие согласия лица на использование и дальнейшее распространение его изображения презюмируется[2]. В этой связи Конституционный Суд РФ в своем постановлении от 25 мая 2021 г. № 22-П «По делу о проверке конституционности пункта 8 части 1 статьи 6 Федерального закона «О персональных данных» в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «МедРейтинг» указал, что размещение гражданином в сети Интернет собственного изображения и его общедоступность не порождают права других лиц на его свободное использование без получения на это согласия владельца фото- или видеоизображения[3]. Напротив, в п. 48 постановления Пленума от 23 июня 2015 г. № 25 Верховный Суд РФ выражал ту же позицию, однако сделал существенную оговорку: «Обстоятельства размещения гражданином своего изображения в сети Интернет могут свидетельствовать о выражении таким лицом согласия на дальнейшее использование данного изображения, например, если это предусмотрено условиями пользования сайтом, на котором гражданином размещено такое изображение». А потому судебная практика неоднозначно оценивает размещение гражданином своего изображения в сети Интернет: если имеются конклюдентные действия изображенного лица – согласие с политикой распространения информации на вебсайте – суды признают, что другой пользователь имеет право использовать чужое изображение, размещенное на сайте или в социальной сети. Так, истец О. обратился в суд с иском к ЗАО «Экспресс газета», ЗАО «Издательский дом «Комсомольская правда», Ф. о защите права на изображение, мотивируя свои требования тем, что в газете неправомерно использовано его изображение – фотография. Савеловский районный суд г. Москвы решением от 16 декабря 2011 г. по делу № 11-2538 в удовлетворении иска отказал, поскольку «опубликованная фотография истца была получена ответчиками из социальной сети на сайте «…», где была размещена самим истцом наравне с другими своими изображениями, для обозрения неопределенным кругом лиц, имеющим доступ к данному сайту». Со-

[1] Решение Ворошиловского районного суда г. Волгограда от 09.06.2016 по делу № 2-1774. URL: https://sudact.ru/regular/doc/BdOmDlSRasQK/ (дата обращения: 14.09.2022).

[2] Апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Омского областного суда от 27.08.2014 по делу № 33-5474 // СПС «Гарант». URL: http://www.ga-rant.ru (дата обращения: 14.09.2022).

[3] По делу о проверке конституционности пункта 8 части 1 статьи 6 Федерального закона «О персональных данных» в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «МедРейтинг»: постановление Конституционного Суда РФ от 25 мая 2021 г. № 22-П // Российская газета. 2021. 8 июня.

гласно Апелляционному определению от 30 марта 2012 г. Судебная коллегия по гражданским делам Московского городского суда, рассмотрев жалобу О. на это решение, пришла к выводу: «Разместив спорную фотографию на сайте в открытом для неопределенного круга лиц доступе (факт размещения фотографий истцом на интернет-странице в ходе судебного разбирательства не оспаривался), истец фактически своими действиями выразил добровольное волеизъявление на обнародование своего изображения, его обсуждение, дачу пользователями сайта своих оценок фотографиям истца»[1].

В то же время Московский городской суд принял противоположное решение. В нем, не соглашаясь с доводами ответчика, что фотографии истца Стаса Михайлова и Инги Михайловой размещены в социальных сетях «ВКонтакте», «Twitter», он указал, что наличие изображения в свободном доступе на страницах социальных сетей гражданина не означает возникновения права его использования иными лицами без согласия владельца[2]. Очевидно, что подход судов по оценке одних и тех же обстоятельств является субъективным.

В юридической литературе поднимается вопрос и о том, какие места являются открытыми для свободного посещения, тождественны ли они общественным местам и что понимать под публичными мероприятиями, поскольку развернутых определений двух понятий нет. И если в отношении публичных мероприятий законодатель дает какой-то перечень (собрания, съезды, конференции, концерты, представления, спортивные соревнования), то каких-либо четких ориентиров для трактовки мест, открытых для свободного посещения, нет. Теоретики в попытке найти их толкование прибегают к помощи комментариев к КоАП РФ, когда в качестве примера общественных мест их авторы называют улицы, стадионы, скверы, парки, транспортные средства общего пользования [10, с. 49], т. е. места, которые может посетить каждый. Не каждый желающий при этом может посетить закрытые мероприятия, хотя они проводятся и в общественном месте. Для устранения указанных сомнений в уяснении этих понятий необходимо определить признаки таких мероприятий и мест. А пока судебная практика методом исключения определяет, что не является публичным мероприятием. Например, Апелляционным определением Московского городского суда от 28 марта 2014 г. по делу № 33-10144 признано, что «личный прием не является публичным мероприятием, изображение с которого может быть обнародовано без согласия. Доказательств того, что в момент фотоснимка проводилось публичное мероприятие, в деле не имеется, напротив, в самой статье указано, что ответчик приехала на личный прием к начальнику УФСИН. Доводы апелляционной жалобы в данной части подлежат отклонению за необоснованностью»[3]. В определении Санкт-Петербургского городского суда от 27 марта 2012 г. по делу № 33-3301/2012 говорится, что «видеосъёмка, проводимая камерами наблюдения, установленными в местах общего пользования собственников многоквартирного дома, не является съемкой, проводимой в местах, открытых

[1] Апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда от 30.03.2012 по делу № 11-2538 // СПС «Гарант». URL: http://www.garant.ru (дата обращения: 14.09.2022).

[2] Апелляционное определение Московского городского суда от 28.03.2014 по делу № 33-10144 // СПС «Гарант». URL: http://www.garant.ru (дата обращения: 12.09.2022).

[3] Апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Омского областного суда от 24.08.2016 по делу № 33-8030 // СПС «Гарант». URL: http://www. garant.ru (дата обращения: 12.09.2022).

для свободного посещения, или на публичных мероприятиях»[1].

Изображение гражданина не должно быть основным объектом использования, однако и само понятие «объекта» нуждается в разъяснении. Толкование того, когда изображение гражданина не является таковым, можно найти в решениях судебных инстанций разного уровня. Так, если на фотографии изображены два лица и изображение второго находится на так называемом «заднем плане», то первое лицо может считаться основным объектом использования, однако при этом также необходимо учитывать, в каких местах выполнены данные фотографии[2], или изображение гражданина на фотографии, сделанной в публичном месте, не будет являться основным объектом использования, если в целом снимок отображает информацию о проведенном публичном мероприятии, на котором он был сделан[3]. Иными словами, основным запечатленным объектом являются именно обстановка или мероприятие, в которых изображение гражданина не превалирует над общей композицией.

Указанные подходы правоприменителя теоретики подвергают сомнению на основании различных примеров несоответствия указанному правилу различных ситуаций (к примеру, если на снимке запечатлен известный человек на фоне красивого пейзажа – заката солнца или морского побережья), а потому определить, является ли изображение основным объектом использования или нет, они предлагают двумя способами: по форме изображения, установив, для чего оно используется (посвящена ли изображенному вся публикация на веб-сайте или в газете, либо речь идет о деятельности какой-то организации), а также по процентному порогу, т. е. по соотношению изображения гражданина с другой частью фотографии [24, с. 68]. Противники такого подхода приводят аргументы, что нужны дополнительные критерии для достоверности, поскольку одно процентное соотношение при равенстве пропорции на изображении опять не разрешит обозначенную проблему. Во избежание неединообразия судебной практики законодательно следует установить критерии основного объекта использования.

В теории обсуждается и вопрос о защите права на изображение человека, когда оно используется на разных материальных носителях (плакаты, сумки, пакеты, ручки, одежда, открытки, фильмы, фото, видео, сделанные третьим лицом на телефон и др.). В изученном массиве судебных решений встречались требования о компенсации морального вреда в связи с использованием изображения подобным способом. Так, Анатолий Вассерман обращался в суд с исковым заявлением к ООО «Мэриджейн», которое незаконно осуществляло изготовление футболки с использованием его изображения и псевдонима и последующую ее продажу[4]. В этой связи следует поддержать предложения цивилистов о дополнении ст. 152.1 ГК РФ открытым перечнем материальных носителей, на которых может быть изображено лицо [2, с. 59].

[1] Определение Санкт-Петербургского городского суда от 27.03.2012 по делу № 33-3301. СПС «Гарант». URL: http://www.garant.ru (дата обращения: 12.09.2022).

[2] Вопросы, возникающие у судов при рассмотрении дел о защите принадлежащих гражданам нематериальных благ. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/15246364/ (дата обращения: 14.09.2022).

[3] Апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда от 16.12.2019 по делу № 33-54324; Апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Омского областного суда от 17.07.2019 по делу № 33-4496 // СПС «Гарант». URL: http://www.garant.ru (дата обращения: 14.09.2022).

[4] Решение Басманного районного суда г. Москвы от 14.06.2012 по делу № 2-330. URL: https://sudact.ru/regular/doc/sBEmi7kZKHdn/ (дата обращения: 14.09.2022).

Выводы

На сегодняшний день остается много проблем, связанных с охраной изображения гражданина. К ним относится отсутствие дефиниции изображения, его четких признаков, а также неупоминание в ст. 152.1 ГК РФ внешнего облика человека как самостоятельного нематериального блага. Не разъясняются указанной нормой и понятия основного объекта использования, мест, открытых для свободного посещения, что вызывает путаницу в их толковании. Не разрешена проблема формы получения согласия гражданина на обнародование и дальнейшее использование его изображения, что особенно актуально для получения согласия в отношении изображений, размещенных пользователем в сети Интернет. Для внесения ясности и единообразия судебной практики в понимание того, что является изображением и внешним обликом, законодатель вполне может использовать приводимые в работе формулировки, разработанные учеными и фактически применяемые, апробированные судебной практикой.

Для разрешения сложностей, возникающих с толкованием согласия гражданина на его изображение, возможно предложить уточнение ст. 152.1 ГК РФ в части установления письменной формы или иных способов выражения согласия, свидетельствующих о нем. Для эффективной охраны изображения человека требуется дополнение ст. 152.1 понятием внешнего облика и открытым перечнем материальных носителей, на которых может быть изображено лицо. Изложенное позволяет сделать вывод о необходимости дальнейшего теоретического и практического осмысления содержания рассмотренной нормы для разработки предложений по устранению названных и других пробелов.

Список литературы

1. Фридман В. Э. Право на изображение: особенности правового регулирования и способы защиты // Авторское право и смежные права. 2019. № 8. С. 45–56.

2. Мограбян А. С. Актуальные проблемы защиты права физического лица на собственное изображение // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. 2014. № 3 (24). С. 55–60.

3. Баринов С. В. Распространение сведений о частной жизни как способ совершения преступления // Российский следователь. 2015. № 8. С. 15–19.

4. Букалерова Л. А., Остроушко А. В. Информация, содержащая фотографии (изображения) человека, нуждается в уголовно-правовой защите // Правовые вопросы связи. 2007. № 1. С. 39–45.

5. Павлинов А. А. Уголовная ответственность за нарушение неприкосновенности частной жизни // Пробелы в российском законодательстве. 2013. № 6. С. 187–191.

6. Латыпова Э. Ю. Некоторые аспекты уголовной ответственности за деяния, посягающие на неприкосновенность частной жизни // Oeconomia et Jus. 2019. № 2. С. 35–45.

7. Михайлова И. А. Личные неимущественные права и нематериальные блага: традиционное понимание и новые подходы // Законы России: опыт, анализ, практика. 2012. № 4. С. 3–9.

8. Вишнепольская И. Использование изображения гражданина: проблемы и риски // Хозяйство и право. 2013. № 9(440). С. 65–73.

9. Гаврилов Э. Защита внешнего облика и охрана изображения гражданина // Хозяйство и право. 2015. № 10. С. 13–25.

10. Гришаев С. П. Право гражданина на изображение // Гражданин и право. 2012. № 9. С. 48–53.

11. Захаренко Д. С. Правовые проблемы использования изображения гражданина // Юрист. 2016. № 21. С. 17–21.

12. Слипченко С. А. Некоторые вопросы теории и практики личных неимущественных прав // Цивилист. 2011. № 2. С. 42–47.

13. Ильютович Д. А. Юридическое содержание права гражданина на изображение // Правовая информатика. 2015. № 3. С. 47–52.

14. Мазаев Д. В. Охрана изображения гражданина в сети Интернет // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2016. № 6 (113). С. 103–113.

15. Гришаев С. П., Николаева А. А. Проблемы правовой охраны права на изображение // Хозяйство и право. 2013. № 9(440). С. 57–64.

16. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 2. М.: Русский язык-Медиа, 2006. 779 с.

17. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 3-е изд. М.: Азъ, 1996. 960 с.

18. Эрделевский А. М. Об охране гражданина // Законодательство. 2007. № 7. С. 9–13.

19. Аблятипова Н. А., Цыганова Д. С. Проблемы охраны изображения человека в гражданском законодательстве Российской Федерации // Ученые записки Тамбовского отделения РоСМУ. 2019. № 14. С. 107–116.

20. Малеина М. Н. Личные неимущественные права граждан: понятие, осуществление, защита. М.: МЗ Пресс, 2001. 244 с.

21. Микрюков В. А. О возможности отмены согласия гражданина на использование его изображения // Юрист. 2013. № 13. С. 36–39.

22. Толстой В. С. Личные неимущественные правоотношения. М.: АПК и ППРО, 2009. 216 с.

23. Николаева А. А. Изображение гражданина: проблемы правового регулирования, использования, охраны и защиты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. 33 с.

24. Беляев В. А. Занимательная цивилистика // Законодательство. 2003. № 6. С. 6–14.

25. Аблятипова Н. А., Волкова И. Ю. Право гражданина на неприкосновенность изображения: анализ эффективности правоприменительной практики при определении критериев неправомерности использования // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2021. № 1. С. 251–260.

26. Микрюков В. А. О форме согласия гражданина на обнародование и дальнейшее использование его изображения // Законодательство и экономика. 2013. № 2. С. 42–46.

27. Иванов И. Портрет неизвестного // ЭЖ-Юрист. 2012. № 47. С. 13–15.

References

1. Friedman V. E. Pravo na izobrazhenie: osobennosti pravovogo regulirovaniya i sposoby zashchity [Image rights: features of legal regulation and methods of protection]. *Avtorskoe pravo i smezhnye prava = Copyright and related rights*, 2019, no. 8, pp. 45–56.

2. Mograbyan A. S. Aktual'nye problemy zashchity prava fizicheskogo lica na sobstvennoe izobrazhenie [Actual problems of protecting the right of an individual to his own image]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 5. Yurisprudenciya = Bulletin of Volgograd State University. Series 5. Jurisprudence,* 2014, no. 3 (24), pp. 55–60.

3. Barinov S. V. Rasprostranenie svedenij o chastnoj zhizni kak sposob sovershenija prestupleniya [Dissemination of information about private life as a way to commit a crime]. *Rossijskij sledovatel' = Russian investigator*, 2015, no. 8, pp. 15–19.

4. Bukalerova L. A., Ostroushko A. V. Informaciya, soderzhashchaya fotografii (izobrazheniya) cheloveka, nuzhdaetsya v ugolovno-pravovoj zashchite [Information containing photographs (images) of a person needs criminal legal protection]. *Pravovye voprosy svyazi = Legal issues of communication*, 2007, no. 1, pp. 39–45.

5. Pavlinov A. A. Ugolovnaya otvetstvennost' za narushenie neprikosnovennosti chastnoj zhizni [Criminal liability for violation of privacy]. *Probely v rossijskom zakonodatel'stve = Gaps in Russian legislation,* 2013, no. 6, pp. 187–191.

6. Latypova E. Yu. Nekotorye aspekty ugolovnoj otvetstvennosti za deyaniya, posyagayushchie na neprikosnovennost' chastnoj zhizni [Some aspects of criminal liability for acts that infringe on privacy]. *Oeconomia et Jus*, 2019, no. 2, pp. 35–45.

7. Mikhailova I. A. Lichnye neimushchestvennye prava i nematerial'nye blaga: tradicionnoe ponimanie i novye podhody [Personal non-property rights and intangible goods: traditional understanding and new approaches]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika = Laws of Russia: experience, analysis, practice*, 2012, no. 4, pp. 3–9.

8. Vishnepolskaya I. Ispol'zovanie izobrazheniya grazhdanina: problemy i riski [Using the image of a citizen: problems and risks]. *Hozyajstvo i pravo = Economy and law,* 2013, no. 9 (440), pp. 65–73.

9. Gavrilov E. Zashchita vneshnego oblika i ohrana izobrazheniya grazhdanina [Protection of the appearance and protection of the image of a citizen]. *Hozyajstvo i pravo = Economy and law*, 2015, no. 10, pp. 13–25.

10. Grishaev S. P. Pravo grazhdanina na izobrazhenie [The right of a citizen to an image]. *Grazhdanin i pravo = Citizen and law,* 2012, no. 9, pp. 48–53.

11. Zakharenko D. S. Pravovye problemy ispol'zovaniya izobrazheniya grazhdanina [Legal problems of using the image of a citizen]. *Yurist = Lawyer*, 2016, no. 21, pp. 17–21.

12. Slipchenko S. A. Nekotorye voprosy teorii i praktiki lichnyh neimushchestvennyh prav [Some issues of the theory and practice of personal immaterial rights]. *Civilist = Civilist,* 2011, no. 2, pp. 42–47.

13. Ilyutovich D. A. Yuridicheskoe soderzhanie prava grazhdanina na izobrazhenie [Legal content of a citizen's right to image]. *Pravovaya informatika = Legal informatics*, 2015, no. 3, pp. 47–52.

14. Mazaev D. V. Ohrana izobrazheniya grazhdanina v seti Internet [Protection of the image of a citizen on the Internet]. *Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj yuridicheskoj akademii = Bulletin of the Saratov State Law Academy*, 2016, no. 6 (113), pp. 103–113.

15. Grishaev S. P., Nikolaeva A. A. Problemy pravovoj ohrany prava na izobrazhenie [Problems of legal protection of the right to image]. *Hozyajstvo i pravo = Economy and law*, 2013, no. 9(440), pp. 57–64.

16. Dal' V. I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka [Explanatory dictionary of the living Great Russian language]. Vol. 2. Moscow, Russkij yazyk-Media Publ., 2006. 779 p.

17. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka [Explanatory dictionary of the Russian language]. 3th ed. Moscow, Az" Publ., 1996. 960 p.

18. Erdelevskij A. M. Ob ohrane grazhdanina [On the protection of a citizen]. *Zakonodatel'stvo = Legislation*, 2007, no. 7, pp. 9–13.

19. Ablyatipova N. A., Tsyganova D. S. Problemy ohrany izobrazheniya cheloveka v grazhdanskom zakonodatel'stve Rossijskoj Federacii [Problems of protecting the image of a person

in the civil legislation of the Russian Federation]. *Uchenye zapiski Tambovskogo otdeleniya RoSMU = Scientific notes of the Tambov branch of the Russian Union of Young Scientists*, 2019, no. 14, pp. 107–116.

20. Maleina M. N. Lichnye neimushchestvennye prava grazhdan: ponyatie, osushchestvlenie, zashchita [Personal non-property rights of citizens: concept, implementation, protection]. Moscow, MZ Press, 2001. 244 p.

21. Mikryukov V. A. O vozmozhnosti otmeny soglasiya grazhdanina na ispol'zovanie ego izobrazheniya [On the possibility of canceling the consent of a citizen to use his image]. *Yurist = Lawyer*, 2013, no. 13, pp. 36–39.

22. Tolstoy V. S. Lichnye neimushchestvennye pravootnosheniya [Personal non-property legal relations]. Moscow, APK и PPRO Publ., 2009. 216 p.

23. Nikolaeva A. A. Izobrazhenie grazhdanina: problemy pravovogo regulirovaniya, ispol'zovaniya, ohrany i zashchity. Avtoref. diss. kand. yurid. nauk [Image of a citizen: problems of legal regulation, use, protection and protection. Cand. legal sci. abstract diss.]. Moscow, 2015. 33 p.

24. Belyaev V. A. Zanimatel'naya civilistika [Entertaining civilization]. *Zakonodatel'stvo = Legislation*, 2003, no. 6, pp. 6–14.

25. Ablyatipova N. A., Volkova I. Yu. Pravo grazhdanina na neprikosnovennost' izobrazheniya: analiz effektivnosti pravoprimenitel'noj praktiki pri opredelenii kriteriev nepravomernosti ispol'zovaniya [Citizen's right to image inviolability: an analysis of the effectiveness of law enforcement practice in determining the criteria for illegality of use]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki = Scientific notes of the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky. Legal sciences*, 2021, no. 1, pp. 251–260.

26. Mikryukov V. A. O forme soglasiya grazhdanina na obnarodovanie i dal'nejshee ispol'zovanie ego izobrazheniya [On the form of consent of a citizen for the publication and further use of his image]. *Legislation and economics = Zakonodatel'stvo i ekonomika*, 2013, no. 2, pp. 42–46.

27. Ivanov I. Portret neizvestnogo [Portrait of the unknown]. *EZH-Yurist = EZh-Lawyer*, 2012, no. 47, pp. 13–15.

Информация об авторе / Information about the Author

Каменский Максим Андреевич, кандидат юридических наук, заместитель начальника отдела административной работы, Постоянное представительство Республики Марий Эл при Президенте Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: login8@mail.ru,
ORCID: 0000-0001-6847-282X

Maksim A. Kamenskiy, Cand. of Sci. (Juridical), Deputy Head of Administrative Department, Permanent Mission of the Republic of Mari El to the President of Russian Federation, Moscow, Russian Federation,
e-mail: login8@mail.ru,
ORCID: 0000-0001-6847-282X

Оригинальная статья / Original article

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-6-23-36

CC BY 4.0

Об определении оснований неправомерности использования изображения гражданина (по данным правоприменительной практики по статье 152.1 Гражданского кодекса Российской Федерации)

И. М. Григорьева[1] ✉

[1]Арбитражный суд города Москвы
ул. Большая Тульская 17, г. Москва 115191, Российская Федерация

✉ e-mail: login8@mail.ru

Резюме

Актуальность. *В статье анализируются проблемы гражданско-правовой охраны изображения человека. Несмотря на внимание к этой теме научного сообщества, в правоприменительной практике остаётся немало дискуссионных вопросов, связанных с применением положений статьи 152.1 Гражданского кодекса Российской Федерации о защите права на неприкосновенность изображения.*

В статье излагаются результаты анализа решений судов по искам о признании использования изображения незаконным, взыскании денежных средств и компенсации морального вреда, о защите чести и достоинства, позволяющих сделать вывод о наличии разных подходов к оценке одних и тех же оснований неправомерности использования изображения гражданина.

Целью исследования *является выявление и уточнение оснований неправомерности использования изображения гражданина, в соответствии с которыми суды принимают решение о наличии нарушения права на его защиту.*

Задачи*: проанализировать постановления Конституционного Суда Российской Федерации, руководящие разъяснения Верховного Суда Российской Федерации, российскую судебную практику по делам о защите права на изображение гражданина и актуализировать содержание оснований неправомерности использования изображения гражданина, сложившиеся в судебной практике.*

Методология*. В процессе работы над исследованием использовались диалектико-материалистический, формально-юридический, системно-аналитический методы, а также методы анализа и синтеза.*

Результаты исследования *носят прикладной характер с элементами научной новизны в полученных выводах и направлены на повышение качества правоприменительной практики и достижение единообразия решений при рассмотрении исков о защите права на неприкосновенность чужого изображения.*

Вывод. *Проведенное исследование позволяет утверждать, что по делам о защите права на изображение гражданина единообразной практики не сложилось. Одно и то же основание неправомерного использования чужого изображения судами толкуется двояко, что требует разъяснений подобных случаев высшей судебной инстанцией.*

Ключевые слова*: право на изображение; изображение гражданина; нематериальные блага; внешний облик; согласие на использование изображения.*

Конфликт интересов*: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Для цитирования: Григорьева И. М. Об определении оснований неправомерности использования изображения гражданина (по данным правоприменительной практики по статье 152.1 Гражданского кодекса Российской Федерации) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2022. Т. 12, № 6. С. 23–36. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-6-23-36.

Поступила в редакцию 01.10.2022 Принята к публикации 02.11.2022 Опубликована 16.12.2022

© Григорьева И. М., 2022

On Determining the Grounds for the Unlawful USE of a Citizen's Image (According to Law Enforcement Practice Under Article 152.1 of the Civil Code of the Russian Federation)

Irina M. Grigorieva[1] ✉

[1]Arbitration Court of Moscow
17 Bolshaya Tulskaya Str., Moscow 115191, Russian Federation

✉ e-mail: login8@mail.ru

Abstract

***Relevance**. The article analyzes the problems of civil law protection of human images. Despite the attention to this topic of the scientific community, in law enforcement practice there are many discussion issues related to the application of the provisions of Article 152.1 of the Civil Code of the Russian Federation on the protection of the right to image inviolability.*

The article sets out the results of the analysis of court decisions on claims for declaring the use of the image illegal, collecting funds and compensation for moral damage, on the protection of honor and dignity, courts in accordance with Art. 152.1 of the Civil Code of the Russian Federation, allowing to conclude that there are different approaches to assessing the same grounds for the illegality of using the image of a citizen.

***The purpose** of the study is to identify and clarify the grounds for the misuse of the image of a citizen, according to which the courts decide on the existence of a violation of the right to defend it.*

***Objectives:** to analyze the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation, leading explanations of the Supreme Court of the Russian Federation, Russian judicial practice in cases on the protection of the right to an image of a citizen and to update the content of the grounds for the unlawful use of an image of a citizen that have developed in judicial practice.*

***Methodology**. In the process of working on the study, dialectical-materialistic, formal-legal, system-analytical methods, as well as methods of analysis and synthesis were used.*

***The results** of the study are applied in nature with elements of scientific novelty in the conclusions obtained and are aimed at improving the quality of law enforcement practice and achieving uniformity of decisions when considering claims for the protection of the right to inviolability of someone else's image.*

***Conclusion**. The study makes it possible to assert that there was no uniform practice in cases of protecting the right to portray a citizen. The same basis for the misuse of someone else's image by the courts is interpreted in two ways, which requires clarification of such cases by the highest court.*

***Keywords:** right to image; image of citizen; intangible goods; appearance; consent to use of image.*

***Conflict of interest:** The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Grigorieva I.M. On Determining the Grounds for the Unlawful USE of a Citizen's Image (According to Law Enforcement Practice Under Article 152.1 of the Civil Code of the Russian Federation). *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2022; 12(6): 23–26. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-6-23-26.

Received 01.10.2022 Accepted 02.11.2022 Published 16.12.2022

***

Введение

В эпоху информационных технологий и глобального их внедрения во все сферы жизнедеятельности общества изображение человека широко используется без его согласия, что нарушает неприкосновенность частной жизни, личной и семейной тайны, защиту которых как нематериальных благ провозглашает ст. 150 Гражданского кодекса Российской Федерации. Наиболее проблемными здесь являются: распространение изображения человека в средствах массовой информации против или поми-

мо его воли и в сети Интернет [11, с. 64]; искажение изображения людей в российских печатных изданиях; использование внешнего облика политических деятелей, актеров и других публичных людей в рекламе, их видеосъемка без согласия на нее; деаномизация личности посредством ее идентификации через изображение. Как отмечают криминологи и криминалисты, использование чужих фотографий или видеоизображения, в том числе размещенных владельцем в свободном доступе на сайтах и в социальных сетях, создает высокие риски совершения преступлений против изображенного лица [2, с. 18; 3, с. 44; 4, с. 189; 5, с. 43].

В современных условиях высокий уровень развития технических средств обработки информации позволяет, к примеру, распознавать практически любого человека по фото. Если раньше установить физическое лицо по фотографии было возможно только посредством его опознания третьими лицами, то в настоящее время биометрические технологии позволяют провести идентификацию физического лица, имеющего профиль в социальных сетях[1]. Еще в 2016 г. появилась первая программа Findface, анализировавшая изображение из базы данных «ВКонтакте», доступная для пользователей Интернета. Сервис, ставший популярным в том числе благодаря ненужности скачивания и предустановки программы на свои устройства (компьютер, телефон), сканирует фото или видеоизображение конкретного лица, опираясь на данные нейросети, и выдает подборку двойников и клонов. Пользователю требуется только браузер и Интернет.

В науке гражданского права проведен ряд научных исследований для разрешения этой актуальной проблемы. Среди них можно выделить труды Н. А. Аблятиповой [6; 7], И. Вишнепольской [8], С. П. Гришаева [9], Д. А. Ильютовича [10], Д. С. Захаренко [11], Д. В. Мазаева [12], М. Н. Малеиной [13], И. А. Михайловой [14], А. С. Мограбян [15], В. А. Микрюкова [16; 17; 18], С. А. Слипченко [19] и др. Вместе с тем в научных публикациях и научно-практических комментариях не всегда исследуется судебная практика по защите изображения гражданина и те основания, по которым правоприменитель выносит решение о нарушении права на внешний облик. Настоящее исследование направлено на формулирование новых практических положений, касающихся указанной проблемы.

Методология

В процессе исследования применен комплекс общенаучных и специальных методов юридической науки, среди них: диалектико-материалистический, методы анализа и синтеза, формально-юридический, системно-аналитический. Диалектико-материалистический метод позволил провести исследование особенностей модели охраны права человека на изображение, получившей закрепление в ст. 152.1 ГК РФ. Особое значение в методологии придавалось формально-юридическому методу, с помощью которого изучались гражданское законодательство, постановления Конституционного Суда РФ, руководящие разъяснения Верховного Суда РФ в постановлениях Пленума, решения судов, разрешающих по существу дела о защите прав лиц, чьи изображения используются, научные публикации, а также описывались полученные при проведении исследования результаты.

Системно-аналитический метод, методы анализа и синтеза позволили выявить и сформулировать критерии неправомерности использования изображения гражданина, охраняемого в соответствии со ст. 152.1 ГК РФ, апробированные российской правоприменительной практикой, комплексно и логически верно систематизировать материал.

[1] Питерский фотограф сравнил пассажиров метро с их профилями «ВКонтакте». URL: https://geektimes.ru/post/274356/ (дата обращения: 22.09.2022).

Результаты и их обсуждение

Право на неприкосновенность изображения относится к личным неимущественным правам человека. Оно обеспечивается в ГК РФ специальной нормой об охране изображения гражданина (ст. 152.1), расположенной в гл. 8 ГК РФ «Нематериальные блага и их защита». Новеллой гражданского законодательства эту норму назвать нельзя, поскольку ее аналог содержался в ст. 514 ГК РСФСР 1964 г. «Охрана интересов гражданина, изображенного в произведении изобразительного искусства» раздела IV «Авторское право».

По действующему ГК РФ ст. 152.1 содержит закрытый перечень случаев, в которых обнародование и использование изображения гражданина не нарушают права гражданина на изображение. Обнародование и дальнейшее использование изображения гражданина (в том числе его фотографии, а также видеозаписи или произведения изобразительного искусства, в которых он изображен) допускаются только с согласия этого гражданина. После смерти гражданина его изображение может использоваться только с согласия детей и пережившего супруга, а при их отсутствии – с согласия родителей. При этом п. 49 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» содержит разъяснения о том, что в случае смерти гражданина и всех перечисленных лиц (супруг, переживший изображенное лицо, дети, родители) какого-либо согласия для обнародования и использования изображения данного гражданина не требуется[1].

Эту позицию высшей судебной инстанции многие юристы не разделяют. По мнению В. Э. Фридмана, «распоряжение правом на обнародование изображения гражданина, т. е. воплощение его в каком-либо материальном носителе, по аналогии с правом обнародования, например, личной переписки или дневников наследодателя, может принадлежать также и иным наследникам по закону: этот перечень гораздо шире того круга лиц, который указан в ст. 152.1, и включает в себя наследников второй и последующих очередей (братья/сестры, дедушки/бабушки, племянники, дяди/тети наследодателя)» [20, с. 47].

Право гражданина на изображение не нарушается, по мнению законодателя, если он позировал за плату либо изображение используется в государственных, общественных или иных публичных интересах (эти случаи, к примеру, регламентируют Федеральный закон «О полиции», Закон РФ «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации» и др.), а также если изображение было получено при съемке, проведенной в местах, открытых для свободного посещения, или на публичных мероприятиях (собраниях, съездах, конференциях, концертах, представлениях, спортивных соревнованиях и подобных мероприятиях), за исключением случаев, когда такое изображение является основным объектом использования.

Как нематериальное благо право на неприкосновенность изображения гражданина является элементом права на неприкосновенность частной жизни и гарантируется ст. 23 и 24 Конституции РФ. Как неоднократно указывали суды, обнародование изображения гражданина без его согласия нарушает его право на неприкосновенность частной жизни и является нарушением его нематериальных благ[2], а основным средством ее защиты,

[1] О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2015. № 8.

[2] Апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Астраханского областного суда от 13.11.2019 по делу

кроме положений ст. 152.1 ГК РФ, является компенсация морального вреда (ст. 151 ГК РФ) [21, с. 59].

Охрана изображения гражданина связана и с охраной и защитой чести, достоинства, деловой репутации (ст. 152 ГК), его частной жизни (ст. 152.2 ГК РФ). Все названные нормы российского законодательства соответствуют положениям ст. 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод[1] и позиции Европейского суда по правам человека, изложенной им в постановлениях по делам Бургхартц против Швейцарии от 22.02.1994; Фон Ганновер (принцесса Ганноверская) против Германии от 24.06.2004; Шюссель против Австрии от 21.02.2002[2]. В них провозглашается, что неприкосновенность частной жизни распространяется и на изображение лица[3], а потому российские суды в своих решениях активно ссылаются на них. Изученные тексты решений судов разных субъектов РФ показали использование практически в каждом из них дословной формулировки, что «концепция частной жизни распространяется на аспекты, относящиеся к установлению личности, в частности, на имя лица, его физическую и психологическую неприкосновенность, на изображение лица» с перечислением состоявшихся решений Европейского суда[4].

Положениями ст. 152.1 ГК РФ закреплено абсолютное право на охрану изображения гражданина, что неоднократно подтверждалось судебными инстанциями различного уровня[5]. Каким же образом в судебной практике применяются указанные положения ст. 152.1 ГК РФ?

Анализ решений показывает, что при рассмотрении исков о неправомерных действиях, связанных с использованием изображения гражданина:

1. *Суды относят к нарушению права не само по себе обнародование или ис-*

№ 33-3928/2019; Апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Республики Коми от 20.06.2019 по делу № 33-3874/2019; Апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Республики Крым от 26.02.2019 по делу № 33-326/2019; Апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Санкт-Петербургского городского суда от 10.07.2018 по делу № 33-12969/2018 // СПС «Гарант». URL: http://www.garant.ru (дата обращения: 24.09.2022).

[1] Конвенция о защите прав человека и основных свобод (заключена в Риме 04.11.1950) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 2, ст. 163.

[2] Постановление ЕСПЧ от 22.02.1994 «Дело «Бургхартц (Burghartz) против Швейцарии» (жалоба № 16213/90); постановление ЕСПЧ от 24.06.2004 «Дело «Фон Ганновер (принцесса Ганноверская) (Von Hannover) против Германии» (жалоба № 59320/00); постановление ЕСПЧ от 21.02.2002 «Дело «Шюссель против Австрии» (жалоба № 42409/98) // КонсультантПлюс. URL: http://www.garant.ru (дата обращения: 24.09.2022).

[3] Решение Великолукского городского суда от 24.11.2020 по делу № 2-956/2020. URL: https://sudact.ru/regular/doc/iscW9zb98AWN/ (дата обращения: 22.09.2022).

[4] Решение Великолукского городского суда от 24.11.2020 по делу № 2-956/2020. URL: https://sudact.ru/regular/doc/iscW9zb98AWN/; решение Мичуринского городского суда от 17.04.2019 по делу № 2-249/2019. URL: https://sudact.ru/regular/doc/8HmWW43UTYQQ/; решение Ленинского районного суда г. Иркутска от 13.12.2019 по делу № 2-2268/2019. URL: https://sudact.ru/regular/doc/MPqFYuPMHmYs/; решение Центрального районного суда г. Красноярска от 22.06.2015 по делу № 2-1327/2015. URL: https://sudact.ru/regular/doc/1l5sXkwtfzY0; решение Ленинского районного суда г. Саранска от 11.07.2014 по делу № 2-2259/2014. URL: https://sudact.ru/regular/doc/Ex6ZHf4bA0p/ (дата обращения: 26.09.2022) и др.

[5] Апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда от 20.09.2019 по делу № 33-41775/2019 // СПС «Гарант». URL: http://www.garant.ru (дата обращения: 26.09.2022).

пользование изображения человека, а то, которое позволяет его идентифицировать. Так, в решении Ворошиловского районного суда г. Волгограда от 09.06.2016 по делу № 2-1774/2016 указано: «*Поскольку индивидуальный облик идентифицирует гражданина* в обществе, и каждый гражданин вправе формировать свою внешность по собственному усмотрению, сохранять и изменять ее, фиксировать в определенный момент времени путем фотографирования или видеосъемки, то само по себе изображение представляет собой часть сведений о личности человека, может составлять его личную тайну, в связи с чем любое использование и дальнейшая демонстрация изображения человека допускаются только с согласия изображенного лица»[1].

И другой пример. Кировский районный суд г. Омска, рассмотрев иск К. к Т.Р.Н. о возложении обязанности демонтировать видеокамеры и компенсации морального вреда, в решении от 10.10.2018 по делу № 2-4041/2018 установил следующее. Ответчик, являясь собственником квартиры в многоквартирном жилом доме, под предлогом обеспечения безопасности личного имущества, личной безопасности, фиксации неправомерных действий со стороны посторонних лиц, без согласия истцов установил в коридоре на 9 этаже многоквартирного жилого дома видеокамеры, а также оборудование, посредством которого ведется запись и хранение видеоматериалов. Эти материалы являются информацией, относящейся прямо или косвенно к ним как субъектам персональных данных. Видеосъемка, запись и хранение видеоматериалов, в том числе относящаяся прямо или косвенно к субъектам персональных данных, может осуществляться только с согласия в письменной форме, которого они не давали. Удовлетворяя частично исковые требования, суд обязал ответчика демонтировать три видеокамеры, установленные в коридоре девятого этажа первого подъезда жилого дома, однако основанием для такого решения послужило отсутствие согласия собственников помещений в многоквартирном доме на использование общего имущества для размещения ответчиком видеокамер.

Что касается изображения истцов, то суд указал, что видеокамеры фиксируют только действия, происходящие на лестничной площадке, коридоре и пространстве перед тамбуром, а дверь в принадлежащую истцам квартиру не попадает в зону видимости видеокамер. И поскольку видеокамеры установлены в публичном месте, ответчик получает «только тот объем информации, который доступен обычному наблюдателю, их установка не может нарушить право граждан на тайну личной жизни. Материалы видеосъемки в публичных местах и на охраняемой территории до передачи их для установления личности снятого человека не являются биометрическими персональными данными, обработка которых регулируется общими положениями Федерального закона «О персональных данных», *поскольку они не используются* владельцем видеокамеры *для установления личности*». В связи с этим суд не нашел оснований для удовлетворения требований о демонтаже видеокамер по указанному основанию и компенсации морального вреда[2].

2. *Судом исследуется вопрос о наличии испрошенного у изображенного на фото или видео лица согласия на обнародование, если оно используется для установления личности, то есть для его идентификации.* К примеру, в постановлении от 21 ноября 2017 г. № Ф07-

[1] Решение Ворошиловского районного суда г. Волгограда от 09.06.2016 по делу № 2-1774/2016. URL: https://sudact.ru/regular/doc/BdOmDlSRasQK/ (дата обращения: 24.09.2022).

[2] Решение Кировского районного суда г. Омска от 10.10.2018 по делу № 2-4041/2018. URL: https://sudact.ru/regular/doc/HTreJ9YnRBN/ (дата обращения: 24.09.2022).

11732/17 по делу № А42-342/2017 Арбитражный суд Северо-Западного округа указал: «Фотографические изображения, содержащиеся на документе “Пропуск” являются биометрическими персональными данными, поскольку характеризуют физиологические и биологические особенности человека, на основе которых *можно установить его личность путем сравнения фото* и *содержащихся на документе фамилии, имени и отчества с лицом предъявителя пропуска*. В этой связи суды сделали правомерный вывод о том, что обработка указанных данных должна осуществляться с соблюдением требований п. 1 ст. 11 Закона № 152-ФЗ, а именно при наличии согласия субъекта персональных данных»[1]. Определением Верховного Суда РФ от 5 марта 2018 № 307-КГ18-101 по делу № А42-342/2017 это постановление суда нижестоящей инстанции было оставлено без изменения[2]. Между тем суд первой инстанции, рассматривавший дело по существу, удовлетворил иск Учебно-спортивного центра Комитета по физической культуре и спорту Мурманской области и признал недействительным предписание Роскомнадзора по эпизоду, связанному с нарушением обработки биометрических персональных данных (фотографии) без письменного согласия субъекта персональных данных. Он согласился с истцом в части, что «использование фотографического изображения посетителя плавательного бассейна может быть произведено и на основании его устного согласия».

Опираясь на сложившуюся судебную практику, следует указать те основные положения, из которых исходит суд при оценке наличия (отсутствия) согласия на использование или обнародование изображения и требований к нему:

1) согласие необходимо получать на каждый конкретный вид, форму и цель использования изображения, тем более когда предполагаемое фрагментное использование «оторвано» от фактической обстановки, в которой производилось запечатление образа гражданина[3];

2) согласие необходимо, если единственной целью обнародования и использования изображения лица является удовлетворение обывательского интереса к его частной жизни либо извлечение прибыли[4];

3) если согласие на обнародование и использование изображения было дано в устной форме либо путем совершения конклюдентных действий, таким согласием охватывается использование изображения в том объеме и в тех целях, которые явствуют из обстановки, в которой оно совершалось[5];

4) ранее данное согласие гражданина на использование его изображения может быть отозвано в любое время. При этом лицо, которое обладало правом на использование данного изображения, может потребовать возмещения причинен-

[1] Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 21.11.2017 № Ф07-11732/17 по делу № А42-342/2017. URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/4KbVLYbF1eWl/ (дата обращения: 24.09.2022).

[2] Об отказе в передаче жалобы в Судебную коллегию Верховного Суда Российской Федерации: определение Верховного Суда РФ от 5 марта 2018 г. № 307-КГ18-101. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71793774/ (дата обращения: 24.09.2022).

[3] Апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Самарского областного суда от 04.08.2015 по делу № 33-8439/2015 // СПС «Гарант». URL: http://www.garant.ru (дата обращения: 24.09.2022).

[4] Апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Санкт-Петербургского городского суда от 28.01.2020 по делу № 33-1564/2020 // СПС «Гарант». URL: http://www.garant.ru (дата обращения: 24.09.2022).

[5] Апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Тверского областного суда от 25.06.2019 по делу № 33-2721/2019 // СПС «Гарант». URL: http://www.garant.ru (дата обращения: 24.09.2022).

ных ему таким отзывом убытков (ст. 15 ГК РФ)[1];

5) согласие на дальнейшее использование изображения гражданина в СМИ, полученного на публичном мероприятии, может быть выражено конклюдентными действиями: неуклонение от фотографирования и позирование фотографу[2];

6) согласие гражданина на фотографирование и позирование фотографу не свидетельствуют о его согласии на обнародование и использование фотографии[3];

7) необходимо получение согласия на обнародование вырезанного из общей фотографии изображения гражданина, если он не позировал фотографу[4];

8) если фотография отображает частную жизнь гражданина, выполнена на каких-либо семейных мероприятиях, то на ее обнародование необходимо согласие всех лиц, изображенных на фото[5].

3. *В судебном заседании устанавливаются обстоятельства, свидетельствующие о том, где производилась съемка, на которой получено изображение гражданина*. В качестве примера приведем дело, рассмотренное Ворошиловским районным судом г. Волгограда, решением которого от 9 июня 2016 г. по делу № 2-1774/2016 были удовлетворены исковые требования К. к клинике пластической хирургии. Суд обязал ответчика удалить из общего доступа фотографию с изображением истца и предписал прекратить использование ее изображения. Из обстоятельств по делу следует, что К. обратилась в клинику для получения информации по круговой подтяжке лица без намерения афишировать этот факт. При проведении консультации с врачом клиники была осуществлена видеосъемка с ее участием, однако согласия на использование ее изображения у нее не истребовалось. О том, что видеоролик с ее участием будет использоваться в рекламных целях на телевидении и в сети Интернет, ей не сообщалось, что повлекло нарушение её права на неприкосновенность частной жизни, личную тайну и право на изображение. В судебном заседании ответчик указал, что видеосъемка с участием истца производилась в ходе проведения публичного мероприятия – Дня молодости и красоты, анонсированного клиникой, как день открытых дверей, получения бесплатных консультаций пластических хирургов, что не требует согласия граждан на съемку.

Разрешая гражданско-правовой спор в пользу истца, суд обосновал свою позицию тем, что «*видеосъемка истца осуществлена не в рамках публичного открытого мероприятия*, о чем заявлено стороной ответчика, а непосредственно в ходе проводимой исключительно с К. врачебной консультации в медицинском кабинете врача клиники, что накладывает определенные условия на использование полученных при таких обстоятельствах видеоматериалов. Обнародование и дальнейшее использование изображения гражданина (в том числе его фотографии, а также видеозаписи или произведения изобразительного искусства, в которых

[1] Определение Московского городского суда от 30.07.2018 по делу № 4г-9067/2018. СПС «Гарант». URL: http://www.garant.ru (дата обращения: 24.09.2022).

[2] Апелляционное определение Московского городского суда от 16.02.2017 по делу № 33-1996/17 // СПС «Гарант». URL: http://www.garant.ru (дата обращения: 24.09.2022).

[3] Апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Новосибирского областного суда от 19.12.2017 по делу № 33-12280/2017 // СПС «Гарант». URL: http://www.garant.ru (дата обращения: 24.09.2022).

[4] Апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда от 26.10.2017 по делу № 33-43665/2017. СПС «Гарант» // URL: http://www.garant.ru (дата обращения: 24.09.2022).

[5] Вопросы, возникающие у судов при рассмотрении дел о защите принадлежащих гражданам нематериальных благ. URL: http://oblsud.uln.sudrf.ru/ (дата обращения: 26.09.2022).

он изображен) допускаются только с согласия этого гражданина, которое не было получено»[1].

Вместе с тем судебная практика демонстрирует противоположные подходы по этому критерию. В одних случаях суды устанавливают, является ли место, где производилась видеосъемка лица, публичным, а в других – было ли согласие истца на обнародование его изображения.

К примеру, в Бикинский городской суд Хабаровского края обратились с иском о защите права на изображение, удалении видеозаписи и компенсации морального вреда инспекторы ДПС ОГИБДД ОМВД РФ З. и Б. Один из истцов составлял, а другой присутствовал при составлении административного протокола по ст. 12.18 КоАП РФ на управлявшую автомобилем П. Она производила видеосъемку момента оформления на свой мобильный телефон. Суд установил, что видеозапись была размещена на странице пользователя К. в социальной сети «Одноклассники» в Интернете, на которой четко видно их изображение, служебное удостоверение с личными персональными данными. Указав, что на видеозаписи зафиксированы истцы – инспекторы ДПС *во время исполнения ими своих служебных полномочий*, суд удовлетворил иск на основании отсутствия их согласия на использование видеозаписи[2].

Подобное дело было рассмотрено Гатчинским городским судом Ленинградской области по иску о защите права на охрану изображения при аналогичных обстоятельствах, который занял противоположную позицию. Из текста его решения следует, что ответчик А. осуществлял видеосъемку истца С. во время несения им службы инспектором дорожно-патрульной службы ГИБДД УМВД России по Гатчинскому району при осуществлении надзора за дорожным движением. На распространенной ответчиком в сети Интернет на видеохостинге «Ютюб» и социальной сети «ВКонтакте» видеозаписи имеется изображение истца. При этом своего согласия на обнародование каким-либо способом своего изображения С. не давал. Суд отказал истцу в удовлетворении иска на том основании, что «при съемке в общественном месте сотрудника полиции, *находящегося при исполнении своих должностных обязанностей*, *согласия на видеосъемку, а, следовательно, и ее дальнейшее распространение, не требовалось*»[3].

Вступившие в силу решения двух указанных судов выявили и другое разночтение. Истцы в обоснование исковых требований приводили нарушение иных личных неимущественных прав обнародованием их собственного изображения – чести, достоинства и деловой репутации, поскольку под видеороликами инспекторов ДПС были оставлены комментарии пользователей социальных сетей и видеохостинга, в том числе в оскорбительной форме. В этой связи в обоих исках заявлялась компенсация морального вреда. Бикинский городской суд, указав, что требования о компенсации морального вреда подлежат удовлетворению, отметил, что высказывания в комментариях к видеозаписи изображения инспекторов ДПС, размещенной ответчиком публично в социальной сети Интернет на сайте «Одноклассники», содержат оскорбительную для истцов форму, унижающую их честь и достоинство. Данные высказывания стали доступными для неопределенного круга лиц, содержание которых выходит за допустимые пределы права на свободу выражения своих мне-

[1] Решение Ворошиловского районного суда г. Волгограда от 09.06.2016 по делу № 2-1774/2016. URL: https://sudact.ru/regular/doc/BdOmDlSRasQK/ (дата обращения: 26.09.2022).

[2] Решение Бикинского городского суда от 18.10.2017 по делу № 2-452/2017. URL: https://sudact.ru/regular/doc/9rmfERFhip6I/ (дата обращения: 14.10.2022).

[3] Решение Гатчинского городского суда от 04.04.2019 по делу № 2-540/2019. URL: https://sudact.ru/regular/doc/DgsDIVrTXGxN/ (дата обращения: 14.10.2022).

ний и убеждений. Гатчинский городской суд Ленинградской области, напротив, решил, что «оставленный к видеозаписи комментарий может являться по своей сути оскорблением, бранью и не может расцениваться как сведения, порочащие честь и достоинство истца, в порядке статьи 152 ГК РФ, поскольку образует состав административного правонарушения в форме оскорбления. На основании изложенного, суд не находит правовых оснований для удовлетворения требований истца».

4. *Суды дают оценку тому факту, используется ли изображение государственных, общественных и политических деятелей, актеров театра и кино, исполнителей песен в государственных, общественных или иных публичных интересах.* При этом судебная практика по делам СМИ, как правило, исходит из того, что публичный человек должен осознавать, что этот статус влечет за собой интерес к его частной жизни, что обуславливает возможность использования без согласия изображений популярных людей. К примеру, Савёловский районный суд г. Москвы в решении от 07.07.2016 по делу № 02-3980/2016, рассмотрев иск Сергея Безрукова к АО ИД «Комсомольская правда», разместившей публикацию о его вступлении в брак и свои фотографии, не нашел оснований нарушения права на охрану изображения и удовлетворения требований истца о взыскании компенсации за причинение морального вреда. Эту позицию подтвердил и Московский городской суд. Судебные инстанции указали, что «истец, будучи известным актером, в силу своего положения является публичным человеком, поэтому должен осознавать, что это автоматически влечет за собой усиление внимания в отношении *его частной и публичной жизни*. Информация о взаимоотношениях в семье, знакомстве с будущей супругой и отношениях с ней после заключения брака, желании иметь детей, относящаяся к публичной фигуре, которой является истец, представляет общественный интерес в качестве ориентира для формирования поведения людей, принятия либо непринятия тех или иных моральных ценностей и выбора образа жизни»[1].

Между тем и здесь судебная практика не может быть признана единообразной. Например, решением Савеловского районного суда г. Москвы от 22 июля 2014 г. по делу № 2-2601/2014, оставленным без изменения Московским городским судом, в удовлетворении исковых требований певца Михаила Муромова к ООО «Ньюс Медиа» и газете «Твой день» было отказано. Истец посчитал, что опубликование изображения в статье под заголовком «Яблоко раздора» о том, что «психбольной через суд отнимает у автора песни «Яблоки на снегу» Михаила Муромова квартиру» без его согласия является нарушением права на неприкосновенность частной жизни и охрану изображения.

Савеловский суд г. Москвы отмечал, что «публикация данной статьи, иллюстрированная изображением истца, осуществлена в публичных интересах, поскольку содержит объективное освещение судебного процесса с участием истца как публичной персоны, а потому вмешательством в частную жизнь истца, а равно посягающей на изображение истца признана быть не может. Учитывая то, что истец является публичной фигурой, публикация указанной статьи и иллюстрация ее фотографией истца не требует его согласия»[2]. Отменяя апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда от 18 декабря 2014 г., Судеб-

[1] Апелляционное определение Московского городского суда от 02.02.2017 по делу № 33-3582/2017. URL: https://mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/appeal-civil/details/7f1be1cb-f7f5-4555-a996-5709ca573f16 (дата обращения: 24.09.2022).

[2] Решение Савеловского районного суда от 22.07.2014 по делу № 2-2601/2014. URL: https://sudact.ru/regular/doc/Am96vjajTHYq/ (дата обращения: 24.09.2022).

ная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ в определении от 29.09.2015 № 5-КГ15-122, привела следующее обоснование: «Публикация фотографий и статей, единственной целью которых является удовлетворение любопытства определенных читателей в отношении подробностей частной жизни лица, не может считаться вкладом в обсуждение вопросов общественной значимости, несмотря на то, что заявитель широко известен общественности. В статье не освещалась деятельность истца как публичной персоны. С учетом изложенного вывод суда о том, что согласие М. В. Муромова на публикацию его фотографии не требовалось, нельзя признать правильным, поскольку судом при рассмотрении дела не было установлено обстоятельств, перечисленных в ст. 152.1 ГК Российской Федерации, позволяющих обнародовать изображение гражданина без его согласия»[1]. Эту позицию Мосгорсуд обосновал в своем апелляционном определении по делу Стаса и Инги Михайловых к «Экспресс газете»[2]. Содержится она и во многих других решениях судебных коллегий судов субъектов[3].

Очевидно, что в подобных ситуациях следует исходить из необходимости разграничения «личного» и «публичного». Нарушением права на охрану изображения следует признавать обнародование и использование изображения в тех случаях, когда изображение публичных лиц не было связано с их политической или общественной деятельностью или наличием общественно значимого интереса к ним.

Выводы

1. При рассмотрении исков о признании использования изображения незаконным, взыскании денежных средств и компенсации морального вреда, о защите чести и достоинства в соответствии со ст. 152.1 ГК РФ основаниями неправомерности использования изображения суды устанавливают наличие или отсутствие: возможности идентификации человека по фото или видеоизображению; согласия изображенного лица на фото или видео; непубличности места производства съемки; государственных, общественных или иных публичных интересов в изображении публичных людей.

2. Проведенное исследование позволяет утверждать, что правоприменительная практика по делам о защите права на изображение гражданина не является единообразной. Тождественные основания неправомерного использования чужого изображения получают разную, взаимоисключающую оценку суда. Для защиты нарушенного права человека на неприкосновенность изображения и обеспечения надлежащего восстановления прав истца по делам этой категории требуются разъяснения подобных случаев высшей судебной инстанции.

[1] Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 29.09.2015 № 5-КГ15-122. URL: https://www.zakonrf.info/suddoc/9c2a43d53fa (дата обращения: 24.09.2022).

[2] Апелляционное определение Московского городского суда от 28.03.2014 по делу № 33-10144. СПС «Гарант» // URL: http://www.garant.ru (дата обращения: 24.09.2022).

[3] Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 12.11.2019 по делу № 14-КГ19-15; определение Судебной коллегии по гражданским делам Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 21.01.2020 по делу № 8Г-3170/2019; Апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Республики Башкортостан от 16.01.2020 по делу № 33-748/2020 // СПС «Гарант». URL: http://www.garant.ru (дата обращения: 24.09.2022).

Список литературы

1. Ступина С. А. Отдельные вопросы защиты права гражданина на изображение // Эпоха науки. 2018. № 16. С. 62–67.

2. Баринов С. В. Распространение сведений о частной жизни как способ совершения преступления // Российский следователь. 2015. № 8. С. 15–19.

3. Букалерова Л. А., Остроушко А. В. Информация, содержащая фотографии (изображения) человека, нуждается в уголовно-правовой защите // Правовые вопросы связи. 2007. № 1. С. 39–45.

4. Павлинов А. А. Уголовная ответственность за нарушение неприкосновенности частной жизни // Пробелы в российском законодательстве. 2013. № 6. С. 187–191.

5. Латыпова Э. Ю. Некоторые аспекты уголовной ответственности за деяния, посягающие на неприкосновенность частной жизни // Oeconomia et Jus. 2019. № 2. С. 35–45.

6. Аблятипова Н. А., Цыганова Д. С. Проблемы охраны изображения человека в гражданском законодательстве Российской Федерации // Ученые записки Тамбовского отделения РоСМУ. 2019. № 14. С. 107–116.

7. Аблятипова Н. А., Волкова И. Ю. Право гражданина на неприкосновенность изображения: анализ эффективности правоприменительной практики при определении критериев неправомерности использования // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2021. № 1. С. 251–260.

8. Вишнепольская И. Использование изображения гражданина: проблемы и риски // Хозяйство и право. 2013. № 9(440). С. 65–73.

9. Гришаев С. П., Николаева А. А. Проблемы правовой охраны права на изображение // Хозяйство и право. 2013. № 9(440). С. 57–64.

10. Ильютович Д. А. Юридическое содержание права гражданина на изображение // Правовая информатика. 2015. № 3. С. 47–52.

11. Захаренко Д. С. Правовые проблемы использования изображения гражданина // Юрист. 2016. № 21. С. 17–21.

12. Мазаев Д. В. Охрана изображения гражданина в сети Интернет // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2016. № 6 (113). С. 103–113.

13. Малеина М. Н. Личные неимущественные права граждан: понятие, осуществление, защита. М.: МЗ Пресс, 2001. 244 с.

14. Михайлова И. А. Личные неимущественные права и нематериальные блага: традиционное понимание и новые подходы // Законы России: опыт, анализ, практика. 2012. № 4. С. 3–9.

15. Мограбян А. С. Актуальные проблемы защиты права физического лица на собственное изображение // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. 2014. № 3 (24). С. 55–60.

16. Микрюков В. А. Субъектно-временные пределы охраны изображения гражданина // Юрист. 2013. № 4. С. 3–8.

17. Микрюков В. А. О форме согласия гражданина на обнародование и дальнейшее использование его изображения // Законодательство и экономика. 2013. № 2. С. 42–46.

18. Микрюков В. А. О возможности отмены согласия гражданина на использование его изображения // Юрист. 2013. № 13. С. 36–39.

19. Слипченко С. А. Некоторые вопросы теории и практики личных неимущественных прав // Цивилист. 2011. № 2. С. 42–47.

20. Фридман В. Э. Право на изображение: особенности правового регулирования и способы защиты // Авторское право и смежные права. 2019. № 8. С. 45–56.

21. Николаева А. А. Проблемы правовой охраны права на изображение // Хозяйство и право. 2013. № 6. С. 57–64.

References

1. Stupina S. A. Otdel'nye voprosy zashchity prava grazhdanina na izobrazhenie [Certain issues of protecting the right of a citizen to image]. *Epoha nauki = Epoch of science*, 2018, no. 16, pp. 62–67.

2. Barinov S. V. Rasprostranenie svedenij o chastnoj zhizni kak sposob sovershheniya prestupleniya [Dissemination of information about private life as a way to commit a crime]. *Rossijskij sledovatel' = Russian investigator*, 2015, no. 8, pp. 15–19.

3. Bukalerova L. A., Ostroushko A. V. Informaciya, soderzhashchaya fotografii (izobrazheniya) cheloveka, nuzhdaetsya v ugolovno-pravovoj zashchite [Information containing photographs (images) of a person needs criminal legal protection]. *Pravovye voprosy svyazi = Legal issues of communication*, 2007, no. 1, pp. 39–45.

4. Pavlinov A. A. Ugolovnaya otvetstvennost' za narushenie neprikosnovennosti chastnoj zhizni [Criminal liability for violation of privacy]. *Probely v rossijskom zakonodatel'stve = Gaps in Russian legislation,* 2013, no. 6, pp. 187–191.

5. Latypova E. Yu. Nekotorye aspekty ugolovnoj otvetstvennosti za deyaniya, posyagayushchie na neprikosnovennost' chastnoj zhizni [Some aspects of criminal liability for acts that infringe on privacy]. *Oeconomia et Jus*, 2019, no. 2, pp. 35–45.

6. Ablyatipova N. A., Tsyganova D. S. Problemy ohrany izobrazheniya cheloveka v grazhdanskom zakonodatel'stve Rossijskoj Federacii [Problems of protecting the image of a person in the civil legislation of the Russian Federation]. *Uchenye zapiski Tambovskogo otdeleniya RoSMU = Scientific notes of the Tambov branch of the Russian Union of Young Scientists*, 2019, no. 14, pp. 107–116.

7. Ablyatipova N. A., Volkova I. Yu. Pravo grazhdanina na neprikosnovennost' izobrazheniya: analiz effektivnosti pravoprimenitel'noj praktiki pri opredelenii kriteriev nepravomernosti ispol'zovaniya [Citizen's right to image inviolability: an analysis of the effectiveness of law enforcement practice in determining the criteria for illegality of use]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki = Scientific notes of the Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky. Legal sciences*, 2021, no. 1, pp. 251–260.

8. Vishnepolskaya I. Ispol'zovanie izobrazheniya grazhdanina: problemy i riski [Using the image of a citizen: problems and risks]. *Hozyajstvo i pravo = Economy and law,* 2013, no. 9(440), pp. 65–73.

9. Grishaev S. P., Nikolaeva A. A. Problemy pravovoj ohrany prava na izobrazhenie [Problems of legal protection of the right to image]. *Hozyajstvo i pravo = Economy and law*, 2013, no. 9(440), pp. 57–64.

10. Ilyutovich D. A. Yuridicheskoe soderzhanie prava grazhdanina na izobrazhenie [Legal content of a citizen's right to image]. *Pravovaya informatika = Legal informatics*, 2015, no. 3, pp. 47–52.

11. Zakharenko D. S. Pravovye problemy ispol'zovaniya izobrazheniya grazhdanina [Legal problems of using the image of a citizen]. *Yurist = Lawyer*, 2016, no. 21, pp. 17–21.

12. Mazaev D. V. Ohrana izobrazheniya grazhdanina v seti Internet [Protection of the image of a citizen on the Internet]. *Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj yuridicheskoj akademii = Bulletin of the Saratov State Law Academy*, 2016, no. 6 (113), pp. 103–113.

13. Maleina M. N. Lichnye neimushchestvennye prava grazhdan: ponyatie, osushchestvlenie, zashchita [Personal non-property rights of citizens: concept, implementation, protection]. Moscow, MZ Press, 2001. 244 p.

14. Mikhailova I. A. Lichnye neimushchestvennye prava i nematerial'nye blaga: tradicionnoe ponimanie i novye podhody [Personal non-property rights and intangible goods: traditional understanding and new approaches]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika = Laws of Russia: experience, analysis, practice*, 2012, no. 4, pp. 3–9.

15. Mograbyan A. S. Aktual'nye problemy zashchity prava fizicheskogo lica na sobstvennoe izobrazhenie [Actual problems of protecting the right of an individual to his own image]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 5: Yurisprudenciya = Bulletin of Volgograd State University. Series 5: Jurisprudence,* 2014, no. 3 (24), pp. 55–60.

16. Mikryukov V. A. Sub'ektno-vremennye predely ohrany izobrazheniya grazhdanina [Subject-time limits for protecting the image of a citizen]. *Yurist = Lawyer*, 2013, no. 4, pp. 3–8.

17. Mikryukov V. A. O forme soglasiya grazhdanina na obnarodovanie i dal'nejshee ispol'zovanie ego izobrazheniya [On the form of consent of a citizen for the publication and further use of his image]. *Zakonodatel'stvo i ekonomika = Legislation and economics*, 2013, no. 2, pp. 42–46.

18. Mikryukov V. A. O vozmozhnosti otmeny soglasiya grazhdanina na ispol'zovanie ego izobrazheniya [On the possibility of canceling the consent of a citizen to use his image]. *Yurist = Lawyer*, 2013, no. 13, pp. 36–39.

19. Slipchenko S. A. Nekotorye voprosy teorii i praktiki lichnyh neimushchestvennyh prav [Some issues of the theory and practice of personal immaterial rights]. *Civilist = Civilist,* 2011, no. 2, pp. 42–47.

20. Friedman V. E. Pravo na izobrazhenie: osobennosti pravovogo regulirovaniya i sposoby zashchity [Image rights: features of legal regulation and methods of protection]. *Avtorskoe pravo i smezhnye prava = Copyright and related rights*, 2019, no. 8, pp. 45–56.

21. Nikolaeva A. A. Problemy pravovoj ohrany prava na izobrazhenie [Problems of legal protection of the right to image]. *Hozyajstvo i pravo = Economy and law*, 2013, no. 6, pp. 57–64.

Информация об авторе / Information about the Author

Григорьева Ирина Михайловна, кандидат юридических наук, судья, Арбитражный суд города Москвы, г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: login8@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-9229-9198

Irina M. Grigorieva, Cand. of Sci. (Juridical), Judge, Arbitration Court of Moscow, Moscow, Russian Federation,
e-mail: login8@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-9229-9198

Оригинальная статья / Original article

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-6-37-49

CC BY 4.0

Об определении предмета доказывания по делам о защите неприкосновенности частной жизни гражданина

И. Ю. Попова[1] ✉

[1]Московская коллегия адвокатов «Традиции адвокатуры»
ул. Литвина-Седого 5/1, г. Москва 123317, Российская Федерация

✉ e-mail: popova@finrez.ru

Резюме

***Актуальность**. В статье рассматриваются проблемы предмета доказывания по делам о защите неприкосновенности частной жизни гражданина в соответствии со статьей 152.2 Гражданского кодекса Российской Федерации. Судебная практика свидетельствует о недостатках разрешения данной категории дел, связанных с процессом доказывания, и в связи с этим противоречивых решениях и формировании неединообразной судебной практики. В этой связи актуальность приобретает исследование средств процессуальной защиты права на охрану частной жизни человека.*

***Цель исследования** состоит в дополнении теоретических положений, направленных на углубление научного знания о защите права на частную жизнь гражданина, предмете доказывания по этой категории дел для единообразного применения статьи 152.2 Гражданского кодекса Российской Федерации.*

***Задачи**: проанализировать судебную практику по делам о защите права на частную жизнь гражданина с выявлением фактического предмета доказывания, научные позиции по этой проблеме; уточнить имеющиеся пробелы законодательства, препятствующие надлежащей охране этого права; актуализировать сформулированные ранее предложения относительно предмета доказывания по делам указанной категории.*

***Методология**. Исследование проводилось с применением методов анализа и синтеза, индукции и дедукции, описания, формально-юридического, системно-аналитического и системно-структурного методов, а также метода анализа и обобщения судебной практики.*

***Результатами исследования** явились сформулированные предложения по решению теоретических и практических проблем, связанных с особенностями предмета доказывания по делам о защите неприкосновенности частной жизни гражданина для повышения качества и достижения единообразия решений при рассмотрении исков о его защите.*

***Вывод.** Норма об охране права на частную жизнь гражданина требует разъяснений в части терминологии и устранения иных пробелов, требующих внимания законодателя. Для преодоления противоречивого толкования смысла самой статьи и неединообразия судебной практики необходимо разъяснение Верховного Суда Российской Федерации по терминологии статьи 152.2 Гражданского кодекса Российской Федерации и механизма формирования предмета доказывания.*

***Ключевые слова**: частная жизнь; неприкосновенность частной жизни; предмет доказывания; факты; судебная практика.*

***Конфликт интересов**: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Для цитирования Попова И. Ю. Об определении предмета доказывания по делам о защите неприкосновенности частной жизни гражданина // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2022. Т. 12, № 6. С. 37–49. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-6-37-49.

Поступила в редакцию 10.10.2022 Принята к публикации 16.11.2022 Опубликована 16.12.2022

© Попова И. Ю., 2022

On the Definition of the Subject of Evidence in Cases on the Protection of the Privacy of a Citizen

Irina Y. Popova[1] ✉

[1]Moscow Bar Association "Traditions of Advocacy"
5/1 Litvina-Gray Str., Moscow 123317, Russian Federation

✉ e-mail: popova@finrez.ru

Abstract

Relevance. *The article considers the problems of the subject of evidence in cases of protecting the privacy of a citizen in accordance with Art. 152.2 of the Civil Code of the Russian Federation. The jurisprudence shows the shortcomings in the resolution of this category of cases related to the process of evidence, and in connection with this contradictory decisions and the formation of non-uniform judicial practice. In this regard, the study of the means of procedural protection of the right to protect human privacy becomes relevant.*

The purpose *of the study is to supplement the theoretical provisions aimed at deepening scientific knowledge about the protection of the right to privacy of a citizen, the subject of evidence in this category of cases for uniform application of Art. 152.2 of the Civil Code of the Russian Federation.*

Objectives: *analyze the judicial practice in cases on the protection of the right to privacy of a citizen with the identification of the actual subject of evidence, scientific positions on this problem; Clarify the existing legal gaps preventing the proper protection of this right; update the previously formulated proposals regarding the subject of evidence in cases of this category.*

Methodology. *The study was conducted using methods of analysis and synthesis, induction and deduction, description, formal-legal, system-analytical and system-structural methods, as well as the method of analysis and generalization of judicial practice.*

The results *of the study were formulated proposals for solving theoretical and practical problems related to the peculiarities of the subject of evidence in cases of protecting the privacy of a citizen to improve the quality and achieve uniformity of decisions when considering claims for his protection.*

Conclusion. *The rule on the protection of the right to privacy of a citizen requires clarification in terms of terminology and the elimination of other gaps that require the attention of the legislator. To overcome the contradictory interpretation of the meaning of the article itself and the non-unity of judicial practice, it is necessary to explain the Supreme Court of the Russian Federation in the terminology of Art. 152.2 of the Civil Code of the Russian Federation and the mechanism for forming the subject of evidence.*

Keywords: *private life; privacy; subject of proof; facts of legal significance; judicial practice.*

Conflict of interest: *The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Popova I. Y. On the Definition of the Subject of Evidence in Cases on the Protection of the Privacy of a Citizen. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2022; 12(6): 37–49. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-6-37-49.

Received 10.10.2022 Accepted 16.11.2022 Published 16.12.2022

***

Введение

К числу нематериальных благ, принадлежащих человеку от рождения, относится частная жизнь. Право на неприкосновенность частной жизни человека по своей природе является абсолютным, оно не подлежит отчуждению или передаче иным способом. Это благо гарантируется статьями 23 и 24 Конституции Российской Федерации и охраняется положениями отраслевого законодательства. В Гражданском кодексе Российской Федерации (далее – ГК РФ) его охрана обес-

печивается специальной нормой – ст. 152.2 «Охрана частной жизни гражданина», расположенной в гл. 8 ГК РФ «Нематериальные блага и их защита». Производными от права на неприкосновенность частной жизни человека являются: право на тайну телефонных переговоров, переписки, корреспонденции, усыновления (удочерения); право на защиту персональных данных, чести и достоинства; право неприкосновенности жилища и др. Став новеллой 2013 г., ст. 152.2, дополнив гл. 8 ГК РФ, конкретизировала правовую регламентацию конституционного права на неприкосновенность частной жизни человека[1].

О значимости особой охраны права на неприкосновенность частной жизни гражданина свидетельствует внимание к ней Конституционного Суда Российской Федерации, неоднократное истолкование им ряда положений, связанных с его защитой. В своем определении от 9 июня 2005 г. № 248-О он даже предпринял попытку сформулировать понятие частной жизни лица[2].

С развитием информационных технологий, искусственного интеллекта, сбора и анализа в беспрецедентных масштабах «больших данных» (Big Data) становится реальной угроза нарушения автономии человека, неприкосновенности его частной жизни и причинения вреда человеческому достоинству. Новые технологии позволяют осуществлять тайное массовое слежение с составлением подробных личных досье и перехват данных о пользователях социальных сетей и других интернет-площадок как современных средств коммуникаций (текстовые сообщения, посещаемые вебсайты, электронная почта, телефонные звонки и др.) [1, с. 105]. По этому поводу Конституционный Суд РФ в своем определении от 12 февраля 2019 г. № 275-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб Безруковой Анны Олеговны на нарушение ее конституционных прав пунктом 1 статьи 152.1 и пунктом 1 статьи 152.2 Гражданского кодекса Российской Федерации» признал, что материалы и информация в сети Интернет могут причинить вред осуществлению прав и свобод лица, в особенности праву на частную жизнь, и пользованию этими правами, несомненно выше, чем опасность, которая исходит от печатных средств массовой информации[3]. Теоретики между тем отмечают, что в России нет эффективных механизмов защиты человека от посягательств на частную жизнь [2, с. 210; 3, с. 61]. В этой связи особую актуальность приобретает исследование обстоятельств, устанавливаемых судами в ходе процессуальной защиты права на охрану частной жизни гражданина, или предмета доказывания, а также выявление недостатков процедуры рассмотрения и разрешения дел этой категории.

Методология

Методологическую основу исследования составили общенаучные методы, в том числе анализ, синтез, индукция, де-

[1] О внесении изменений в подраздел 3 раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: федер. закон от 2 июля 2013 г. № 142-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_54736/ (дата обращения: 21.08.2022).

[2] Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Захаркина Валерия Алексеевича и Захаркиной Ирины Николаевны на нарушение их конституционных прав пунктом «б» части третьей статьи 125 и частью третьей статьи 127 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 9 июня 2005 г. № 248-О. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_54736/ (дата обращения: 21.08.2022).

[3] Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб Безруковой Анны Олеговны на нарушение ее конституционных прав пунктом 1 статьи 152.1 и пунктом 1 статьи 152.2 Гражданского кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 12 февр. 2019 г. № 275-О // Вестник Конституционного Суда Рос. Федерации. 2019. № 3.

дукция, а также эмпирический метод – метод описания и др. Наряду с этим в статье используются юридические методы, такие как формально-юридический и системно-аналитический. Специальным методом познания, используемым в работе, явился анализ и обобщение судебной практики.

Сочетание общенаучных (анализ, синтез, описание, системно-структурный и др.), частноправовых (формально-юридический, системно-аналитический) и специальных методов (анализ и обобщение судебной практики) позволило провести теоретико-практическое исследование нормы, предусматривающей охрану частной жизни гражданина. С их помощью выявлены ее особенности как относительно-определенной, имеющиеся законодательные пробелы, установлен предмет доказывания по делам этой категории и составляющие его юридические факты. Посредством юридических и специальных методов изучены постановления и определения Конституционного Суда РФ, Верховного Суда РФ, решения судов по искам о защите прав лиц от незаконного вмешательства в их частную жизнь; проведен поиск решений проблем, связанных с несовершенством охраны права гражданина на частную жизнь в соответствии со ст. 152.2 ГК РФ и процессуальных средств доказывания; сформулированы предложения, направленные на совершенствование охраны права гражданина на частную жизнь.

Результаты и их обсуждение

Предмет доказывания определяется с учетом положений ст. 152.2 «Охрана частной жизни гражданина» ГК РФ как нормы материального права, или юридических фактов, имеющих значение по делу для его справедливого разрешения. Для его анализа рассмотрим особенности законодательной конструкции ст. 152.2 ГК РФ как нормы, закрепляющей предмет доказывания по делам о защите неприкосновенности частной жизни.

В п. 1 ст. 152.2 ГК РФ устанавливается запрет на сбор, хранение и распространение информации о частной жизни лица без его согласия. В нем, *во-первых*, приводятся виды информации, которая относится к сфере частной жизни человека. Прямо поименованы составляющие частную жизнь сведения о происхождении, месте пребывания или жительства, личной и семейной жизни гражданина. Используя в нем оговорку «в частности», законодатель тем самым подчеркнул, что перечень информации, относящейся к понятию частной жизни, является открытым.

Между тем четких критериев отнесения каких-либо сведений о человеке к частной жизни нет. Теоретики пишут о том, что понятие частной жизни составляют, к примеру, и профессиональные тайны (банковская, адвокатская, следствия и т.д.), образ мыслей, политические взгляды, религиозная принадлежность, социальное мировоззрение, увлечения и творчество, интимная жизнь и др. [4, с. 22; 5, с. 20; 6, с. 113; 7, с. 8] О. Ю. Красотенко считает, что понятие частной жизни человека включает: персональную идентификацию; физическую (телесную) и моральную неприкосновенность; установление законных связей; индивидуальное пространство; сбор и применение данных индивида; доступ к персональной информации человека; половые взаимоотношения; социальную активность человека; профессиональные взаимоотношения [8, с. 52]. Е. В. Богданов отмечает, такие сведения формируют «информационный облик (образ) человека», основой которого является информация [9, с. 31]. Очевидно, что право на защиту частной жизни и есть право на защиту информации о ней.

При этом любые сведения, которые человек желает сохранить в тайне, за некоторым исключением, могут быть признаны сведениями, относящимися к частной жизни. И только сам человек контролирует информацию о самом себе, пре-

пятствует разглашению сведений личного, интимного характера. Любое разглашение личной тайны не допускается без согласия данного лица. Об этом свидетельствует правовая позиция Конституционного Суда РФ, подтвержденная им неоднократно в своих определениях[1]. Отсюда сложность оценки доказательств и установления истины по данной категории дел состоит в том, что истец субъективно определяет, что нарушение имело место, какая именно информация составляет его частную жизнь, относится ли она к конфиденциальной, требующей согласия на ее опубликование и массовое тиражирование. Позицию в своих решениях приводят практически все суды. Так, в решении от 6 июня 2020 г. по делу № 2-13/2020 Орловский районный суд Орловской области отметил, что частную жизнь составляют те стороны личной жизни человека, которые он в силу своей свободы не желает делать достоянием других. Недопустимо произвольное вмешательство кого-либо в частные дела (п. 1 ст. 1 ГК РФ)[2].

Другой проблемой, о которой в этой связи пишут исследователи, является отсутствие точного определения вмешательства в частную жизнь [10, с. 144; 11, с. 43; 12, с. 382]. В ст. 152.2 ГК РФ ее границ не содержится, поскольку в ней названы только некоторые элементы общего понятия «частная жизнь». Из этого следует, что рассматриваемая норма является относительно-определенной, или ситуационной [13, с. 99]. Относительная определенность ст. 152.2 ГК РФ предоставляет право судье разрешать дело с учетом конкретных обстоятельств, которые и составляют предмет доказывания по конкретному иску, он учитывает основания иска и основания возражений против него. Такая дискреционность способствует появлению предложений о более широком толковании судами вмешательства в частную жизнь гражданина для усиления эффективности защиты этого права [14, с. 51], что чревато необъективностью решений и расширением судейского усмотрения.

Во-вторых, ст. 152.2 ГК РФ содержит закрытый перечень случаев, когда не нарушаются права гражданина на неприкосновенность частной жизни. Эти действия, перечисленные в абз. 1 п. 1 ст. 152.2 ГК РФ, при отсутствии его согласия не признаются нарушением, если они осуществлялись в государственных, общественных или иных публичных интересах, а также если информация о частной жизни гражданина ранее стала общедоступной либо была раскрыта самим гражданином или по его воле (абз. 2 п. 1 ст. 152.2 ГК РФ). Это исключение абз. 2 п. 1 ст. 152.2 ГК РФ продублировал и Верховный Суд РФ по делам о нарушении неприкосновенности частной жизни (ст. 137 УК РФ)[3].

В-третьих, п. 2 ст. 152.2 ГК РФ установил для сторон или третьего лица в обязательстве презумпцию конфиденциальности сведений о частной жизни гражданина, ставших известными при возникновении и (или) исполнении обязательства. *В-четвертых*, п. 3 ст. 152.2

[1] Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Супруна Михаила Николаевича на нарушение его конституционных прав статьей 137 Уголовного кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 28 июня 2012 г. № 1253-О // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_133029/ (дата обращения: 21.08.2022).

[2] Решение Орловского районного суда Орловской области от 06.07.2020 по делу № 2-13/2020. URL: https://sudact.ru/regular/doc/oumzrDBSho6x/ (дата обращения: 21.08.2022).

[3] О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (статьи 137, 138, 138[1], 139, 144[1], 145, 145[1] Уголовного кодекса Российской Федерации): постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25 дек. 2018 г. № 46 // Бюллетень Верховного Суда Рос. Федерации. 2019. № 2.

ГК РФ раскрыл понятие неправомерного распространения, которым признается использование информации о частной жизни гражданина при создании произведений науки, литературы и искусства, если оно нарушает интересы гражданина. И, *в-пятых*, п. 4 и 5 ст. 152.2 ГК РФ конкретизируют способы защиты информации о частной жизни гражданина, полученной с нарушением закона, а также обеспечивают преемственность права требования защиты частной жизни гражданина на случай его смерти (дети, родители и переживший супруг такого гражданина) [15, с. 138].

Исходя из указанных положений, очевидно, какие именно обстоятельства, или юридические факты, подлежат доказыванию истцом по гражданским делам о защите неприкосновенности его частной жизни. Это обнародование информации и ее относимость к частной жизни, личной или семейной тайне; идентификация с конкретным лицом через обнародованную информацию; отсутствие согласия; степень и характер нравственных и физических страданий, ставших последствием обнародования конфиденциальной информации, если заявлялось требование о компенсации морального вреда, а также то, представляют ли указанные сведения государственный, общественный или иной публичный интерес; были ли они опубликованы самим лицом или стали общедоступными ранее [16, с. 89]. В отличие от исков по защите чести, достоинства и деловой репутации (ст. 152 ГК РФ) особенностью здесь является то, что сведения являются достоверными, соответствующими действительности, и поэтому доказывается факт распространения и использования любой информации о частной жизни гражданина без его согласия, а не недостоверность сведений, которые требует опровергнуть истец [17, с. 105].

Мониторинг решений по делам этой категории показывает, что нарушениями этого права суды признают:

1) обнародование и распространение сведений, относящихся к частной жизни и персональным данным истца (фото-, видеоизображение, изображение самого истца, членов его семьи, места проживания и адреса, сведений о собственности истца) на сайте ответчика, интернет-канале, в социальных сетях или средствах массовой информации;

2) установка скрытых камер видеонаблюдения в многоквартирных домах, частном домовладении и на земельных участках для фиксирования действий граждан;

3) отправка писем по электронной почте со сведениями о паспортных данных, номере мобильного телефона, ИНН и других личных данных истца [12, с. 382].

Рассмотрим некоторые примеры дел о защите права гражданина на частную жизнь с указанными нарушениями для установления круга фактов, составляющих предмет доказывания по ним. Так, Савеловский районный суд г. Москвы удовлетворил иск М. А. Кожевниковой, актрисы и экс-депутата Государственной Думы РФ, к «Экспресс газете», о взыскании морального вреда в связи с распространением сведений о частной жизни с использованием изображений без ее согласия. В обоснование довода об отказе в удовлетворении иска ответчик сослался на то, что содержащиеся в публикации данные и фотографии общеизвестны, находятся в свободном доступе, получены из сети Интернет и содержат общеизвестные факты. Опровергая доводы ответчика, суд, в частности, указал, что опубликованные в статье сведения относятся к сведениям личного, частного характера, и потому не могут распространяться без согласия лица, к которому данная информация относится[1].

Суд дал оценку и общедоступности обнародованной истцом ранее информа-

[1] Решение Савеловского районного суда г. Москвы от 21.05.2015 по делу № 2-2783/2015. URL: https://sudact.ru/regular/doc/dZrLMX9vH16R/ (дата обращения: 25.08.2022).

ции, признав безосновательными доводы ответчика о том, что ранее все сведения, касающиеся частной жизни истца, уже распространялись многими средствами массовой информации, в которых истец давал интервью. В этой связи суд сослался на п. 4 ст. 8 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» о том, что к «общедоступной» относится информация, доступ к которой не может быть ограничен, в частности: нормативные правовые акты, затрагивающие права, свободы и обязанности граждан; информация о деятельности государственных органов и др. Те же доводы (дословно) в качестве основания для удовлетворения исковых требований были изложены по делу певца А. Б. Серова, где он выступал истцом. Суд признал несостоятельными доводы представителя ответчика о том, что вся информация в спорной статье получена в сети Интернет и содержит достаточно известные факты[1].

И другой пример иного толкования понятия «общедоступность». Б. обратился в суд с иском к ООО «Твое Информационное Агентство», указав, что на сайте истца была опубликована статья, в которой без его согласия использованы его фотография и ФИО, дата и место рождения, ИНН, СНИЛС и сведения о личной жизни (о его финансовом положении (о признании банкротом), сумм кредитов, о наличии судебных решений, месте работы), что способствует его идентификации. Тот факт, что данные истца оказались в открытом доступе в сети Интернет, не позволяет ответчику произвольно их использовать. Однако Московский районный суд г. Твери в решении от 18.07.2018 по делу № 2-1265/18, отказывая в удовлетворении иска, в отличие от решений Савеловского районного суда г. Москвы по искам М. А. Кожевниковой, А. Б. Серова, указал, что общедоступная информация *может использоваться любыми лицами по их усмотрению* при соблюдении установленных федеральными законами ограничений в отношении распространения такой информации (п. 2 ст. 7 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»). К тому же он признал общедоступной и информацию о личных данных Б., полученных ответчиком из банка судебных решений (официальная картотека Арбитражных Дел «Арбитр») и открытых источников в Интернете, что не требует согласия истца[2].

Напротив, Воркутинский городской суд Республики Коми по делу № 2-85/2018 своим решением от 24 января 2018 г. признал распространение в сети Интернет сведений об имени, месте жительства и паспортных данных П. нарушением его частной жизни, установив, что ответчик М. получил их из решения по гражданскому делу с участием П. Суд отметил, что указание истцом сведений, касающихся его частной жизни, в материалах по гражданскому делу не подтверждает его согласие на распространение данной информации неограниченному кругу лиц[3].

Оценивают суды и то, относится ли опубликованная информация о частной жизни гражданина к категории государственного, общественного или публичного интереса [18, с. 67]. Например, Н. обратился с иском к ОАО «Ньюс Медиа» об удалении сведений о его частной жизни, опубликованных в статье ответчиком, освещавшим процесс о взыскании с него алиментов. По мнению суда, данная публикация осуществлена в публичных ин-

[1] Решение Савеловского районного суда г. Москвы от 21.05.2015 по делу № 2-3364/2015. URL: https://sudact.ru/regular/doc/1rrmLCOhmNJw/ (дата обращения: 25.08.2022).

[2] Решение Московского районного суда г. Твери от 18.07.2018 по делу № 2-1265/18. URL: https://судебныерешения.рф/34454176 (дата обращения: 24.08.2022).

[3] Решение Воркутинского городского суда Республики Коми от 24.01.2018 по делу № 2-85/2018. URL: https://судебныерешения.рф/32070954 (дата обращения: 25.08.2022).

тересах с целью информирования граждан о последствиях неисполнения алиментных обязательств, а потому посягающей на неприкосновенность частной жизни истца признана быть не может[1].

Понятия «публичный» и «общественный» интерес в законодательстве не определены. Между тем Верховный Суд РФ, разъясняя дефиницию «общественные интересы», в п. 25 постановления Пленума от 15 июня 2010 г. № 16 «О практике применения судами Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации» дал ее ограничительное толкование: «К общественным интересам следует относить не любой интерес, проявляемый аудиторией, а, например, потребность общества в обнаружении и раскрытии угрозы демократическому правовому государству и гражданскому обществу, общественной безопасности, окружающей среде. Судам необходимо проводить разграничение между сообщением о фактах (даже весьма спорных), способным оказать положительное влияние на обсуждение в обществе вопросов, касающихся, например, исполнения своих функций должностными лицами и общественными деятелями, и сообщением подробностей частной жизни лица, не занимающегося какой-либо публичной деятельностью»[2]. Позднее, уже в 2019 г., это разъяснение дословно повторил Конституционный Суд Российской Федерации в определении от 12 февраля 2019 г. № 274-О[3].

В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» говорится о том, что публичный интерес имеет место, если гражданин является публичной фигурой, а обнародование и использование изображения (а равно и другой информации о частной жизни) осуществляется в связи с политической или общественной дискуссией или интерес к данному лицу является общественно значимым[4].

Согласно определению Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 29 сентября 2015 г. № 5-КГ15-122, «публикация фотографий и статей, единственной целью которых является удовлетворение любопытства определенных читателей в отношении подробностей частной жизни лица, не может считаться вкладом в обсуждение вопросов общественной значимости, несмотря на то, что заявитель широко известен общественности»[5]. Это разъяснение суд дал по делу с участием певца М. Муромова о защите неприкосновенности частной жизни, отменив и решение Савеловского районного суда г. Москвы, и оставившее его в силе апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда[6]. Савеловским районным су-

[1] Решение Савеловского районного суда г. Москвы от 24.07.2014 по делу № 2-4387/2014. URL: https://sudact.ru/regular/doc/XZEjgH1MLmdW/ (дата обращения: 13.11.2022).

[2] О практике применения судами Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации»: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2010 г. № 16: [ред. от 09.02.2012]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_101401/ (дата обращения: 21.08.2022)

[3] Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб Безрукова Сергея Витальевича на нарушение его конституционных прав пунктом 1 статьи 152.2 Гражданского кодекса РФ: определение Конституционного Суда РФ от 12 февр. 2019 г. № 274-О // Вестник Конституционного Суда Рос. Федерации. 2019. № 3.

[4] О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2015. № 8.

[5] Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 29.09.2015 № 5-КГ15-122. URL: https://www.zakonrf.info/suddoc/9c2a43d53fa (дата обращения: 24.08.2022).

[6] Апелляционное определение Московского городского суда от 28.03.2014 по делу

дом г. Москвы признавалось, что публикация статьи в газете «Твой день» под заголовком «Яблоко раздора» о приобретении певцом жилой площади, прежний владелец которой стал жертвой «черных риэлторов», является освещением судебного процесса с участием истца как публичной персоны, а не вмешательством в частную жизнь истца[1]. По иску Б., депутата Законодательного собрания Тверской области, суд указал, что он является публичной личностью, а потому распространение информации о биографии истца осуществлено ответчиком в публичных, общественных интересах. При этом местная газета опубликовала сведения о его частной жизни, персональные данные, освещая процесс о признании его банкротом[2], однако статус публичной фигуры здесь не означает права средств массовой информации публиковать данные о судебных разбирательствах с участием публичного лица как обычного гражданина.

Очевидно, что судебная практика в части признания интересов общественными или публичными является весьма противоречивой. Отсутствие единообразия в понятийном аппарате способствует незаконному сбору и распространению сведений о частной жизни человека, мотивируемых общественным интересом применительно к конкретной ситуации. На это обращают внимание и ученые, предлагающие законодательное закрепление этих понятий [19, с. 5], и использование в законе примерного перечня ситуаций, в которых имеется общественно значимый интерес [20, с. 220].

Правоприменительная практика показывает, что похожие дела о нарушении права на неприкосновенность частной жизни посредством установления видеокамеры также имеют неединообразное судебное разрешение по существу спора. Так, Курчатовский районный суд г. Челябинска, отказав в удовлетворении иска С. о демонтаже незаконно установленной камеры, указал, что подъезд является публичным, общественным местом, доступ к которому имеется и у значительного круга других лиц, которые могут находиться в нем на законных основаниях. Видеокамера установлена в целях безопасности ответчика и фиксирует только действия, происходящие в подъезде, наблюдение ведется открыто, что не нарушает прав истца»[3].

Напротив, по аналогичному иску о защите права на неприкосновенность частной жизни путем демонтажа видеокамеры Индустриальный районный суд г. Ижевска удовлетворил исковые требования. Он признал, что видеосъемка с камеры наблюдения, установленной в подъезде дома, не является съемкой, проводимой в публичных местах. Несмотря на решение собрания собственников дома предоставить общее имущество в многоквартирном доме, а именно часть потолка на 4-м этаже в холле между лифтами, для установки видеокамеры, фиксирующей действия, происходящие в подъезде и на лестничной площадке, коридоре и пространстве перед тамбуром, суд признал видеозапись повседневной жизни истца вмешательством в его частную жизнь[4].

Выводы

По своему содержанию статья 152.2 «Охрана частной жизни гражданина» ГК

№ 33-10144 // СПС «Гарант». URL: http://www.base.garant.ru/123588650/ (дата обращения: 24.08.2022).

[1] Решение Савеловского районного суда от 22.07.2014 по делу № 2-2601/2014. URL: https://sudact.ru/regular/doc/Am96vjajTHYq/ (дата обращения: 14.10.2022).

[2] Решение Московского районного суда г. Твери от 18.07.2018 по делу № 2-1265/18. URL: https://судебныерешения.рф/34454176 (дата обращения: 24.02.2019).

[3] Решение Курчатовского районного суда г. Челябинска от 03.07.2020 по делу № 2-2139/2020. URL: https://sudact.ru/regular/doc/5TlAMbn2AL1J/ (дата обращения: 24.08.2022).

[4] Решение Индустриального районного суда г. Ижевска от 22.05.2020 г. по делу № 2-3859/2019. URL: https://sudact.ru/regular/doc/rvDrGzyWQDW4/ (дата обращения: 24.08.2022).

РФ является дискреционной нормой. В ней законодатель не определил точные понятия «частная жизнь», «вмешательство в частную жизнь», «публичный интерес», «публичное лицо», «общественный интерес», «общедоступность информации», что способствует расширению границ судебного усмотрения по делам о защите неприкосновенности частной жизни. В этой связи для преодоления противоречивого толкования смысла самой статьи и неединообразия судебной практики по данной категории дел необходимо разъяснение Верховного Суда РФ указанных терминов и механизма формирования предмета доказывания по делам о защите неприкосновенности частной жизни и с примерным перечнем соответствующих практических ситуаций.

Список литературы

1. Ромашов П. А. К вопросу о праве на неприкосновенность частной жизни в цифровой век // Пермский юридический альманах. 2019. № 2. С. 103–118.

2. Шадрин С. А. Содержание права на неприкосновенность частной жизни по российскому и европейскому законодательству // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 9. С. 209–212.

3. Колмыков И. П. Соотношение права на неприкосновенность частной жизни и права на судебную защиту в контексте доступа к персональным данным: поиск баланса интересов // Право и политика. 2020. № 5. С. 58–67.

4. Петрухин И. Л. Личная жизнь: пределы вмешательства. М.: Юридическая литература, 1989. 89 с.

5. Пинчук А. П., Решетников Г. Е. Некоторые аспекты охраны права частной жизни гражданина // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019. № 12–4. С. 119–122.

6. Разаков Р. Ч.-М., Акаева А. А. О личной неприкосновенности и праве на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну // Образование. Наука. Научные кадры. 2021. № 4. С. 112–115.

7. Чернякова С. А. Компенсация морального вреда при посягательствах на неприкосновенность частной жизни // Национальная ассоциация ученых. 2015. № 1–2 (6). С. 7–9.

8. Красотенко О. Ю. Понятие «частная жизнь» в решениях Европейского суда по правам человека // Сборник тезисов 68-й научно-практической конференции студентов, магистрантов и аспирантов факультета международных отношений БГУ. Минск: Белорусский гос. ун-т, 2011. С. 51–53.

9. Богданов Е. В. Информация как объект гражданских правоотношений // Гражданское право. 2018. № 5. С. 29–33.

10. Зайцева Ю. П. Субъективное право гражданина на частную жизнь: содержательный аспект // Российский юридический журнал. 2016. № 1 (106). С. 142–149.

11. Джамалудинов Р. А. Личные неимущественные права, обеспечивающие социальное существование граждан // Современное право. 2017. № 11. С. 42–45.

12. Судакова О. В. Личные неимущественные права, направленные на обеспечение неприкосновенности и тайны личной жизни граждан // Балтийский гуманитарный журнал. 2020. № 1 (30). С. 381–384.

13. Нахова Е. А. К вопросу о механизме определения предмета доказывания в гражданском судопроизводстве // Вестник гражданского процесса. 2020. № 3. С. 89–99.

14. Сабирова Л. Ж., Хасимов Л. Н. Актуальные проблемы института неприкосновенности частной жизни // Проблемы и перспективы юриспруденции в современных условиях: сборник научных трудов по итогам Международной научно-практической конференции. Казань: Инновационный центр развития науки и образования, 2016. С. 50–52.

15. Исаева В. В., Сахарова Ю. В. Международные и национальные аспекты правового регулирования частной жизни и права на частную жизнь // Вестник Брянского государственного университета. 2020. № 2 (44). С. 136–142.

16. Нурбалаева А. М. Особенности доказывания по делам о защите неприкосновенности частной жизни // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2021. № 2. С. 86–92.

17. Гаджиалиева Н. Ш. Предмет доказывания по гражданским делам о защите неприкосновенности частной жизни // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2022. № 1. С. 104–108.

18. Новиков Р. В. Правовое регулирование защиты информации, относящейся к сфере частной жизни граждан, в гражданском законодательстве и законодательстве о персональных данных // Ex jure. 2020. № 2. С. 64–71.

19. Забудько Ю. С. Конституционное право на неприкосновенность частной жизни, личной и семейной тайны и его законодательные ограничения: сравнительно-правовая характеристика // Государственная власть и местное самоуправление. 2014. № 5. С. 8–12.

20. Ярусова А. В. Право публичного лица на неприкосновенность частной жизни // Молодой ученый. 2021. № 5 (347). С. 219–222.

References

1. Romashov P. A. K voprosu o prave na neprikosnovennost' chastnoj zhizni v cifrovoj vek [On the issue of the right to privacy in the digital age]. *Permskij yuridicheskij al'manah = Perm Legal Almanac,* 2019, no. 2, pp. 103–118.

2. Snadrin S. A. Soderzhanie prava na neprikosnovennost' chastnoj zhizni po rossijskomu i evropejskomu zakonodatel'stvu [Content of the right to privacy under Russian and European law]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava = Actual problems of Russian law*, 2018, no. 9, pp. 209–212.

3. Kolmykov I. P. Sootnoshenie prava na neprikosnovennost' chastnoj zhizni i prava na sudebnuyu zashchitu v kontekste dostupa k personal'nym dannym: poisk balansa interesov [Correlation of the right to privacy and the right to judicial protection in the context of access to personal data: finding a balance of interests]. *Pravo i politika = Law and policy,* 2020, no. 5, pp. 58–67.

4. Petruhin I. L. Lichnaya zhizn': predely vmeshatel'stva [Personal life: the limits of intervention]. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1989. 89 p.

5. Pinchuk A. P., Reshetnikov G. E. Nekotorye aspekty ohrany prava chastnoj zhizni grazhdanina [Some aspects of protecting the right to privacy of a citizen]. *Mezhdunarodnyj zhurnal gumanitarnyh i estestvennyh nauk = International Journal of Humanities and Natural Sciences,* 2019, no. 12–4, pp. 119–122.

6. Razakov R. Ch.-M., Akaeva A. A. O lichnoj neprikosnovennosti i prave na neprikosnovennost' chastnoj zhizni, lichnuyu i semejnuyu tajnu [On personal inviolability and the right to privacy, personal and family secrets]. *Obrazovanie. Nauka. Nauchnye kadry = Education. Science. Scientific personnel,* 2021, no. 4, pp. 112–115.

7. Снernyakova S. A. Kompensaciya moral'nogo vreda pri posyagatel'stvah na neprikosnovennost' chastnoj zhizni [Compensation for moral damage in infringements on privacy]. *Nacional'naya associaciya uchenyh = National Association of Scientists,* 2015, no. 1–2 (6), pp. 7–9.

8. Krasotenko O. Yu. [Concept of "private life" in the decisions of the European Court of Human Rights]. *Sbornik tezisov 68-j nauchno-prakticheskoj konferencii studentov, magistrantov i aspirantov fakul'teta mezhdunarodnyh otnoshenij BGU* [Collection of theses of the 68th scientific and practical conference of students, undergraduates and graduate students of the Faculty of International Relations of BSU]. Minsk, Belarusian St. Univ. Publ., 2011, pp. 51–53. (In Russ.)

9. Bogdanov E. V. Informaciya kak ob"ekt grazhdanskih pravootnoshenij [Information as an object of civil legal relations]. *Grazhdanskoe pravo = Civil law*, 2018, no. 5, pp. 29–33.

10. Zajceva Yr. P. Sub"ektivnoe pravo grazhdanina na chastnuyu zhizn': soderzhatel'nyj aspekt [Subjective right of a citizen to privacy: meaningful aspect]. *Rossijskij yuridicheskij zhurnal = Russian Law Journal*, 2016, no. 1 (106), pp. 142–149.

11. Dzhamaludinov R. A. Lichnye neimushchestvennye prava, obespechivayushchie social'noe sushchestvovanie grazhdan [Personal non-property rights that ensure the social existence of citizens]. *Sovremennoe pravo = Modern law,* 2017, no. 11, pp. 42–45.

12. Sudakova O. V. Lichnye neimushchestvennye prava, napravlennye na obespechenie neprikosnovennosti i tajny lichnoj zhizni grazhdan [Personal non-property rights aimed at ensuring the inviolability and secrecy of the personal life of citizens]. *Baltijskij gumanitarnyj zhurnal = Baltic Humanitarian Journal*, 2020, no. 1 (30), pp. 381–384.

13. Nahova E. A. K voprosu o mekhanizme opredeleniya predmeta dokazyvaniya v grazhdanskom sudoproizvodstve [On the question of the mechanism for determining the subject of evidence in civil proceedings]. *Vestnik grazhdanskogo processa = Bulletin of the civil process,* 2020, no. 3, pp. 89–99.

14. Sabirova L. Zh., Khasimov L. N. [Actual problems of the Institute of Privacy]. *Aktual'nye problemy instituta neprikosnovennosti chastnoj zhizni. Sbornik nauchnyh trudov po itogam Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii* [Problems and prospects of jurisprudence in modern conditions. Collection of scientific works based on the results of the International Scientific and Practical Conference]. Kazan', Innovacionnyj centr razvitiya nauki i obrazovaniya, 2016, pp. 50–52. (In Russ.)

15. Isaeva V. V., Saharova Yu. V. Mezhdunarodnye i nacional'nye aspekty pravovogo regulirovaniya chastnoj zhizni i prava na chastnuyu zhizn' [International and national aspects of the legal regulation of private life and the right to privacy]. *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Bryansk State University,* 2020, no. 2 (44), pp. 136–142.

16. Nurbalaeva A. M. Osobennosti dokazyvaniya po delam o zashchite neprikosnovennosti chastnoj zhizni [Peculiarities of evidence in cases on the protection of privacy]. *Yuridicheskij vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta = Legal Bulletin of Dagestan State University*, 2021, no. 2, pp. 86–92.

17. Gadzhialieva N. Sh. Predmet dokazyvaniya po grazhdanskim delam o zashchite neprikosnovennosti chastnoj zhizni [Subject of evidence in civil cases on the protection of privacy]. *Yuridicheskij vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta = Legal Bulletin of Dagestan State University*, 2022, no. 1, pp. 104–108.

18. Novikov R. V. Pravovoe regulirovanie zashchity informacii, otnosyashchejsya k sfere chastnoj zhizni grazhdan, v grazhdanskom zakonodatel'stve i zakonodatel'stve o personal'nyh dannyh [Legal regulation of the protection of information related to the private life of citizens in civil and personal data legislation]. *Ex jure,* 2020, no. 2, pp. 64–71.

19. Zabud'ko Yu. S. Konstitucionnoe pravo na neprikosnovennost' chastnoj zhizni, lichnoj i semejnoj tajny i ego zakonodatel'nye ogranicheniya: sravnitel'no-pravovaya harakteristika [Constitutional right to privacy, personal and family secrets and its legislative restrictions: comparative legal characteristic]. *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie = State power and local self-government,* 2014, no. 5, pp. 8–12.

20. Yarusova A. V. Pravo publichnogo lica na neprikosnovennost' chastnoj zhizni [The right of a public person to privacy]. *Molodoj uchenyj = Young scientist*, 2021, no. 5 (347), pp. 219–222.

Информация об авторе / Information about the Author

Попова Ирина Юрьевна, кандидат юридических наук, председатель, Московская коллегия адвокатов «Традиции Адвокатуры», г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: popova@finrez.ru,
ORCID: 0000-0001-7645-5341

Irina Y. Popova, Cand. of Sci. (Juridical), Chairman of the Moscow Collegium of Advocates "Traditions of the Bar", Moscow, Russian Federation,
e-mail: popova@finrez.ru,
ORCID: 0000-0001-7645-5341

Оригинальная статья / Original article

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-6-50-60

CC BY 4.0

Правовой статус занятости в условиях развития гиг-экономики

А. Е. Пономарченко[1] ✉

[1] Волгоградский институт управления - филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
ул. Гагарина 8, г. Волгоград 400066, Российская Федерация

✉ e-mail: ponomarchenko.anasatsiya@mail.ru

Резюме

***Актуальность**. В настоящей статье рассмотрены актуальные вопросы статуса занятости, в частности как гиг-экономика повлияла на рынок труда, поскольку гиг-экономика и работа на цифровой платформе стали популярными темами, изменяя формат и опыт работы для все большего числа людей. За прошедшие годы увеличилось использование гиг-работников в России, а также за рубежом по нескольким причинам, таким как изменение характера работы, доступность технологий и рабочие предпочтения. Мы начнем статью с понятий гиг-экономика, гиг-занятость и с изучения причин роста гиг-работы, после чего рассмотрим возможные направления правового регулирования платформенной занятости и судебную практику зарубежных стран в сфере гиг-занятости.*

***Цель** статьи состоит в формировании научного подхода к определению правового статуса занятости в условиях развития гиг-экономики.*

***Задачи**: выявить основные направления правового регулирования платформенной занятости, изучить зарубежный опыт в определении статуса самозанятого.*

***Методология**. В процессе работы над исследованием использовались такие методы научного познания, как общенаучные (анализ, синтез, сравнение и др.) и частнонаучные (формально-догматический) методы.*

***Результаты**. В ходе проведенного исследования обосновано правовое закрепление статуса гиг-работника и наделение его минимальными гарантиями социальной защиты.*

***Вывод**. Автором обоснована необходимость закрепления на законодательном уровне понятия «независимый исполнитель», определения степени контроля со стороны цифровых платформ за деятельностью независимых исполнителей. На примере зарубежного опыта делаются выводы о необходимости гарантировать гиг-работнику социальную защиту его прав и свобод в процессе осуществления им своей деятельности.*

***Ключевые слова**: гиг-работник; платформенная занятость; трудовые отношения; самозанятый; независимый исполнитель.*

***Финансирование**: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00914, https://rscf.ru/project/22-28-00914/*

***Конфликт интересов**: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Для цитирования Пономарченко А. Е. Правовой статус занятости в условиях развития гиг-экономики // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2022. Т. 12, № 6. С. 50–60. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-6-50-60.

Поступила в редакцию 30.09.2022 Принята к публикации 07.11.2022 Опубликована 16.12.2022

© Пономарченко А. Е., 2022

The Legal Status of Employment in the Context of the Development of the Gig Economy

Anastasia E. Ponomarchenko [1] ✉

[1] Volgograd Institute of Management - branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation
8 Gagarina Str., Volgograd 400066, Russian Federation

✉ e-mail: ponomarchenko.anasatsiya@mail.ru

Abstract

Relevance. *This article explores current employment status issues, in particular how the gig economy has influenced the labor market, as the gig economy and digital platform work have become hot topics, changing the format and experience of work for more and more people. Over the years, there has been an increase in the use of gig workers in Russia as well as abroad for several reasons, such as the changing nature of work, the availability of technology, and work preferences. We will start the article with the concepts of the gig economy, gig employment, and studying the reasons for the growth of gig work, after which we will consider possible areas of legal regulation of platform employment and the judicial practice of foreign countries in the field of gig employment.*

The purpose *of the article is to form a scientific approach to determining the legal status of employment in the context of the development of the gig economy.*

Objectives: *to identify the main areas of legal regulation of platform employment, to study foreign experience in determining the status of the self-employed.*

Methodology. *In the process of working on the study, such methods of scientific knowledge as general scientific (analysis, synthesis, comparison, etc.) and particular scientific (formal dogmatic) methods were used.*

Results. *In the course of the study, the legal consolidation of the status of a gig worker and providing it with minimal guarantees of social protection are substantiated.*

Conclusion. *The author substantiates the need to fix the concept of "independent performer" at the legislative level, determine the degree of control by digital platforms over the activities of independent performers. On the example of foreign experience, conclusions are drawn about the need to guarantee the gig worker social protection of his rights and freedoms in the process of carrying out his activities.*

Keywords: *gig worker; platform employment; labor Relations; self-employed; independent performer.*

Funding*: The study was supported by the Russian Science Foundation grant No. 22-28-00914, https://rscf.ru/project/22-28-00914/*

Conflict of interest: *The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Ponomarchenko A. E. The Legal Status of Employment in the Context of the Development of the Gig Economy. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2022; 12(6): 50–60. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-6-50-60.

Received 30.09.2022 Accepted 07.11.2022 Published 16.12.2022

***

Введение

Джазовые музыканты в 1920-е гг. давали концерты. Во время финансового кризиса 2009 г. безработные зарабатывали на жизнь «концертами» или работой на нескольких работах неполный рабочий день. В 2018 г. Департамент бизнеса, энергетики и промышленной стратегии (BEIS) определил гиг-экономику как «обмен труда на деньги между отдельными лицами или компаниями через цифровые платформы, которые активно способствуют установлению контактов между поставщиками и клиентами в

краткосрочной перспективе». Независимо от степени механизации гиг-экономика предполагает гибкие отношения между людьми, которые работают, организациями, которые нанимают их или управляют ими, и конечным потребителем. Гиг-экономика – это система свободного рынка, в которой распространены временные должности, организации нанимают независимых работников для выполнения краткосрочных обязательств. В качестве гиг-работников выступают фрилансеры, независимые подрядчики, работники, занятые неполный рабочий день, и работники, нанятые для выполнения проектных работ на определенный период времени. Гиг-приложения и цифровые технологии используются для связи клиента и гиг-работника.

Словарь Merriam Webster определяет гиг-экономику как: «…экономическую категорию, которая включает использование временных или внештатных работников для выполнения работ, как правило, в сфере услуг»[1]. Согласно Кембриджскому словарю (Cambridge Advanced Learner's Dictionary & Thesaurus), гиг-экономика – это экономика, в основе которой лежит труд внештатных работников. Ее еще называют экономикой краткосрочных контрактов, потому что в гиг-экономике временная работа или работа с гибким графиком является обычным делом [1, с. 3]. Гиг-экономика охватывает все платформы, которые нанимают гиг-работников в различных секторах, таких как информационные технологии, создание контента, маркетинг и коммуникации в социальных сетях, продукты питания и напитки, искусство и дизайн и т. д. А. А. Линец определяет гиг-занятость так: «…форма занятости, преимущественно обеспечиваемая цифровыми платформами, реализуемая при осуществлении работы в форме фриланс (выполнение работы (задания) исполнителем личного труда без географических ограничений) или работы по требованию (выполнение работы (задания) исполнителем личного труда в географически определенном месте, прошедшим отбор и подвергающимся контролю со стороны платформы) [2, с. 282].

Росту гиг-занятости способствует ряд факторов:

1) мобильность рабочего персонала;

2) возможность выполнения работы удаленно через цифровые платформы;

3) гибкость. Платформы заявляют, что гиг-работники преуспевают благодаря гибкости, которую предлагает гиг-работа: работники могут работать, когда и как долго они хотят; гиг-работники не связаны договорными обязательствами, они могут совмещать работу с другими обязательствами [3, с. 128];

4) рабочее место в том смысле, в котором его понимает трудовое законодательство, и фактическое местонахождение гиг-работника отделяются друг от друга. С одной стороны, это означает, что гиг-работники могут устроиться на работу к работодателю или взяться за проект в любой точке мира. С другой стороны, работодатели также могут выбрать лучшего кандидата для конкретного проекта из большего числа претендентов, которые имеются в той или иной области.

Одна из основных причин роста гиг-экономки – эволюция цифровой эпохи. Гиг-работники получают оплату за каждый вид выполненной работы и именно этот принцип лежит в основе всех интернет-приложений, в которых задействована временная рабочая сила. Организации платят своим гиг-работникам, будь то водители, менеджеры по доставке или другой подобный персонал, в зависимости от количества доставок или клиентов, которых они обслуживают в день или в месяц. Гиг-работники могут выполнять различные задачи аналогичного или иного характера в разных организациях, поскольку они не состоят в трудовых отношениях с одним работодателем.

[1] Dictionary and Thesaurus // Merriam-Webster. URL: http://www.merriam-webster.com/ (дата обращения: 07.09.2022).

Методология

На сегодняшний день можно выделить два основных направления, по которым может пойти регулирование платформенной занятости:

1) расширение спектра социальных гарантий для самозанятых (направление, которое разрабатывается Россией) [4, с. 189];

2) закрепление на законодательном уровне нового статуса занятости, специально разработанного с учетом запроса платформенной экономики [5, с. 9]. Важно выработать унифицированный понятийный аппарат, который, с одной стороны, позволит однозначно разрешать возникающие в ходе отношений коллизии, а с другой – будет корректно отражать содержание правоотношений, не создавая барьеров и ограничений для развития платформенной экономики.

Результаты и их обсуждение

Китай и Бразилия ведут активную работу в сфере разработки специальных правовых норм, способствующих регуляции платформенной экономики и закреплению правового статуса гиг-работника. Однако конкретного решения этой проблемы до сих пор нет, поэтому у работников имеется право выбора: либо работать в качестве самозанятого, либо осуществлять свою деятельность в рамках традиционного трудового договора.

Некоторые эксперты предлагают ввести особую, третью категорию для занятых посредством платформ, назвав ее «независимый работник» (Harris & Krueger, 2015) [6]. Идея состоит в том, чтобы предоставить таким работникам некоторые формы прав и защиты (например, от дискриминации в США, и право на коллективное представительство интересов, особенно важное в Европе), но вывести их из-под регулирования продолжительности рабочего времени и минимальной оплаты труда [7, с. 107].

Важно отметить, что единого подхода к формату занятости в рамках нормативного поля ни в одной стране не сложилось, судебная практика некоторых стран придерживается позиции, что такие отношения признаются трудовыми (Бразилия, Канада), другие страны придерживаются противоположного мнения, признавая работников независимыми исполнителями (Австралия).

Так, в Бразилии 13 февраля 2017 г. суд признал отношения между водителями и компанией Uber трудовыми, обосновав свою позицию тем, что организация осуществляла контроль за порядком предоставления услуг, таких как поставка продуктов питания, воды, а также контроль за стилем в одежде водителей и манере их поведения, которые, несмотря на то, что формально необязательны, необходимы работнику для получения хороших оценок и сохранения «сотрудничества» с платформой. Кроме того, компания использует прямые средства контроля, поскольку «…если пассажир сообщит о серьезных нарушениях со стороны водителя, он будет заблокирован на платформе; как только неисправность будет подтверждена, водитель будет заблокирован» [8, с. 642]. Еще один аспект, на который следует обратить внимание, заключается в том, что с помощью определенного алгоритма цифровая платформа в случае фиксации отклонений в ходе реализации рабочих задач приводит к блокировке работников на определенное время.

28 августа 2018 г. в Бразилии рассматривалось дело между водителем – гиг-работником и платформой Loggi. Суд постановил, что отношения, сложившиеся между сторонами, должны признаваться трудовыми, поскольку признание статуса занятости работника небольшой транспортной компании и не признание статуса занятости в крупных организациях (таких как Uber) означает нечестную конкуренцию и предвзятое отношение между организациями-работодателями. Закон гарантирует и охраняет свободную конкуренцию, а не недобросовестную.

Таким образом, судебная практика Бразилии при рассмотрении аналогичных дел руководствуется вышеуказанным критерием – наличие контроля со стороны работодателя за деятельностью своего сотрудника – для признания отношений трудовыми. Аналогичной позиции придерживаются суды Канады. 25 февраля 2020 г. рассмотрено дело между курьерами и платформой доставки Foodora [9]. Суд тщательно рассмотрел доказательства, представленные сторонами, и пришел к выводу: так как курьеры отбираются самой платформой, доставляют еду на условиях, определенных Foodora и в соответствии с ее стандартами (в самом прямом смысле курьеры работают на Foodora, а не на себя), следовательно, курьеры признаются наемными работниками и на них распространяются нормы трудового законодательства.

Еще одно громкое дело – Uber BV против Аслам и другие (ответчики). Решением Верховного суда Великобритании установлено, что водители такси Uber признаются работниками компании, а не независимыми подрядчиками. Британские водители Uber имеют право на льготы, такие как оплачиваемый отпуск, минимальная заработная плата и пенсии, поскольку популярная платформа по вызову такси назначает их тарифы и поездки, а также дисциплинирует водителей на основе рейтингов[1].

В России в деле Е. А. Гращенкова к «Яндекс.Такси» судом установлено, что водитель «Яндекс.Такси» совершил дорожно-транспортное происшествие: наезд на бордюр, что привело к столкновению с деревом, опорой городского освещения. В результате ДТП Е. А. Гращенкова получила тяжкий вред здоровью. Суд указал, что ответственность за жизнь и здоровье пассажира в данном случае нес не только сам водитель, но и компания-агрегатор[2]. Можно сделать вывод, что суд фактически признал наличие трудовых отношений между водителем и агрегатором такси, однако официального признания гиг-работников сотрудниками компании в России, как в ряде других стран, нет.

Противоположную позицию занимает Австралия. 7 июня 2019 г. рассмотрено дело Uber Australia, в рамках которого установлено: отношения между Uber Australia и водителями не являются трудовыми отношениями. Для признания отношений трудовыми необходим факт выполнения работ по требованию работодателя, т. е. по требованию платформы Uber Australia. На водителей не распространяются формальные или операционные обязательства по выполнению работы, водители Uber Australia самостоятельно контролируют, будут ли они выполнять работу, когда и как долго, в какой день и т. д. Uber Australia не требует, чтобы водители выполняли работу в определенное время, и это послужило ключевым фактором для признания водителей независимыми работниками.

4 ноября 2003 г. в Брюсселе принята Директива Европарламента и Совета 2003/88 ЕС «О некоторых аспектах организации рабочего времени»[3], касающаяся некоторых аспектов организации рабочего времени, которая, в частности, перечисляет ряд критериев, отграничивающих самозанятых (независимых исполнителей) от традиционных работников. Неза-

[1] Uber BV & Ors v Aslam & Ors // UKSC 5. 2021. February 19. URL: http://www.bailii.org/uk/cases/UKSC/2021/5.html (дата обращения: 13.09.2022).

[2] Апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда от 04.04.2019 по делу № 33-4939/19. URL: https://www.mos-gorsud.ru/rs/tushinskij/cases/docs/content/ff6edc8a-65f8-4870-bd2c-a2465e0f6070 (дата обращения: 13.09.2022)

[3] О некоторых аспектах организации рабочего времени: Директива Европейского Парламента и Совета Европейского Союза 2003/88/ЕС от 4 ноября 2003 г. URL: https://base.garant.ru/2564486/ (дата обращения: 10.09.2022).

висимыми исполнителями, согласно Директиве, признаются лица, которым предоставляется свобода выбора:

– использовать субподрядчиков для выполнения услуги, которую он обязался предоставить;

– принять или отказаться от выполнения предлагаемой работы;

– самостоятельно определять для себя продолжительность рабочего времени.

Однако именно суд, принимая во внимание все соответствующие факторы, должен классифицировать статус лица как наемного работника или независимого исполнителя в соответствии с Директивой 2003/88.

Что касается расширения спектра социальных гарантий для самозанятых, то нередки случаи, когда платформы пользуются существующей дискриминацией, гендерными ролями и неспособностью систем социального обеспечения обеспечить адекватную поддержку и защиту уязвимым группам. Гиг-работники часто не защищены законодательством о равенстве трудовых прав в процессе осуществления своей деятельности [10, с. 139]. Например, матери-одиночки часто берутся за работу, чтобы иметь возможность работать ненормированный рабочий день и совмещать свои обязанности по дому. Некоторые исследования указывают на то, что уровень стресса, которому подвергаются работники «гиг-экономики», может привести к росту сердечно-сосудистых заболеваний и даже к образованию рака[1].

Гиг-работа часто ставит работников в очень опасное положение. Многие изо всех сил пытаются получить достаточный доход, даже работая полный рабочий день, что приводит к финансовой незащищенности и нестабильности[2]. Поскольку они не заключают трудовой договор, отсутствует базовое социальное обеспечение, а также контроль за здоровьем и безопасностью [11, с. 130]. Гиг-работникам отказывают в пенсиях, родительских пособиях, медицинском страховании и страховании от несчастных случаев на производстве [12, с. 735], а это означает, что гиг-работник либо будет осуществлять свою деятельность в состоянии недомогания, либо не получит доход вообще [13, с. 211]. Многие цифровые платформы и другие наниматели гиг-работников также не желают проводить обучение [14, с. 65], поскольку опасаются, что это приведет к тому, что гиг-работники будут признаны наемными работниками.

Таким образом, гиг-работники не получают тех же льгот, которыми пользуются работники, работающие полный рабочий день. Характер работы эволюционирует в новые бизнес-модели, которые коренным образом меняют отношения между работником и работодателем [15, с. 926]. Нерегулируемая гиг-работа способствует усилению социально-экономического неравенства [16, с. 84].

Обратимся к зарубежному опыту, а именно к опыту Калифорнии, которая предпринимает попытки в разработке социальных гарантий для гиг-работников. В ноябре 2020 г. принято Предложение 22[3], согласно которому за гиг-работниками закрепляются следующие льготы:

– минимальный гарантированный заработок; работникам гарантируется 120% установленной государством минимальной заработной платы за «вовлеченное время», проведенное за рулем. Время занятости определяется как время между

[1] Ahuja A. Why „Gig Health" Matters // Financial Times. URL: www.ft.com/content/bdc90c22-408f-11e7-82b6-896b95f30f58 (дата обращения: 11.09.2022).

[2] Spinner M. How the Gig Economy Stands to Change Healthcare // MedCity News. URL: https://medcitynews.com/2019/04/how-the-gig-economy-standsto-changehealthcare (дата обращения: 11.09.2022).

[3] California Proposition 22, App-Based Drivers as Contractors and Labor Policies Initiative (2020) // Ballotpedia. URL: California Proposition 22, App-Based Drivers as Contractors and Labor Policies Initiative (2020) (дата обращения: 11.09.2022).

принятием запроса на поездку или доставку и завершением поездки[1];

– пособие по медицинскому страхованию; Предложение 22 установило ежеквартальную субсидию на медицинское обслуживание для водителей, использующих приложения цифровых платформ. Для водителей, работающих в среднем 25 и более часов в неделю, предоставляется пособие в размере 82% от среднего месячного страхового взноса по плану Covered California Bronze. Для водителей, которые в среднем работают не менее 15 часов, но менее 25 часов в неделю, компании выплачивают пособие в размере 41%. Пособие не будет выплачиваться водителям, которые работают менее 15 часов в неделю;

– медицинское страхование и страхование от несчастных случаев на производстве; страхование будет включать в себя выплаты по нетрудоспособности и выплату денежных средств на покрытие медицинских расходов в случае производственных травм[2];

– защита от дискриминации и увольнения. Предложение 22 запрещает компаниям расторгать договор с водителем, кроме как по причинам, конкретно указанным в их договоре, и предусматривает процесс обжалования таких решений [17, с. 41].

Большинство стран активно задействованы в решении проблемы относительно статуса занятости и определения объема предоставляемых социальных гарантий (однако единого подхода не сформулировано), наблюдается активная динамика, которая может оказать значительное влияние на будущее направление работы [18, с. 53]. Основная юридическая проблема заключается в определении статуса работников гиг-экономики [19, с. 302], поскольку на сегодняшний день у них отсутствует доступ к правовым средствам защиты своих трудовых прав как у традиционных работников (гиг-работники не защищены от незаконного увольнения, не имеют право на гарантированный оплачиваемый отпуск, а также право на получение определенных социальных гарантий и пр.). Помимо определения правового статуса необходимо определить правовую природу договоров, заключаемых с гиг-работниками, которая отличает гиг-работников от наемных и других категорий работников [20, с. 94].

Воздействие гиг-экономики заключается не только в увеличении числа людей, работающих таким образом, это также становится важным испытанием нового способа управления трудовыми ресурсами. Хотя количественное влияние гиг-экономики может быть относительно небольшим, она может привести к огромным качественным изменениям в том, как будет организована работа в будущем. Таким образом, какие методы окажутся успешными на этом новом испытательном полигоне, будут адаптированы и использованы в экономике более широко. Поэтому крайне важно понять, что сейчас происходит в гиг-экономике, чтобы наметить лучшее будущее работы и для работников.

Выводы

Исходя из вышеизложенного, мы считаем, что пришло время пересмотреть некоторые положения трудового законодательства и закона о занятости, необходимо создать более гибкую модель взаимоотношений между цифровыми платформами и независимыми исполнителями. В связи с этим предлагается:

1) уточнить значение работника и ввести на законодательном уровне понятие «независимый исполнитель»;

2) определить степень контроля, осуществляемого работодателем за деятельностью независимого исполнителя;

3) определить, какие социальные гарантии будут доступны для независимых исполнителей.

[1] Coyle D. The Gig Economy and the Welfare // National Institute of Economic and Social Research. URL: www.niesr.ac.uk/blog/gig-economy-andwelfare-state (дата обращения: 11.09.2022).

[2] La Duke P. Is the Gig Economy Sustainable? // Entrepreneur Magazine. URL: www.entrepreneur. com/article/278826 (дата обращения: 11.09.2022).

Список литературы

1. Машкин А. Л., Гоголина Е. С., Глаголева С. В. Тенденции гиг-экономики на современном этапе // Вектор экономики. 2020. № 9(51). С. 8.

2. Линец А. А. Характеристика отдельных признаков трудовых отношений в условиях развития гиг-занятости // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2021. № 4(47). С. 282–294. https://doi.org/10.17308/vsu.proc.law.2021.4/3718.

3. Макапов А. А., Байгонакова Г. А. Гиг-экономика: цифровая экосистема для самозанятых // Научный вестник Горно-Алтайского государственного университета: сборник статей / отв. ред. М. Г. Сухова. Горно-Алтайск: Горно-Алтайский гос. ун-т, 2021. С. 127–130.

4. Романец И. И., Вербовский Г. Д. Гиг-экономика как новая форма рыночных отношений // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2021. № 1(51). С. 186–192. https://doi.org/10.47581/2021/FA-07/IE/51/01.029.

5. Абурджания Д. К., Орехова Л. Л. Гиг-экономика: тенденции развития // Экономика и менеджмент в условиях цифровизации: проблемы, новые решения и перспективы: сборник научных трудов. Ростов/н Д: Донской гос. техн. ун-т, 2022. С. 8–10.

6. Harris S. D., Krueger A. B. A proposal for modernizing labor laws for twenty-first-century work: the "independent worker // The Hamilton project. 2015. URL: https://onlabor.org/wp-content/uploads/2017/05/modernizing_labor_laws_for_twenty_first_century_work_krueger_harris.pdf (дата обращения: 12.09.2022)

7. Kosheleva O., Viera Ju., Kreinovich V. From gig economy to gig education // Mathematical Structures and Modeling. 2019. Vol. 2(50). P. 107–111. https://doi.org/10.25513/2222-8772.2019.2.107-111.

8. Cherry M. A., Aloisi A. Dependent contractors in the gig economy: A comparative approach // SSRN Electronic Journal. 2016. Vol. 66. P. 635–689.

9. Kenney M., Zysman J. Unicorns, Cheshire cats, and the new dilemmas of entrepreneurial finance // Venture Capital. 2019. Vol. 21(1). P. 35–50. http://dx.doi.org/10.1080/13691066.2018.1517430.

10. Муромец Н. Е. Охрана труда в отраслях "гиг-экономики" // Вестник Донецкого национального университета. Серия В: Экономика и право. 2021. № 1. С. 139–149.

11. Литовченко О. В. Гиг-экономика как новая модель трудовых отношений // Вопросы устойчивого развития общества. 2020. № 9. С. 130–136. https://doi.org/10.34755/IROK.2020.14.17.017.

12. Вохмянина А. С. Правовое регулирование гиг-экономики в России // Аллея науки. 2022. Т. 1, № 4(67). С. 732–736.

13. Хасан С. Инструменты Gig Economy в социально-трудовых отношениях и в использовании трудовых ресурсов гостиничного бизнеса // Естественно-гуманитарные исследования. 2021. № 33(1). С. 205–212. https://doi.org/10.24412/2309-4788-2021-10857.

14. Tran M., Sokas R. K. The gig economy and contingent work: An occupational health assessment // JOEM. 2017. № 59(4). P. 63–66.

15. Янченко Е. В. Гиг-экономика: риски прекаризации занятости // Экономика труда. 2022. Т. 9, № 5. С. 909–930. https://doi.org/10.18334/et.9.5.114795.

16. Калашникова И. В., Филиппова К. В. Фриланс и российский рынок труда // Вестник Тихоокеанского государственного университета. 2020. № 4(59). С. 81–90.

17. Вилкова С. Д. Гиг-экономика сегодня // Современные вызовы экономики и систем управления в России в условиях многополярного мира: сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции студентов и магистрантов / под ред. А. А. Никифорова, В. Д. Никифоровой, Ю. Е. Путихина. СПб.: ООО "Скифия-принт", 2020. С. 41–48.

18. Платформенная занятость: определение и регулирование / О. В. Синявская, С. С. Бирюкова, А. П. Аптекарь, Е. С. Горват, Н. Б. Грищенко, Т. Б. Гудкова, Д. Е. Карева. М.: НИУ ВШЭ, 2021. 78 с.

19. Elstad J. I. Dental care coverage and income-related inequalities in foregone dental care in Europe during the great recession // Community Dentistry and Oral Epidemiology. 2017. Vol. 45(4). P. 296–302.

20. Ячменева В. М., Ячменев Е. Ф. Становление трудовых отношений в цифровой экономике: реалии и перспективы // Научный вестник: финансы, банки, инвестиции. 2020. № 4(53). С. 87–94. https://doi.org/10.37279/2312-5330-2020-4-87-94.

References

1. Mashkin A. L., Gogolina E. S., Glagoleva S. V.Tendencii gig-ekonomiki na sovremennom etape [Trends of gig economy at the present stage]. *Vektor ekonomiki = Vector of Economics*, 2020, no. 9(51), pp. 8.

2. Linec A. A. Harakteristika otdel'nyh priznakov trudovyh otnoshenij v usloviyah razvitiya gig-zanyatosti [Characteristics of individual signs of labor relations in the conditions of gig employment development]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo = Bulletin of the Voronezh State University. Series: Law*, 2021, no. 4(47), pp. 282–294. https://doi.org/10.17308/vsu.proc.law.2021.4/3718

3. Makapov A. A., Bajgonakova G. A. [Gig-economy: a digital ecosystem for the self-*employed]. Nauchnyj vestnik Gorno-Altajskogo gosudarstvennogo universiteta. Sbornik statej* [Scientific Bulletin of the Gorno-Altai State University: collection of articles]; ed. by M. G. Suhova. Gorno-Altajsk, Gorno-Altajsk St. Univ. Publ., 2021, pp. 127–130. (In Russ.)

4. Romanec I. I., Verbovskij G. D. Gig-ekonomika kak novaya forma rynochnyh otnoshenij [Gig-economy as a new form of market relations]. *Innovacionnaya ekonomika: perspektivy razvitiya i sovershenstvovaniya = Innovative economy: prospects for development and improvement*, 2021, no. 1(51), pp. 186–192. https://doi.org/10.47581/2021/FA-07/IE/51/01.029

5. Aburdzhaniya D. K., Orekhova L. L. [Gig-economy: development trends]. *Ekonomika i menedzhment v usloviyah cifrovizacii: problemy, novye resheniya i perspektivy. Sbornik nauchnyh trudov* [Economics and management in the conditions of digitalization: problems, new solutions and prospects: collection of scientific papers]. Rostov-on-Don, Don. St. Technical Publ., 2022, pp. 8–10. (In Russ.)

6. Harris S. D., Krueger A. B. A proposal for modernizing labor laws for twenty-first-century work: the "independent worker. The Hamilton project. 2015. Available at: https://onlabor.org/wp-content/uploads/2017/05/modernizing_labor_laws_for_twenty_first_ century_work_krueger_ harris.pdf (accessed 12.09.2022)

7. Kosheleva O., Viera Ju., Kreinovich V. From gig economy to gig education. *Mathematical Structures and Modeling*, 2019, vol. 2(50), pp. 107–111. https://doi.org/10.25513/2222-8772.2019.2.107–111

8. Cherry M. A., Aloisi A. Dependent contractors in the gig economy: A comparative approach. *SSRN Electronic Journal*, 2016, vol. 66, pp. 635–689.

9. Kenney M., Zysman J. Unicorns, Cheshire cats, and the new dilemmas of entrepreneurial finance. *Venture Capital*, 2019, vol. 21(1), pp. 35–50. http://dx.doi.org/10.1080/13691066.2018.1517430

10. Muromec N. E. Ohrana truda v otraslyah "gig-ekonomiki" [Labor protection in the sectors of "gig economy"]. *Vestnik Doneckogo nacional'nogo universiteta. Seriya V: Ekonomika i pravo = Bulletin of Donetsk National University. Series B: Economics and Law*, 2021, no. 1, pp. 139–149.

11. Litovchenko O. V. Gig-ekonomika kak novaya model' trudovyh otnoshenij [Gig economy as a new model of labor relations]. *Voprosy ustojchivogo razvitiya obshchestva = Issues of sustainable development of society*, 2020, no. 9, pp. 130–136. https://doi.org/10.34755/IROK.2020.14.17.017.

12. Vohmyanina A. S. Pravovoe regulirovanie gig-ekonomiki v Rossii [Legal regulation of gig economy in Russia]. *Alleya nauki = Alley of Science*, 2022, vol. 1, no. 4(67), pp. 732–736.

13. Hasan S. Instrumenty Gig Economy v social'no-trudovyh otnosheniyah i v ispol'zovanii trudovyh resursov gostinichnogo biznesa [Iq Economy tools in social and labor relations and in the use of labor resources of the hotel business]. *Estestvenno-gumanitarnye issledovaniya = Natural sciences and humanities research*, 2021, no. 33(1), pp. 205–212. https://doi.org/10.24412/2309-4788-2021-10857.

14. Tran M., Sokas R. K. The gig economy and contingent work: An occupational health assessment. *JOEM*, 2017, no. 59(4), pp. 63–66.

15. Yanchenko E. V. Gig-ekonomika: riski prekarizacii zanyatosti [Gig economy: risks of precarization of employment]. *Ekonomika truda = Labor economics*, 2022, vol. 9, no. 5, pp. 909–930. https://doi.org/10.18334/et.9.5.114795

16. Kalashnikova I. V., Filippova K. V. Frilans i rossijskij rynok truda [Freelancing and the Russian labor market]. *Vestnik Tihookeanskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Pacific State University,* 2020, no. 4(59), pp. 81–90.

17. Vilkova S. D. [Gig Economy today]. *Sovremennye vyzovy ekonomiki i sistem upravleniya v Rossii v usloviyah mnogopolyarnogo mira. Sbornik nauchnyh trudov Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii studentov i magistrantov* [Modern challenges of economics and management systems in Russia in a multipolar world: collection of scientific papers of the All-Russian Scientific and Practical Conference of Students and Undergraduates]; ed. by A. A. Nikiforova, V. D. Nikiforovoj, Yu. E. Putihina. St. Petersburg, OOO "Skifiya-print", 2020, pp. 41–48. (In Russ.)

18. Sinyavskaya O. V., Biryukova S. S., Aptekar' A. P., Gorvat E. S., Grishchenko N. B., Gudkova T. B., Kareva D. E. Platformennaya zanyatost': opredelenie i regulirovanie [Platform employment: definition and regulation]. Moscow, NIU VSHE Publ., 2021. 78 p.

19. Elstad J. I. Dental care coverage and income-related inequalities in foregone dental care in Europe during the great recession. *Community Dentistry and Oral Epidemiology*, 2017, no. 45(4), pp. 296–302.

20. Yachmeneva V. M., Yachmenev E. F. Stanovlenie trudovyh otnoshenij v cifrovoj ekonomike: realii i perspektivy [The formation of labor relations in the digital economy: realities and prospects]. *Nauchnyj vestnik: finansy, banki, investicii = Scientific Bulletin: finance, banks, investments*, 2020, no. 4(53), pp. 87–94. https://doi.org/10.37279/2312-5330-2020-4-87-94

Информация об авторе / Information about the Author

Пономарченко Анастасия Евгеньевна, старший преподаватель кафедры финансового и предпринимательского права, Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Волгоград, Российская Федерация,
e-mail: ponomarchenko.anasatsiya@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-5476-7931

Anastasia E. Ponomarchenko, Senior Lecturer, Department of Financial and Entrepreneurial Law, Volgograd Institute of Management - branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Volgograd, Russian Federation,
e-mail: ponomarchenko.anasatsiya@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-5476-7931

Оригинальная статья / Original article

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-6-61-71

CC BY 4.0

О способах защиты чести, достоинства и деловой репутации

И. В. Фролов[1] ✉

[1]Верховный Суд Российской Федерации
ул. Поварская 15, г. Москва 121260, Российская Федерация

✉ e-mail: login8@mail.ru

Резюме

Актуальность. *В статье рассмотрены особенности способов защиты чести, достоинства и деловой репутации в соответствии со статьей 152 «Защита чести, достоинства и деловой репутации» Гражданского кодекса Российской Федерации, практические и теоретические проблемы их применения. Анализируются позиции Верховного Суда Российской Федерации, сложившаяся судебная практика и дискуссионные вопросы гражданско-правовой теории, предлагаются изменения редакции статьи 152 Гражданского кодекса Российской Федерации для устранения существующих пробелов в способах защиты указанных нематериальных благ гражданина.*

Цель исследования *состоит в дополнении теоретических положений, направленных на углубление научного знания о способах защиты чести, достоинства и деловой репутации и разработке законодательных предложений для эффективной их реализации в соответствии со статьей 152 Гражданского кодекса Российской Федерации.*

Задачи*: проанализировать постановления Верховного Суда Российской Федерации и обзоры судебной практики, решения судов по конкретным делам о защите чести, достоинства и деловой репутации, выявить пробелы в редакции статьи 152 Гражданского кодекса Российской Федерации, а также изучить и актуализировать имеющиеся в теории предложения о ее модернизации.*

Методология*. Статья подготовлена на основе методов индукции и дедукции, анализа и синтеза, формально-юридического, системно-аналитического и логического методов, а также метода анализа и обобщения судебной практики.*

Результаты исследования *носят теоретико-прикладной характер и содержат сформулированные предложения по решению проблем, связанных с применением способов защиты чести, достоинства и деловой репутации гражданина.*

Вывод*. Аргументируется необходимость доработки статьи 152 Гражданского кодекса Российской Федерации в части терминологии, используемой при формулировании способов защиты чести, достоинства и деловой репутации и устранения иных пробелов, требующих внимания законодателя.*

Ключевые слова*: честь; достоинство; деловая репутация; способ защиты; порочащие сведения.*

Конфликт интересов*: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Для цитирования: Фролов И. В. О способах защиты чести, достоинства и деловой репутации // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2022. Т. 12, № 6. С. 61–71. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-5-61-71.

Поступила в редакцию 11.10.2022 Принята к публикации 15.11.2022 Опубликована 16.12.2022

© Фролов И. В., 2022

About Ways to Protect Honor, Dignity and Business Reputation

Ivan V. Frolov[1] ✉

[1]Supreme Court of the Russian Federation
15 Povarskaya Str., Moscow 121260, Russian Federation

✉ e-mail: login8@mail.ru

Abstract

Relevance. *The article considers the features of ways to protect honor, dignity and business reputation in accordance with Art. 152 "Protection of honor, dignity and business reputation" of the Civil Code of the Russian Federation, practical and theoretical problems of their application. The positions of the Supreme Court of the Russian Federation, the established judicial practice and discussion issues of civil law theory are analyzed, changes are proposed to the revision of Art. 152 of the Civil Code of the Russian Federation to eliminate existing gaps in the methods of protecting the indicated intangible benefits of a citizen.*

The purpose *of the study is to supplement the theoretical provisions aimed at deepening scientific knowledge on ways to protect honor, dignity and business reputation, and to develop legislative proposals for their effective implementation in accordance with Art. 152 of the Civil Code of the Russian Federation.*

Objectives: *to analyze the decisions of the Supreme Court of the Russian Federation and reviews of judicial practice, court decisions in specific cases on the protection of honor, dignity and business reputation, to identify gaps in the revision of Art. 152 of the Civil Code of the Russian Federation, as well as to study and update the proposals available in the theory on its modernization.*

Methodology. *The article was prepared on the basis of methods of induction and deduction, analysis and synthesis, formal-legal, system-analytical and logical methods, as well as the method of analysis and generalization of judicial practice.*

The results *of the study are of a theoretical and applied nature and contain formulated proposals for solving problems related to the use of methods for protecting the honor, dignity and business reputation of a citizen.*

Conclusion. *The need to finalize Art. 152 of the Civil Code of the Russian Federation in terms of terminology used in the formulation of methods for protecting honor, dignity and business reputation and eliminating other gaps that require the attention of the legislator.*

Keywords: *honor; dignity; business reputation; method of protection; defamatory information.*

Conflict of interest: *The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Frolov I. V. About Ways to Protect Honor, Dignity and Business Reputation. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2022; 12(6): 61–71. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-6-61-71.

Received 11.10.2022 Accepted 15.11.2022 Published 16.12.2022

***

Введение

В информационном мире, с его стремительным развитием технологий и глобальным их внедрением, новыми социально-коммуникативными ресурсами, включая сеть Интернет, особую актуальность получила проблема нарушения права на достоинство и защиту чести и доброго имени. Доступность получаемой потребителем в сети Интернет информации, высокая скорость обратной связи, анонимность участников различных интернет-платформ (сайты, социальные сети и др.) привели к массовому увеличению создания информационного потока и объема потребления информации обычными пользователями в сравнении с иными средствами коммуникации. Глобальные трансформации информационной сферы способствовали не только

расширению виртуальных границ свободы распространения информации и выражения мнений, но и появлению угроз, связанных со злоупотреблением ими [1, с. 52]. Это проявляется в диффамации, т. е. распространении сведений, не соответствующих действительности, порочащих честь, достоинство и деловую репутацию гражданина, защиту которых как нематериальных благ провозглашает ст. 152 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) с одноименным названием. Конституция Российской Федерации называет право на защиту чести и доброго имени среди многих личных прав человека, не обусловленных имущественными отношениями и подлежащих правовой защите (ст. 23). Государством охраняется и достоинство личности, и ничто не может быть основанием для его умаления (ст. 21). Вместе с тем ст. 29 Конституции гарантирует каждому свободу мысли и слова, а также свободу массовой информации, а ст. 10 Конвенции о защите прав человека и основных свобод закрепляет право каждого свободно выражать свое мнение[1]. Международный законодатель при этом ввел разумные законные ограничения для этого права в целях «охраны здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц, предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально» (п. 2 ст. 10). Другими словами, право на выражение своего мнения соответствует обязанности не нарушать честь и достоинство других лиц. В этой связи особую актуальность приобретает тема о способах защиты чести, достоинства и деловой репутации как личных нематериальных благ, а также новых подходов к преодолению правоприменительных проблем, связанных с их реализацией.

[1] Конвенция о защите прав человека и основных свобод: [Заключена в г. Риме 04.11.1950: с изм. от 24.06.2013]. URL: https://www. consultant.ru/document/cons_doc_LAW_29160/ (дата обращения: 21.08.2022)

Методология

Тематика работы предопределила применение арсенала общенаучных и специально-юридических методов, среди которых: методы дедукции, индукции, анализа и синтеза, а также формально-юридический, системно-аналитический, логический и анализ судебной практики. При осуществлении научного исследования использовались формально-юридический метод и метод анализа судебной практики для изучения научных публикаций, постановлений Верховного Суда РФ и конкретных решений судов по искам в соответствии со ст. 152 «Защита чести, достоинства и деловой репутации» ГК РФ, разрешающих по существу дела о защите названных нематериальных благ; системно-аналитический – для разработки теоретических положений и законодательных предложений по совершенствованию редакции ст. 152 ГК РФ в части способов защиты чести, достоинства и деловой репутации; логический – при систематизации полученного материала и формулировании выводов и результатов исследования.

Результаты и их обсуждение

В соответствии с п. 1 ст. 152 ГК РФ, гражданин вправе требовать по суду опровержения порочащих его честь, достоинство или деловую репутацию сведений, если распространивший такие сведения не докажет, что они соответствуют действительности. При этом п. 10 ст. 152 ГК РФ разрешает применить это правило не только к порочащим, но и к любым другим, не соответствующим действительности сведениям о гражданине при условии, что он докажет их несоответствие действительности. Способы защиты чести, достоинства и деловой репутации оцениваются, прежде всего, как средство охраны прав гражданина от разного рода измышлений, умаляющих или порочащих указанные блага. К примеру, Савеловский районный суд г. Москвы удовлетворил требования по

иску С. к ЗАО «Издательский дом «Комсомольская правда» о защите чести, достоинства, деловой репутации и компенсации морального вреда. В своем решении он указал, что сведения, опубликованные ответчиком в статье «В Управлении Федеральной службы судебных приставов по Москве прошли обыски», о том, что истец «причастен к вымогательству взятки, является подозреваемым и написал явку с повинной, у него были изъяты несколько десятков миллионов рублей и наручные часы стоимостью 300 тысяч долларов», не соответствуют действительности, порочат честь, достоинство и деловую репутацию С[1]. Иными словами, сведения, о которых идет речь в ст. 152 ГК РФ, *во-первых*, порочат честь и достоинство гражданина, *во-вторых*, не соответствуют действительности, а *в-третьих*, распространяются ответчиком. Об этом говорит п. 7 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 февраля 2005 г. № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации юридических лиц»[2]. В нем указано, что обстоятельствами, имеющими в силу ст. 152 ГК РФ значение для дела, являются: факт распространения ответчиком сведений об истце, порочащий характер этих сведений и несоответствие их действительности. При отсутствии хотя бы одного из указанных обстоятельств иск не может быть удовлетворен судом.

Способы защиты нематериальных благ в виде чести, достоинства и деловой репутации, применяемые при их нарушении, по своей юридической природе неоднородны и делятся на меры защиты и меры ответственности. К первым относится пресечение действий, нарушающих соответствующее нематериальное благо, либо создающее угрозу его нарушения, восстановление того положения, которое существовало до такого нарушения и др., а их основанием является само противоправное поведение, повлекшее причинение вреда. Мерами ответственности могут быть: возмещение ущерба, компенсация морального вреда, которые взыскиваются с виновного лица [2, с. 218].

По данным Верховного Суда РФ, для защиты чести, достоинства и деловой репутации заявители используют специальные (опровержение распространенных порочащих сведений, опубликование своего ответа, удаление такой информации, в том числе из сети Интернет) и общие гражданско-правовые способы защиты (компенсация морального вреда или возмещение убытков, причиненных их распространением)[3].

Специальные способы для защиты чести, достоинства и деловой репутации применяются в соответствии со ст. 152 ГК РФ. Так, согласно п. 4, когда сведения, порочащие честь, достоинство или деловую репутацию гражданина, стали широко известны и в связи с этим опровержение невозможно довести до всеобщего сведения, гражданин вправе требовать удаления соответствующей информации, а также пресечения или запрещения дальнейшего распространения указанных сведений путем изъятия и уничтожения без какой бы то ни было компенсации изготовленных в целях введения в гражданский оборот экземпляров материальных носителей, содержащих

[1] Решение Савеловского районного суда от 01.09.2015 по делу №№ 2-5445/15. URL: https://sudact.ru/regular/doc/YC1LZ9Pi1lx8/ (дата обращения: 14.09.2022).

[2] О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации юридических лиц: постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 февраля 2005 г. № 3. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52017/ (дата обращения: 20.09.2022)

[3] Обзор практики рассмотрения судами дел по спорам о защите чести, достоинства и деловой репутации: [утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 16.03.2016] // Бюлл. Верховного Суда Рос. Федерации. 2016. № 10.

указанные сведения, если без уничтожения таких экземпляров материальных носителей удаление соответствующей информации невозможно.

Современные исследования на рассматриваемую тему свидетельствуют, что особую категорию дел составляют иски о защите неимущественных прав против интернет-ресурсов [3, с. 139]. Их количество увеличивалось по мере проникновения Интернета в повседневную жизнь людей и росте числа его пользователей. В Глобальной сети фиксируются факты массового опубликования порочащих сведений, наносящих урон чести, достоинству и деловой репутации человека, когда авторы-создатели ложных сообщений и сведений остаются анонимными. В таких случаях истцу сложно защитить нарушенное право, поскольку он не владеет информацией о данных анонимного нарушителя, у него нет вещественных доказательств первоначального вида опубликованных сведений и др. [4, с. 106] Единственным выходом здесь является обращение в суд с требованием об обязании удалить порочащие сведения как не соответствующие действительности лицом, ответственным за размещение информации на конкретном сайте.

При признании информации порочащей суды, как правило, удовлетворяют требования истца о запрете такой информации к распространению на территории РФ в сети Интернет и ограничению доступа к страницам (статьям) сайтов, размещенным в Сети. Так поступил Сергиево-Посадский городской суд Московской области по иску Б., в отношении которого на ряде сайтов в сети Интернет были опубликованы статьи о возбуждении в отношении него уголовного дела, покидании территории РФ и заочном аресте Следственным комитетом Российской Федерации. Эти материалы, как признал суд, не соответствуют действительности и порочат честь, достоинство и деловую репутацию Б. В этой связи суд запретил их к распространению на территории Российской Федерации в сети Интернет и ограничил доступ к ссылкам на страницы (статьи) сайтов, размещенные в сети Интернет[1].

Иными словами, для применения такого способа защиты, как удаление порочащей гражданина информации и запрет ее распространения на территории России в сети Интернет, учитывается, что эта информация умаляет честь, достоинство и деловую репутацию гражданина; она стала широко известной; отсутствует возможность довести опровержение до всеобщего сведения [5, с. 96]. При этом способы защиты, состоящие в удалении соответствующей информации и удалении информации в сети Интернет, предусмотренные п. 4 и ст. 152 ГК РФ, разнятся, поскольку они отличаются условиями исполнения. В отличие от удаления соответствующей информации по п. 4 ст. 152 ГК РФ во втором случае не требуется, чтобы сведения, порочащие честь, достоинство или деловую репутацию гражданина, размещенные в сети Интернет, были «широко известными». После распространения в Сети они должны быть в свободном доступе. При этом гражданин вправе требовать опровержения указанных сведений способом, обеспечивающим доведение опровержения до пользователей сети Интернет (п. 5 ст. 152 ГК РФ) [6, с. 86].

Научную дискуссию здесь вызывает понятие «широко известны» применительно к сведениям, порочащим честь, достоинство или деловую репутацию гражданина. М. Ю. Тихомиров, толкуя значение этого словосочетания, предложил при невозможности доведения опровержения до всеобщего сведения расширить круг лиц, которым могли стать известны порочащие сведения, чем круг потребителей информации, распростра-

[1] Решение Сергиево-Посадского городского суда Московской области от 28.07.2020 по делу № 2-3332/2020. URL: https://sudact.ru/regular/doc/I2LDQY3yE7oR/ (дата обращения: 20.09.2022).

няемой соответствующим средством массовой информации или печатным изданием. По его мнению, более точные критерии применения положений данного способа защиты должны быть выработаны судебной практикой [7, с. 22], а потому ученые предлагают раскрыть это понятие в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 24 февраля 2005 г. № 3 для разграничения способов защиты названных благ.

Другую проблему теоретики видят в сложности отграничения оценочных суждений, мнений и убеждений от утверждений о фактах или событиях, которые можно проверить на соответствие действительности согласно ст. 152 ГК РФ [8, с. 246; 9, с. 92]. Отсюда следует, что при распространении негативных оценочных суждений как субъективного мнения конкретного человека указанные блага также страдают, но не могут быть защищены, несмотря на то, что они ущемляются. Все дело в том, что в ст. 152 ГК РФ говорится о «порочности» сведений, их «недостоверности», а не о субъективном суждении о человеке другого лица. К тому же сам ГК РФ в этом случае не предусматривает права на ответ. Указанные пробелы, на наш взгляд, должны устраняться законодателем, а не разъяснением Верховного Суда РФ. Так, п. 9 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 февраля 2005 г. № 3 допускает защиту чести, достоинства или деловой репутации, если субъективное мнение в отношении истца было высказано в оскорбительной форме, их унижающей, с возложением обязанности компенсации морального вреда (ст. 130 УК РФ, ст. 150, 151 ГК РФ). Такое разъяснение многие авторы признают расширением пределов защиты нематериальных благ, а именно доброго имени, и не только в случаях распространения порочащих сведений [10, с. 162].

Дискуссионным является и предложение некоторых исследователей о неприменении положений ст. 152 ГК РФ к спорам о защите достоинства, если честь или деловая репутация человека не были опорочены. По их мнению, если достоинство с объективной точки зрения признается нарушенным, то это означает и опорочение чести. И напротив, если честь или деловая репутация гражданина не умалены, то суды отказывают в иске о защите права на достоинство [11, с. 259]. Ведь тогда суд не может установить факт распространения порочащих сведений, не соответствующих действительности.

Очевидно, что в науке и законодательстве феномены «честь» или «достоинство» употребляются в одном словосочетании, что сформировало мнение об их равнозначности. Некоторые авторы честь и достоинство отождествляют и с деловой репутацией [12, с. 464], что ошибочно. Как верно отмечается в литературе: «Честь – это общественное признание личности человека, а достоинство – внутренне присущая ценность» [13, с. 104]. Такая позиция подтверждается и аргументами о том, что в практике многочисленны примеры унижения достоинства человека без причинения вреда его чести. Речь идет о нахождении лица в условиях, недостойных для него как личности. И здесь страдает достоинство, потому что имеет место неуважительное отношение к человеку.

Не затрагивается честь и при оскорблении человека, при злоупотреблении другими лицами своими правами с целью причинения вреда, однако его достоинству наносится вред из-за нравственных переживаний [14, с. 191]. Такой подход к понятию «достоинство» обозначен во многих международных актах, касающихся запрещения пыток. Так, Конвенция о защите прав человека и основных свобод декларирует в ст. 3: «Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию[1].

[1] Конвенция о защите прав человека и основных свобод: [Рим, 04 ноября 1950 г.].

По нашему мнению, аргументация ученых вполне убедительна, поскольку доказательства умаления достоинства обусловливаются исключительно посягательством на честь или деловую репутацию. Защиту достоинства как нематериального блага при его умалении можно осуществлять и в соответствии со ст. 150 ГК РФ «Нематериальные блага» с компенсацией морального вреда согласно ст. 151 ГК РФ. В этой связи вполне оправданным является предложение теоретиков об исключении из названия и текста ст. 152 ГК РФ слова «достоинство» [11, с. 259].

Совершенно обоснованно, по мнению комментаторов, в п. 1 ст. 152 ГК РФ законодатель включил положение о том, что опровержение как способ защиты нарушенного блага должно быть сделано тем же или другим аналогичным способом, которым были распространены сведения о гражданине. Соглашаясь с таким решением законодателя, полемика теоретиков развернулась вокруг самого термина «опровержение», не раскрытого в законе, его реализации и недостатков. Как пишет А. Л. Анисимов, опровержение – это не только обоснованное отрицание распространенных порочащих сведений, а обязанность доведения их порочности до круга лиц, в среде которых сведения были распространены, информации о признании судом несоответствия действительности [15, с. 30]. Эта дефиниция подверглась критике за такую широкую трактовку, поскольку в ней выделяется не главный признак – «доведение до круга лиц» (С. В. Потапенко [16, с. 12]) и указывается добровольный характер опровержения и действий причинителя вреда, когда имеет место принудительный судебный характер (Е. В. Гаврилов [17, с. 50]).

При изучении этого способа защиты ученые предлагают изменить редакцию п. 2 ст. 152 ГК РФ, поскольку он допускает неверное толкование о том, что требование об опубликовании ответа может быть предъявлено лишь совместно с требованием об опровержении [18, с. 80]. Думается, что такие предложения должны быть учтены законодателем для повышения эффективности опровержения как способа защиты нематериальных благ гражданина.

Обсуждается в теории гражданского права и то, что удаление не соответствующей действительности информации и пресечение или запрещение дальнейшего распространения ущемляющих честь, достоинство, деловую репутацию сведений близки по своей юридической природе, но не тождественны. В этой связи многими авторами предлагаются критерии разграничения данных способов защиты друг от друга. Они есть разновидность пресечения действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения (абз. 3 ст. 12 ГК РФ) как общего способа защиты гражданских прав, однако разница между ними в том, что при удалении уничтожается сама информация в целях невозможности дальнейшего с ней ознакомления, а при пресечении и запрещении – материальные носители (документы, аудио-, видеозаписи и др.) [19, с. 43]. При этом подлежит удалению не весь текст на странице, а информация, которая признана ущемляющей честь, достоинство, деловую репутацию и содержится в отдельной фразе, предложении, чтобы читатель не имел возможности с ними ознакомиться. Удаление и будет одновременно являться пресечением дальнейшего распространения порочащих сведений.

Само произведение, если речь идет о самостоятельном издании, не подлежит уничтожению. Если же суд наложил запрет распространять указанные сведения, то уполномоченное лицо обязано следовать такому запрету, а экземпляры материальных носителей изымаются или подлежат уничтожению [6, с. 84]. В этом смысле справедливо отмечается теоретиками и поддерживается автором отсутствие разницы между пресечением и за-

прещением как видом пресечения, что и обусловливает предложения об исключении их альтернативности в п. 4 ст. 152 ГК РФ [20, с. 162].

Обращают внимание ученые и на другую проблему в связи с применением этих понятий. О. Ш. Аюпов, в частности, пишет о том, что п. 4 ст. 152 ГК РФ предписывает удалять не порочащие честь, достоинство и деловую репутацию сведения, а информацию с такими сведениями. Автор в этой связи указывает на неточность такой формулировки, поскольку из текста нормы не ясно, требуется ли удалить всю информацию или часть ее, где содержатся диффамационные сведения [21, с. 92]. Полагаем, что термин «информация» включает все ее виды, в том числе сведения (сообщения, данные), а потому законодатель использовал этот термин только для разгрузки текста от повторов. В этой связи суд указывает именно те порочащие сведения, которые содержатся во всей информации (к примеру, статья, сообщение, комментарий) и способ их удаления.

Выводы

Подводя итог изложенному, отметим, что законодателем не дается толкования понятия «широко известны», используемому в п. 4 ст. 152 ГК РФ. Между тем оно выступает в качестве разграничительного признака таких способов защиты чести, достоинства и деловой репутации граждан, как удаление порочащей информации и удаление порочащей информации в сети Интернет, предусмотренных п. 4 и 5. Их отграничению между собой послужит закрепление дефиниции «широко известны» в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 24 февраля 2005 г. № 3.

Ввиду того, что в п. 4 ст. 152 ГК РФ создается искусственная конкуренция между такими самостоятельными способами защиты чести, достоинства или деловой репутации гражданина, как пресечение и запрещение дальнейшего распространения порочащих, т. е. не соответствующих действительности, сведений, следует исключить из текста п. 4 ст. 152 ГК РФ слово «запрещение». Запрещение и есть разновидность пресечения дальнейшего распространения ложных сведений.

Редакция п. 2 ст. 152 ГК РФ допускает неверное толкование о том, что требование об опубликовании ответа может быть предъявлено исключительно совместно с требованием об опровержении сведений, не соответствующих действительности. В этой связи может быть предложено исключение из текста п. 2 ст. 152 ГК РФ слов «наряду с опровержением».

Предлагается поддержать мнение ученых и об исключении слова «достоинство» из наименования и содержания ст. 152 ГК РФ и применять ее исключительно для защиты чести и деловой репутации гражданина, поскольку суды отказывают в иске о защите достоинства в случаях, когда честь либо деловая репутация лица не умалены.

Список литературы

1. Кузнецов М. Н., Тельнов А. В. Гражданско-правовая защита репутации Российской Федерации от диффамации // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2022. № 55. С. 48–69.

2. Гусалова А. Р. Способы защиты нематериальных благ // Фундаментальные и прикладные исследования: проблемы и результаты. 2015. № 21. С. 216–220.

3. Богданова М. С. Особенности судебной правоприменительной практики по рассмотрению дел о защите чести, достоинства и деловой репутации в гражданском процес-

се: теоретико-правовой анализ // Право и государство: теория и практика. 2015. № 7. С. 137–140.

4. Рахматулин З. Р., Шаркевич Д. В. Современные проблемы реализации права на защиту достоинства личности в России // Эпоха науки. 2020. № 21. С. 104–108.

5. Бегунков И. Д. Честь, достоинство и деловая репутация как правовые категории // Вестник науки и образования. 2018. № 17-1 (53). С. 95–97.

6. Селина А. А., Холоденко Ю. В. Способы защиты чести, достоинства и деловой репутации, направленные на пресечение дальнейшего распространения порочащих сведений // Юрислингвистика. 2016. № 5. С. 80–87.

7. Тихомиров М. Ю. Защита чести, достоинства и деловой репутации: новые правила. М.: Тихомиров М. Ю., 2014. 48 с.

8. Нохрина М. Л. Проблемы применения новой редакции статьи 152 Гражданского кодекса Российской Федерации (закон РФ № 142-ФЗ от 2 июля 2013 г.) // Правоведение. 2014. № 3 (314). С. 244–248.

9. Бегунков И. Д. Проблемы развития гражданского законодательства в сфере защиты чести, достоинства и деловой репутации // Вестник науки и образования. 2018. № 17-1 (53). С. 92–94.

10. Михеева Л. Ю. Модернизация института нематериальных благ: достижения и перспективы // Кодификация российского частного права 2015 / под ред. П. В. Крашенинникова. М.: Статут, 2015. С. 160–171.

11. Подрабинок Е. М. Особенности гражданско-правовых способов защиты достоинства личности // Пермский юридический альманах. 2018. № 1. С. 258–267.

12. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации: в 3 т. / Т. Е. Абова [и др.]; под ред. Т. Е. Абовой, А. Ю. Кабалкина. М.: Юрайт-Издат, 2006. Т. 1. 464 с.

13. Лоос Е. В. Честь и репутация: некоторые вопросы совершенствования понятийного аппарата в сфере защиты личных неимущественных прав // Сибирское юридическое обозрение. 2018. № 1. С. 103–106.

14. Стриганова Т. М. Защита чести, достоинства и деловой репутации граждан // Вестник науки. 2022. № 1 (46). С. 189–200.

15. Анисимов А. Л. Гражданско-правовая защита чести, достоинства и деловой репутации по законодательству Российской Федерации. М.: ВЛАДОС-Пресс, 2001. 222 с.

16. Потапенко С. В. Гражданско-правовая защита чести, достоинства и деловой репутации от диффамации в СМИ. Иркутск: Изд-во БГУ-ЭП, 2008. 279 с.

17. Гаврилов Е. В. Опровержение не соответствующих действительности порочащих сведений как способ защиты чести, достоинства и деловой репутации // Законодательство и экономика. 2012. № 9. С. 46–51.

18. Селина А. А., Холоденко Ю. В. Опровержение и право на ответ: проблемы применения специальных способов защиты чести, достоинства и деловой репутации // Известия Алтайского государственного университета. 2017. № 6 (98). С. 78–82.

19. Гаврилов Е. В. Удаление информации, пресечение или запрещение дальнейшего распространения сведений как способы защиты чести, достоинства и деловой репутации // Законодательство и экономика. 2014. № 9. С. 41–45.

20. Судебная лингвистика: монография / О. Н. Матвеева, Н. В. Вязигина, Ю. В. Холоденко [и др.]. Барнаул: Лингва-эксперт, 2015. 309 с.

21. Аюпов О. Ш. Модернизация статьи 152 ГК РФ в рамках реформы гражданского законодательства России // Вестник Томского государственного университета. Право. 2013. № 1 (7). С. 90–95.

References

1. Kuznecov M. N., Tel'nov A. V. Grazhdansko-pravovaya zashchita reputacii Rossijskoj Federacii ot diffamacii [Civil legal protection of the reputation of the Russian Federation from defamation]. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki = Bulletin of Perm University. Legal sciences,* 2022, no. 55, pp. 48–69.

2. Gusalova A. R. Sposoby zashchity nematerial'nyh blag [Ways to protect intangible goods]. *Fundamental'nye i prikladnye issledovaniya: problemy i rezul'taty = Fundamental and applied research: problems and results*, 2015, no. 21, pp. 216–220.

3. Bogdanova M. S. Osobennosti sudebnoj pravoprimenitel'noj praktiki po rassmotreniyu del o zashchite chesti, dostoinstva i delovoj reputacii v grazhdanskom processe: teoretiko-pravovoj analiz [Features of judicial law enforcement practice for the consideration of cases on the protection of honor, dignity and business reputation in a civil process: theoretical and legal analysis]. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika = Law and the state: theory and practice*, 2015, no. 7, pp. 137–140.

4. Rahmatulin Z. R., Sharkevich D. V. Sovremennye problemy realizacii prava na zashchitu dostoinstva lichnosti v Rossii [Modern problems of realizing the right to protect the dignity of the person in Russia]. *Epoha nauki = Epoch of science*, 2020, no. 21, pp. 104–108.

5. Begunkov I. D. Chest', dostoinstvo i delovaya reputaciya kak pravovye kategorii [Honor, dignity and business reputation as legal categories]. *Vestnik nauki i obrazovaniya = Bulletin of Science and Education,* 2018, no. 17 (53), pt. 1, pp. 95–97.

6. Selina A. A., Holodenko Yu. V. Sposoby zashchity chesti, dostoinstva i delovoj reputacii, napravlennye na presechenie dal'nejshego rasprostraneniya porochashchih svedenij [Ways to protect honor, dignity and business reputation, aimed at preventing the further dissemination of defamatory information]. *Yurislingvistika = Legal linguistics*, 2016, no. 5, pp. 80–87.

7. Tikhomirov M. Yu. Zashchita chesti, dostoinstva i delovoy reputatsii: novyye pravila [Protection of honor, dignity and business reputation: the new rules]. Moscow, Tikhomirov M. Yu. Publ., 2014. 48 p.

8. Nohrina M. L. Problemy primeneniya novoj redakcii stat'i 152 Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii (zakon RF № 142-FZ ot 2 iyulya 2013 g.) [Problems of applying the new version of Article 152 of the Civil Code of the Russian Federation]. *Pravovedenie = Jurisprudence,* 2014, no. 3 (314), pp. 244–248.

9. Begunkov I. D. Problemy razvitiya grazhdanskogo zakonodatel'stva v sfere zashchity chesti, dostoinstva i delovoj reputacii [Problems of the development of civil legislation in the field of protection of honor, dignity and business reputation]. *Vestnik nauki i obrazovaniya = Bulletin of Science and Education*, 2018, no. 17 (53), pt. 1, pp. 92–94.

10. Miheeva L. Yu. Modernizaciya instituta nematerial'nyh blag: dostizheniya i perspektivy [Modernization of the institute of intangible goods: achievements and prospects]. Kodifikaciya rossijskogo chastnogo prava 2015 [Codification of Russian Private Law 2015]; ed. by P. V. Krasheninnikova. Moscow, Statut Publ., 2015, pp. 160–171.

11. Podrabinok E. M. Osobennosti grazhdansko-pravovyh sposobov zashchity dostoinstva lichnosti [Features of civil law methods of protecting the dignity of the person]. *Permskij yuridicheskij al'manah = Perm Legal Almanac*, 2018, no. 1, pp. 258–267.

12. Abova T. E., Kabalkin A. Yu. Kommentarij k Grazhdanskomu kodeksu Rossijskoj Federacii [Commentary on the Civil Code of the Russian Federation]. Moscow, Yurajt-Izdat, 2006. Vol. 1: Kommentarij k Grazhdanskomu kodeksu Rossijskoj Federacii, chasti pervoj. P. 464.

13. Loos E. V. Chest' i reputaciya: nekotorye voprosy sovershenstvovaniya ponyatijnogo apparata v sfere zashchity lichnyh neimushchestvennyh prav [Honor and reputation: some issues of improving the conceptual apparatus in the field of protecting personal non-property rights]. *Sibirskoe yuridicheskoe obozrenie = Siberian legal review*, 2018, no. 1, pp. 103–106.

14. Striganova T. M. Zashchita chesti, dostoinstva i delovoj reputacii grazhdan [Protection of honor, dignity and business reputation of citizens]. *Vestnik nauki = Bulletin of Science*, 2022, no. 1 (46), pp. 189–200.

15. Anisimov A. L. Grazhdansko-pravovaya zashchita chesti, dostoinstva i delovoj reputacii po zakonodatel'stvu Rossijskoj Federacii [Civil law protection of honor, dignity and business reputation under the legislation of the Russian Federation]. Moscow, VLADOS-Press Publ., 2001. 222 p.

16. Potapenko S. V. Grazhdansko-pravovaya zashchita chesti, dostoinstva i delovoj reputacii ot diffamacii v SMI [Civil law protection of honor, dignity and business reputation from defamation in the media]. Irkutsk, BSU-EP Publ., 2008. 279 p.

17. Gavrilov E. V. Oproverzhenie ne sootvetstvuyushchih dejstvitel'nosti porochashchih svedenij kak sposob zashchity chesti, dostoinstva i delovoj reputacii [Refutation of defamatory information that does not correspond to reality as a way to protect honor, dignity and business reputation]. *Zakonodatel'stvo i ekonomika = Legislation and economics*, 2012, no. 9, pp. 46–51.

18. Selina A. A., Holodenko Yu. V. Oproverzhenie i pravo na otvet: problemy primeneniya special'nyh sposobov zashchity chesti, dostoinstva i delovoj reputacii [Refutation and right to answer: problems of applying special methods of protecting honor, dignity and business reputation]. *Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta = Proceedings of the Altai State University,* 2017, no. 6 (98), pp. 78–82.

19. Gavrilov E. V. Udaleniye informatsii, presecheniye ili zapreshcheniye dal'neyshego razvitiya svedeniy kak sposoby zashchity chesti, dostoinstva i delovoy reputatsii [Destruction of information, the suppression or prohibition of further dissemination of information as ways of protection of honor, dignity and business reputation]. *Zakonodatel'stvo i ekonomika = The Legislation and economics,* 2014, no. 9, pp. 41–45.

20. Matveeva O. N., Vyazigina N. V., Holodenko Yu. V., eds. Sudebnaya lingvistika [Forensic linguistics]. Barnaul, Lingva Expert, 2015. 309 p.

21. Ayupov O. Sh. Modernizaciya stat'i 152 GK RF v ramkah reformy grazhdanskogo zakonodatel'stva Rossii [Enhancement of article 152 of the Civil Code of the Russian Federation in the framework of the reform of the civil legislation of Russia]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo = Bulletin of Tomsk State University. Law*, 2013, no. 1 (7), pp. 90–95.

Информация об авторе / Information about the Author

Фролов Иван Владимирович, кандидат юридических наук, помощник судьи, 2 судебный состав Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: login8@mail.ru,
ORCID: 0000-0001-5066-8701

Ivan V. Frolov, Cand. of Sci. (Juridical), Assistant Judge, 2 judicial composition of the Judicial Collegium on economic disputes of the Supreme Court of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation,
e-mail: login8@mail.ru,
ORCID: 0000-0001-5066-8701

Оригинальная статья / Original article

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-6-72-84

(cc) BY 4.0

Соотношение назначения и цели уголовного судопроизводства в Российской Федерации

Л. Г. Татьянина[1] ✉, Н. О. Машинникова[1]

[1]Удмуртский государственный университет
ул. Университетская 1, г. Ижевск 426034, Российская Федерация

✉ e-mail: larisa-lisa@mail.ru

Резюме

Актуальность *исследования обусловлена несоответствием назначения уголовного судопроизводства, сформулированному в статье 6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации его целям, установленным в статье 297 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, которые возможно достичь только посредством состязательной формы уголовного судопроизводства. Такое несоответствие порождает проблемы правоприменения, которые, в свою очередь, снижают эффективность уголовного судопроизводства в целом.*

Целью *является исследование уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации относительно возможности постановления по делу приговора, соответствующего статье 297 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.*

Задачи*: выявить взаимодействие уголовно-процессуальных норм на предмет возможности достижения в уголовном судопроизводстве результата, обозначенного в статье 297 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, изучить различные мнения ученых по данному вопросу.*

Методология. *Методологической основой исследования является метод диалектического научного познания; системный подход к рассматриваемой проблеме, исторический метод, формально-логический и так далее.*

Результаты. *В ходе исследования в работе выявлены дефекты уголовно-процессуального законодательства в части его внутренних противоречий между назначением, формой и целями, которые не всегда позволяют постановить по делу законный, обоснованный и справедливый приговор.*

Вывод. *Действующее уголовно-процессуальное законодательство исходит из разных подходов к понятию справедливости (как средства и цели). Между тем справедливость как средство (равнозначность прав сторон – участников уголовного судопроизводства) в состязательном процессе не обеспечивает достижение справедливого решения по делу, а назначение уголовного судопроизводства как его функция не позволяет обеспечить достижения цели уголовного судопроизводства, что порождает проблемы правоприменения, которые, в свою очередь, снижают эффективность уголовного судопроизводства в целом.*

Ключевые слова: *уголовное судопроизводство; цель уголовного судопроизводства; справедливость; истина; состязательность; гуманизм.*

Конфликт интересов*: Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Для цитирования: Татьянина Л. Г., Машинникова Н. О. Соотношение назначения и цели уголовного судопроизводства в Российской Федерации // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2022. Т. 12, № 6. С. 72–84. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-6-72-84.

Поступила в редакцию 11.10.2022 Принята к публикации 17.11.2022 Опубликована 26.12.2022

© Татьянина Л. Г., Машинникова Н. О., 2022

The Ratio of the Purpose and Purpose of Criminal Proceedings in the Russian Federation

Larisa G. Tatyanina[1] ✉, Natalia O. Mashinnikova[1]

[1]Udmurt State University
1 Universitetskaya Str., Izhevsk 426034, Russian Federation

✉ e-mail: larisa-lisa@mail.ru

Abstract

The relevance *of the study is due to the inconsistency of the purpose of criminal proceedings formulated in Article 6 of the Code of Criminal Procedure with its goals set out in Article 297 of the Code of Criminal Procedure, which can only be achieved through an adversarial form of criminal proceedings. This discrepancy creates problems of law enforcement, which in turn reduce the effectiveness of criminal proceedings in general.*

The purpose *is to study the criminal procedure legislation of the Russian Federation regarding the possibility of a verdict in the case corresponding to Article 297 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation.*

The objectives *of the study are: the study of criminal procedural norms in their interaction for the possibility of achieving the result indicated in Article 297 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in criminal proceedings, as well as the analysis of various positions on this issue.*

Methodology. *The methodological basis of the research is the method of dialectical scientific cognition; a systematic approach to the problem under consideration, a historical method, a formal logical method, etc.*

Results. *In the course of the research, the defects of the criminal procedure legislation were revealed in terms of its internal contradictions between the purpose, form and goals, which do not always allow a lawful, reasonable and fair sentence to be passed in the case.*

Conclusion. *The current criminal procedure legislation proceeds from different approaches to the concept of justice (as a means and an end). Meanwhile, justice as a means (the equivalence of the rights of the parties participating in criminal proceedings) in the adversarial process does not ensure the achievement of a fair decision in the case, and the purpose of criminal proceedings as its function does not allow achieving the goal of criminal proceedings, which generates problems of law enforcement, which in turn reduce the effectiveness of criminal proceedings as a whole.*

Keywords: *criminal proceedings; purpose of criminal proceedings; justice; truth; competitiveness; humanism.*

Conflict of interest: *The Authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Tatyanina L. G., Mashinnikova N. O. The Ratio of the Purpose and Purpose of Criminal Proceedings in the Russian Federation*. Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2022; 12(6): 72–84. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-6-72-84.

Received 11.10.2022 Accepted 17.11.2022 Published 26.12.2022

***

Введение

Споры о назначении правосудия по уголовным делам и о необходимости установления по ним истины не одно десятилетие терзают умы учёных и практиков.

При разработке действующего уголовно-процессуального кодекса законодатель уклонился от легализации формулировки «цели» уголовного судопроизводства, заменив её на менее конкретное «назначение», которое в соответствии со ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации направлено на защиту прав его добросовестных невластных участников:

– потерпевшего;

– лица, незаконно привлекаемого к уголовной ответственности.

На наш взгляд, нельзя безусловно согласиться с позицией М. К. Свиридова в том, что цели уголовно-процессуального права определяются целями уголовного права [1, с. 52]. Действительно, уголовное право реализуется посредством уголовного судопроизводства, но их цели отнюдь не идентичны и даже не взаимозаменяемы.

Исходя из того, что назначение уголовного судопроизводства представляет собой его функцию (предназначенность), то его цель, на наш взгляд, допустимо рассматривать в качестве необходимости достижения желаемого результата, который зафиксирован в ст. 297 УПК РФ в части требований к приговору, а именно его законность, обоснованность и справедливость.

Можно не согласиться с заданной целью уголовного судопроизводства и указать на то, что такая цель может быть лишь у правосудия, но здесь следует отметить, что наличие, помимо судебной, ещё и досудебной стадии уголовного судопроизводства не противоречит данному утверждению, поскольку именно посредством правосудия принимается окончательное решение по делу. Все остальные способы урегулирования, но не разрешения уголовно-правового конфликта не направлены на рассмотрение его по существу.

В этом контексте следует уделить внимание ещё одной составляющей уголовного судопроизводства, а именно его форме (виду), поскольку именно она определяет процессуальные права, обязанности и полномочия правоприменителя, а также возможность и процедуру их реализации и одновременно является их пределами, выход за которые строго запрещён. В соответствии со ст. 15 УПК РФ уголовное судопроизводство в Российской Федерации осуществляется на основе состязательности сторон. Кроме того, состязательная форма процесса закреплена в ст. 123 Конституции РФ и является общей формой для всех видов судопроизводств на территории нашей страны.

Таким образом, любой вопрос уголовного судопроизводства следует рассматривать с учётом его трёх неизменных характеристик:

– назначения уголовного судопроизводства (ст. 6 УПК РФ);

– цели уголовного судопроизводства (ст. 297 УПК РФ);

– формы уголовного судопроизводства (ст. 15 УПК РФ, ст. 123 Конституции РФ).

Методология

Методологической основой исследования является диалектический метод научного познания, который позволил выявить отсутствие концептуального единства российского уголовного процесса в части его назначения через форму реализации к достижению его цели.

Также для достижения цели исследования были использованы исторический метод, позволяющий проследить развитие представлений о справедливости в рамках осуществления правосудия по уголовным делам; системный подход к рассматриваемым проблемам, формально-логический метод, нашедший своё выражение в толковании содержания правовых норм, регламентирующих назначение уголовного судопроизводства, его цели, принципы и форму и т.д.

Применённая методология исследования позволила достигнуть поставленной цели и решить сформулированные задачи исследования, а также выявить дефекты правового регулирования в части несоответствия назначения и цели уголовного судопроизводства.

Результаты и их обсуждение

Уголовное преследование имеет своей целью борьбу с преступностью, однако такой цели не может быть у суда (ч. 3 ст. 15 УПК РФ), поскольку её наличие

будет презюмировать его пристрастность и не позволит постановить по делу приговор, в полной мере соответствующий ст. 297 УПК РФ.

Само уголовное преследование не может являться самоцелью в любом демократическом обществе, поскольку представляет собой легализованную форму репрессии, а значит, является методом борьбы с преступностью, в том числе посредством мер государственного принуждения. Уголовная репрессия необязательно обусловлена законом, поскольку может осуществляться вне законодательных рамок – самоуправно, а следовательно, закон должен не только её легализовать, но и обеспечить лиц, вовлекаемых в уголовное судопроизводство процессуальными гарантиями. Уголовное преследование, являясь функцией стороны обвинения, направленной на изобличение подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления, вписывается в общее назначение уголовного судопроизводства весьма условно, и то только при наличии двух обстоятельств:

1) наличии коррелирующей функции по защите;

2) требовании установления истины.

Поскольку законодатель в уголовно-процессуальном законе при определённых обстоятельствах прямо допускает возможность достижения лишь юридической истины (при применении презумпции невиновности, в упрощённых процедурах судопроизводства и пр.), то логично предположить, что суд в уголовном процессе не может отвечать за истину, за неё отвечают стороны. В противном случае суд будет пристрастным и превратится в орган уголовного преследования.

По справедливому мнению Т. Г. Морщаковой, достижение объективной истины в российском уголовном судопроизводстве вообще не является приоритетом в контексте того, что больше 60% дел рассматриваются судами без исследования доказательств. По её точному замечанию, в случае введения принципа объективной истины все виды упрощённого судопроизводства должны исчезнуть, что потребует колоссальных дополнительных расходов для государства[1].

Данный подход даёт понимание того, почему законодатель нормативно не закрепил понятие цели уголовного судопроизводства, поскольку она обусловлена индивидуальными признаками, зависит от обоюдного поведения сторон, их индивидуальными интересами и не всегда совпадает с целью правосудия по уголовным делам. Анализируя теорию Р. Иеринга о целях в праве, который пришёл к выводу, что главным фактором действия в праве является цель, которая впоследствии стала пониматься через интерес [2], А. И. Экимов приходит к выводу, что цели всегда объективны по своему источнику, поскольку направлены на удовлетворение реально существующих интересов и потребностей [3, с. 55]. Между тем В. Ю. Стельмах полагает, что в зависимости от степени абстрагирования цель, в том числе уголовного судопроизводства, необходимо рассматривать на объективном и субъективном уровнях. При этом автор рассматривает субъективную цель как элемент поведения и сознательной деятельности человека [4, с. 56].

Как справедливо отмечает А. В. Агутин, наличие истины в уголовном процессе вовсе не зависит от того, упоминается указанное слово в УПК РФ или нет [5, с. 26]. Однако даёт возможность для разнообразных процессуальных манипуляций, поскольку, по верному мнению В. М. Савицкого, любая идея обязательно должна быть сформулирована в законе, и пока её нет в законе, она остаётся только идеей и не может быть руководящей, обязательной для исполнения [6, с. 1].

И вот здесь, на наш взгляд, кроется концептуальный вопрос современного

[1] Морщакова Т. Г. По пути Вышинского?: [интервью в студии Радио Свобода] // Русь Сидящая. URL: https://zekovnet.ru/tamara-morshhakova-po-puti-vyshinskogo/ (дата обращения: 27.09.2022).

уголовного судопроизводства: совместимо ли требование законодателя о постановлении обоснованного и справедливого приговора с состязательной формой судебного процесса и его назначением?

Отдельно останавливаться на вопросе обоснованности приговора, на наш взгляд, не имеет смысла, поскольку обоснование всегда конкретно и индивидуально, зависит от того, что именно требуется обосновать и в целом вписывается в контекст состязательного процесса. Между тем ответ на вопрос о справедливости приговора как результата уголовного судопроизводства по конкретному делу в контексте его формы и назначения вызывает определённые сложности. При этом неоспорим тот факт, что справедливый приговор не может быть незаконным и необоснованным.

В этом контексте следует обратить внимание, не вдаваясь в её оценку, на позицию Г. М. Резника, который полагает, что при принятии обвиняемым на себя чужой вины следует относиться уважительно к свободной воле человека распорядиться своей судьбой [7].

Однако справедлив ли результат такого уважительного отношения к воле обвиняемого, обусловленной сокрытием иных лиц, совершивших преступление, либо его желанием быть привлечённым к уголовной ответственности за менее тяжкое преступление, чем он совершил на самом деле, и таким образом скрыться от уголовного преследования.

На необходимость доктринального закрепления принципа справедливости в уголовном процессе, обеспеченного соответствующим комплексом процессуальных инструментариев, указывает Т. Н. Москалькова[1]. Согласно выводам, изложенным в Докладе Уполномоченного по правам человека за 2021 г., в настоящее время на первое место выходит запрос на процессуальную справедливость в уголовном процессе, которая является гарантом обеспечения прав его участников. При этом И. Б. Михайловская указывает, что доминирование юридической истины в уголовном судопроизводстве отражает современные представления о социальной ценности судебной процедуры не как репрессии, а как способа разрешения возникающих конфликтов с наименьшими потерями для общества [8, с. 4].

Право издавна считалось искусством добра и справедливости. Представляется, что моральные основания и этические принципы являются главным и неопровержимым критерием правомерности всякого закона[2].

Постановление законного, обоснованного и справедливого приговора при возможности установления лишь формальной (юридической) истины, усугублённое требованиями судебной статистики и индивидуальными показателями эффективности деятельности конкретных правоприменителей, не позволяет достичь назначения уголовного судопроизводства. В качестве самостоятельного негативного, взаимосвязанного с здесь приведёнными факторами, Т. Г. Морщакова указывает на наличие у судьи самоцензуры, поскольку он понимает, что если его решение будет отменено высшей инстанцией, то это снизит его личные показатели и его «не очень будут любить»[3].

[1] Москалькова Т. Н. Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2021 года. М., 2021. С. 221.

[2] Особое мнение судьи Конституционного Суда РФ А. Л. Кононова на Постановление Конституционного Суда РФ от 28.06.2007 г. № 8-П «По делу о проверке конституционности статьи 14.1 Федерального закона «О погребении и похоронном деле» и Положения о погребении лиц, смерть которых наступила в результате пресечения совершённого ими террористического акта, в связи с жалобой граждан К. И. Гузиева и Е. Х. Кармовой». URL: https://legalacts.ru/doc/po-stanovlenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-28062007-n/ (дата обращения: 25.09.2022).

[3] Морщакова Т. Г. Судебная власть в России. Перспективы развития // Комитет по гражданским правам. 2016. 7 нояб.

Правовая ценность правосудия определяется пользой, необходимостью для функционирования и развития права, а следовательно, в его способности охранять и реализовывать действующее право [9, с. 25].

Невозможность достичь назначения уголовного судопроизводства вызывает недоверие к судебной системе и правосудию. Между тем авторитет суда обусловлен опытом общества и совокупностью его представлений о должном и необходимом. Такое должное и необходимое было сформулировано ещё Александром II в 1856 г. в период проведения судебной реформы, который указал, что «правда и милость да царствуют в судах». С. А. Пашин совершенно справедливо разделяет государство и право применительно к деятельности суда по осуществлению правосудия, указывая на то, что судья – это человек не на стороне государства, а на стороне права и гражданского общества, а следовательно, суд не карает и не защищает[1]. Лишь чёткое понимание этого постулата позволит суду стать независимым арбитром, снискать уважение и доверие у общества и достичь назначения уголовного судопроизводства. В этой связи нельзя не согласиться с Полем Анри Гольбахом в части того, что «правосудие есть основание всех общественных добродетелей»[2].

Требование о господстве правды в судах, на которое указывал Александр II, должно предъявляться не к судье, вернее не только к нему. Достижение правды в судебном процессе зависит в том числе от должного процессуального поведения сторон. Защитник не должен злоупотреблять софизмами, государственный обвинитель не должен настаивать на обвинении в случае, если оно не подтверждено доказательствами, а значит, обязан принять соответствующее процессуальное решение, суд не должен идти на компромисс в целях поддержания показателей судебной статистики и принимать «шиломыльное» решение. Лишь такое совокупное должное поведение профессиональных участников судебного производства позволяет достичь назначения уголовного судопроизводства в контексте ст. 6 УПК РФ. Следовательно, вульгаризацией было бы сводить законный интерес к потребности, а защиту этого интереса к предоставлению услуги [10, с. 129]. Однако следует отметить, что в текущем положении дел компромисс зачастую является единственным средством, позволяющим суду проявить гибкость в целях минимизировать вред подсудимому, вина которого, по его мнению, не доказана, поскольку отмена оправдательного приговора судом вышестоящей инстанции является прямым сигналом к постановлению обвинительного приговора с ужесточённой санкцией «на всякий случай».

Адаптируя соответствующее требование императора к современному материальному и процессуальному уголовному праву, можно интерпретировать его как необходимость установления истины по делу с одновременным применением проявления гуманизма к осужденному (при постановлении обвинительного приговора). При этом необходимость установления истины по делу взаимообусловлена с требованием вынесения справедливого решения. Важно понимать, что как бы уважительно не относиться к выбору человека относительно признания за собой чужой вины в особых процедурах судопроизводства, справедливым с точки зрения суда такое решение можно признать едва ли.

Необходимо отметить, что в действующее отраслевое процессуальное законодательство не вошли принципы гу-

https://zagz.org/1623.html (дата обращения: 28.09.2022).

[1] Пашин С. А. «Работая, мы молимся» // СПС «Гарант». 2014. 4 июня. URL: https://www.garant.ru/interview/546177/ (дата обращения 24.09.2022).

[2] Гольбах П. А. Сентенции. URL: https://gravure-dore.ru/maxim_Holbach.htm (дата обращения: 27.09.2022).

манизма и справедливости, что является весьма странным при наличии в ст. 297 УПК РФ требований к приговору в части его справедливости, а также при наличии в законе основания для освобождения от уголовной ответственности по п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, как процессуальное закрепление возможности восстановления социальной справедливости без уголовной репрессии. Последнюю Конституционный Суд РФ определяет как реализацию в уголовном судопроизводстве принципа гуманизма[1].

В свою очередь, в принципах уголовного закона справедливость нашла своё отражение в двух формах. В ст. 6 УК РФ содержится требование о соразмерности ответственности и индивидуализации наказания, так называемой распределяющей функции справедливости. Статья 4 УК РФ закрепляет равенство всех перед законом как проявление уравнивающей функции справедливости. Интересно, что законодатель не предусмотрел в законе нормы о равенстве перед судом. С одной стороны, это логично, поскольку справедливость в этой части носит процессуальный характер, однако последующего закрепления в УПК РФ в этой части справедливость также не нашла. Можно лишь отметить, что в ст. 297 УПК РФ требование справедливости составляет одну из неотъемлемых частей правосудного приговора [11, с. 118].

Рассматривая принцип гуманизма, который в уголовном законе трактуется как обеспечение безопасности человека с запретом применения уголовно-правовых мер с целью причинения физических страданий или унижения человеческого достоинства, законодатель обходит вопрос о требованиях к гуманности (в части опять-таки соразмерности) мер уголовно-процессуального принуждения. Между тем формально при принятии решения о мере принуждения суд вправе не учитывать наличие на иждивении детей (при отсутствии возможности содержания и присмотра со стороны иных родственников), наличие заболевания у самого лица либо близкого родственника, требующего сложного лечения либо постоянного ухода, и иные обстоятельства, наличие которых при принятии решения (например, о заключении под стражу), как раз и могут являться причиной физических и нравственных страданий, унижающих человеческое достоинство (при этом необязательно самого лица, подвергнутого процессуальному принуждению). Исходя из такой логики законодателя следует сделать вывод о том, что проявление гуманизма в особых производствах не является должным. Однако процессуальный гуманизм обеспечивает соразмерность процессуального принуждения в контексте обоснованности применения соответствующих мер.

Таким образом, назначение современного уголовного судопроизводства, с одной стороны, является логичным, поскольку направлено на соблюдение и обеспечение прав его участников, а с другой стороны, не всегда позволяет достичь такого общесоциального блага, как справедливость, поскольку не ставит своей целью установление истины по делу.

Между тем, как справедливо отмечает А. Н. Глебов, цель может быть притворной, когда «недейственные законы не достигают своей цели по той причине, что сам законодатель… создаёт лишь иллюзию желания достигнуть законной цели или преследует эту цель вопреки своей воле» [12, с. 103].

Как обоснованно указывает А. И. Экимов, справедливость выступает как своего рода отражение многообразных интересов, поэтому представления о ней столь же изменчивы, как и представления об интересах [3, с. 57].

[1] Определения Конституционного Суда РФ от 19 июня 2012 г. № 1220-О; от 22 апреля 2022 г. № 920-О; от 5 июня 2014 г. № 1309-О; от 29 марта 2016 г. № 511-О и др. // СПС «Гарант». URL: garant.ru (дата обращения: 27.09.2022).

Здесь необходимо отметить, что рассматривать справедливость в контексте российского уголовного судопроизводства необходимо через призму принципа состязательности. Это обусловлено тем, что достижение справедливости возможно (если возможно) только в строго установленной законом процессуальной форме – состязательном процессе. Следовательно форма процесса ограничивает возможности правоприменителя по достижению справедливости.

О сущности состязательного процесса достаточно лаконично указывал Г. С. Фельдштейн. По его мнению, под состязательностью необходимо понимать то начало процесса, по которому материальная истина на суде выясняется путём взаимного обмена мнениями равноправных сторон [13, с. 67–73].

Состязательность в совокупности с иными процессуальными гарантиями и запретами, позволяющими реализовывать процессуальный интерес участника уголовного судопроизводства, является мерой свободы, которая, согласно верному мнению Н. О. Исмаилова, также должна быть справедливой [14, с. 136–144].

По верному мнению Г. Ю. Канарша, «классическое определение справедливости принадлежит Аристотелю: “справедливость есть равное, но только для равных” (и наоборот: “неравное, но лишь для неравных”)» [15, с. 5]. Такая трактовка является весьма актуальной для современного уголовного судопроизводства именно с точки зрения конституционно-правового принципа о равенстве всех перед законом и судом (ч. 1 ст. 19 Конституции РФ). Если справедливость представляет собой равные условия для достижения результата, то она не имеет ничего общего с необходимостью установления истины по делу. Кроме того, разный объём прав и обязанностей у разных участников уголовного судопроизводства также находится в контексте указанной трактовки справедливости, поскольку неравный объём прав в таком случае определяется неравным процессуальным статусом участников уголовного судопроизводства.

С этой точки зрения можно говорить о некой процессуальной справедливости, которая представляет собой не только предоставление равных условий для равных участников (сторон), но и, по верному замечанию Т. К. Рябининой, должна выражаться в справедливом разрешении судом любого правового вопроса [16].

Представление равных условий для состязания обусловлено наличием равных процессуальных средств защиты, что, по мнению И. А. Насоновой, свидетельствует об усилиях законодателя создать одинаковые возможности защиты для всех участников уголовного процесса, независимо от выполняемой ими функции [17].

Однако возможно ли ограничиться лишь таким пониманием справедливости в уголовном судопроизводстве в контексте ст. 297 УПК РФ?

На наш взгляд, нет.

Предоставление сторонам равных условий для рассмотрения уголовного дела по существу не означает безусловного достижения справедливости по итогам его рассмотрения, поскольку такого рода справедливость обусловлена совершенно иными факторами и условиями. Справедливость приговора невозможна без соответствия его выводов фактическим обстоятельствам события, которое было предметом исследования в уголовном судопроизводстве, а следовательно, встаёт вопрос о необходимости отыскания по делу истины в контексте адекватного отображения действительности в сознании правоприменителя.

Однако, кто эту истину должен искать, если суд не является органом уголовного преследования и не может вставать на сторону ни обвинения, ни защиты? И можно ли её достичь посредством реализации действующего уголовно-процессуального закона?

Полагаем, что можно, но случайно.

Такой неоднозначный подход законодателя к вопросу о необходимости установления фактических обстоятельств исследуемого события, а следовательно, и его адекватного отражения в сознании правоприменителя породил потребность искусственного обоснования разных видов истин и справедливости, что является не совсем корректным с точки зрения цели доказывания (ст. 85 УПК РФ) и обстоятельствам, подлежащим доказыванию (ст. 73 УПК РФ) в контексте требований к приговору.

Только установление фактических обстоятельств, как результат процесса познания в уголовном судопроизводстве, и их адекватная оценка на основе внутреннего убеждения позволяет постановить по делу справедливый приговор. В противном случае, по мнению В. В. Дорошкова, решение по делу не может быть законным и обоснованным [18, с. 10].

Сущность понятия справедливости как необходимого результата правосудия по уголовным делам можно попробовать найти в ст. 297, 389.15, 389.18 УПК РФ. К сожалению, сводится она в них к необходимости соблюдения требований УПК РФ, правильного применения УК РФ, назначению наказания в соответствии с тяжестью преступления и с учётом личности преступника. Положения ст. 6 УК РФ и ст. 8 УИК РФ также понимают справедливость как необходимость дифференциации и индивидуализации ответственности за совершённое преступление. Однако очевидно, что суть справедливого правосудия по уголовным делам этим ограничиваться не должна.

Г. Б. Власова и Н. А. Поликарпова полагают, что правосудие как вид государственной деятельности, призванной обеспечивать справедливость в отношении тех, чьи права и интересы оно затрагивает, базируется на правовых и нравственных началах [19, с. 898].

Не оспаривая тот факт, что установление фактических обстоятельств по делу возможно только с определённой степенью достоверности в силу ретроспективного характера познания в процессе доказывания, следует согласиться с позицией С. В. Познышева, сформулированной В. С. Балакшиным, который полагал, что уголовно-судебная достоверность есть такая высокая степень вероятности, при которой известное решение подкрепляется твёрдо установленными фактами при отсутствии фактов, ему противоречащих и указывающих на недостаточную обследованность дел и недостаточность собранных данных[1]. Исходя из этого нельзя согласиться с мнением И. Б. Михайловской, которая полагает, что центральной характеристикой процессуальной формы является положение обвиняемого и средства, позволяющие установить его виновность [20, с. 34].

Возвращаясь к ст. 297 УПК РФ, можно сделать вывод, что приговор не будет справедливым, если он не обоснован. Однако, как тогда быть с приговорами, постановленными в порядке глав 40, 40.1 и с учётом главы 32.1 УПК РФ? Ведь именно обоснование, изложенное в мотивировочной части приговора, является в том числе восприятием судом доказательств и доводов сторон, их оценкой, направленной на достижение справедливости по каждому конкретному делу.

Исследуя вопросы справедливости в уголовном судопроизводстве, В. М. Бозров полагает, что поскольку в современном УПК РФ истина носит конвенциальный характер и зависит от установленных законом пределов свободы усмотрения судьи, то и справедливость, которая должна знаменовать правосудие, не может быть иной[2]. К сожалению, с таким выводом трудно спорить, но можно лишь

[1] Балакшин В. С. Объективная истина как цель доказывания. URL: https://superinf.ru/view_helpstud.php?id=697 (дата обращения: 25.09.2022).

[2] Бозров В. М. Проблема справедливости в правосудии по уголовным делам. URL: https://www.iuaj.net/node/525/ (дата обращения: 28.09.2022).

констатировать, что текущее уголовно-процессуальное законодательство имеет концептуальный дефект, если допускает при осуществлении правосудия по уголовным делам достижение договорной истины и условной справедливости. В случае господства формальной в судах истины главным критерием станет не правдивость, а правдоподобие [21, с. 121−122], что повлечёт за собой снижение роли суда, поскольку последний утратит роль активного познавательного субъекта [22, с. 32].

Выводы

Проанализировав действующее уголовно-процессуальное законодательство и доктрину в части вопроса о соотношении назначения российского уголовного судопроизводства с его целями и возможностью их достижения в рамках состязательного процесса, можно прийти к выводу, что современный уголовный процесс с заложенными в нём функциями и формой не всегда позволяет постановить приговор в соответствии с требованиями ст. 297 УПК РФ, а значит, и достичь цели уголовного судопроизводства.

Предоставление сторонам равных условий для рассмотрения уголовного дела по существу не означает безусловного достижения справедливости по итогам его рассмотрения, поскольку такого рода справедливость обусловлена совершенно иными факторами и условиями. Справедливость приговора невозможна без соответствия его выводов фактическим обстоятельствам события, которое было предметом исследования в уголовном судопроизводстве, а следовательно, встаёт вопрос о необходимости отыскания по делу истины в контексте адекватного отображения действительности в сознании правоприменителя.

Список литературы

1. Свиридов М. К. Тенденции развития российского уголовно-процессуального законодательства // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 358. С. 52−56.

2. Иеринг Р. фон. Цель в праве // Избранные труды: в 2 т. Т. 1. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2006. 618 с.

3. Экимов А. И. Право в процессе справедливости: к методологии исследования // Правоведение. 2013. № 2 (307). С. 51−61.

4. Стельмах В. А. Система средств доказывания в досудебных стадиях уголовного процесса: проблемы теории, нормативного регулирования и практики: дис. … д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2021. 522 с.

5. Агутин А. В. Мировоззренческие идеи в уголовно-процессуальном доказывании: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2005. 448 с.

6. Савицкий В. М. О презумпции невиновности и других принципах уголовного процесса // Уголовный процесс России: лекции-очерки / под ред. В. М. Савицкого. М.: Бек, 1997. 314 с.

7. Резник Г. М. Причина плохого качества следствия в снижении престижа профессий следователя и прокурора // Уголовный процесс. 2022. № 2. С. 50−59.

8. Михайловская И. Б. Права личности − новый приоритет Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации // Российская юстиция. 2002. № 7. С. 2−4.

9. Андрейченко Л. С. Реализация справедливого правосудия через призму его социальной ценности // Судебная власть и уголовный процесс. 2019. № 4. С. 22−27.

10. Астафьев А. Ю. Эффективность судебной деятельности // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2012. № 1. С. 123−133.

11. Титова А. В. Понятие правосудности и справедливости приговора по российскому уголовному праву // Философия права. 2009. № 5. С. 117−119.

12. Глебов А. Н. Ценностный диссонанс в правовом регулировании // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2016. Т. 2, № 2. С. 101−112.

13. Фельдштейн Г. С. Лекции по уголовному судопроизводству. М.: Типо-лит. В. Рихтер, 1915. 433 с.

14. Исмаилов Н. О. Справедливость как мера свободы // Социология власти. 2009. № 7. С. 136−144.

15. Канарш Г. Ю. Социальная справедливость: философская концепция и российская ситуация. М.: Изд-во Моск. гуманитарного ун-та, 2011. 236 с.

16. Рябинина Т. К. Особенности реализации судебной власти в стадии назначения судебного заседания: прошлое и настоящее: монография. М.: Юрлитинформ, 2016. 240 с.

17. Насонова И. А. О системе средств уголовно-процессуальной защиты // Вестник Воронежского института МВД России. 2010. № 3. С. 43−48.

18. Дорошков В. В. Мировоззренческие подходы к состязательности в уголовном судопроизводстве // Мировой судья. 2019. № 7. С. 3−11.

19. Власова Г. Б., Поликарпова Н.А. Понятие правосудия как философской и юридической категории // Молодой учёный. 2015. № 10. С. 897−900.

20. Михайловская И. Б. Цели, функции и принципы российского уголовного судопроизводства (уголовно-процессуальная форма). М.: Проспект, 2003. 142 с.

21. Балакшин В. С. Допустимость доказательств: понятие, правовая природа, значение и алгоритм оценки. Екатеринбург: Изд-во УМЦ УПИ, 2013. 316 с.

22. Россинский С. Б. Несколько слов о цели доказывания в состязательном уголовном судопроизводстве // Российская юстиция. 2015. № 10. С. 31−34.

References

1. Sviridov M. K. Tendencii razvitiya rossijskogo ugolovno-processual'nogo zakonodatel'stva [Trends in the development of Russian criminal procedure legislation]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Tomsk State University*, 2012, no. 358, pp. 52−56.

2. Iering R. fon. Cel' v prave [The goal in law]. Izbrannye trudy [Selected works]. St. Petersburg, Yurid. centr Press Publ., 2006, vol. 1. 618 p.

3. Ekimov A. I. Pravo v processe spravedlivosti: k metodologii issledovaniya [Law in the Process of Justice: towards a research methodology]. *Pravovedenie = Jurisprudence*, 2013, no. 2 (307), pp. 51−61.

4. Stel'mah V. A. Sistema sredstv dokazyvaniya v dosudebnyh stadiyah ugolovnogo processa: problemy teorii, normativnogo regulirovaniya i praktiki. Diss. dokt. yurid. nauk [The system of means of proof in the pre-trial stages of the criminal process: problems of theory, regulatory regulation and practice. Dr. legal sci. diss.]. Ekaterinburg, 2021. 522 p.

5. Agutin A. V. Mirovozzrencheskie idei v ugolovno-processual'nom dokazyvanii. Avtoref. diss. dokt. yurid. nauk [Ideological ideas in criminal procedural proof. Dr. legal sci. abstract diss.]. N. Novgorod, 2005. 448 p.

6. Savickij V. M. O prezumpcii nevinovnosti i drugih principah ugolovnogo processa [On the presumption of innocence and other principles of the criminal process]. Ugolovnyj process Rossii [Criminal Process of Russia]; ed. by V. M. Savickii. Moscow, Bek Publ., 1997. 314 p.

7. Reznik G. M. Prichina plohogo kachestva sledstviya v snizhenii prestizha professij sledovatelya i prokurora [The reason for the poor quality of the investigation is the decline in the prestige of the profession of investigator and prosecutor]. *Ugolovnyj process = Criminal process*, 2022, no. 2, pp. 50−59.

8. Mihajlovskaya I. B. Prava lichnosti − novyj prioritet Ugolovno-processual'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii [Individual rights are a new priority of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation]. *Rossijskaya yusticiya = Russian Justice*, 2002, no. 7, pp. 2−4.

9. Andrejchenko L. S. Realizaciya spravedlivogo pravosudiya cherez prizmu ego social'noj cennosti [Realization of fair justice through the prism of its social value]. *Sudebnaya vlast' i ugolovnyj process = Judicial power and criminal procedure*, 2019, no. 4, pp. 22−27.

10. Astaf'ev A. Yu. Effektivnost' sudebnoj deyatel'nosti [Efficiency of judicial activity]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo = Bulletin of the Voronezh State University. Series: Law*, 2012, no. 1, pp. 123−133.

11. Titova A. V. Ponyatie pravosudnosti i spravedlivosti prigovora po rossijskomu ugolovnomu pravu [The concept of justice and the fairness of the sentence in Russian criminal law]. *Filosofiya prava = Philosophy of Law*, 2009, no. 5, pp. 117−119.

12. Glebov A. N. Cennostnyj dissonans v pravovom regulirovanii [Value dissonance in legal regulation]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Social'no-ekonomicheskie i pravovye issledovaniya = Bulletin of the Tyumen State University. Socio-economic and legal studies,* 2016, vol. 2, no. 2, pp. 101−112.

13. Fel'dshtejn G. S. Lekcii po ugolovnomu sudoproizvodstvu [Lectures on criminal proceedings]. Moscow, Tipo-lit Publ., V. Rihter, 1915. 433 p.

14. Ismailov N. O. Spravedlivost' kak mera svobody [Justice as a measure of freedom]. *Sociologiya vlasti = Sociology of Power*, 2009, no. 7, pp. 136−144.

15. Kanarsh G. Yu. Social'naya spravedlivost': filosofskaya koncepciya i rossijskaya situaciya [Social justice: a philosophical concept and the Russian situation]. Moscow, Moscow Univ. for the Humanities Publ., 2011. 236 p.

16. Ryabinina T. K. Osobennosti realizacii sudebnoj vlasti v stadii naznacheniya sudebnogo zasedaniya: proshloe i nastoyashchee [Features of the implementation of judicial power at the stage of appointment of a court session: past and present]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2016. 240 p.

17. Nasonova I. A. O sisteme sredstv ugolovno-processual'noj zashchity [About the system of means of criminal procedural protection]. *Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii = Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2010, no. 3, pp. 43−48.

18. Doroshkov V. V. Mirovozzrencheskie podhody k sostyazatel'nosti v ugolovnom sudoproizvodstve [Ideological approaches to competition in criminal proceedings]. *Mirovoj sud'ya = Justice of the Peace*, 2019, no. 7, pp. 3−11.

19. Vlasova G. B., Polikarpova N. A. Ponyatie pravosudiya kak filosofskoj i yuridicheskoj kategorii [The concept of justice as a philosophical and legal category]. *Molodoj uchyonyj = Young Scientist*, 2015, no. 10, pp. 897−900.

20. Mihajlovskaya I. B. Celi, funkcii i principy rossijskogo ugolovnogo sudoproizvodstva (ugolovno-processual'naya forma) [Goals, functions and principles of the Russian criminal procedure (criminal procedure form)]. Moscow Prospekt Publ., 2003. 142 p.

21. Balakshin V. S. Dopustimost' dokazatel'stv: ponyatie, pravovaya priroda, znachenie i algoritm ocenki [Admissibility of evidence: concept, legal nature, meaning and evaluation algorithm]. Ekaterinburg, UMC UPI Publ., 2013. 316 p.

22. Rossinskij S. B. Neskol'ko slov o celi dokazyvaniya v sostyazatel'nom ugolovnom sudoproizvodstve [A few words about the purpose of proof in adversarial criminal proceedings]. *Rossijskaya yusticiya = Russian Justice*, 2015, no. 10, pp. 31−34.

Информация об авторах / Information about the Authors

Татьянина Лариса Геннадьевна, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного процесса и правоохранительной деятельности, Удмуртский государственный университет, г. Ижевск, Российская Федерация,
e-mail: larisa-lisa@mail.ru,
ORCID: 0000-0001-6404-6786

Larisa G. Tatyanina, Dr. of Sci. (Juridical), Professor, Head of the Department of Criminal Procedure and Law Enforcement, Udmurt State University, Izhevsk, Russian Federation,
e-mail: larisa-lisa@mail.ru,
ORCID: 0000-0001-6404-6786

Машинникова Наталья Олеговна, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и правоохранительной деятельности, Удмуртский государственный университет, г. Ижевск, Российская Федерация,
e-mail: n-alico@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-3928-9492

Natalia O. Mashinnikova, Cand. of Sci. (Juridical), Associate Professor of the Department of Criminal Procedure and Law Enforcement, Udmurt State University, Izhevsk, Russian Federation,
e-mail: n-alico@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-3928-9492

Оригинальная статья / Original article

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-6-85-98

(cc) BY 4.0

Проблемы квалификации незаконного оборота особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов

Л. А. Русскевич[1] ✉

[1]Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя
ул. Академика Волгина 12, г. Москва 117437, Российская Федерация

✉ e-mail: russkevich_22@mail.ru

Резюме

Актуальность. *Защита вымирающих и исчезающих видов животных и водных биологических ресурсов является глобальной задачей обеспечения экологической безопасности. Несмотря на предпринимаемые усилия с каждым годом к категориям уязвимых, находящихся под угрозой, вымирающих и исчезающих относят все новые виды животных и водных биологических ресурсов. Изучение судебно-следственной практики свидетельствует о наличии юридико-технических недостатков нормы и проблем, связанных с ее применением.*

Целью *является обоснование предложений, направленных на преодоление трудностей, возникающих при квалификации незаконного оборота особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов с использованием сети Интернет.*

Задачи*: выявить проблемы квалификации незаконного оборота особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов, совершаемого с использованием сети Интернет, сформулировать предложения по совершенствованию отечественного уголовного законодательства и правоприменения.*

Методология*. Методологическую базу исследования составляют общенаучные и частнонаучные методы познания действительности, такие как анализ, синтез, индукция, формально-юридический, абстрактно-логический и другие.*

Результаты*. В ходе исследования проанализированы данные судебной статистики, правоприменительная практика по делам о незаконном обороте особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов, исследованы доктринальные источники и аналитические материалы, проведено интервьюирование специалистов.*

Выводы*. В работе сформулированы и обоснованы следующие положения: необходимо устранить дублирующее дифференцирующее значение использования информационно-телекоммуникационной сети Интернет при незаконном обороте особо ценных видов животных и водных биологических ресурсов; при определении предмета преступления, предусмотренного статей 258.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, должна учитываться генетическая относимость особи к особо ценному животному; по статье 258.1 Уголовного кодекса Российской Федерации следует квалифицировать соответствующие действия и в отношении особо ценных животных, которые изначально содержались в неволе (за исключением использования в целях воспроизводства, сохранения видов и т.п.).*

Ключевые слова*: экологические преступления; особенности квалификации; особо ценные дикие животные; водные биологические ресурсы.*

Конфликт интересов*: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Для цитирования: Русскевич Л. А. Проблемы квалификации незаконного оборота особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2022. Т. 12, № 6. С. 85–98. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-6-85-98.

Поступила в редакцию 07.10.2022 Принята к публикации 10.11.2022 Опубликована 16.12.2022

© Русскевич Л. А., 2022

Problems of Qualification of Illegal Trade in Especially Valuable Wild Animals and Aquatic Biological Resources

Lynbov A. Russkevich[1] ✉

[1] Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikotya
12 Academician Volgin Str., Moscow 117437, Russian Federation

✉ e-mail: russkevich_22@mail.ru

Abstract

Relevance. *The protection of endangered and endangered species of animals and aquatic biological resources is a global task of ensuring environmental safety. Despite the efforts made, every year more and more new species of animals and aquatic biological resources are included in the categories of vulnerable, endangered, endangered and disappearing. The study of judicial and investigative practice indicates the presence of legal and technical shortcomings of the norm and problems associated with its application.*

The purpose *of the obtain new rationale for proposals aimed at overcoming the difficulties that arise when qualifying the illegal trafficking of especially valuable wild animals and aquatic biological resources using the Internet.*

Objectives: *to identify the problems of qualification of illegal trafficking of especially valuable wild animals and aquatic biological resources, committed using the Internet, to formulate proposals for improving domestic criminal legislation and law enforcement.*

Methodology. *The methodological base of the research is made up of general scientific and particular scientific methods of cognition of reality, such as analysis, synthesis, induction, formal-legal, abstract-logical and others.*

Results. *In the course of the study, judicial statistics data, law enforcement practice in cases of illegal trafficking in especially valuable wild animals and aquatic biological resources were analyzed, doctrinal sources and analytical materials were studied, and interviews were conducted with specialists.*

Conclusions. *The paper formulated and substantiated the following provisions: it is necessary to eliminate the duplicate differentiating meaning of the use of the information and telecommunication network "Internet" in the illegal circulation of especially valuable species of animals and aquatic biological resources; when determining the subject of a crime under Art. 258.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, the genetic relevance of an individual to a particularly valuable animal should be taken into account; under Art. 258.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, appropriate actions should also be qualified in relation to especially valuable animals that were originally kept in captivity (with the exception of use for the purposes of reproduction, conservation of species, etc.).*

Keywords: *environmental crimes; qualification features; especially valuable wild animals; aquatic biological resources.*

Conflict of interest: *The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Russkevich L. A. Problems of Qualification of Illegal Trade in Especially Valuable Wild Animals and Aquatic Biological Resources. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2022; 12(6): 85–98. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-6-85-98.

Received 07.10.2022 Accepted 10.11.2022 Published 16.12.2022

***

Введение

Уголовно-правовое обеспечение экологической безопасности было и остается одним из наиболее актуальных направлений научных исследований, традиционно входит в повестку форумов и конференций самого разного уровня. Объясняется это многими причинами социально-политического, экологического, экономического и иного характера и не сводится исключительно к поиску решений прикладных проблем правоприменения. Последние, пожалуй, во многом смещены на периферию дискурса и преимуще-

ственно занимают внимание специалистов в области общей теории и практики квалификации преступлений. Проблемы экологических преступлений рассматриваются в работах О. Л. Дубовик [1], Э. Н. Жевлакова [2; 3], Т. В. Редниковой [4; 5], Ю. А. Тимошенко [6]. Отдельные аспекты проблем уголовно-правовой охраны животного мира и водных биоресурсов рассматривались П. Р. Базаровым [7], Ю. Л. Грачковой [8], Д. М. Гусаренко [9], Р. А. Забавко [10], А. М. Кабловым [11], А. С. Курмановым [12], Т. М. Петровой [13], А. В. Юрченко [14]. Вместе с тем вопросы законодательного определения и реализации ответственности за экологические преступления должны быть обсуждаемы самым обстоятельным образом. Нельзя сказать, что в современных условиях практика вооружена выверенными квалификационными алгоритмами и рекомендациями. Очевидными являются и отдельные недостатки отечественного уголовного закона. Кроме того, следует отметить, что экологическая преступность не статична, проявляет себя как развивающееся явление, в том числе в аспекте процессов цифровой трансформации общественных отношений.

Методология

Исследование основано на применении общенаучных и специальных методов (анализ, синтез, индукция, формально-юридический, абстрактно-логический и др.). Теоретическую и эмпирическую базу составили открытые источники: научные статьи, диссертации и авторефераты диссертаций, монографии и учебная литература по исследуемой проблематике, материалы судебной практики. Отдельные выводы и положения настоящей работы подкреплены интервьюированием научных работников и правоприменителей.

Результаты и их обсуждение

В рамках настоящей статьи нет цели осветить весь комплекс проблем противодействия экологической преступности. В фокусе предлагаемого исследования будет уголовно-правовая норма об ответственности за незаконный оборот особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов с использованием сети Интернет (ст. 258.1 УК РФ). За последние три года (2019–2021 гг.) число лиц, осужденных за незаконные добычу и оборот особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации и (или) охраняемым международными договорами Российской Федерации, по ст. 258.1 УК РФ составило 849 человек, что составляет 4,9% от общего числа лиц, осужденных за экологические преступления (глава 26 УК РФ)[1]. Данная норма привлекает внимание не только предметом посягательства, но и теми конструктивными особенностями, которые в некотором смысле составляют уникальность ст. 258.1 УК РФ. Здесь прежде всего речь идет о сложном, дублирующем характере квалифицирующих признаков совершения исследуемого преступления «с использованием сети Интернет» и «с публичной демонстрацией в сети Интернет». Анализ отечественного уголовного закона не дает иных примеров такой модели дифференциации уголовной ответственности. Законодатель либо употребляет первый – наиболее универсальный признак цифрового способа совершения преступления, либо в отдельных случаях прибегает к дифференцированной оценке именно публично демонстративного выполнения объективной стороны, как это реализовано, в частности, в составе жестокого обращения с животными (ст. 245 УК РФ). Как бы то ни было, в этом во-

[1] См.: Обзор практики применения судами положений главы 26 Уголовного кодекса Российской Федерации об экологических преступлениях: [утв. Президиумом Верховного Суда РФ 24.06.2022]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_420088/ (дата обращения: 16.09.2022).

просе следует установить необходимую ясность.

Федеральный закон Российской Федерации от 20 декабря 2017 г. № 412-ФЗ дополняет ч. 2 ст. 258.1 УК РФ пунктом «б», предусматривающим ответственность за совершение соответствующих действий с публичной демонстрацией, в том числе в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть Интернет). При внимательном рассмотрении следует, что реализованный законопроект изначально не предполагал внесение изменений в ст. 258.1 УК РФ. Инициатива законодателя была направлена на модернизацию упомянутой ранее нормы об ответственности за жестокое обращение с животными, а соответствующее решение о дополнении ст. 258.1 УК РФ было включено в проект только ко второму чтению[1]. Таким образом, первоначальная корректировка ст. 258.1 УК РФ была осуществлена, по большому счету, попутно с принятием решения об усилении уголовной ответственности за жестокое обращение с животными (ст. 245 УК РФ).

Как известно, уже 27 июня 2018 г. Федеральным законом № 157-ФЗ ст. 258.1 УК РФ была дополнена частью 1.1 с указанием на совершение исследуемого преступления «с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет. В пояснительной записке к законопроекту были названы следующие основания принятия такого решения:

1) массовые случаи продажи шкур, костей и прочих дериватов особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов в сети Интернет.

В ходе мониторинга, проведенного Международным фондом защиты животных (IFAW), в России в сети Интернет было обнаружено 625 объявлений о продаже 2596 животных, их частей и дериватов, часть из которых входит в перечень особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации и (или) охраняемым международными договорами Российской Федерации;

2) не осуществляется постоянный государственный мониторинг торговых площадок в сети Интернет.

Предложение о торговле с использованием средств массовой информации и сети Интернет распространяется на широкий круг лиц, что ведет к массовому сбыту и уничтожению особо ценных животных[2]. Внесение соответствующих изменений было осуществлено, что называется, «целевым законом». Сам текст законопроекта был подготовлен еще в феврале 2017 г., т. е. гораздо ранее инициативы об усилении ответственности за жестокое обращение с животными, 13 декабря 2017 г. Верховный Суд Российской

[1] Паспорт проекта Федерального закона № 308781-7 «О внесении изменений в статьи 245 и 258.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и статьи 150 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» (в целях усиления уголовной ответственности за жестокое обращение с животными)»: [внесен депутатами Государственной Думы ФС РФ О. В. Шеиным, В. В. Бурматовым, Е. Г. Драпеко, С. А. Вострецовым, К. Г. Слыщенко, И. В. Осиповым, Н. В. Маловым, А. Б. Выборным, О. Н. Смолиным, В. В. Белоусовым, О. А. Николаевым, О. А. Ниловым, С. М. Мироновым, А. Г. Аксаковым, А. В. Канаевым, А. Н. Грешневико]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons/cgi/ online.cgi/ (дата обращения: 16.09.2022).

[2] Паспорт проекта Федерального закона № 356397-7 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» (по вопросу совершенствования уголовного законодательства Российской Федерации в сфере противодействия преступлениям, связанным с незаконной добычей и оборотом водных биологических ресурсов, диких животных, в том числе занесенных в Красную книгу Российской Федерации)». URL: https://www.consultant.ru/ document/cons/cgi/ online.cgi/ (дата обращения: 16.09.2022).

Федерации дал положительный отзыв на законопроект. При последующем прохождении в 2018 г. практически все комитеты Государственной Думы Российской Федерации и Правовое управление Аппарата Государственной Думы Российской Федерации указывают, что законопроект не учитывает изменений, внесенных Федеральным законом № 412-ФЗ. Однако же везде делается вывод о необходимости корректировки законодательства в данной сфере и высказывается поддержка концепции законопроекта.

Можно сделать вывод, что появление двух самостоятельных цифровых способов совершения преступления, предусмотренного ст. 258.1 УК РФ – с публичной демонстрацией в сети и просто с ее использованием – не планировалось изначально и, по большому счету, явилось следствием стечения обстоятельств и конкуренции двух самостоятельных законотворческих инициатив. Конечно же, при принятии Федерального закона № 157-ФЗ можно и нужно было учесть актуальное состояние нормы, и если не отказаться от реализации законопроекта, то, во всяком случае, изменить редакцию соответствующей части ст. 258.1 УК РФ.

Искусственно созданная дифференциация ответственности за незаконный оборот особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов в зависимости от цифрового способа его совершения не могла не породить проблем на уровне правоприменения. Так, Б. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30, п. «б» ч. 2 ст. 258.1 УК РФ. Согласно решению суда, он «сфотографировал дериваты (производные), принадлежащие к виду животного сайгак, с целью дальнейшей публикации указанных фотографий в информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть Интернет) для осуществления их продажи. После этого с помощью мобильного телефона, имеющего доступ к информационно-телекоммуникационным сетям (включая сеть Интернет), разместил с целью демонстрации для дальнейшей продажи изготовленную ранее фотографию дериватов (производных), принадлежащих к виду животного сайгак, опубликовав объявление о продаже, с целью возмездной передачи их другим лицам, с указанием номера телефона на информационном сайте «Авито» в сети Интернет, тем самым демонстрировал и предоставил возможность неопределенному кругу лиц в информационно-телекоммуникационной сети Интернет приобрести незаконно хранимые с целью продажи дериваты (производные) особо ценного дикого животного – рогов сайгака, принадлежащего к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации и охраняемым международными договорами Российской Федерации»[1].

Вместе с тем в судебной практике можно обнаружить и иной подход к квалификации подобных действий. Так, М. признан виновным в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1.1 ст. 258.1, ч.1 ст. 258.1 УК РФ. Согласно приговору суда, М., используя мобильный телефон с доступом к сети Интернет, выступая зарегистрированным пользователем интернет-мессенджера «Telegram», с целью изучения спроса разместил в чате под названием «Барахолка Хабаровск» объявление о продаже икры по цене 12 000 рублей за 1 кг с приложением фотографии указанной продукции, упакованной в пластиковый контейнер[2].

В отдельных судебных решениях можно обнаружить попытку выделить четкие критерии разграничения соответ-

[1] Приговор Глазуновского районного суда Орловской области от 06.04.2022 г. по делу № 1-10. URL: https://www. consultant.ru/ document/cons/cgi/online.cgi/ (дата обращения: 16.09.2022).

[2] Приговор Хабаровского районного суда Хабаровского края от 04.06.2020 г. по делу № 1-198/2020. URL: https://www. consultant.ru/ document/cons/cgi/online.cgi/ (дата обращения: 16.09.2022).

ствующих видов преступления, предусмотренного ст. 258.1 УК РФ: «…По смыслу п. "б" ч. 2 ст. 258.1 УК РФ, когда в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть Интернет) публично демонстрируется процесс или результат продажи предмета преступления, предусмотренного ст. 258.1 УК РФ, содеянное следует квалифицировать по п. "б" ч. 2 или по ч. 3 ст. 258.1 УК РФ. В тех случаях, когда средства массовой информации либо электронные или информационно-телекоммуникационные сети, в том числе сеть Интернет, используются для обеспечения совершения общественно опасного деяния (например, достижение соглашения на совершение сделки, размещение рекламы в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети Интернет), являются способами совершения преступления, содеянное следует квалифицировать по ч. 1.1 ст. 258.1 УК РФ. Как установлено в ходе судебного разбирательства и подтверждается вышеприведенными доказательствами, К. разместил в сети Интернет, на сайте "Авито" объявление о продаже икры (т. 1, л.д. 18), указав цену и свой номер сотового телефона, прикрепив к ним *изображение, взятое из открытых источников*. Таким образом, подсудимый не демонстрировал процесс или результат продажи предмета преступления и его действия в данной части должны быть квалифицированы по ч. 1.1 ст. 258.1 УК РФ»[1].

Приведенные примеры, пожалуй, выступают хорошей презентацией к озвученной в теории уголовного права точки зрения о «наличии ряда теоретических и практических проблем дифференциации уголовной ответственности за экологические преступления, большая часть которых вызвана не вполне удачными законодательными решениями» [15]. С одной стороны, решение обозначенной проблемы видится только в законодательной корректировке ст. 258.1 УК РФ. Следовало бы отказаться от признака публичной демонстрации, который в определенном отношении является чуждым самой объективной стороне незаконного оборота особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов. Идея о сдержанном подходе при дополнении уголовного законодательства цифровым способом совершения преступления уже была высказана в теории уголовного права [16, с. 116; 17, с. 108–111]. С другой стороны, теория уголовного права может поставить своей целью выработать критерии разграничения ч. 1.1 и ч. 2 ст. 258.1 УК РФ. Однако здесь возникает вполне резонный вопрос: а следует ли это делать, принимая во внимание историю становления действующей редакции нормы? Полагаем, что ответ может быть только отрицательным. Известный паллиатив, что якобы практика будет вынуждена применять норму и, следовательно, наука должна предложить наиболее приемлемые квалификационные алгоритмы, на наш взгляд, следует оставить без внимания.

Признак использования информационно-телекоммуникационной сети Интернет при совершении исследуемого преступления не всегда получает свое подтверждение в ходе судебного рассмотрения дела. Суды склоняются к тому, что в представленных обвинением материалах должна быть зафиксирована переписка соответствующих лиц. Указание лишь на свидетельские показания лица, участвующего в оперативно-разыскных мероприятиях, признается недостаточным. Так, осуществляя переквалификацию действий виновного с ч. 1.1 ст. 258.1 УК РФ на ч. 1 ст. 258.1 УК РФ, суд обосновал принятое решение следующим образом: «…При этом заслуживают внимание доводы стороны защиты о неправильной квалификации действий

[1] Приговор Таганрогского городского суда Ростовской области от 02.09.2019 г. по делу № 1-579/2019 URL: https://www.consultant.ru/ document/cons/cgi/online.cgi/ (дата обращения: 16.09.2022).

Ш. В. об использовании им при продаже рогов сайгака информационно-телекоммуника-ционных сетей, в том числе сети Интернет. Выводы суда в этой части основаны лишь на показаниях Ш. В., согласно которым предложение о покупке рогов сайгака от неизвестного мужчины по имени Д. поступило посредством мессенджера, когда он находился по месту своего жительства в г. Харьков Украины, вне пределов РФ. Однако такие показания осужденного об общении с покупателем иными доказательствами не подтверждены. В изъятом у Ш. В. телефоне информация о переписке с покупателем отсутствует. Доказательств общения осужденного с покупателем на территории РФ с использованием информационно-телекоммуни-кационных сетей, в том числе сети Интернет, стороной обвинения не предоставлено»[1].

Помимо рассмотренной нами проблемы существуют другие трудности законодательного определения объективных и субъективных признаков незаконного оборота особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации и (или) охраняемым международными договорами Российской Федерации. На наличие таких трудностей указывают и другие ученые [18, с. 181]. Так, вопросом, который не получил в теории уголовного права обстоятельного рассмотрения, является проблема чистопородности животного как предмета исследуемого преступления. В самой норме, равно как и в судебном толковании, этот аспект квалификации незаконного оборота особо ценных диких животных, как известно, не раскрыт. Вместе с тем приобретение и сбыт такой помеси не является умозрительной ситуацией. Следовательно, есть необходимость разобраться в точности определения предмета преступления, предусмотренного ст. 258.1 УК РФ. Здесь возможны три гипотетических решения ситуации. Первое предполагает оценку животного как предмета преступления, предусмотренного ст. 258.1 УК РФ, только в случае ее абсолютной принадлежности к конкретному виду (при признании полной чистопородности). Вторым решением мог бы быть отказ от признания особи предметом незаконного оборота особо охраняемых диких животных в ситуации, когда есть хотя бы малейшие признаки помеси (не чистопородности). И наконец, промежуточным решением могло бы быть определение некоего условного критического значения чистопородности (допустим, более 50%). Одно представляется очевидным – генетическая относимость особи к особо ценному животному должна учитываться при квалификации преступления, предусмотренного ст. 258.1 УК РФ.

В правоприменительной практике обозначенная проблема уже получала свое воплощение. Так, вопрос о генетическом статусе животного обсуждался в известном, получившем освещение в СМИ, случае обнаружения леопарда (гибрида дальневосточного и переднеазиатского), содержащегося в подвале московской многоэтажки. Отказ в возбуждении уголовного дела основывался на выводах судебно-зоологической экспертизы, проведенной ЦСЭ при Минюсте России, согласно которым «поскольку животное выведено в искусственных условиях и является гибридом, то есть не соответствует генетическому статусу животных, предназначенных для реинтродукции (восстановления популяции), то данное животное не является особо ценным диким животным»[2].

В отечественной литературе обсуждается также и иная проблема определе-

[1] Апелляционное определение Белгородского областного суда от 26.08.2022 по делу № 22-1152/2022. URL: https://www. consultant.ru/ document/cons/cgi/online.cgi/ (дата обращения: 16.09.2022).

[2] Решение Замоскворецкого районного суда города Москвы от 12.05.2015 по делу № 2-2992/2015~М-738/2015. URL: https://www. consultant.ru/ document/cons/cgi/online.cgi/ (дата обращения: 16.09.2022).

ния предмета анализируемого преступления. Так, авторы расходятся во мнениях относительно того, может ли признаваться предметом незаконного оборота особо ценных диких животных особи, никогда не находившиеся в естественной природной среде. Э. Н. Жевлаков по данному вопросу указывает, что «не имеет значения для квалификации незаконного оборота "краснокнижных" объектов окружающей среды по ст. 258.1 УК РФ то обстоятельство, в свободном естественном состоянии находились ли в окружающей среде указанные виды диких животных и водных биологических ресурсов или они содержались в неволе (например, в зоопарке, на территории заповедника в специальных местах, частном владении)» [19, с. 28].

В свою очередь, А. П. Дмитренко подчеркивает, что предмет рассматриваемого преступления как экологического можно определить только с учетом его соотношения объектом [20, с. 117]. Верная мысль. На этом основании автор обосновывает, что «причинить вред общественным отношениям в области охраны и рационального использования животного мира возможно добычей особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов, не изъятых из естественной среды их обитания. Дикие животные, птицы и водные биологические ресурсы, законно изъятые из окружающей среды, либо никогда не находившиеся в ней (выращенные в зоопарках, цирках и т. д.), являются продукцией товарного производства и предметом экологических преступлений не являются. Таким образом, предметом преступления, предусмотренного ст. 258.1 УК РФ, следует признавать особо ценных диких животных и водные биологические ресурсы, принадлежащие к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации и (или) охраняемым международными договорами Российской Федерации, обитающих в состоянии естественной свободы» [20, с. 117].

Несмотря на то, что необходимость известного соотношения объекта преступления и его предмета является аксиоматичной, довольно уязвимым представляется суждение А. П. Дмитренко о том, что для причинения вреда отношениям в сфере экологической безопасности по смыслу ст. 258.1 УК РФ животное должно находиться именно в состоянии естественной (дикой) свободы. Данная модель, в целом сформулированная в разъяснении Пленума Верховного Суда РФ о разграничении имущественных и экологических преступлений, неприменима к краснокнижным животным и водным биологическим ресурсам. Объясняется это их особым статусом, характеризующимся угрозой полного исчезновения. Именно поэтому законодатель криминализирует в ст. 258.1 УК РФ, по большому счету, *любые незаконные действия с такими животными.*

Причинение вреда отношениям по охране животных и водных биологических ресурсов, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу РФ и (или) охраняемым международными договорами РФ, возможно совершением соответствующих действий и в отношении тех животных, которые изначально содержались в неволе, однако в отношении которых установлен полный запрет на их какое-либо использование (за исключением использования в целях воспроизводства, сохранения видов и т. п.). Подтверждение данному подходу можно обнаружить и в правоприменительной практике. Так, П. незаконно приобрел, перевез и содержал особо ценное животное, принадлежащее к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации и охраняемым международными договорами Российской Федерации при следующих обстоятельствах. Согласно решению суда, в неустановленное время на территории передвижного зоопарка П., достоверно зная о том, что оборот леопардов на территории Российской Федерации допускается в исключительных случаях, осознавая об-

щественную опасность своих действий, в нарушение ст. 24 Федерального закона от 24 апреля 1995 г. № 52-ФЗ «О животном мире», в отсутствие разрешения (распорядительной лицензии), выданного в установленном законом порядке, незаконно приобрел у Ф. за 150 000 рублей самку леопарда (panthera pardus), относящегося к перечню особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации и охраняемым международными договорами Российской Федерации[1].

До настоящего времени неоднозначно решается вопрос, связанный с моментом окончания незаконного оборота особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов. При изучении судебно-следственной практики такая проблема возникает прежде всего при осуществлении оперативно-разыскного мероприятия «Проверочная закупка». Позиции судов разнятся: в одних случаях действия лица признаются оконченными, в других – неоконченными на стадии покушения. Здесь, на наш взгляд, необходимо ответить на главный вопрос: является ли обязательным для квалификации данного преступления как оконченного факт передачи животного, водных биологических ресурсов либо их производных третьему лицу, в результате чего соответствующие предметы попадают либо остаются в незаконном обороте? Пожалуй, с момента изменения Пленумом Верховного Суда РФ своей позиции по делам о преступлениях в сфере незаконного оборота наркотиков, в отечественной теории уголовного права наметился четкий вектор оценивать соответствующие деяния как оконченные независимо от того, что приобретателями выступают сотрудники правоохранительных органов либо иные лица под их контролем.

Понятны социально-правовые предпосылки такого решения и, по большому счету, оно не вызывает внутреннего сопротивления с точки зрения справедливости. Напротив, долгое время теория уголовного права и еще более активно практика критиковали искусственную констатацию сбыта запрещенных предметов неоконченным со ссылкой на участие в разработке правоохранительных органов. Действительно, так или иначе злоумышленник выполняет все действия, направленные на отчуждение запрещенного в обороте предмета преступления. Исходя из данных соображений, полагаем, что по делам об исследуемом преступлении должен быть избран аналогичный подход. Осуществление продажи особо ценных диких животных либо водных биологических ресурсов в рамках оперативно-разыскных мероприятий не должно влиять на определение момента окончания данного преступления, поэтому следует поприветствовать тот факт, что в целом к этому склоняется и современная правоприменительная практика[2].

Продажа дериватов особо ценных диких животных либо водных биологических ресурсов может образовывать идеальную совокупность со сбытом товаров, не отвечающих требованиям безопасности (ст. 238 УК РФ). Условием такой квалификации является признание того, что соответствующее производное представляет собой объективную опасность для жизни и здоровья потребителей. Так, по одному из дел суд указал, что виновность лица в совершении преступления, предусмотренного ст. 238 УК РФ, подтверждается результатами акта

[1] Постановление Приморского районного суда города Новороссийска от 17.07.2020 по делу № 1-136/2020 о прекращении уголовного дела в связи с назначением судебного штрафа. URL: https://www. consultant.ru/ document/cons/cgi/online.cgi/ (дата обращения: 16.09.2022).

[2] Приговор Белгородского районного суда Белгородской области от 27.08.2021 по делу № 1-87/2021 URL: https://www. consultant.ru/ document/cons/cgi/online.cgi/ (дата обращения: 16.09.2022).

судебно-медицинского исследования, согласно которым «в изъятой в ходе производства обыска в жилище К. икре амурского осетра обнаружены КМАФА (количество мезофильных аэробных и факультативно-анаэробных микроорганизмов). При попадании КМАФА в организм человека перорально (через рот при приеме пищи) последние могут вызвать как изменения со стороны пищеварительной системы в виде: воспалительных изменений (гастрита, колита, энтерита и других), поражения печени, поджелудочной железы, в виде клинических проявлений пищевого отравления, так и общих изменений в организме в виде: интоксикации, поражения нервной системы, системы крови, нарушение водно-электролитного баланса и другие. Данные изменения опасны для здоровья человека, влияют на его нормальную жизнедеятельность и вызывают чаще кратковременное или реже длительное расстройство здоровья»[1].

В теории уголовного права до конца не выясненным остается вопрос о множественности преступлений, предусмотренных ст. 258.1 УК РФ, в ситуации незаконного оборота в отношении нескольких особей краснокнижных животных. Проведенное исследование в целом показывает, что практика склоняется к тому, что квалифицировать содеянное как единое преступление. Соглашаются в целом с этим подходом и теоретики, как правило ссылаясь на соответствующие квалификационные правила по делам о незаконном обороте оружия и наркотиков. Предсказуемое упрощение. Вместе с тем нельзя не увидеть принципиальной разницы между этими преступными посягательствами. Ведь исследуемая норма охраняет экологическую безопасность в системе отношений, обеспечивающих сохранение *вымирающих видов*, где идет борьба за каждое животное. Не учитывать это просто нельзя. В свете изложенного полагаем, что действия лица, совершенные в отношении нескольких особо ценных диких животных, следует квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 258.1 УК РФ.

Выводы

Уголовно-правовое обеспечение экологической безопасности можно с уверенностью отнести к категории актуальных направлений научных исследований. Вызовы и угрозы для окружающей среды с течением времени будут только возрастать, что с высокой вероятностью приведет к более детальному регулированию соответствующих отношений и ужесточению охранительных механизмов. На передовых позициях здесь задача сохранения вымирающих видов животных и водных биологических ресурсов.

Проведенное исследование позволило выявить юридико-технические погрешности ст. 258.1 УК РФ. Полагаем, что необходимо устранить дублирующее дифференцирующее значение использования информационно-телекоммуникационной сети Интернет при незаконном обороте особо ценных видов животных. Правоприменительная практика и сама жизнь подводит к мысли о необходимости исключения признака «публичной демонстрации» из ч. 2 ст. 258.1 УК РФ.

Пробелом отечественной теории уголовного права является неразрешенность вопроса о влиянии чистопородности животного для признания его предметом исследуемого преступления. Как представляется, генетическая относимость особи к особо ценному животному должна учитываться при квалификации преступления, предусмотренного ст. 258.1 УК РФ.

По смыслу ст. 258. 1 УК РФ причинение вреда отношениям по охране животных и водных биологических ресурсов, принадлежащих к видам, занесен-

[1] Приговор Таганрогского городского суда Ростовской области от 02.09.2019 г. по делу № 1-579/2019. URL: https://www. consultant.ru/ document/cons/cgi/online.cgi/ (дата обращения: 16.09.2022).

ным в Красную книгу РФ и (или) охраняемым международными договорами РФ, возможно совершением соответствующих действий и в отношении тех животных, которые изначально содержались в неволе, однако в отношении которых установлен полный запрет на их какое-либо использование (за исключением использования в целях воспроизводства, сохранения видов и т.п.).

Продажа дериватов особо ценных диких животных либо водных биологических ресурсов может образовывать идеальную совокупность со сбытом товаров, не отвечающих требованиям безопасности (ст. 238 УК РФ). Условием такой квалификации является признание того, что соответствующее производное представляет собой объективную опасность для жизни и здоровья потребителей.

Список литературы

1. Дубовик О. Л. Экологическое право Восточной Европы. М.: Институт государства и права РАН, 2018. 270 с.

2. Жевлаков Э. Н. О предмете незаконной охоты // Судья. 2016. № 4 (64). С. 31–33.

3. Жевлаков Э. Н. Уголовное природоохранительное право. М.: Проспект, 2021. 376 с.

4. Редникова Т. В. Конституционно-правовые основы охраны окружающей среды в Российской Федерации и за рубежом // Экологическое право. 2019. № 2. С. 28–32.

5. Редникова Т. В. Криминологическая характеристика преступных посягательств на особо ценные водные биологические ресурсы // Союз криминалистов и криминологов. 2019. № 1. С. 108–115.

6. Тимошенко Ю. А. Конструирование уголовно-правовых норм об ответственности за экологические преступления (теория и практика). М.: Юрлитинформ, 2020. 384 с.

7. Базаров П. Р. Уголовно-правовая охрана особо ценных объектов животного мира. М.: Юрлитинформ, 2022. 208 с.

8. Грачкова Ю. Л. Экологическая безопасность и роль права в решении экологических проблем в Российской Федерации // Вестник университета имени О.Е. Кутафина. 2022. № 5. С. 166–178.

9. Гусаренко Д. М. Криминализация посягательств на особо ценные виды диких животных. М.: Юрлитинформ, 2021. 168 с.

10. Забавко Р. А. Уголовная ответственность за незаконную охоту: дис. … канд. юрид. наук. Омск, 2018. 196 с.

11. Каблов А. М. Уголовная ответственность за незаконную охоту (проблемы теории и практики): дис. … канд. юрид. наук. Пятигорск, 2012. 182 с.

12. Курманов А. С. Незаконная охота как экологическое преступление. Уфа: Башкирский ин-т социальных технологий Академии труда и социальных отношений, 2019. 122 с.

13. Петрова Т. М. Вопросы уголовной ответственности за преступления в отношении особо охраняемых диких животных // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2022. № 3. С. 159–165.

14. Юрченко А. В. Актуальные аспекты правового регулирования предмета преступного посягательства, предусмотренного частями 1 и 1.1 статьи 258.1 Уголовного кодекса Российской Федерации // Военное право. 2020. № 5 (63). С. 185–190.

15. Забавко Р. А., Рогова Е. В. Квалифицирующие признаки составов экологических преступлений и их влияние на судебно-следственную практику // Экологическое право. 2019. № 6. С. 24–28.

16. Русскевич Е. А. О концепции «минималистской цифровизации» Особенной части УК РФ // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы XVI Международной научно-практической конференции. М.: РГ-Пресс, 2019. С. 110–116.

17. Русскевич Е. А. Уголовное право и «цифровая преступность»: проблемы и решения. М.: ИНФРА-М, 2022. 351 с.

18. Дмитренко А. П., Каблов А.М. Незаконность как криминообразующий признак добычи и оборота особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации и (или) охраняемым международными договорами Российской Федерации // Вестник Московского университета МВД России. 2017. № 2. С. 181–185.

19. Жевлаков Э. Н. Проблемы применения нормы об ответственности за незаконные добычу и оборот особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу РФ и (или) охраняемым международными договорами Российской Федерации // Уголовное право. 2014. № 1. С. 26–31.

20. Дмитренко А. П. Проблемы квалификации незаконных добычи и оборота особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации и (или) охраняемым международными договорами Российской Федерации // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 11. С. 116–120.

References

1. Dubovik O. L. Ekologicheskoe pravo Vostochnoj Evropy [Environmental law of Eastern Europe]. Moscow, Institut gosudarstva i prava RAN Publ., 2018. 270 p.

2. Zhevlakov E. N. O predmete nezakonnoj ohoty [About the subject of illegal hunting]. *Sud'ya = Judge*, 2016, no. 4 (64), pp. 31–33.

3. Zhevlakov E. N. Ugolovnoe prirodoohranitel'noe pravo [Criminal environmental law]. Moscow, Prospekt Publ., 2021. 376 p.

4. Rednikova T. V. Konstitucionno-pravovye osnovy ohrany okruzhayushchej sredy v Rossijskoj Federacii i za rubezhom [Constitutional and legal bases of environmental protection in the Russian Federation and abroad]. *Ekologicheskoe pravo = Environmental law*, 2019, no. 2, pp. 28–32.

5. Rednikova T. V. Kriminologicheskaya harakteristika prestupnyh posyagatel'stv na osobo cennye vodnye biologicheskie resursy [Criminological characteristics of criminal encroachments on especially valuable aquatic biological resources]. *Soyuz kriminalistov i kriminologov = Union of Criminologists and Criminologists*, 2019, no. 1, pp. 108–115.

6. Timoshenko Yu. A. Konstruirovanie ugolovno-pravovyh norm ob otvetstvennosti za ekologicheskie prestupleniya (teoriya i praktika) [Construction of criminal law norms on responsibility for environmental crimes (theory and practice)]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2020. 384 p.

7. Bazarov P. R. Ugolovno-pravovaya ohrana osobo cennyh ob"ektov zhivotnogo mira [Criminal and legal protection of especially valuable objects of the animal world]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2022. 208 p.

8. Grachkova Yu. L. Ekologicheskaya bezopasnost' i rol' prava v reshenii ekologicheskih problem v Rossijskoj Federacii [Environmental safety and the role of law in solving environmental problems in the Russian Federation]. *Vestnik universiteta imeni O. E. Kutafina = Bulletin of the O. E. Kutafin University*, 2022, no. 5, pp. 166–178.

9. Gusarenko D. M. Kriminalizaciya posyagatel'stv na osobo cennye vidy dikih zhivotnyh [Criminalization of encroachments on particularly valuable species of wild animals]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2021. 168 p.

10. Zabavko R. A. Ugolovnaya otvetstvennost' za nezakonnuyu ohotu. Diss. kand. yurid. nauk [Criminal liability for illegal hunting. Cand. legal sci. diss.]. Omsk, 2018. 196 p.

11. Kablov A. M. Ugolovnaya otvetstvennost' za nezakonnuyu ohotu (problemy teorii i praktiki). Diss. kand. yurid. nauk [Criminal liability for illegal hunting (problems of theory and practice). Cand. legal sci. diss.]. Pyatigorsk, 2012. 182 p.

12. Kurmanov A. S. Nezakonnaya ohota kak ekologicheskoe prestuplenie [Illegal hunting as an environmental crime]. Ufa, Bashkirskij in-t social'nyh tekhnologij Akademii truda i social'nyh otnoshenij, 2019. 122 p.

13. Petrova T. M. Voprosy ugolovnoj otvetstvennosti za prestupleniya v otnoshenii osobo ohranyaemyh dikih zhivotnyh [Questions of criminal responsibility for crimes against specially protected wild animals]. *Vestnik Ural'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii = Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2022, no. 3, pp. 159–165.

14. Yurchenko A. V. Aktual'nye aspekty pravovogo regulirovaniya predmeta prestupnogo posyagatel'stva, predusmotrennogo chastyami 1 i 1.1 stat'i 258.1 Ugolovnogo kodeksa Rossijskoj Federacii [Actual aspects of legal regulation of the Subject of criminal encroachment provided for in Parts 1 and 1.1 of Article 258.1 of the Criminal Code of the Russian Federation]. *Voennoe pravo = Military law*, 2020, no. 5 (63), pp. 185–190.

15. Zabavko R. A., Rogova E. V. Kvalificiruyushchie priznaki sostavov ekologicheskih prestuplenij i ih vliyanie na sudebno-sledstvennuyu praktiku [Qualifying features of environmental crimes and their impact on judicial and investigative practice]. *Ekologicheskoe pravo = Environmental law*, 2019, no. 6, pp. 24–28.

16. Russkevich E. A. [About the concept of "minimalist digitalization" of the Special part of the Criminal Code of the Russian Federation]. *Ugolovnoe pravo: strategiya razvitiya v XXI veke. Materialy XVI Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii* [Criminal law: development strategy in the XXI century. Materials of the XVI International Scientific and Practical Conference]. Moscow, RG-Press Publ., 2019, pp. 110–116. (In Russ.)

17. Russkevich E. A. Ugolovnoe pravo i "cifrovaya prestupnost'": problemy i resheniya [Criminal law and "digital crime": problems and solutions]. Moscow, INFRA-M Publ., 2022. 351 p.

18. Dmitrenko A. P., Kablov A. M. Nezakonnost' kak kriminoobrazuyushchij priznak dobychi i oborota osobo cennyh dikih zhivotnyh i vodnyh biologicheskih resursov, prinadlezhashchih k vidam, zanesennym v Krasnuyu knigu Rossijskoj Federacii i (ili) ohranyaemym mezhdunarodnymi dogovorami Rossijskoj Federacii [Illegality as a criminalizing sign of the extraction and turnover of especially valuable wild animals and aquatic biological resources belonging to species listed in the Red Book of the Russian Federation and (or) protected by international treaties of the Russian Federation]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2017, no. 2, pp. 181–185.

19. Zhevlakov E. N. Problemy primeneniya normy ob otvetstvennosti za nezakonnye dobychu i oborot osobo cennyh dikih zhivotnyh i vodnyh biologicheskih resursov, prinadlezhashchih k vidam, zanesennym v Krasnuyu knigu RF i (ili) ohranyaemym mezhdunarodnymi dogovorami Rossijskoj Federacii [Problems of application of the norm on liability for illegal extraction and trafficking of especially valuable wild animals and aquatic biological resources belonging to spe-

cies listed in the Red Book of the Russian Federation and (or) protected by international treaties of the Russian Federation]. *Ugolovnoe pravo = Criminal Law*, 2014, no. 1, pp. 26–31.

20. Dmitrenko A. P. Problemy kvalifikacii nezakonnyh dobychi i oborota osobo cennyh dikih zhivotnyh i vodnyh biologicheskih resursov, prinadlezhashchih k vidam, zanesennym v Krasnuyu knigu Rossijskoj Federacii i (ili) ohranyaemym mezhdunarodnymi dogovorami Rossijskoj Federacii [Problems of qualification of illegal extraction and trafficking of especially valuable wild animals and aquatic biological resources belonging to species listed in the Red Book of the Russian Federation and (or) protected by international treaties of the Russian Federation]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2014, no. 11, pp. 116–120.

Информация об авторе / Information about the Author

Русскевич Любовь Александровна, кандидат юридических наук, преподаватель кафедры уголовного права, Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: russkevich_22@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-2676-8101

Lyubov A. Russkevich, Cand. of Sci. (Juridical), Lecturer, Department of Criminal Law, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikotya, Moscow, Russian Federation,
e-mail: russkevich_22@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-2676-8101

Оригинальная статья / Original article

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-6-99-112

CC BY 4.0

К вопросу о стратегии государственного обвинения в процессе доказывания по уголовному делу в суде первой инстанции

Е. В. Брянская[1], О. С. Пашутина[2]

[1] Санкт-Петербургский университет МВД России
ул. Летчика Пилютова 1, г. Санкт-Петербург 198206, Российская Федерация

[2] Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: olesya-pashutina@yandex.ru

Резюме

Актуальность. *Участие прокурора в процессе доказывания в суде первой инстанции во многом позволяет обеспечить объективность рассмотрения уголовного дела, восполнить в суде пробелы предварительного следствия. Имеющие место недостатки правоприменения, несовершенство уголовно-процессуального закона в части, относящейся к теме исследования, обусловливают необходимость дальнейшего осмысления проблематики стратегии государственного обвинения в процессе доказывания, разработки предложений по повышению эффективности деятельности прокурора.*

Цель: *на основе полученных результатов разработать научные положения, имеющие теоретическое и практическое значение, рекомендации по совершенствованию уголовно-процессуального закона и практики его применения.*

Задачи: *раскрыть основные элементы участия государственного обвинителя в процессе доказывания по уголовному делу в суде первой инстанции, предложить меры по совершенствованию уголовно-процессуального закона и процессуальной деятельности прокурора в части, относящейся к теме исследования.*

Методология. *Методологическую основу исследования составляют положения общенаучного диалектического метода познания окружающей действительности. Авторами использованы такие общенаучные методы, как анализ, синтез, индукция, дедукция, а также формально-логический, формально-юридический методы познания, метод наблюдения и анкетирование.*

Результаты. *Участвующий в судебном заседании государственный обвинитель не просто является одной из сторон, а выступает от имени государства, что требует от него четкого соблюдения требований современного законодателя, умения разрабатывать стратегию «спора». Стратегия должна быть основана на глубоком познании материалов уголовного дела, представлении доказательств в такой гармонизированной композиции, которая позволит аргументированно убедить суд в позиции стороны обвинения.*

Вывод. *Поддержание государственного обвинения в суде – одно из направлений деятельности органов прокуратуры, которое значимо не только с позиции обеспечения точного, единообразного применения закона, но и с позиции достижения задач уголовного судопроизводства. Оно требует проявления прокурором высокого профессионализма и дальнейших действий законодателя на пути создания надлежащей основы для осуществления такой деятельности.*

Ключевые слова: *государственное обвинение; процесс доказывания; исследование доказательств; аргументация.*

Конфликт интересов*: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Для цитирования: Брянская Е. В., Пашутина О. С. К вопросу о стратегии государственного обвинения в процессе доказывания по уголовному делу в суде первой инстанции // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2022. Т. 12, № 6. С. 99–112. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-6-99-112.

Поступила в редакцию 14.10.2022 Принята к публикации 16.11.2022 Опубликована 16.12.2022

© Брянская Е. В., Пашутина О. С., 2022

On the Issue of the Strategy of Public Prosecution in the Process of Proving a Criminal Case in the Court of First Instance

Elena V. Bryanskaya[1], Olesia S. Pashutina[2] ✉

[1] St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
1 Letchika Pilyutova Str., St. Petersburg 198206, Russian Federation

[2] Southwest State University
50 Let Oktyabrya Str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: olesya-pashutina@yandex.ru

Abstract

Relevance. *The participation of the prosecutor in the process of proving in the court of first instance, in many respects, makes it possible to ensure the objectivity of the consideration of a criminal case, to fill in the gaps in the preliminary investigation in court. The existing shortcomings in law enforcement, the imperfection of the criminal procedure law, in the part related to the topic of the study, necessitate further understanding of the problems of the public prosecution strategy in the process of proving, developing proposals to improve the efficiency of the prosecutor.*

The purpose: *based on the results obtained, to develop scientific provisions of theoretical and practical importance in order to improve the criminal procedure law and the practice of its application.*

Objective: *to disclose the content of the prosecutor's participation in the process of proving a criminal case in the court of first instance, to propose measures to improve the criminal procedure law and the procedural activities of the prosecutor, in part related to the topic of the study.*

Methodology. *The methodological basis of the research is the provisions of the general scientific dialectical method of cognition of the surrounding reality. The authors used such general scientific methods as analysis, synthesis, induction, deduction, as well as formal-logical, formal-legal methods of cognition, observation method and questionnaire.*

Results. *The state prosecutor participating in the court session is not just one of the parties, but acts on behalf of the state, which requires him to strictly comply with the requirements of a modern legislator, the ability to develop a strategy in a "dispute". The strategy should be based on a deep knowledge of the materials of the criminal case, the presentation of evidence in such a harmonized composition that allows the court to reasonably convince the prosecution of the position of the prosecution.*

Conclusion. *Maintaining public prosecution in court is one of the areas of activity of the prosecutor's office, which is significant not only from the standpoint of ensuring accurate, uniform application of the law, but also from the standpoint of achieving the objectives of criminal proceedings. It requires the prosecutor to demonstrate high professionalism, and further actions of the legislator towards creating an appropriate basis for the implementation of such activities.*

Keywords: *public prosecution; process of proof; tactics; investigation of evidence; argumentation.*

Conflict of interest: *The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Bryanskaya E V., Pashutina O. S. On the Issue of the Strategy of Public Prosecution in the Process of Proving a Criminal Case in the Court of First Instance. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2022; 12(6): 99–112. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-6-99-112.

Received 14.10.2022 Accepted 16.11.2022 Published 16.12.2022

***

Введение

В современной России значительная роль в системе гарантий защиты человека, общества и государства отведена органам прокуратуры, должностные лица которых принимают участие в суде первой инстанции в качестве государственных обвинителей, обеспечивая рассмотрение уголовных дел по существу и

охрану прав и законных интересов лиц, попавших в сферу уголовного судопроизводства. В соответствии с ч. 1 ст. 1 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации», поддержание государственного обвинения в суде первой инстанции представляет собой одну из важнейших составляющих возложенной на прокуратуру функции уголовного преследования[1].

Согласно положениям ч. 1 ст. 246 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), участие государственного обвинителя признается обязательным в судебном разбирательстве по всем уголовным делам публичного и частно-публичного обвинения. Кроме того, в его отсутствие не могут быть также рассмотрены и уголовные дела частного обвинения, если они были возбуждены следователем или дознавателем с согласия прокурора.

Данное требование законодателя обусловливает участие государственного обвинителя при рассмотрении подавляющего большинства уголовных дел (так, только за период с января по июнь 2022 г. судами 1 инстанции было рассмотрено 363814 уголовных дел, обвинение по которым поддерживалось указанным субъектом уголовного судопроизводства[2]), где он, будучи единственным представителем государства из участников – сторон, от имени Российской Федерации реализует обязанность доказывания в судебном заседании [1, с. 329].

В уголовно-процессуальной доктрине вопросы участия государственного обвинителя в процессе доказывания при рассмотрении уголовного дела в суде первой инстанции не теряют своей актуальности. Деятельности государственных обвинителей как представителей государства при рассмотрении уголовного дела в суде придается серьезное значение[3]. Практически каждый уголовный процессуалист в своих научных трудах, посвященных поддержанию государственного обвинения, старается проанализировать ту или иную проблематику вопросов доказывания [2; 3; 4; 5]. Однако имеющиеся в настоящее время исследования, посвященные тонкостям поддержания государственного обвинения при рассмотрении уголовного дела в суде первой инстанции, не разрешают всех дискуссионных вопросов и проблемных аспектов. Кроме того, в уголовно-процессуальной доктрине вполне обоснованно обращается внимание на то, что необходимость научного осмысления эффективности стратегии государственного обвинения в процессе доказывания по уголовному делу в суде первой инстанции и выработки на этой основе практических рекомендаций, предложений по совершенствованию уголовно-процессуального закона обусловливают и существующие в настоящее время проблемы как законодательной регламентации участия прокурора в суде первой инстанции, так и ненадлежащее исполнение полномочий самим правоприменителем, что, естественным образом, негативно отражается на судьбе лица, вовлеченного в сферу уголовного судопроизводства [6, с. 3–4; 7, с. 4–5; 8, с. 3–4].

Исходя из этого *целью* данной статьи является исследование аспектов стратегии государственного обвинения в процессе доказывания по уголовному делу в суде первой инстанции и разработка на

[1] О прокуратуре Российской Федерации: федер. закон от 17 янв. 1992 г. N 2202-1: [ред. от 11.06.2022]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_262/ (дата обращения: 16.09.2022).

[2] Статистические данные об основных показателях деятельности органов прокуратуры Российской Федерации за июнь 2022 г. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/search?article=75778492 (дата обращения: 28.08.2022)

[3] Примечательно то, что 2 июня 2022 г., одиннадцатый раз прошел Всероссийский конкурс на лучшую судебную речь. Наиболее профессиональные государственные обвинители выступили с судебными речами и получили поощрения.

основе полученных результатов научных положений, имеющих теоретическое и практическое значение, предложений в целях совершенствования уголовно-процессуального закона и практики его применения.

Для достижения заявленной цели авторами изучаются вопросы, касающиеся стратегии государственного обвинения в процессе доказывания по уголовному делу в суде первой инстанции, предлагаются меры по совершенствованию уголовно-процессуального закона и процессуальной деятельности прокурора в части, относящейся к теме исследования.

Методология

В основе проведенного исследования лежит всеобщий диалектический метод научного познания. Для достижения поставленных задач авторами также были использованы общенаучные методы анализа и синтеза, индукции и дедукции. Так, посредством метода логического и системного анализа было проведено исследование структурных составляющих процесса участия государственного обвинителя в процессе доказывания. Методом синтеза изучены элементы правореализационной деятельности, а методы дедукции и индукции позволили акцентировать внимание на наиболее важных из них, обозначить проблемы правоприменения в части, относящейся к теме исследования. Формально-юридический метод применялся при обращении к тексту уголовно-процессуального закона и Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации», формально-логический метод послужил основой формулирования основных выводов по результатам проводимого исследования, метод наблюдения применялся при изучении материалов уголовных дел, результаты анкетирования позволили обосновать формулируемые выводы.

Результаты и их обсуждение

Государственное обвинение – это «основанный на собранных в процессе расследования доказательствах, сформулированный органом расследования и утвержденный прокурором вывод о совершении обвиняемым уголовно наказуемого деяния» [9, с. 32]. Это утверждение, официально адресованное суду, о совершении лицом конкретного преступления, сопровождаемое требованием о возложении на него уголовной ответственности.

В настоящее время прокурор является участником уголовного судопроизводства со стороны обвинения, который в суде поддерживает работу, проведенную на стадии предварительного расследования органами уголовного преследования. Мы понимаем, что в свете ст. 37 УПК РФ прокурор не наделен таким полномочием, как возбуждение уголовного дела, он не принимает к своему производству уголовное дело, как это было ранее. Тем не менее прокурор наделен достаточно широкими полномочиями по надзору за органами, в руках которых находится уголовное дело. Более того, именно прокурор утверждает итоговые уголовно-процессуальные документы и направляет уголовное дело в суд для его рассмотрения по существу. В настоящее время процессуальный интерес прокурора в уголовном судопроизводстве от начала и до конца продиктован его положением в качестве надзорного органа за соблюдением законности [10, с. 67].

В этой связи мы понимаем, что прокурору принадлежит особая познавательная роль в процессе доказывания по уголовному делу. Прежде чем направить уголовное дело в суд, прокурор исследует все собранные доказательства по уголовному делу. Однако на законодательном уровне сложилось так, что в качестве этапов процесса доказывания выделяют собирание, проверку и оценку доказательств, тогда как, по нашему мнению, законодатель не закрепил и не отразил всю глубину доказывания, которая подразумевает мыслительную деятельность – познавательную деятельность, которая имеет место в процессе исследования доказательств. В частности, на примере

надзорных полномочий прокурора и дальнейшего поддержания государственного обвинения в суде очевидна особая миссия данного участника уголовного процесса в исследовании доказательств и их оценки. Например, ч. 5 ст. 246 УПК РФ предусматривает, что государственный обвинитель представляет доказательства и участвует в их исследовании.

Исследуя и проверяя все доказательства по уголовному делу, прокурор анализирует обоснованность предъявленного обвинения, соблюдение всех процессуальных гарантий, процессуальной формы по уголовному делу, а также решает ряд иных вопросов, входящих в его компетенцию.

В научной уголовно-процессуальной литературе все больше акцентируется внимание на проверке и оценке доказательств прокурором. Все чаще на научных мероприятиях обосновывается, что в стадии подготовки к судебному заседанию основное содержание доказывания заключается в проверке и оценке доказательств.

Наиболее ярко оценка доказательств прокурором очевидна в прениях сторон, когда прокурор зачитывает обвинительную речь, резюмирует целесообразной мерой наказания и высказывает свои реплики после выступления защитника с речью.

В целом мы солидарны с теми исследователями, которые пишут о том, что доказывание государственным обвинителем осуществляется перед судом в целях его убеждения в справедливости представленного обвинительного тезиса. Следовательно, прежде чем построить убедительную стратегию в поддержании обвинения, активность прокурора видится в глубоком исследовании имеющихся доказательств по делу, в поиске новых, необходимость в которых может возникнуть в процессе судебного разбирательства. Знание материалов уголовного дела, объективное исследование доказательств являются предпосылкой умения оперативно реагировать на доводы защиты либо возникшие форс-мажорные обстоятельства [10, с. 52].

Актуальность вопросов грамотного исследования доказательств и построения разумной стратегии в суде обусловлена тем, что на государственного обвинителя возлагается ответственность в связи с тем, что он завершает всю доказательственную деятельность стороны обвинения, и от того, как он это сделает, зависит, образно говоря, чем завершится уголовный процесс по делу.

Стоит согласиться с мнением, что государственное обвинение – необычайно емкая процессуальная категория. «В ней словно в капле воды отражается все многообразие форм и институтов уголовного судопроизводства. Исследовать обвинение – значит исследовать пусковой механизм уголовного процесса, подвергнуть анализу самые основные, наиболее существенные его понятия. И здесь не уйти от обсуждения трудных дискуссионных проблем, не избежать полемической заостренности изложения» [12, с. 5].

Хотелось бы заметить, что помимо того, что прокурор должен достаточно досконально исследовать, проверить и объективно оценить доказательства, он имеет право высказать свою позицию в адрес суда на предмет целесообразности порядка исследования доказательств, который позволил бы наиболее полно и объективно проанализировать сущность рассматриваемого уголовного дела. Мы поддерживаем точку зрения, в аспекте которой исследование доказательств представляется в качестве познания обстоятельств преступного деяния с позиции признаков состава преступления. В этой связи государственный обвинитель взвешивает содержательное значение каждого доказательства по уголовному делу, выбирает из них ключевые, наиболее убедительные и строит тактику поддержания обвинения.

Поскольку в суде первой инстанции велика вероятность заявления защитником ходатайства о признании доказатель-

ства недопустимым, в случае, если оно будет удовлетворено судом, прокурор может предпринять действия для возможного восполнения доказательств, утративших свою процессуальную силу. Значит, исследование и знание сущности каждого доказательства по делу является предпосылкой владения полнотой информации о деталях предварительного расследования, криминалистических аспектов. Разумеется, государственному обвинителю целесообразно быть в теме о всех нововведениях в действующем законодательстве и обзорах Верховного Суда РФ.

К сожалению, загруженность прокурорских работников столь велика, что не каждому государственному обвинителю удается внимательно и обстоятельно изучить материалы уголовного дела. Анализ практики показывает, что прокуроры при подготовке к судебному заседанию ограничиваются изучением итогового процессуального документа (на данное обстоятельство указывает и большинство опрошенных нами респондентов из числа сотрудников прокуратуры – более 70%), поэтому приходится соглашаться с констатацией факта: «недостаточно глубокое знание материалов уголовного дела является причиной пассивной роли государственного обвинителя в судебном заседании, что, в свою очередь, исключает его реальное влияние на ход и результат судебного процесса» [13, с. 69].

Судебная практика также позволяет сделать вывод о том, что роль государственного обвинителя в суде фактически может сводиться к восполнению пробелов предварительного расследования. Конечно, в этой части мы можем задуматься о том, что в ситуациях признания доказательств недопустимыми изыскивается вариант их восполнения. Значит, исследование заключается не только в познании материалов уголовного дела, но и в личном общении с участниками конкретного уголовного дела. В этой связи вполне обоснованно подчеркивается серьезное возрастание роли государственного обвинения на фоне слабого предварительного расследования. В этой связи прокурор должен получить непосредственно информацию, имеющую отношение к уголовному делу, вне пределов судебного заседания, от потерпевших и свидетелей, из иных источников. Разумеется, может возникнуть вопрос в корректности таких действий, но действующий УПК РФ запретов в этой части не содержит, чем активно пользуются государственные обвинители, готовя свою стратегию поддержки работы органов предварительного расследования в суде [13, с. 69].

В. М. Савицкий отмечал: «Предъявление суду доказательств, подтверждающих вывод о виновности обвиняемого, их систематизация и анализ, а также опровержение контрдоказательств, выдвигаемых стороной защиты, – все это и есть поддержание обвинения, реализация прокурором его функции государственного обвинителя» [14, с. 153].

В настоящее время нельзя не отметить элемент нарушения баланса в реализации положений закона о равноправии сторон. Так, ст. 234 УПК РФ закрепляет право на истребование дополнительных доказательств, но с оговоркой о том, что это право принадлежит лишь стороне защиты. Стоит согласиться с тем, что участвующие на предварительном слушании представители стороны обвинения в полной мере должны использовать право на заявление ходатайств об истребовании дополнительных доказательств или предметов (относительно заявления ходатайств подчеркнем, что, как показывает анализ судебно-следственной практики, государственными обвинителями и в дальнейшем – в ходе судебного разбирательства в основном заявляются лишь ходатайства об оглашении показаний участников уголовного судопроизводства в связи с наличием существенных противоречий, оглашении протоколов явки с повинной, продлении срока меры пресе-

чения ввиду отсутствия оснований для отмены или изменения избранной меры пресечения и т. п., в то время, как защитники проявляют активность в заявлении ходатайств об истребовании дополнительных доказательств).

В процессе судебного следствия особые приемы применяются при допросе свидетелей. Исследователи упоминают прямой допрос либо допрос свидетеля со стороны защиты с целью уточнения показаний и возможной дискредитации аргументов – перекрестный допрос. Так, посредством перекрестного допроса можно добиться «опровержения показаний допрашиваемого, установления перед судом некомпетентности допрашиваемого, уточнения и детализации ранее данных показаний, получения новых сведений, подтверждающих позицию стороны». Таким образом выделяются суггестивные стратегии: «стратегию получения достоверных показаний, стратегию оптимизации, стратегию склонения к признанию, изобличения во лжи, стратегию убеждения» [15, с. 214]. Выделяют тактику настаивания на припоминании, провокации, в рамках которой прокурор задает такие вопросы свидетелю, ответом которых является прямая или косвенная аргументация заявленной позиции. Применяют тактику проверки информационной ценности допрашиваемого, лексико-синтаксический повтор, который позволяет акцентировать внимание присяжных на желании свидетеля запутать или ввести их в заблуждение.

Разумеется, все эти тактические приемы могут быть реализованы при реализации стратегии исследования доказательств, сущность которой вытекает из приказа Генерального прокурора России от 30 июня 2021 г. № 376 «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства»[1]. По тексту данного приказа мы видим следующие стратегические направления в аспекте процесса доказывания и поддержания государственного обвинения: возможность подготовиться к судебному разбирательству (п. 1.4); исключение возможности выбора прокурорами дел, по которым ими будет поддерживаться государственное обвинение, а также случаев немотивированной замены государственного обвинителя (п. 1.4); недопустимость любого давления на государственных обвинителей, принуждения их к отстаиванию выводов органов предварительного расследования, не подтвержденных исследованными в ходе судебного разбирательства доказательствами (п. 1.6); реальный вклад в принятие судом законного, обоснованного и справедливого решения, необходимость проявлять активность, профессионализм, принципиальность и объективность в отстаивании своей позиции (п. 1.7); заблаговременная подготовка к судебному заседанию, беспристрастное оценивание совокупности имеющихся доказательств, продумывание тактики своих действий, в необходимых случаях заявление ходатайств перед судом о предоставлении времени для подготовки и обоснования своей позиции, уделение должного внимания подготовке к участию в предварительном слушании (п. 3); активное участие в исследовании доказательств, способствование принятию судом законного, обоснованного и справедливого решения, соблюдение прав, свобод и законных интересов участников процесса, требований закона о разумном сроке уголовного судопроизводства (п. 3.2); при формировании своей позиции относительно наказания руководство требованиями закона о его соразмерности и справедливости, учитывая характер и степень общественной опасности преступления, личности виновного, а также смягчающих и отягчающих наказание обстоятельств (п. 3.2); выяснение обстоя-

[1] Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства: приказ Генерального прокурора России от 30 июня 2021 г. № 376. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/documents?item=65194754 (дата обращения: 12.07.2022).

тельств, способствовавших совершению преступлений (п. 3.5); руководствуясь законом и совестью, возможность отказаться от обвинения, но только после всестороннего исследования доказательств (п. 3.10).

Стратегия исследования доказательств в суде первой инстанции, имеющая первостепенное значение в ходе судебного следствия, завершается изложением судебных речей и репликами. Однако несмотря на то, что в Прокуратуре РФ ежегодно проводятся конкурсы на лучшую судебную речь, разработаны методические рекомендации, УПК РФ не регламентирует структуру и содержание речи прокурора, на что обращают внимание многие исследователи (как отмечает Н. П. Кириллова, современным законодателем не определена композиция структуры речи государственного обвинителя). К примеру, рассматривая дело в суде присяжных, при построении речи прокурор исходит из тех вопросов, которые ставятся на разрешение присяжных. В своей речи прокурор не просто приводит доказательства, он анализирует и оценивает их. Соответственно, неизбежно исследование доказательств, на основе чего проводится анализ и оценка доказательств [16, с. 24]. От представленных речей в суде зависит предмет реплики, который может заключаться в принципиальных разногласиях, возникших в тех случаях, когда одна из сторон искажает фактические обстоятельства дела, дает неправильную оценку доказательствам и неверное толкование закона.

С одной стороны, может сложиться мнение о процессуальном интересе и стремлении государственного обвинителя донести до суда сущность позиции органов уголовного преследования, будучи уверенным в объективности обвинительного заключения. С другой стороны, ч. 7 ст. 246 УПК РФ предусматривает положение о том, что, если в ходе судебного разбирательства государственный обвинитель придет к убеждению, что представленные доказательства не подтверждают предъявленное подсудимому обвинение, то он отказывается от обвинения и излагает суду мотивы отказа.

Таким образом, государственный обвинитель определяет для себя тактику и стратегию доказывания. Для нас представились достаточно интересными положения Будапештских руководящих принципов (приняты на 6-й конференции генеральных прокуроров стран Европы 31 мая 2005 г.), в которых заложены стратегические направления поддержания обвинения в суде. Действительно, работники прокуратуры обязаны неизменно соблюдать самые высокие стандарты добросовестности и радения, в процессе доказывания использовать обоснованные доказательства.

Наиболее ярким показателем исследованности и грамотной проверки, оценки доказательств является этап выступления с речью в прениях сторон – спора между стороной обвинения и стороной защиты, который, по своей сути, как справедливо отмечает Н. Н. Ивакина, «ведется по поводу оценки одних и тех же обстоятельств дела, об утверждении собственных оценок и об опровержении оценок противной стороны» [17, с. 105].

Проблематика подготовленности и убедительности судебной речи обсуждается юристами издавна. УПК РФ не предъявляет требований, в письменном виде или в устном должна быть подготовлена речь и, если анализировать классиков российского судоговорения – единства мнений нет. Цицерон писал о том, что именно перо является лучшим учителем, написанная речь будет более продуманной [18, с. 25]. А. Ф. Кони в своих наставлениях потомкам пишет об устности речи: «…изучайте внимательно материал, запоминайте его, вдумывайтесь в него – и затем следуйте совету Фауста: “«Говори с убеждением, слова и влияние на слушателей придут сами собой”» [19, с. 128].

Однако сейчас в зависимости от сложности дела, профессионального опыта государственного обвинителя формой подготовки обвинительной речи может быть: написание речи целиком, составление тезисов выступления, составление письменного плана [20, с. 33]. Для нас видится целесообразным именно составление письменной речи и, кроме того, мы выступаем за закрепление в ст. 292 УПК РФ нормы о необходимости предоставления сторонами суду подготовленных заблаговременно письменных речей (следует отметить, что нашу точку зрения разделяет более 60% опрошенных респондентов из числа сотрудников органов прокуратуры, более 80% респондентов из числа судей видят в этом практическую значимость), что, в свою очередь, будет способствовать и повышению их качества. В том же случае, если в зале судебного заседания принимают участие несколько государственных обвинителей или несколько адвокатов, видится необходимым предоставить суду в письменном виде согласование позиции и очередности выступлений со стороны обвинения и со стороны защиты. Такого рода согласование будет гарантией соблюдения порядка в зале судебного заседания. К примеру, приходится быть очевидцами, когда по делу работает команда адвокатов и при рассмотрении уголовного дела, защищая одного подсудимого, они выступают, перебивая друг друга, публично вступают в полемику, чем демонстрируют рассогласованность и отсутствие выработки одной линии, стратегии поведения. У государственных обвинителей в этом аспекте ситуация обстоит позитивнее, но все же было бы неплохо суду предоставлять до выступления в судебных речах очередность своего слова.

Поскольку государственный обвинитель должен быть стратегом, тактиком, письменность речи будет во многом способствовать облегчению работы государственного обвинителя, поскольку поможет мысленно собраться и не растеряться в условиях острой эмоциональности судебного разбирательства. Наличие заранее подготовленной письменной речи вызывает уважение в глазах судьи, поскольку судья заинтересован в грамотном выступлении обвинителя, в том, чтобы с помощью аргументированной речи прокурора сложилось объективное судейское усмотрение.

Мы понимаем, что УПК РФ всего лишь в одной статье упоминает слово «тактика». Однако прокурор должен развивать в себе талант предвидения «судебных ситуаций». Тактика и методика поддержания государственного обвинения обычно определяются исходя из судебной ситуации. Тактические приемы, методики поддержания государственного обвинения разнятся в зависимости от квалификации преступного деяния, тех обстоятельств, которые входят в предмет доказывания [21, с. 181]. Исследование и оценка доказательств являются стержневыми факторами при построении судебной речи. Как отмечают представители уголовно-процессуальной науки, «обвинитель обязан использовать в полной мере все данные предварительного и судебного следствия, чтобы на основе объективного и глубокого анализа сделать правильные выводы о доказанности обвинения и виновности подсудимого» [22, с. 4].

В этой связи одним из стратегических направлений в прениях сторон видится аргументация. В частности, в процессе доказывания аргументация рассматривается как такая деятельность, которая строится в свете морально-этических основ, исключающих обман, фальсификации и манипуляции. Аргументация строится на основах убеждающей силы доказательств.

Судопроизводственные начала гласят о том, что ни одно доказательство не имеет преимущественной силы перед другими доказательствами. Однако по тексту процессуальных кодифицированных актов для нас ясно, что законодатель применяет к доказательствам слово «си-

ла». Какой смысл законодатель вкладывает в понимание «силы», не в полной мере однозначно. К примеру, в соответствии с ч. 2 ст. 17 УПК РФ никакие доказательства не имеют заранее установленной силы, а в ч. 1 ст. 75 УПК РФ указывается, что юридической силы не имеют недопустимые доказательства, которые в результате их оценки не могут быть положены в основу обвинения, а равно использованы для доказывания любого из обстоятельств, входящих в предмет доказывания (ст. 73 УПК РФ). Для нас же видится понятие «силы» доказательств с позиции убеждения, в свете анализа доказательств, как аргументов в пользу достижения истинности по делу.

Мы понимаем, что не каждое доказательство приобретает для субъекта, оценивающего доказательство, значение «аргумента». Не каждый судья придаст тем или иным доказательственным сведениям силу аргумента как достоверно установленному факту. Следовательно, нам необходимо разобраться, как строится тактика аргументации государственным обвинителем, каким образом, какими средствами стороны процесса наиболее эффективно оказывают влияние на суд, добиваясь успеха в свою пользу.

С уголовно-процессуальной позиции нам видится, что приобретает особое значение концепция аргументирующей силы доказательств, которая на уровне внутреннего убеждения судьи придает грамотно гармонизированной совокупности доказательств более убеждающее значение.

Для достижения стратегического успеха государственному обвинителю необходимо акцентировать внимание на тех доказательствах, которые однозначно соответствуют требованиям закона, имеют силу прямых доказательств. Изучая данные условия, мы понимаем, что они созвучны с теми правилами, которые несут в себе постулаты законного процесса доказывания и регламентированы в УПК РФ: мы говорим о достоверности, достаточности. Разумеется, все доказательства, на которых основывается обвинительная речь, должны соответствовать требованиям относимости и допустимости. Самое главное заключается и в том, что прокурор должен понимать, что такое главный факт. Те обстоятельства, которые установлены и являются обстоятельствами главного факта, они приобретают силу ключевых доказательств, и они же обладают силой наиболее убедительного аргумента. В этой связи мы понимаем, что для реализации грамотной стратегии государственного обвинителя он должен иметь время и возможность для полноценного изучения уголовного дела.

Исследование доказательств выступает первостепенным гарантом успеха при поддержании государственного обвинения в суде. В этой связи приведем еще одни данные анкетного исследования, которое было проведено нами в десяти регионах Российской Федерации. В частности, наши уважаемые прокуроры понимают ценность исследования доказательств, они придают серьезное значение тому, что полноценная подготовка к судебному заседанию является гарантом успеха, и исследование доказательств имеет право на то, чтобы быть закрепленным в УПК РФ в качестве самостоятельного этапа процесса доказывания. Так, прокуроры ответили следующим образом на вопрос, является ли исследование доказательств самостоятельным этапом процесса доказывания: из 633 прокуроров ответили, что исследование доказательств является самостоятельным этапом процесс доказывания, 456 человек – 72%.

В этой связи мы все более акцентируем внимание на исследовании доказательств и предлагаем ст. 85 УПК РФ изложить в следующей редакции: доказывание состоит в собирании, исследовании, проверке и оценке доказательств в целях установления и использования обстоятельств, предусмотренных ст. 73 УПК РФ. Заметим, что редакцию статьи

мы дополнили и словом «использование». Причина видится в том, что процесс доказывания направлен не только на установление обстоятельств, подлежащих доказыванию, но и на их использование, например, при формировании внутреннего убеждения для вынесения процессуальных решений, применительно к настоящей теме исследования, для формирования стратегической направленности в деятельности государственного обвинителя.

Выводы

Конституционное положение, закрепленное в ст. 49 и возложившее бремя доказывания виновности лица в совершении общественно опасного деяния на сторону обвинения, определяет особую роль процессуальной деятельности государственного обвинителя при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции. Нельзя отрицать тот факт, что успешное рассмотрение уголовного дела в суде первой инстанции во многом зависит от профессионально разработанной стратегии государственного обвинения в процессе доказывания, от умения прокурора занять надлежащую позицию, базирующуюся на законе и исходящую из материалов уголовного дела.

Учитывая, что она представляет собой явление многоаспектное, государственный обвинитель при выполнении возложенной на него законом функции должен умело разрешать стоящие перед ним задачи уголовно-процессуального и криминалистического характера с учетом массы факторов материальной и процессуальной природы, что невозможно без надлежащего анализа материалов уголовного дела, способности вычленения допущенных на стадии предварительного расследования ошибок и определения путей их устранения.

Должным образом разработанная стратегия государственного обвинения, основанная на скрупулёзном учете всех обстоятельств, входящих в предмет доказывания по конкретному уголовному делу, учитывающая все возможные варианты развития событий, позволяет поддерживать обвинение на качественно высоком уровне, устраняет возможность наступления негативных последствий, вызванных возможными ошибками и недоработками.

От надлежащей подготовки к предстоящему судебному заседанию, объективной и всесторонней оценки совокупности собранных по делу доказательств, активного участия в процессе доказывания непосредственно в ходе рассмотрения уголовного дела во многом зависит создание надлежащих условий для принятия судом законного, обоснованного и справедливого приговора.

Изучение вопросов стратегии государственного обвинения в процессе доказывания по уголовному делу в суде первой инстанции позволяет нам не только обозначить значимость надлежащей деятельности прокурора, но и обратить внимание на проблемы, свидетельствующие о том, что от законодателя требуются дальнейшие активные последовательные действия на пути создания прочного фундамента, на основе которого выполнение функции прокуратуры – поддержание в судебном разбирательстве обвинения будет более соответствовать ее смыслу.

Список литературы

1. Хомякова А. В. Вопросы подготовки государственного обвинителя к доказыванию в судебном разбирательстве // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. № 12. С. 329–332.

2. Беллевич. Государственный обвинитель / авт. проекта и сост. В. И. Ишутин. Владимир: Транзит Икс, 2011. 405 с.

3. Зарубина И. Государственный обвинитель. М.: АСТ: Олимп, 1998. 382 с.

4. Маслов А. Г. Доказывание обвинения на стадии предварительного расследования. Саратов: СГАП, 2003. 50 с.

5. Ульянов В. Г. Государственное обвинение в российском уголовном судопроизводстве: процессуальный и криминалистический аспекты. М.: ОЛМА-пресс, 2002. 351 с.

6. Чигрин Д. А. Государственное обвинение в российском уголовном процессе: проблемы формирования и поддержания (сравнительно-правовое исследование): автореф. дис. … канд. юрид. наук. Уфа, 2018. 22 с.

7. Антипова Н. Т. Государственное обвинение в суде: проблемы законодательного регулирования и практики: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2004. 28 с.

8. Галимов Э. Р. Процессуальное положение государственного обвинителя в суде первой инстанции по уголовным делам: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Челябинск, 2008. 22 с.

9. Лазарева В. А. Прокурор в уголовном процессе. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2008. 76 с.

10. Ефанова В. А. Прокурор в российском уголовном процессе: проблемы нормативного регулирования и правоприменительной практики // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2021. № 4 (47). С. 65–78.

11. Дупак Н. Ю., Медведева О. В. Проблемы реализации государственного обвинения в суде первой инстанции: монографи. Волгоград : Волгоградская акад. МВД РФ, 2007. 141 с.

12. Савицкий В. М. Государственное обвинение в суде. М.: Наука, 1971. 342 с.

13. Ганичева Е. А. Особенности поддержания государственного обвинения по делам о кражах, грабежах, разбоях: монография. М.: Юрлитинформ, 2013. 206 с.

14. Савицкий В. М. О презумпции невиновности и других принципах уголовного процесса: уголовный процесс России. М.: Норма, 1997. 314 с.

15. Катермина В. В., Сафронова Т. С. Способы репрезентации основных суггестивных стратегий и тактик в судебном дискурсе // Юрлингвистика. 2016. № 5. С. 211-223.

16. Кириллова Н. П. Суд присяжных в России и мировой опыт / науч. ред. проф. Б. В. Волженкин. СПб.: Изд-во С.-Петербург. юрид. ин-та Генеральной прокуратуры РФ, 1998. 36 с.

17. Волкова Т. В. Функционирование манипулятивных аргументов в судебной речи (на материале выступлений прокурора в прениях) // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2021. № 6 (218). С. 105–111.

18. Шифман М. Л. Речь прокурора по уголовному делу. М.: Юриздат, 1960. 125 с.

19. Кони А. Ф. Избранные произведения: Статьи и заметки. Судебные речи: в 2-х т. Т. 1. 2-е изд., доп. М.: Госюриздат, 1959. 627 с.

20. Маркина Е. А., Решетова Н. Ю., Ковалева Е. Н. Памятка государственному обвинителю / НИИ проблем укрепления законности и правопорядка при Генеральной прокуратуре РФ. М., 2005. 62 с.

21. Руководство для государственных обвинителей: криминалистический аспект деятельности / под ред. О. Н. Коршуновой. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. 688 с.

22. Поддержание государственного обвинения в суде / под ред. гос. советника юстиции 1-го кл. М. П. Малярова; Прокуратура СССР. М.: Юрид. лит., 1970. 181 с.

References

1. Homyakova A. V. Voprosy podgotovki gosudarstvennogo obvinitelya k dokazyvaniyu v sudebnom razbiratel'stve [Questions of preparation of the public prosecutor for proving in court

proceedings]. *Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki = Humanities, socio-economic and social sciences*, 2019, no. 12, pp. 329–332.

2. Bellevich. Gosudarstvennyj obvinitel' [State Prosecutor]; ed. by V. I. Ishutin. Vladimir, Tranzit Iks Publ., 2011. 405 p.

3. Zarubina I. Gosudarstvennyj obvinitel' [State Prosecutor]. Moscow, AST Publ., Olimp Publ., 1998. 382 p.

4. Maslov A. G. Dokazyvanie obvineniya na stadii predvaritel'nogo rassledovaniya [Proving the charges at the stage of preliminary investigation]. Saratov, SGAP Publ., 2003. 50 p.

5. Ul'yanov V. G. Gosudarstvennoe obvinenie v rossijskom ugolovnom sudoproizvodstve: processual'nyj i kriminalisticheskij aspekty [State prosecution in Russian Criminal Proceedings: procedural and criminalistic aspects]. Moscow, OLMA-press Publ., 2002. 351 p.

6. Chigrin D. A. Gosudarstvennoe obvinenie v rossijskom ugolovnom processe: problemy formirovaniya i podderzhaniya (sravnitel'no-pravovoe issledovanie). Avtoref. diss. kand. yurid. nauk [State prosecution in the Russian Criminal process: problems of formation and maintenance (comparative legal research). Cand. legal sci. abstract diss.]. Ufa, 2018. 22 p.

7. Antipova N. T. Gosudarstvennoe obvinenie v sude: problemy zakonodatel'nogo regulirovaniya i praktiki. Avtoref. diss. kand. yurid. nauk [State prosecution in court: problems of legislative regulation and practice. Cand. legal sci. abstract diss.]. Moscow, 2004. 28 p.

8. Galimov E. R. Processual'noe polozhenie gosudarstvennogo obvinitelya v sude pervoj instancii po ugolovnym delam. Avtoref. diss. kand. yurid. nauk [Procedural status of the public prosecutor in the Court of first instance in criminal cases. Cand. legal sci. abstract diss.]. Chelyabinsk, 2008. 22 p.

9. Lazareva V. A. Prokuror v ugolovnom processe [Prosecutor in criminal proceedings]. Samara, Samarskij universitet Publ., 2008. 76 p.

10. Efanova V. A. Prokuror v rossijskom ugolovnom processe: problemy normativnogo regulirovaniya i pravoprimenitel'noj praktiki [Prosecutor in the Russian criminal process: problems of regulatory regulation and law enforcement practice]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo = Bulletin of the Voronezh State University. Series: Law*, 2021, no. 4 (47), pp. 65–78.

11. Dupak N. Yu., Medvedeva O. V. Problemy realizacii gosudarstvennogo obvineniya v sude pervoj instancii [Problems of the implementation of public prosecution in the court of first instance]. Volgograd, Volgogradskaya akad. MVD RF Publ., 2007. 141 p.

12. Savickij V. M. Gosudarstvennoe obvinenie v sude [State prosecution in court]. Moscow, Nauka Publ., 1971. 342 p.

13. Ganicheva E. A. Osobennosti podderzhaniya gosudarstvennogo obvineniya po delam o krazhah, grabezhah, razboyah [Features of maintaining the state prosecution in cases of theft, robbery, robbery]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2013. 206 p.

14. Savickij V. M. O prezumpcii nevinovnosti i drugih principah ugolovnogo processa: ugolovnyj process Rossii [On the presumption of innocence and other principles of the criminal process: the criminal process of Russia]. Moscow, Norma Publ., 1997. 314 p.

15. Katermina V. V., Safronova T. S. Sposoby reprezentacii osnovnyh suggestivnyh strategij i taktik v sudebnom diskurse [Ways of representing the main suggestive strategies and tactics in judicial discourse]. *Yurlingvistika = Linguistics*, 2016, no. 5, pp. 211–223.

16. Kirillova N. P. Sud prisyazhnyh v Rossii i mirovoj opyt [Jury trial in Russia and world experience]; ed. by B. V. Volzhenkin. St. Petersburg, S.-Petersburg yurid. in-t General'noj prokuratury RF Publ., 1998. 36 p.

17. Volkova T. V. Funkcionirovanie manipulyativnyh argumentov v sudebnoj rechi (na materiale vystuplenij prokurora v preniyah) [Functioning of manipulative arguments in judicial speech (based on the material of the prosecutor's speeches in the debate)]. *Vestnik Tomskogo*

gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Bulletin of Tomsk State Pedagogical University, 2021, no. 6 (218), pp. 105–111.

18. Shifman M. L. Rech' prokurora po ugolovnomu delu [Speech of the prosecutor in a criminal case]. Moscow, Yurizdat Publ., 1960. 125 p.

19. Koni A. F. Izbrannye proizvedeniya: Stat'i i zametki. Sudebnye rechi [Selected works: Articles and notes. Court speeches]. Vol. 1. 2th ed. Moscow, Gosyurizdat Publ., 1959. 627 p.

20. Markina E. A., Reshetova N. Yu., Kovaleva E. N. Pamyatka gosudarstvennomu obvinitelyu [Memo to the State Prosecutor]. Moscow, NII problem ukrepleniya zakonnosti i pravoporyadka pri General'noj prokurature RF, 2005. 62 p.

21. Rukovodstvo dlya gosudarstvennyh obvinitelej: kriminalisticheskij aspekt deyatel'nosti [Guide for public prosecutors: the forensic aspect of the activity]; ed. by O. N. Korshunova. St. Petersburg, Yuridicheskij centr Press Publ., 2003. 688 p.

22. Podderzhanie gosudarstvennogo obvineniya v sude [Maintaining public prosecution in court]; ed. by M. P. Malyarov. Moscow, Yurid. lit. Publ., 1970. 181 p.

Информация об авторах / Information about the Authors

Брянская Елена Васильевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики, Санкт-Петербургский университет МВД России, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация,
e-mail: veret.1976@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-8715-7099

Пашутина Олеся Сергеевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: olesya-pashutina@yandex.ru,
ORCID: 0000-0003-1472-7959

Elena V. Bryanskaya, Cand. of Sci. (Juridical), Associate Professor of the Department of Criminalistics, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, St. Petersburg, Russian Federation,
e-mail: veret.1976@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-8715-7099

Olesia S. Pashutina, Cand. of Sci. (Juridical), Associate Professor of the Department of Criminal Proceeding and Criminalistic, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: olesya-pashutina@yandex.ru,
ORCID: 0000-0003-1472-7959

Оригинальная статья / Original article

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-6-113-131

(cc) BY 4.0

Гарантии допустимости и действительности отказа от субъективного права в уголовном процессе: проблемы законодательного регулирования

И. Н. Чеботарева[1]✉, О. С. Пашутина[1], И. В. Ревина[1]

[1]Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: cheb_irina@mail.ru

Резюме

***Актуальность**. Элементом правозащитной системы выступает уголовно-процессуальный закон, позволяющий увеличить степень защищенности прав лиц в сфере уголовного судопроизводства. В нормах Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации конкретизировано значимое изменение отношения государства к личности, однако многие положения закона остаются несовершенными, что порождает случаи нарушения прав личности при осуществлении производства по уголовным делам, подчеркивает значимость изучения вопросов правовой регламентации гарантий допустимости и действительности отказа от субъективного права.*

***Цель:** исследование проблем нормативно-правовой регламентации гарантий допустимости и действительности отказа от субъективного права, разработка предложений по дальнейшему совершенствованию уголовно-процессуального закона.*

***Задачи:** изучение совокупности норм уголовно-процессуального закона, закрепляющих гарантии допустимости и действительности отказа от права, доктринальных источников, в части, относящейся к теме исследования.*

***Методология.** Основу настоящего исследования составляет совокупность всеобщего диалектического метода научного познания, общенаучных методов анализа и синтеза, индукции и дедукции и частнонаучных методов познания, таких как: формально-логический, формально-юридический. Авторами применялись и методы изучения социальных явлений в их конкретном проявлении в конкретных условиях места и времени: изучение документов, наблюдение.*

***Результаты.** Значимым элементом в иерархической цепочке нормативно-правового компонента, составляющего основу гарантий допустимости и действительности отказа от субъективного права, является уголовно-процессуальный закон. Многие его положения направлены на обеспечение допустимости и действительности отказа от субъективного права. В то же время работу законодателя в этом плане нельзя признать завершенной.*

***Вывод.** Совершенствование нормативно-правового регулирования гарантий допустимости и действительности отказа от субъективного права будет способствовать защите прав и законных интересов граждан, соответствовать назначению уголовного судопроизводства.*

***Ключевые слова:** отказ от субъективного права; допустимость; действительность отказа; дознание; досудебное соглашение.*

***Финансирование**: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00858.*

***Конфликт интересов**: Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Для цитирования: Чеботарева И. Н., Пашутина О. С., Ревина И. В. Гарантии допустимости и действительности отказа от субъективного права в уголовном процессе: проблемы законодательного регулирования // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2022. Т. 12, № 6. С. 113–131. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-6-113-131.

Поступила в редакцию 24.10.2022 Принята к публикации 22.11.2022 Опубликована 16.12.2022

© Чеботарева И. Н., Пашутина О. С., Ревина И. В., 2022

Guarantees of the Admissibility and Validity of the Rejection of Subjective Law in Criminal Proceedings: Problems of Legislative Regulation

Irina N. Chebotareva[1] ✉, Olesia S. Pashutina[1], Irina V. Revina[1]

[1] Southwest State University
50 Let Oktyabrya Str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: cheb_irina@mail.ru

Abstract

Relevance. *An element of the human rights system is the criminal procedure law, which allows to increase the degree of protection of the rights of persons in the field of criminal proceedings. The norms of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation specify a significant change in the attitude of the state towards the individual, however, many provisions of the law remain imperfect, which gives rise to cases of violation of individual rights in criminal proceedings, emphasizes the importance of studying the issues of legal regulation of guarantees of the admissibility and validity of the rejection of subjective law.*

Purpose: *the study of the problems of regulatory regulation of guarantees of the admissibility and validity of the rejection of subjective law, the development of proposals for further improvement of the criminal procedure law.*

Objective: *to study the totality of the norms of the criminal procedure law that enshrine the guarantees of the admissibility and validity of the waiver of the right, doctrinal sources, in the part related to the topic of the study.*

Methodology. *The basis of this research is a combination of the universal dialectical method of scientific cognition, general scientific methods of analysis and synthesis, induction and deduction, and private scientific methods of cognition, such as: formal-logical, formal-legal. The authors also used methods of studying social phenomena in their concrete manifestation in specific conditions of place and time: the study of documents, observation.*

Results. *A significant element in the hierarchical chain of the regulatory component, which forms the basis of guarantees of the admissibility and validity of the rejection of subjective law, is the criminal procedure law. Many of its provisions are aimed at ensuring the possibility of a person who has fallen into the sphere of criminal proceedings to express his will regarding the realization/non-realization of the benefits belonging to him. At the same time, the work of the legislator in this regard cannot be considered completed.*

Conclusion. *Improving the legal regulation of guarantees of the admissibility and validity of the rejection of subjective law will contribute to the protection of the rights and legitimate interests of citizens, correspond to the purpose of criminal proceedings.*

Keywords: *waiver of subjective right; validity; permissibility of waiver; inquiry; pre-trial agreement.*

Funding: *The reported study was funded by RFBR, project number 20-011-00858.*

Conflict of interest: *The Authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Chebotareva I. N., Pashutina O. S., Revina I. V. Guarantees of the Admissibility and Validity of the Rejection of Subjective Law in Criminal Proceedings: Problems of Legislative Regulation. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2022; 12(6): 113–131. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-6-113-131.

Received 24.10.2022 Accepted 22.11.2022 Published 16.12.2022

***

Введение

В настоящее время российский законодатель, предоставляя лицам, отстаивающим в деле частный интерес, надлежащий перечень прав, тем самым предопределяет возможность оказания им надлежащей правовой (или) иной помощи, которая необходима для практической реализации принципа состязательности и оказания им содействия в установлении

фактических данных, благоприятных для них.

Однако закрепление прав участников уголовного судопроизводства не более чем декларация без существования действенных средств и способов, обеспечивающих возможность лица делать свой осознанный, добровольный выбор по реализации того или иного субъективного права в рамках предоставляемых этим правом возможностей или отказу от этого. Уголовно-процессуальный закон, в котором конкретизировано получившее отражение в Конституции РФ кардинальное изменение отношения государства к личности, выступает одной из основ гарантий допустимости и действительности отказа от субъективного права при возбуждении, расследовании, рассмотрении и разрешении уголовных дел. В системе гарантий, обеспечивающих возможность лица, отстаивающего при производстве по уголовному делу личный интерес, принимать осознанное и добровольное решение по реализации/нереализации принадлежащего ему субъективного права, выбирать способ его реализации, соответствующий личным интересам и возможностям, модель поведения, не противоречащую закону, основная роль отводится принципам уголовного процесса и, в первую очередь, таким как: законность (ст. 7 УПК РФ), охрана прав и свобод человека и гражданина (ст. 11 УПК РФ), презумпция невиновности (ст. 14 УПК РФ), обеспечение подозреваемому и обвиняемому права на защиту (ст. 16 УПК РФ).

Гарантии свободы распоряжения субъективными правами находят свое отражение и в предложенной в законе модели уголовно-процессуальной деятельности, основанной «на динамической структуре уголовного судопроизводства и воплощающей в себе предписания о должном порядке осуществления уголовного процесса во всех возможных вариантах его реализации» [1, с. 16], что, в частности, ярко проявляется на примере установленного порядка возбуждения уголовных дел частного обвинения и т.д. Однако нельзя не признать, что законодательная регламентация не в полной мере учитывает потребности правоприменительной практики и реалии дня сегодняшнего, что естественным образом предопределяет актуальность изучения вопросов, относящихся к теме нашего исследования.

Исходя из этого *целью* указанной статьи является исследование проблем нормативно-правовой регламентации гарантий допустимости и действительности отказа от субъективного права, разработка предложений по дальнейшему совершенствованию уголовно-процессуального закона.

Для достижения заявленной цели авторами изучаются: совокупность норм уголовно-процессуального закона, закрепляющих гарантии допустимости и действительности отказа от права, доктринальные источники, в части, относящейся к теме исследования.

Методология

В основе проведенного исследования лежит всеобщий диалектический метод научного познания. Для достижения поставленных задач авторами также были использованы общенаучные методы анализа и синтеза, индукции и дедукции. Так, посредством методов логического и системного анализа, синтеза были получены знания о гарантиях допустимости и действительности отказа от субъективного права, нашедших отражение в современном уголовно-процессуальном законе, сформулировано их теоретическое понятие. Методы дедукции и индукции позволили выделить их проявление и конкретизацию в нормах УПК РФ. Кроме того, авторами были использованы некоторые частнонаучные методы познания. Применялись, в частности, формально-юридический метод (при обращении к тексту уголовно-процессуального закона, в части, относящейся к теме исследова-

ния), и формально-логический метод (он был положен в основу формулирования основных выводов по результатам проводимого исследования). Изучение документов и наблюдение применялись в процессе обобщения правоприменительной практики.

Результаты и их обсуждение

Современный российский законодатель не только предоставляет участникам уголовного процесса, отстаивающим в деле личный интерес, широкий круг прав, но и, как мы ранее подчеркивали в своих исследованиях, «определенную свободу поведения по их реализации, подразумевающую возможность выбора ими из всех возможных вариантов поведения такого, который кажется им наиболее приемлемым в конкретной ситуации» [2, с. 101], которая обеспечивается соответствующей системой гарантий, т. е. установленными законом правовыми средствами, обеспечивающими добровольный и осознанный выбор лицом одного из вариантов вытекающего из наличия этого права поведения, в том числе и выражающийся в отказе от предоставляемого блага, исходя из оценки последнего с точки зрения его ценности и пользы для себя. Участник уголовного процесса, отстаивающий в деле личный интерес, может принять решение об отказе от субъективного права. Следовательно, гарантии обеспечения возможности данного участника уголовного процесса распоряжаться предоставленными ему законодателем благами, в том числе и посредством отказа от них, должны охватывать и надлежащие гарантии допустимости и действительности такого отказа, под которыми надлежит понимать совокупность закрепленных в законодательстве средств и деятельности по их применению, направленных на неукоснительное исполнение требований уголовно-процессуального законодательства, на беспрепятственное осуществление, защиту прав и свобод участников уголовного судопроизводства.

Как мы указали ранее, среди средств, обеспечивающих допустимость и действительность отказа от принадлежащего лицу, попавшему в сферу уголовного судопроизводства, блага особое место занимают основополагающие начала уголовного процесса – его принципы.

Принцип законности (ст. 7 УПК РФ) традиционно означает необходимость точного соблюдения закона при возбуждении, расследовании, рассмотрении и разрешении уголовных дел. Более того, нарушение правоприменителем уголовно-процессуальных норм влечет за собой негативные правовые последствия. Так, к числу проявлений отказа от субъективного права при производстве дознания в сокращенной форме следует отнести право на заявление подозреваемым, обвиняемым, потерпевшим или его представителем ходатайства о прекращении данной формы производства и о продолжении производства дознания в общем порядке. Примечательно, что законодатель устанавливает значительный временной промежуток, в течение которого участник уголовного процесса может воспользоваться правом на такой отказ – до удаления суда в совещательную комнату для постановления приговора. В соответствии с ч. 3 ст. 226.3 УПК РФ, ходатайство лица подлежит обязательному удовлетворению должностным лицом, в производстве которого находится данное уголовное дело. Отказ в этом будет признан существенным нарушением закона и может повлечь за собой отмену приговора.

Гарантией свободы распоряжения субъективными правами, в том числе и допустимости и действительности отказа от принадлежащего правообладателю блага, выступает и закреплённый в ст. 11 УПК РФ принцип охраны прав и свобод, устанавливающий обязанность правоприменителя по разъяснению прав участникам уголовного судопроизводства. Данная обязанность предполагает не

только информирование о них, но и доведение до сведения лиц, отстаивающих в уголовном деле личный интерес, в понятной для них форме их содержания, правовых последствий реализации принадлежащих им благ или последствий отказа от них (например, потерпевший, отказавшийся от права не свидетельствовать против себя, своего супруга (своей супруги) и других близких родственников, круг которых определен п. 4 ст. 5 УПК РФ, должен быть предупрежден, что его показания могут быть использованы в качестве доказательств по уголовному делу, в том числе и в случае его последующего отказа от этих показаний; обвиняемый при отказе от права на полное судебное разбирательство в форме заявления ходатайства о постановлении приговора без проведения судебного разбирательства в общем порядке должен быть предупрежден о правовых последствиях постановления приговора без проведения судебного разбирательства).

В уголовно-процессуальной доктрине существует позиция, согласно которой в систему уголовно-процессуальных гарантий входит и такой элемент, как процессуальные нормы, закрепляющие права и обязанности лиц, попавших в сферу уголовного судопроизводства [3, с. 10; 4, с. 19; 5, с. 36; 6, с. 25; 7, с. 57], некоторые из которых, в частности, представляют собой проявления отказа от субъективного права (в частности, право подозреваемого, обвиняемого отказаться от защитника (ч. 1 ст. 52 УПК РФ), право обвиняемого в совершении преступления небольшой или средней тяжести отказаться от своего права участвовать в судебном разбирательстве суда первой инстанции (ч. 4 ст. 247 УПК РФ)), которая, на наш взгляд, небесспорна.

Не вдаваясь глубоко в научную дискуссию относительно ее обоснованности, мы считаем необходимым отметить, что, как справедливо указывал еще в середине прошлого века М. С. Строгович, несмотря на тесную взаимосвязь прав лиц, отстаивающих (представляющих) в деле частный интерес и существующих уголовно-процессуальных гарантий, их ни в коей мере нельзя отождествлять: «Процессуальные права участников процесса являются их субъективными правами, т. е. правомочиями требовать от других лиц и органов совершения определенных действий или воздержания от них, а процессуальные гарантии – средствами обеспечения процессуальных прав, их охраны» [8, с. 57]. Действительно, закрепление прав участников процесса в нормах уголовно-процессуального закона не является гарантией того, что они смогут их реализовывать или не реализовывать исходя из собственных интересов, т. е. свободно ими распорядиться по своему усмотрению. Различие между процессуальным правом и уголовно-процессуальной гарантией состоит в том, что в качестве последней выступают способы обеспечения свободы распоряжения субъективными правами, к которым, в частности, и относится закрепленное в ст. 11 УПК РФ требование о разъяснении правоприменителем прав участникам уголовного судопроизводства.

Одной из важнейших гарантий прав и свобод лиц, в отношении которых осуществляется уголовное преследование, является презумпция невиновности (ст. 14 УПК РФ), которая получила детализацию в широком перечне норм уголовно-процессуального закона, которые в своей массе образуют систему ее нормативных гарантий, обеспечивающих возможность попавшим в сферу уголовного судопроизводства лицам как принимать решение о реализации принадлежащим им субъективных прав, так и по своей воле отказываться от них, исходя из собственных интересов.

Ярким проявлением гарантии возможности лица, отстаивающего в деле частный интерес свободно выбирать модель своего поведения, в том числе и отказаться от принадлежащего ему субъективного права (при этом такой отказ бу-

дет признан допустимым и действительным), является и закрепленный в ст. 16 УПК РФ принцип обеспечения подозреваемому и обвиняемому права на защиту, согласно которому данная возможность рассматривается и как деятельность субъекта по защите от выдвинутого обвинения, в том числе и средствами и способами, не запрещенными УПК РФ (п. 11 ч. 4 ст. 46, п. 21 ч. 4 ст. 47 УПК РФ), в том числе путем отказа от реализации предоставленного ему субъективного права.

Гарантии свободы распоряжения субъективными правами находят свое отражение и в регламентации законодателем модели уголовно-процессуальной деятельности, что ярко проявляется на примере установленного порядка возбуждения уголовных дел частного обвинения, когда пострадавший сам решает, серьезно ли нарушены совершенным общественно опасным деянием его интересы или нет, нужна ли ему защита государства. Закрепляя положение о том, что дела частного обвинения возбуждаются не иначе, как по заявлению потерпевшего, законодатель тем самым допускает отказ лица от реализации принадлежащего ему права на доступ к правосудию и компенсацию причиненного преступлением вреда, по сути обозначающий намерение лица прекратить свое субъективное право, который в данном случае находит выражение в отказе от уголовного преследования лица, совершившего деяния, подпадающего под признаки одного (или нескольких) преступлений, указанных в ч. 2 ст. 20 УПК РФ. Гарантией отказа от субъективного права, на наш взгляд, здесь выступает предусмотренный законом запрет на начало производства по делу по делам частного обвинения (равно как и по делам частно-публичного обвинения) в отсутствие заявления о преступлении (ограничение потерпевшего со стороны государства в выражении своего волеизъявления о необходимости привлечения виновного к ответственности по данной категории уголовных дел возможно только в исключительных случаях – при преследовании цели обеспечения прав лица, которое находится в зависимом состоянии или по иным причинам не способно воспользоваться предоставленными ему законом указанными выше правами).

Можно ли в настоящее время говорить о том, что законодатель в полной мере обеспечивает лиц, попавших в сферу уголовного судопроизводства, возможностью принятия решения о реализации/нереализации принадлежащих им субъективных прав, а в случае отказа от субъективного права гарантирует допустимость и действительность такового? К сожалению, нет.

Изучение законодательной регламентации возможности лица принимать решение о выборе своих действий по реализации того или иного субъективного права в рамках предоставляемых этим правом возможностей или отказу от этого показывает следующее. Лицо, вовлеченное в сферу уголовного судопроизводства, может отказаться от принадлежащего ему субъективного права, которым оно наделяется в соответствии со своим процессуальным статусом, из чего следует, что, например, обвиняемый может заявить отказ от принадлежащего ему блага после предъявления ему постановления о привлечении его в качестве обвиняемого и разъяснении ему прав, закрепленных в ст. 47 УПК РФ, а подозреваемый, задержанный в порядке ст. 91, 92 УПК РФ, после составления протокола о задержании, соответственно разъяснения ему прав, регламентированных ст. 46 УПК РФ. И если в отношении подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего российский законодатель предусмотрел перечень средств обеспечения гарантий допустимости и действительности такого отказа, то о действенном механизме защиты прав лиц, не имеющих определенного процессуального статуса на стадии возбуждения уголовного дела, но уже являющихся

участниками уголовно-процессуальных отношений, в настоящее время говорить не приходится.

В первую очередь, это связано с тем, что законодатель не определяет надлежащим образом кому, в соответствии с ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ, разъясняются права (обязанности), предусмотренные УПК РФ. Неопределенность в данном вопросе, не способствующая единообразному применению закона и, как следствие, затрудняющая надлежащее обеспечение прав и свобод лиц, вовлеченных в сферу уголовного судопроизводства, на первоначальной стадии уголовного судопроизводства, порождает проблемы в реализации положений ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ, в соответствии с которой лицам, участвующим в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении, разъясняются их права и обязанности, предусмотренные УПК РФ, и обеспечивается возможность осуществления этих прав в той части, в которой производимые процессуальные действия и принимаемые процессуальные решения затрагивают их интересы, в том числе права не свидетельствовать против самого себя, своего супруга (своей супруги) и других близких родственников, круг которых установлен п. 4 ст. 5 УПК РФ, пользоваться услугами адвоката, а также приносить жалобы на действия (бездействие) и решения дознавателя, начальника подразделения дознания, начальника органа дознания, органа дознания, следователя, руководителя следственного органа в порядке, установленном гл. 16 УПК РФ. Законодатель не дает четких разъяснений и тому, с какого именно момента они вправе пользоваться предоставленной законом возможностью принимать решение о реализации/нереализации принадлежащих им прав и каков объем последних.

В своих исследованиях мы уже говорили о том, что положения главы 19 и 20 УПК РФ позволяют нам очертить возможный круг участников данной стадии, имеющих личный интерес, и отнести к ним: заявителя (ст. 141, ч. 4 ст. 144, ч. 2 ст. 145 УПК РФ), лицо, явившееся с повинной (ст. 142 УПК РФ); лицо, фактически задержанное по подозрению в совершении преступления (п. 11 ст. 5 УПК РФ); лицо, в отношении которого решается вопрос о возбуждении уголовного дела (п. 1 ч. 1 ст. 46 УПК РФ) [9, с. 865]; пострадавшего; лицо, которое условно можно назвать «заподозренный в совершении преступления» [10, с. 270].

Учитывая, что указанные лица являются полноправными участниками уголовного судопроизводства, для обеспечения как гарантий соблюдения их прав и законных интересов в целом, так и гарантий допустимости и действительности отказа от субъективного права, в частности, представляется необходимым и юридически обоснованным внесение соответствующих дополнений в главу 19 УПК РФ «Поводы и основание для возбуждения уголовного дела». Устранение имеющихся пробелов представляется актуальным как для практических целей, так и для более глубокого и последовательного развития конституционных начал в уголовно-процессуальном законодательстве.

И это, к сожалению, не единственный недостаток современного уголовно-процессуального закона, в части, относящейся к теме нашего исследования. Остановим свое внимание на допустимости и действительности отказа от права на полное судебное разбирательство путем заявления подозреваемым ходатайства о производстве дознания в сокращенной форме. Отказ от права на судебное разбирательство, как и любой отказ от субъективного права, должен обладать признаком осознанности, что предполагает знание правообладателя о наличии у него этого права и его содержания, правовых последствий нереализации принадлежащего ему блага.

С одной стороны, анализ положений уголовно-процессуального закона позво-

ляет нам выделить целый комплекс гарантий обеспечения прав и законных интересов лица, в отношении которого осуществляется уголовное преследование, при заявлении им указанного в ч. 2 ст. 226.1 УПК РФ ходатайства. В частности, законодатель в ч. 1 ст. 226.4 УПК РФ устанавливает требование о разъяснении подозреваемому права ходатайствовать о производстве дознания в сокращенной форме до начала его первого допроса. В целях недопущения производства сокращенного расследования в отношении лиц, не способных надлежаще понимать содержание данного права и правовые последствия заявленного ходатайства, законодатель закрепляет перечень обстоятельств, исключающих производство дознания в сокращённой форме (пп. 1, 2, 5 ч. 1 ст. 226.2 УПК РФ).

Кроме того, постановление дознавателя о производстве дознания в сокращенной форме в случае, если оно принято на основании ходатайства подозреваемого, не подписанного его защитником, обязательное участие которого предусмотрено п. 8 ч. 1 ст. 51 УПК РФ, признается незаконным и подлежит отмене[1].

Значимость обязательного участия защитника при производстве сокращенного дознания бесспорна, в то же время нельзя не отметить, что на сегодняшний день отсутствует должное регулирование момента, когда защитник должен вступить в дело, что затрудняет оказание качественной защиты прав подозреваемого, не гарантирует добровольности и осознанности решения подозреваемого о производстве в отношении него сокращенного расследования и, как следствие, допустимости и действительности его отказа от права на полное судебное разбирательство. Из положений уголовно-процессуального закона вытекает лишь то, что ходатайство о производстве сокращенного дознания должно быть согласовано с защитником и подано в течение 2-х суток со дня, когда подозреваемому было разъяснено право заявить такое ходатайство (ч. 2 ст. 226.4 УПК РФ).

В этой связи, изучая вопросы реализации права на защиту при производстве дознания в сокращенной форме, исследователи обоснованно высказывают предложение о том, что «при производстве дознания, независимо от его формы, для первоначального допроса подозреваемого дознаватель обязан предоставить защитника, в присутствии которого должен разъяснить все права, которые, согласно УПК РФ, подозреваемый имеет» [11, с. 313], специально обращая внимание на то, что в случае, если защитник, с которым у подозреваемого заключено соглашение, не может явиться для выполнения процессуальных действий, необходимо оставить решение вопроса о производстве сокращенного расследования до момента, пока адвокат, с которым заключено соглашение, не вступит в дело[2], а при участии защитника по назначению подозреваемому после производства допроса и разъяснения ему его прав должна быть обеспечена возможность для общения наедине с адвокатом-защитником для решения вопроса о возможности производства дознания в сокращенной форме. (Отметим, что в ходе проводимых исследований мы нередко слышали от правоприменителя о том, что законодателю следует предусмотреть участие защитника обязательным по всем уголовным делам без исключения, что обеспечит надлежащую возможность лицу, в отно-

[1] Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания: приказ Генпрокуратуры России от 19.01.2022 № 11. URL: https://www. consultant.ru/document/cons_doc_LAW_407902/ (дата обращения: 16.09.2022).

[2] Это, в частности, по мнению Л. Г. Татьяниной и Ф. А. Абашевой, позволит предотвратить возможное дальнейшее заявление подозреваемым о фактах нарушения его права на защиту, введения его в состояние юридического заблуждения, которые могут повлечь признание производства дознания в сокращенной форме необоснованным.

шении которого осуществляется уголовное преследование, противостоять направленной против него обвинительной деятельности и, кроме того, минимизирует случаи злоупотребления правоприменителем возложенных на него полномочий, в дальнейшем представляющие предмет обжалования со стороны участников процесса, отстаивающих в деле личный интерес.)

Необходимость определения момента, с которого защитник наделяется правом участия в деле, не вызывает сомнений: возможность максимально раннего вступления защитника в дело в рассматриваемых нами случаях будет служить надлежащим средством обеспечения возможности лица осознанно и добровольно принимать решение о реализации принадлежащего ему субъективного права на заявлении ходатайства о производстве дознания в сокращенной форме и, тем самым, позволит ему осознанно и добровольно заявить отказ от права на полное судебное разбирательство.

Производство дознания в сокращенной форме предполагает согласие потерпевшего на его производство, которое так же, как и ходатайство подозреваемого о производстве сокращенного расследования, представляет собой форму отказа от права на полное судебное разбирательство.

В настоящее время гарантиями добровольного и осознанного отказа потерпевшего в данном случае от принадлежащего ему субъективного права выступают положения закона, в соответствии с которыми дознаватель обязан в течение 24 часов с момента вынесения постановления об удовлетворении ходатайства подозреваемого и производстве дознания в сокращенной форме направить уведомление потерпевшему, в котором разъясняются порядок и правовые последствия данного производства, а также право возражать против производства дознания в сокращенной форме (ч. 5 ст. 226.4 УПК РФ). На наш взгляд, позиция законодателя небесспорна. Потерпевшему – лицу, в большинстве случаев неискушенному в тонкостях уголовного судопроизводства, бывает сложно ориентироваться в уголовно-процессуальных нормах и их содержании, поэтому сухое документальное уведомление следует признать недостаточным для охраны его прав и законных интересов при даче согласия на производство дознания в сокращенной форме и заявления, таким образом отказа от права на полное судебное разбирательство. Представляется, что потерпевший должен быть вызван к дознавателю, который обязан будет ему разъяснить порядок и правовые последствия сокращенного расследования, право возражать против производства дознания в сокращенной форме, т. к. обеспечение его прав в обязательном порядке должно включать в себя не только его информирование об обладании определённым перечнем процессуальных прав, но пониманием их смысла (в частности, если потерпевшему не будет понятен смысл порядка и правовых последствий дознания в сокращенной форме, он сможет задать соответствующие вопросы правоприменителю и получить ответ). Отметим, что на необходимость корректировки порядка уведомления потерпевшего не раз обращалось внимание и в научной литературе [12, с. 211].

Надлежащая осведомленность потерпевшего имеет первоочередное значение для обеспечения ему возможности активно осуществлять защиту своих прав и законных интересов. В этой связи мы предлагаем исключить из ч. 5 ст. 226.4 УПК РФ положение «в уведомлении потерпевшему разъясняются порядок и правовые последствия производства дознания в сокращенной форме, а также право возражать против производства дознания в сокращенной форме» и дополнить гл. 32.1 УПК РФ ст. 226.4.1, изложив ее в следующей редакции:

«Статья 226.4.1. Уведомление потерпевшего о ходатайстве подозреваемого о

производстве дознания в сокращенной форме

В случае, если подозреваемым будет заявлено ходатайство о производстве дознания в сокращенной форме, дознаватель в течение 24 часов с момента получения ходатайства составляет письменное уведомление об этом, которое вручает потерпевшему и одновременно разъясняет ему порядок и правовые последствия производства дознания в сокращенной форме, а также право возражать против производства дознания, о чем составляется протокол с отметкой о вручении копии уведомления».

Кроме того, исследователями вполне обоснованно подвергается критике позиция законодателя относительно того, что потерпевший, по сути, уведомляется не о поданном ходатайстве подозреваемого, а о его удовлетворении (ч. 5 ст. 226.4 УПК РФ). В этой связи ими вносится заслуживающее поддержки предложение о возможности удовлетворения ходатайства подозреваемого о производстве дознания в сокращённой форме только после получения согласия потерпевшего на это, что не только позволит говорить о процессуальном равноправии потерпевшего и подозреваемого, но и будет соответствовать публичному началу уголовного судопроизводства, т. к. действующая регламентация заставляет правоприменителя «безоговорочно следовать воле потерпевшего уже после того, как процессуальное решение принято» [13, с. 40–41].

В соответствии с ч. 1 ст. 11 УПК РФ, правоприменитель обязан каждому лицу, вовлеченному в сферу уголовного судопроизводства, разъяснить его права и обязанности и обеспечить возможность реализации данных прав. Исходя из содержания принципа охраны прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве, следователь обязан разъяснить подозреваемому, обвиняемому о его праве на заключение досудебного соглашения о сотрудничестве, которое представляет собой еще одну форму отказа от права на полное судебное разбирательство. Надлежащее разъяснение предполагает, что участник уголовного процесса не только проинформирован о принадлежащем ему праве, но ему также в понятной для него форме разъяснено содержание данного права, последствий реализации/нереализации принадлежащего блага. Надлежащее разъяснение права на заявление ходатайства о досудебном соглашении о сотрудничестве является в данном случае не только гарантией обеспечения прав и законных интересов подозреваемого, обвиняемого, но и гарантией осознанности их отказа от права на полное судебное разбирательство, что в конечном итоге позволяет говорить о допустимости и действительности такого отказа. И здесь нельзя не обратить внимание на следующее.

В соответствии с ч. 2 ст. 317.1 УПК РФ, подозреваемый или обвиняемый вправе с момента начала уголовного преследования и до объявления об окончании предварительного следствия заявить ходатайство о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве. Но кто, когда и как обязан разъяснить подозреваемому данное право? В этой связи отметим, что Верховный Суд РФ занимает позицию, согласно которой «Обязанность по разъяснению права обвиняемого на подачу ходатайства о заключении такого (досудебного. – *Прим. авт.*) соглашения на следователя не возлагается…»[1], а исследователями высказывается мнение о том, что «…обязанность по разъяснению такого права лежит на защитнике» [14, с. 40], и не следует, расширительно толкуя правовой статус лиц, вовлеченных в сферу уголовного судопроизводства, «включать в перечни их процессуальных прав (ст. 46, 47 УПК), гарантированных обязанностью органа, ведущего уголовное дело, право на заявление ходатай-

[1] Определение Верховного Суда РФ. Дело № 53-О10-48. URL: https://dogovor-urist.ru (дата обращения: 12.09.2022).

ства…», т. к. это не учитывает «договорную природу процедуры, предусмотренной главой 40^1 УПК: права и обязанности сторон порождаются договором. Следователь, дознаватель и прокурор не обязаны разъяснять каждому подозреваемому и обвиняемому их право ходатайствовать о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве» [15, с. 17].

На наш взгляд, данная позиция небесспорна (даже если согласиться с мнением Г. В. Абшилавы о том, что «права и обязанности сторон порождаются договором», то все равно право на заключение договора относится к субъективным правам граждан). Мы полагаем, что право на заявление ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве обладает всеми признаками субъективного права и, как и любое право, должно обеспечиваться всем комплексом гарантий обеспечения его реализации, вследствие чего существующий на сегодняшний день порядок разъяснения указанным лицам права на заявление ходатайства о досудебном соглашении, остающийся без надлежащего регулирования в уголовно-процессуальном законе, признаем недостатком последнего, требующего своего устранения (при этом отметим, что, например, обязанность следователя по разъяснению обвиняемому принадлежащего ему права ходатайствовать о применении особого порядка судебного разбирательства в случаях, предусмотренных ст. 314 УПК РФ, прямо предусмотрена в п. 2 ч. 5 ст. 217 УПК).

Определяя, что такое право у лица, вовлеченного в сферу уголовного судопроизводства, возникает с момента начала против него уголовного преследования (ч. 2 ст. 317.1 УПК РФ), законодатель, к сожалению, оставляет за рамками вопрос о том, каким образом лицо, в отношении которого осуществляется уголовное преследование, узнает о принадлежащем ему субъективном праве. Исходя из того, что каждому праву участника уголовного судопроизводства корреспондирует обязанность правоприменителя по их разъяснению, вполне логично предположить, что право на заключение досудебного соглашения о сотрудничестве должно быть разъяснено подозреваемому и обвиняемому с момента приобретения ими соответствующего процессуального статуса. В частности, в соответствии с ч. 5 ст. 172 УПК РФ обвиняемому права, предусмотренные ст. 47 УПК РФ, разъясняются при предъявлении ему постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого, а, например, подозреваемому, задержанному по основаниям, предусмотренным ст. 91 УПК РФ права, предусмотренные ст. 46 УПК РФ – в момент составления протокола о задержании (ч. 1 ст. 92 УПК РФ). Анализ положений ст. 46 и 47 УПК РФ позволяет обратить внимание на то, что в них отсутствует отдельное указание на право заявить ходатайство о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, вследствие чего правоприменитель, забывая о том, что права подозреваемого и обвиняемого довольно многочисленны и находят свое отражение в различных нормах УПК РФ, ограничивается лишь разъяснением прав, прямо предусмотренных в рассматриваемых нормах уголовно-процессуального закона, что уже, в свою очередь, приводит к тому, что, как справедливо отмечается в специальных исследованиях, лица, в отношении которых осуществляется уголовное преследование, просто не знают о существование у них такой возможности [16, с. 125].

За 13 лет существования института досудебного соглашения о сотрудничестве в научной литературе неоднократно обращалось внимание на то, что ч. 4 ст. 46 и ч. 4 ст. 47 УПК РФ должны быть дополнены соответствующим положениями, в соответствии с которыми следователь должен в том числе разъяснять подозреваемому и обвиняемому и их право на подачу ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, вследствие чего им будет не только из-

вестно о предоставленной законом возможности, но также будет понятна и сущность предоставляемого блага, порядок и последствия подачи ходатайства и т.п. [17; 18; 19; 20] Учитывая, что принятие решения о реализации права напрямую зависит от правильного понимания подозреваемым, обвиняемым не только его содержания, но также и порядка осуществления, правовых последствий его реализации, мы также настаиваем на том, что «разъяснение права» – это комплексное явление, не ограничивающееся лишь доведением до сведения лица информации о существовании права, однако это, к сожалению, осталось без внимания со стороны законодателя. Надлежащее разъяснение не только обеспечит охрану прав и свобод подозреваемого, обвиняемого, но и будет способствовать стимулированию данных участников процесса к заключению таких соглашений, что, в свою очередь, позволит экономить ресурсы правоприменителя, положительным образом скажется на борьбе с организованной преступностью. Так, например, к причинам, по которым обвиняемые (подозреваемые) нередко отказываются от права на заключение досудебного сотрудничества (даже несмотря на гарантию получения меньшего наказания за совершенное преступление) – опасение преследования со стороны других соучастников. Следовательно, надлежащее разъяснение следователем возможности обеспечения безопасности данным участникам процесса в случае возникновения угрозы сможет снизить количество отказов от заключения досудебного соглашения о сотрудничестве. Да, право ходатайствовать о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, предусмотренное ч. 2 ст. 317.1 УПК РФ, охватывается п. 11 ч. 4 ст. 46 и п. 21 ч. 4 ст. 47 УПК РФ, и следователь, разъясняя подозреваемому и обвиняемому их права защищаться всеми не запрещенными УПК РФ способами и средствами, должен в том числе разъяснить и право на заявление ходатайства о заключении досудебного соглашения, его содержание и правовые последствия его реализации, но, как показывает анализ правоприменительной практики, следователи нередко ограничиваются только оглашением формулировки указанных пунктов, без разъяснения их содержания.

Учитывая практическую важность разрешения проблемы ненадлежащей правовой регламентации порядка разъяснения права на заявление ходатайства о заключение досудебного соглашения о сотрудничестве (представляющего собой форму отказа от права на полное судебное разбирательство), существование которой негативно сказывается на обеспечении прав и законных интересов лиц, в отношении которых осуществляется уголовное преследование, мы также предлагаем дополнить ч. 4 ст. 46 УПК РФ п. 2.1 и ч. 4 ст. 47 УПК РФ п. 3.1, изложив их в следующей редакции:

«Статья 46. Подозреваемый

4. Подозреваемый вправе:

<…>

2.1) заявлять ходатайство о досудебном соглашении о сотрудничестве в порядке статьи 317.1 настоящего Кодекса»;

«Статья 47. Обвиняемый

4. Обвиняемый вправе:

<…>

3.1) заявлять ходатайство о досудебном соглашении о сотрудничестве в порядке статьи 317.1 настоящего Кодекса».

Исходя из того, что законодатель в качестве правовой основы для заключения соглашения называет обвинение [21, с. 13–14], момент разъяснения права на досудебное соглашение мы связываем с моментом наделения лица, попавшего в сферу уголовного судопроизводства, соответствующим процессуальным статусом.

Согласно положениям ч. 1 ст. 317.1 УПК РФ, ходатайство о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве подписывается подозреваемым, обвиняемым, а также защитником. Если защит-

ник не приглашен самим подозреваемым или обвиняемым, его законным представителем или по поручению подозреваемого или обвиняемого другими лицами, то участие защитника обеспечивается следователем. Исходя из смысла закона, ходатайство о заключении досудебного соглашения подается подозреваемым или обвиняемым после консультации с защитником. Но, как и при производстве дознания в сокращённой форме, остается неопределенным момент, когда защитник вступает в дело, а ведь именно возможность максимально раннего вступления защитника в дело в данном случае (учитывая, что решение о сотрудничестве с органами следствия принимается в условиях дефицита информационных ресурсов [22, с. 64]) обеспечивает возможность подозреваемого, обвиняемого осознанно и добровольно принимать решение о реализации принадлежащего ему субъективного права на заявлении ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве и, тем самым, осознанно и добровольно заявлять отказ от права на полное судебное разбирательство.

Кроме того, представляется не совсем логичной позиция законодателя относительно того, что участие защитника по делам, при производстве которых лицо, попавшее в сферу уголовного судопроизводства, высказывает желание о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, не относится к случаям его обязательного участия, хотя, исходя из смысла ч. 1 ст. 317.1 УПК РФ, таковым, по сути, является.

Учитывая вышеизложенное, мы предлагаем дополнить ч. 1 ст. 51 УПК РФ п. 9 и изложить ее в следующей редакции:

«Статья 51. Обязательное участие защитника

1. Участие защитника в уголовном судопроизводстве обязательно, если:

<…>

9) подозреваемым, обвиняемым заявлено ходатайство о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве в порядке статьи 317.1 настоящего Кодекса».

Если по окончании процедуры разъяснения прав подозреваемому или обвиняемому кем-либо из них будет высказано желание воспользоваться правом на заключение досудебного соглашения, то до начала первого допроса следователь будет обязан обеспечить участие защитника в производстве по делу. На наш взгляд, закрепление в законе обязательности участия адвоката-защитника при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве будет иметь не только юридическое, но и нравственное значение.

Помимо этого, в целях установления дополнительных гарантий осознанности и добровольности принимаемого участником уголовного процесса, отстаивающим в деле личный интерес, решения необходимо дополнить ст. 317. УПК РФ частью 1.1 и изложить ее в следующей редакции:

«Статья 317.1. Порядок заявления ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве

1.1 До подачи ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве подозреваемому или обвиняемому должна быть обеспечена возможность общения наедине с адвокатом-защитником для решения вопроса о возможности его заявления».

К недостаткам правовой регламентации гарантий допустимости и действительности отказа от субъективного права можно отнести и следующее:

– отсутствие прямого указания на обязанность правоприменителя разъяснить потерпевшему право на заявление гражданского иска (право у потерпевшего есть, а обязанность разъяснения прямо не прописана в законе);

– применительно к стадии предварительного расследования, в соответствии с ч. 5 ст. 172 УПК РФ, при предъявлении обвинения следователь обязан разъяснить

обвиняемому его права, предусмотренные ст. 47 УПК РФ. В то же время, если обратиться к положениям ст. 47 УПК РФ, то там мы не найдем упоминания о праве на отказ от защитника, т. к. в ч. 3 и ч. 4 ст. 47 УПК РФ содержится перечень общих процессуальных прав данного участника уголовного судопроизводства. В соответствии с ч. 2 ст. 16 УПК РФ следователь при предъявлении обвинения обязан разъяснить обвиняемому и иные принадлежащие ему процессуальные права, которые конкретизируются, раскрываются и детализируются в других нормах уголовно-процессуального закона. Возможность пользоваться участником уголовного процесса всем объемом предоставленных ему прав предполагает, в первую очередь, знание о них, т. е. они также должны быть разъяснены при процедуре предъявления обвинения, в частности и право на отказ от защитника. В целях единообразного применения закона и предотвращения возможных случаев его нарушения при осуществлении процедуры предъявления обвинения, усиления гарантий соблюдения прав личности в сфере уголовного судопроизводства, представляется целесообразным дополнить п. 8 ч. 4 ст. 47 УПК РФ словами, «а также отказаться от помощи защитника в порядке ст. 52 УПК РФ».

Кроме того, анализ судебно-следственной практики позволяет нам отнести к проявлениям нереализации права по независящим от воли правообладателя обстоятельствам, обусловленным ненадлежащей процессуальной регламентацией, и случаи нереализации:

– права на телефонный разговор в целях уведомления подозреваемым родственников или иных близких ему лиц о своем задержании и местонахождения (об этом мы подробно говорили в наших предыдущих исследованиях [23]);

– права на неприкосновенность частной жизни;

– права на юридическую помощь;

– права на свидетельский иммунитет;

– права потерпевшего иметь представителя. Правоприменитель, например, не информирует потерпевшего о возможности возмещения расходов, связанных с выплатой вознаграждения представителю, в порядке покрытия процессуальных издержек (ч. 1, 2 ст. 131 УПК), вследствие чего потерпевший, не имеющий возможности оплаты услуг представителя, отказывается от него. Кроме того, заслуживает поддержки высказываемое в научной литературе мнение о том, что в целях обеспечения прав потерпевшего правоприменителя целесообразно было бы наделить обязанностью по разъяснению потерпевшему возможности оказания ему бесплатной юридической помощи в системе негосударственной бесплатной юридической помощи [24, с. 146], предусмотренной Федеральным законом от 21 ноября 2011 г. № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» (в ред. от 28.06.2022 г.) и т. д.

Выводы

Да, современный российский законодатель учитывает волеизъявление личности при выборе им того или иного поведения, предоставляя лицу, попавшему в сферу уголовного судопроизводства, в том числе и возможность принятия соответствующего его интересам решения о нереализации принадлежащего ему субъективного права, однако, как мы видим, нормативно-правовая регламентация средств обеспечения возможности правообладателю принять решение о реализации субъективного права или отказаться от него нуждается в дальнейшем совершенствовании, т. к. в недостаточной степени соответствует тому уровню защиты прав и законных интересов лиц, отстаивающих в деле личный интерес, который отвечал бы назначению уголовного судопроизводства.

Согласуясь с международными стандартами охраны прав и свобод личности в сфере отправления правосудия по уголовным делам, принципами, закреплен-

ными в Конституции РФ, современный законодатель определил преимущественно правозащитное назначение российского уголовного процесса. В то же время существование проблем правовой регламентации механизма обеспечения возможности лица, отстаивающего в деле личный интерес, распоряжаться принадлежащими ему субъективными правами, гарантий допустимости и действительности его отказа от принадлежащего ему блага, негативно сказывающиеся на деятельности правоприменителя, свидетельствуют о необходимости дальнейшего совершенствования положений уголовно-процессуального закона.

Выявленные недостатки требуют принятия от законодателя решений, которые позволят минимизировать случаи нарушения прав и законных интересов граждан в части, относящейся к теме нашего исследования. Кроме того, процесс совершенствования положений уголовно-процессуального закона в части регламентации гарантий допустимости и действительности отказа от субъективного права положительным образом скажется и на преодолении правового нигилизма и правового инфантилизма, которые нередко лежат в основе принятия лицом, отстаивающим в деле личный интерес, решения об отказе от принадлежащего ему субъективного права. Устранение негативных социальных явлений, которым свойственны изменения состояния правосознания, повысят уровень проявления активности участников уголовного процесса, что положительным образом скажется на достижении задач уголовного судопроизводства.

Список литературы

1. Азаров В. В., Боярская А. В. Уголовно-процессуальная форма: понятие, свойства, система // Вестник Томского государственного университета. Право. 2020. № 37. С. 5–20.

2. Чеботарева И. Н., Пашутина О. С., Ревина И. В. К вопросу об обеспечении свободы распоряжения субъективными правами в уголовном процессе России: проблемы правового регулирования и правоприменения // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2022. Т. 12, № 4. С. 90–106.

3. Зуев С. В., Сутягин К. И. Уголовный процесс. Челябинск: Изд. центр ЮУрГУ, 2016. 563 с.

4. Уголовный процесс / отв. ред. А. В. Гриненко. 2-е изд., перераб. М.: Норма, 2009. 496 с.

5. Стройкова А. С. Гарантии прав обвиняемого на предварительном следствии: дис. … канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2005. 141 с.

6. Уголовный процесс / под ред. А. И. Бастрыкина, А. А. Усачева. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2018. 468 с.

7. Овчинников Ю. Г. Система уголовно-процессуальных гарантий // Вестник Южно-Уральского государственного университета. 2010. № 25. С. 54–58.

8. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. Т. 1. Основные положения науки советского уголовного процесса. М.: Наука, 1968. 468 с.

9. Pashutina O. S., Revina I. V. The problems of legislative control and practices of special knowledge usage in criminal case proceedings // 3rd International multidisciplinary scientific conference on social sciences & arts SGEM. Book 2. Political sciences, law, finance, economics & tourism. Vol. 2. Albena, Bulgaria, 2016. P. 863–868.

10. Пашутина О. С., Чеботарева И. Н. Обеспечение конституционных прав граждан на этапе доследственной проверки сообщения о преступлении // Единство и дифференциация досудебного и судебного производства в уголовном процессе: новые концептуальные

подходы в свете наследия великой судебной реформы: сборник научных статей Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 155-летию Судебных Уставов 1864 г., приуроченной к 55-летию Юго-Западного государственного университета. Курск: Университетская книга, 2019. С. 270–273.

11. Татьянина Л. Г., Абашева Ф. А. Реализация права на защиту при производстве дознания в сокращенной форме // Вестник Удмуртского университета. Серия: Экономика и право. 2021. Т. 31, № 2. С. 312–317.

12. Науменко О. А. Защита прав потерпевшего при сокращенной форме дознания // Общество и право. 2015. № 4 (54). С. 209–212.

13. Артамонова Е. А. О соблюдении прав потерпевшего при принятии решения о производстве дознания в сокращенной форме // Юридические исследования. 2013. № 2. С. 39–42.

14. Горюнов В. Новый правовой институт (институт) // Законность. 2010. № 5. С. 40–43.

15. Абшилава Г. В. Согласительные процедуры в уголовном судопроизводстве Российской Федерации: автореф. дис. … д-ра юрид. наук: 12.00.09. М., 2012. 56 с.

16. Тисен О. Н. Теоретические и практические проблемы института досудебного соглашения о сотрудничестве в российском уголовном судопроизводстве: дис. … д-ра юрид. наук. Оренбург, 2017. 487 с.

17. Артамонова Е. А. Кто должен разъяснить обвиняемому право на заключение досудебного соглашения о сотрудничестве? // Российский следователь. 2011. № 2. С. 8–10.

18. Овчинников Ю. Г. Процессуальный порядок разъяснения прав подозреваемому или обвиняемому на заключение досудебного соглашения о сотрудничестве // Российский следователь. 2011. № 15. С. 29–32.

19. Ткачев И. В., Тиссен О. Н. Сравнительный анализ правовой регламентации досудебного соглашения о сотрудничестве и особого порядка судебного разбирательства в российском уголовном судопроизводстве // Уголовное право. 2011. № 1. С. 78–84.

20. Багаутдинов К. Ф. Досудебное соглашение о сотрудничестве: актуальные проблемы оптимизации механизма реализации и совершенствования процессуального статуса его участников: дис. … канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2020. 224 с.

21. Абшилава Г. В. Согласительные процедуры в уголовном судопроизводстве Российской Федерации: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 2012. 56 с.

22. Баева Н. А. Участие адвоката-защитника при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве // Судебная власть и уголовный процесс. 2019. № 2. С. 62–68.

23. Пашутина О. С., Ревина И. В. Отказ подозреваемого от права на телефонный разговор: проблемные аспекты законодательного регулирования и правоприменения // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2022. Т. 12, № 4. С. 107–121.

24. Уханова Н. В. К вопросу о разъяснении следователем некоторых прав потерпевшему от преступления // Юридическая наука. 2015. № 4. С. 140–147.

References

1. Azarov V.V., Boyarskaya A.V. Ugolovno-protsessual'naya forma: ponyatie, svojstva, sistema [Criminal procedure form: concept, properties, system]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo = Bulletin of Tomsk State University. Right,* 2020, no. 37, pp. 5–20.

2. Chebotareva I. N., Pashutina O. S., Revina I. V. K voprosu ob obespechenii svobody rasporyazheniya sub"ektivnymi pravami v ugolovnom protsesse Rossii: problemy pravovogo regulirovaniya i pravoprimeneniya [On the issue of ensuring the freedom of disposal of subjective rights in the Criminal process of Russia: problems of legal regulation and law enforcement]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law,* 2022, vol. 12, no. 4, pp. 90–106.

3. Zuev S. V., Sutyagin K. I. Ugolovnyj protsess [Criminal proceedings]. Chelyabinsk, Izdatel'skij tsentr YUUrGU, 2016. 563 p.

4. Ugolovnyj protsess [Criminal proceedings]; ed. by A. V. Grinenko. 2th ed. Moscow, Norma Publ., 2009. 496 p.

5. Strojkova A.S. Garantii prav obvinyaemogo na predvaritel'nom sledstvii. Diss. kand. yurid. nauk [Guarantees of the rights of the accused during the preliminary investigation. Cand. legal sci. diss.]. Rostov-on-Don, 2005. 141 p.

6. Ugolovnyj protsess [Criminal proceedings]; ed. by A. I. Bastrykin, A. A. Usachev. 5th ed. Moscow, Yurajt Publ., 2018. 468 p.

7. Ovchinnikov Yu. G. Sistema ugolovno-protsessual'nykh garantij [The system of criminal procedural guarantees]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the South Ural State University*, 2010, no. 25, pp. 54–58.

8. Strogovich M. S. Kurs sovetskogo ugolovnogo protsessa. T. 1. Osnovnye polozheniya nauki sovetskogo ugolovnogo protsessa [The course of the Soviet criminal process. Vol. 1. The main provisions of the science of the Soviet criminal process]. Moscow, Nauka Publ., 1968. 468 p.

9. Pashutina O.S., Revina I.V. The problems of legislative control and practices of special knowledge usage in criminal case proceedings. *3rd International multidisciplinary scientific conference on social sciences & arts SGEM. Book 2. Political sciences, law, finance, economics & tourism.* Albena, Bulgaria, 2016, vol. 2, pp. 863–868.

10. Pashutina O. S., Chebotareva I. N. [Ensuring the constitutional rights of citizens at the stage of pre-investigation verification of a crime report]. *Edinstvo i differenciaciya dosudebnogo i sudebnogo proizvodstva v ugolovnom processe: novye konceptual'nye podhody v svete naslediya velikoj sudebnoj reformy. Sbornik nauchnykh statej Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem, posvyashhennoj 155-letiyu Sudebnykh Ustavov 1864 g., priurochennoj k 55-letiyu Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta* [Unity and differentiation of pre-trial and judicial proceedings in criminal proceedings: new conceptual approaches in the light of the legacy of the great judicial reform. Collection of scientific articles of the All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation dedicated to the 155th anniversary of the Judicial Statutes of 1864, timed to the 55th anniversary of Southwest State University]. Kursk, Universitetskaya kniga Publ., 2019. pp. 270–273. (In Russ.)

11. Tat'yanina L. G., Abasheva F. A. Realizatsiya prava na zashhitu pri proizvodstve doznaniya v sokrashhennoj forme [Realization of the right to protection during the investigation in an abbreviated form]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya: Ehkonomika i pravo = Bulletin of the Udmurt University. Series: Economics and Law,* 2021, vol. 31, no. 2, pp. 312–317.

12. Naumenko O. A. Zashhita prav poterpevshego pri sokrashhennoj forme doznaniya [Protection of the rights of the victim in the abbreviated form of inquiry]. *Obshhestvo i pravo = Society and law,* 2015, no. 4 (54), pp. 209–212.

13. Artamonova E. A. O soblyudenii prav poterpevshego pri prinyatii resheniya o proizvodstve doznaniya v sokrashhennoj forme [On the observance of the rights of the victim when ma-

king a decision on the conduct of an inquiry in an abbreviated form]. *Yuridicheskie issledovaniya = Legal Research,* 2013, no. 2, pp. 39–42.

14. Goryunov V. Novyj pravovoj institut (institut) [New Legal Institute (institute)]. *Zakonnost' = Legality,* 2010, no. 5, pp. 40–43.

15. Abshilava G. V. Soglasitel'nye protsedury v ugolovnom sudoproizvodstve Rossijskoj Federatsii. Avtoref. diss. dokt. yurid. nauk [Conciliation procedures in criminal proceedings of the Russian Federation. Dr. legal sci. diss.]. Moscow, 2012. 56 p.

16. Tisen O. N. Teoreticheskie i prakticheskie problemy instituta dosudebnogo soglasheniya o sotrudnichestve v rossijskom ugolovnom sudoproizvodstve. Diss. dokt. yurid. nauk [Theoretical and practical problems of the Institute of pre-trial cooperation agreement in Russian criminal proceedings. Dr. legal sci. diss.]. Orenburg, 2017. 487 p.

17. Artamonova E. A. Kto dolzhen raz"yasnit' obvinyaemomu pravo na zaklyuchenie dosudebnogo soglasheniya o sotrudnichestve? [Who should explain to the accused the right to conclude a pre-trial cooperation agreement?]. *Rossijskij sledovatel' = Russian Investigator*, 2011, no. 2, pp. 8–10.

18. Ovchinnikov Yu. G. Protsessual'nyj poryadok raz"yasneniya prav podozrevaemomu ili obvinyaemomu na zaklyuchenie dosudebnogo soglasheniya o sotrudnichestve [Procedural procedure for clarifying the rights of a suspect or accused to conclude a pre-trial cooperation agreement]. *Rossijskij sledovatel' = Russian Investigator,* 2011, no. 15, pp. 29–32.

19. Tkachev I. V., Tissen O. N. Sravnitel'nyj analiz pravovoj reglamentatsii dosudebnogo soglasheniya o sotrudnichestve i osobogo poryadka sudebnogo razbiratel'stva v rossijskom ugolovnom sudoproizvodstve [Comparative analysis of the legal regulation of a pre-trial cooperation agreement and a special procedure for judicial proceedings in Russian criminal proceedings]. *Ugolovnoe pravo = Criminal Law,* 2011, no. 1, pp. 78–84.

20. Bagautdinov K. F. Dosudebnoe soglashenie o sotrudnichestve: aktual'nye problemy optimizatsii mekhanizma realizatsii i sovershenstvovaniya protsessual'nogo statusa ego uchastnikov. Diss. kand. yurid. nauk [Pre-trial cooperation agreement: actual problems of optimization of the mechanism of implementation and improvement of the procedural status of its participants. Cand. legal sci. diss.]. Nizhnij Novgorod, 2020. 224 p.

21. Abshilava G. V. Soglasitel'nye protsedury v ugolovnom sudoproizvodstve Rossijskoj Federatsii. Avtoref. diss. dokt. yurid. nauk [Conciliation procedures in criminal proceedings of the Russian Federation. Dr. legal sci. diss.]. Moscow, 2012. 56 p.

22. Baeva N. A. Uchastie advokata-zashhitnika pri zaklyuchenii dosudebnogo soglasheniya o sotrudnichestve [Participation of a defense lawyer at the conclusion of a pre-trial cooperation agreement]. *Sudebnaya vlast' i ugolovnyj protsess = Judicial power and criminal procedure,* 2019, no. 2, pp. 62–68.

23. Pashutina O. S., Revina I. V. Otkaz podozrevaemogo ot prava na telefonnyj razgovor: problemnye aspekty zakonodatel'nogo regulirovaniya i pravoprimeneniya [Refusal of the suspect from the right to telephone conversation: problematic aspects of legislative regulation and law enforcement]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law,* 2022, vol. 12, no. 4, pp. 107–121.

24. Ukhanova N. V. K voprosu o raz"yasnenii sledovatelem nekotorykh prav poterpevshemu ot prestupleniya [On the question of the investigator explaining some rights to the victim of a crime]. *Yuridicheskaya nauka = Legal Science,* 2015, no. 4, pp. 140–147.

Информация об авторах / Information about the Authors

Чеботарева Ирина Николаевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: cheb_irina@mail.ru
ORCID: 0000-0002-2130-3102

Irina N. Chebotareva, Cand. of Sci. (Juridical), Associate Professor of the Department of Criminal Proceeding and Criminalistic, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: cheb_irina@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-2130-3102

Пашутина Олеся Сергеевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: olesya-pashutina@yandex.ru,
ORCID: 0000-0003-1472-7959

Olesia S. Pashutina, Cand. of Sci. (Juridical), Associate Professor of the Department of Criminal Proceeding and Criminalistic, Southwest State University, Kursk, Russian Federation
e-mail: olesya-pashutina@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-1472-7959

Ревина Ирина Валерьевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: ivrevina@mail.ru,
ORCID: 0000-0001-9982-8833

Irina V. Revina, Cand. of Sci. (Juridical), Associate Professor of the Department of Criminal Proceeding and Criminalistic, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: ivrevina@mail.ru,
ORCID: 0000-0001-9982-8833

Оригинальная статья / Original article

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-6-132-142

(cc) BY 4.0

Оптимизация правового режима возбуждения уголовных дел о налоговых преступлениях в свете цикличных изменений уголовно-процессуального закона

Я. П. Ряполова[1]✉

[1] Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: yarosslava@mail.ru

Резюме

Актуальность. *В работе исследуются основные этапы трансформации правовой модели возбуждения уголовных дел о налоговых преступлениях, проанализированы изменения, которые внес Федеральный закон от 9 марта 2022 года № 51-ФЗ, возвратив в статью 140 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации специальный «налоговый» повод и скорректировав порядок рассмотрения сообщений о преступлениях рассматриваемой группы. Обобщены проблемные вопросы в сфере взаимодействия органов предварительного расследования и налоговых органов в ходе выявления налоговых преступлений и сборе необходимых доказательств вины налогоплательщика.*

Цель *– исследование актуальных вопросов совершенствования процессуальной формы приема и проверки сообщений о налоговых преступлениях в контексте традиционных подходов к налоговому администрированию.*

Задачи *исследования: анализ обновленных норм налогового и уголовно-процессуального законодательства, концептуальных теоретических положений, отражающих существующие проблемы и противоречия правовой регламентации «налогового» повода, использовании его в уголовно-процессуальном доказывании в первоначальной стадии уголовного процесса; разработка предложений по оптимизации уголовно-процессуального законодательства.*

Методология. *При написании статьи использовались: метод правового моделирования, а также логический, статистический, исторический, сравнительно-правовой и другие методы.*

Результаты *исследования отражают проблемы правовой регламентации новой процедуры возбуждения уголовного дела о налоговом преступлении, а также научно обоснованные предложения по их разрешению.*

Вывод. *Результаты проведенного исследования позволили определить причины и обстоятельства, предопределившие смену правовой модели порядка возбуждения уголовного преследования в отношении недобросовестных налогоплательщиков, когда эффективность раскрытия преступлений сменяется на риск-ориентированный подход в сфере выявления налоговых преступлений. Демонстрируется отсутствие единых взглядов в оценках таких нововведений с учетом имеющегося опыта применения подобного порядка в 2011–2014 годы, противоречивое понимание роли материалов налоговой проверки в формировании повода и основания для возбуждения уголовного дела, что создает определённые трудности в доказательственной деятельности следственных органов на практике.*

Ключевые слова: *возбуждение уголовного дела; налоговое преступление; проверка сообщения о преступлении; налоговый контроль; налоговый орган.*

Финансирование: *Исследование выполнено в рамках реализации программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030» (Соглашения № 075-15-2021-1155 и № 075-15-2021-1213).*

Конфликт интересов*: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Для цитирования: Ряполова Я. П. Оптимизация правового режима возбуждения уголовных дел о налоговых преступлениях в свете цикличных изменений уголовно-процессуального закона // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2022. Т. 12, № 6. С. 132–142. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-6-132-142.

Поступила в редакцию 07.10.2022 Принята к публикации 14.11.2022 Опубликована 16.12.2022

© Ряполова Я. П., 2022

Use of the Potential of Operational-Search Activities in Solving Problems Stages of Initiation of a Criminal Case: Problemic Issues of Theory and Practice

Yaroslava P. Ryapolova[1] ✉

[1]Southwest State University
50 let Oktyabrya Str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: yarosslava@mail.ru

Abstract

Relevance. *The article examines the main stages of the transformation of the legal model for initiating criminal cases on tax crimes, analyzes the changes introduced by Federal Law No. 51-FZ of 09.03.2022, returning a special "tax" reason to Article 140 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation and adjusting the procedure for considering reports about the crime of the group in question. The problematic issues in the field of interaction between the preliminary investigation bodies and tax authorities in the course of identifying tax crimes and collecting the necessary evidence of the taxpayer's guilt are summarized.*

The purpose *of this study is to study topical issues of improving the procedural form of receiving and verifying reports of crimes in the context of traditional approaches to tax administration.*

Objectives: *analysis of the updated norms of tax and criminal procedural legislation, conceptual theoretical provisions that reflect the existing problems and contradictions in the legal regulation of the "tax" reason, its use in criminal procedural proof at the initial stage of the criminal process; development of proposals for optimization of criminal procedure legislation.*

Methodology. *When writing the article, the method of legal modeling, as well as logical, statistical, historical, comparative legal and other methods were used.*

Results. *The results of the study demonstrate the problems of legal regulation of the new procedure for initiating a criminal case on a tax crime and made it possible to formulate proposals for its improvement.*

Conclusion. *Based on the results of the study, the author states a change in the legal model for initiating criminal prosecution of unscrupulous taxpayers, when the effectiveness of solving crimes is replaced by a risk-based approach in the field of detecting tax crimes. It demonstrates the lack of common views in the assessments of such innovations, taking into account the existing experience of applying such a procedure in 2011-2014, a contradictory understanding of the role of tax audit materials in shaping the reason and grounds for initiating a criminal case, which makes it difficult to successfully use the results of tax control in criminal procedural proof. .*

Keywords: *criminal proceedings; tax crime; crime report verification, tax control, tax authority.*

Funding: *Research was carried out as part of the implementation of the program of strategic academic leadership "Priority-2030" (Agreements No. 075-15-2021-1155 and No. 075-15-2021-1213)*

Conflict of interest: *The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Ryapolova Y. P. Use of the Potential of Operational-Search Activities in Solving Problems Stages of Initiation of a Criminal Case: Problemic Issues of Theory and Practice. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2022; 12(6): 132–142. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-6-132-142.

Received 07.10.2022 Accepted 14.11.2022 Published 16.12.2022

***

Введение

Федеральный закон от 9 марта 2022 г. № 51-ФЗ «О внесении изменений в статьи 140 и 144 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации», будучи включенным в комплекс мер по повышению устойчивости экономики и поддержке бизнеса в условиях действия западных санкций, внес очередные нововведения в систему поводов для возбуж-

дения уголовного дела. В пояснительной записке к законопроекту[1] в числе целей таких преобразований названо совершенствование правового регулирования вопросов возбуждения уголовных дел о налоговых преступлениях. Так, ст. 140 УПК РФ дополнена ч. 1.3, в ней содержится правило, согласно которому поводом для возбуждения уголовного дела о преступлениях, предусмотренных ст. 198–199.2 УК РФ, служат только материалы, которые направлены налоговыми органами в соответствии с законодательством о налогах и сборах для решения вопроса о возбуждении уголовного дела.

Примечательно, что авторы законопроекта не приводят данные о том, что подобное нововведение уже имело длительную апробацию на практике (ранее до 22 октября 2014 г. аналогичную формулировку содержал п. 1.1 ст. 140 УПК РФ) и не раскрывают причин, вследствие которых законодатель в свое время признал соответствующую норму малоэффективной, упразднив ее действие спустя три года. Исключительный повод практически с той же дословной формулировкой повторно вводится в текст УПК РФ по прошествии почти восьми лет. Это говорит о цикличности правового развития рассматриваемых правоотношений, перераспределением «веса» основных элементов системы сдержек и противовесов при осуществлении контрольной и правоохранительной деятельности по выявлению налоговых преступлений во время непростой геополитической и экономической ситуации в стране.

Отмеченное обусловливает необходимость изучения общетеоретических и прикладных аспектов инициирования уголовно-процессуальной деятельности посредством существующих механизмов налогового контроля на первоначальном этапе обнаружения и фиксации налоговых преступлений.

Методология

В работе использовались формально-юридический, исторический, статистический методы, а также метод правового моделирования и другие методы, которые позволили интерпретировать правовые положения и основные концептуальные подходы, раскрывающие порядок и особенности реализации результатов налогового контроля в стадии возбуждения уголовного дела, его соотношение с принципом публичности, выявить системные противоречия отраслевого законодательства в рассматриваемой области правоотношений, последовательно и в логической взаимосвязи отразить основные аргументы в рассуждениях и обосновать в научном плане выводы.

Результаты и их обсуждение

Традиционно успешное функционирование налоговой системы сопряжено с эффективным выявлением и раскрытием налоговых преступлений, которые действительно впечатляют своим разнообразием, размахом, изощренностью и сложностью криминальных эпизодов, правонарушители способны быстро приспосабливаться к современным методам и технологиям налогового контроля с завидной скоростью и профессионализмом [1, с. 131].

Как известно, законодатель постоянно находится в поиске оптимальной правовой модели первоначального этапа обнаружения и фиксации признаков преступного уклонения от уплаты налогов. Еще в 2011 г. законодателем в целях снижения правоохранительной и контрольной функции государства в сфере выявления налоговых преступлений был принят Федеральный закон от 6 декабря 2011 г. № 407-ФЗ, который определил в качестве единственно возможного повода для возбуждения уголовного дела о преступлениях, предусмотренных ст. 198–

[1] Проект федерального закона № 80928-8 «О внесении изменений в статьи 140 и 144 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/80928-8 (дата обращения: 02.10.2022).

199.2 УК РФ, материалы налогового органа, которые направлены налоговыми органами в соответствии с законодательством о налогах и сборах для решения вопроса о возбуждении уголовного дела. Такой подход стал проявлением общепринятого тренда на либерализацию уголовного закона, был нацелен защитить бизнес от необоснованного давления правоохранительных органов. Однако судебно-следственная практика продемонстрировала неоднозначные промежуточные результаты таких преобразований [2, с. 155; 3, с. 102] и обусловила скорое возвращение к прежней процедуре ввиду существенных различий в целеполагании, характерных особенностях контрольно-фискальной и правоохранительной деятельности в сфере выявления и раскрытия налоговых преступлений [4, с. 125].

Федеральным законом от 22 октября 2014 г. №308-ФЗ был вновь закреплен «свободный» повод для возбуждения уголовного дела о преступлениях рассматриваемой группы. Среди причин такого решения авторы законопроекта называли низкую эффективность раскрытия налоговых преступлений, было существенно затруднено использование в уголовном процессе имеющихся результатов оперативно-разыскных мероприятий, проводимых органами внутренних дел в рамках борьбы с налоговой преступностью. Таким образом, был взят курс на эффективность раскрытия, при этом вводился особый механизм обмена информацией органов следствия с налоговыми органами – закреплялась обязанность для следователя запросить сведения о налогово-контрольном производстве, при этом для органов следствия сохранялась возможность самостоятельного определения размера недоимки, важного для решения вопроса о наличии признаков преступления, независимо от информации, поступившей из налогового органа по запросу.

Данный порядок имел идейных вдохновителей из числа представителей Следственного комитета России, а также сторонников в научном сообществе [5, с. 82; 6, с. 150]. Указывалось на то, что подобное распределение ролей в большей степени способствует реализации принципа неотвратимости наказания, обеспечивая при этом фискальные интересы государства [7, с. 54], отражает прямое предназначение налоговых органов, с тем чтобы последние не замещали функции органов уголовного судопроизводства [8, с. 134].

Высказывались и своего рода опасения на предмет того, что «взаимодействие следственных и налоговых органов не достигнет достаточной степени конструктивности, а как следствие, в очередной раз пострадают налоговые интересы государства» [9, с. 49]. Также стоит выделить негативные тенденции правоприменения в этот период, когда уголовные дела возбуждались следователями как раз в ходе проведения мероприятий налогового контроля, до завершения налоговой проверки, с целью принуждения налогоплательщика к признанию требований налогового органа и их оплате [10, с. 105]. Такие действия значительно усложняли возможность защиты хозяйствующих субъектов от необоснованных налоговых претензий, влекли за собой существенное ограничение прав предпринимателей посредством принятия мер процессуального принуждения (давления) в рамках уголовного дела (избрание меры пресечения в отношении сотрудников, арест имущества и т. д.)[1].

Тем не менее на сегодняшний день законодатель вернулся к исходному варианту закрепления материалов налогового органа в качестве единственного повода для инициации уголовного преследования в отношении недобросовестных

[1] Курмаев Р., Горбунов Д. Изменение порядка возбуждения уголовных дел о налоговых преступлениях: новые поправки в УПК РФ. URL: https://lawfirm.ru/comments/index.php?id=24266 (дата обращения: 02.10.2022)

налогоплательщиков: возбуждение уголовного дела до окончания налоговой проверки и направления в установленном законом порядке соответствующих документов в органы предварительного следствия – незаконно и недопустимо. Внесенные поправки, очевидно, направлены на устранение излишнего давления на бизнес во время непростой геополитической и экономической ситуации в стране и уменьшение нагрузки на правоохранительные органы, поскольку нововведение приведет к прогнозируемому сокращению числа уголовных дел рассматриваемой категории, как это произошло в 2011–2014 гг., когда действовала аналогичная норма о так называемом исключительном «налоговом» поводе [4, с. 103]. Для примера, если в 2010 г. было выявлено свыше 14449 налоговых преступлений, то в 2011 г. – 8682, в 2012 г. – 5818[1].

Процедуру представления налоговым органом материалов в подразделения СК РФ в общем виде регламентирует ч. 3 ст. 32 НК РФ. Если в течение двух месяцев со дня истечения срока исполнения требования об уплате налога, направленного налогоплательщику на основании решения о привлечении к ответственности за совершение налогового правонарушения, лицо не уплатило (не перечислило) в полном объеме указанные в данном требовании суммы недоимки, размер которой позволяет предполагать факт совершения нарушения законодательства о налогах и сборах, содержащего признаки преступления, соответствующих пеней и штрафов, налоговые органы обязаны в течение 10 дней со дня выявления указанных обстоятельств направить материалы в следственные органы для решения вопроса о возбуждении уголовного дела. В случае добровольного погашения налогоплательщиком требований налогового органа в установленный срок соответствующие материалы также не могут быть направлены в следственный орган.

Очевидным преимуществом обновленной ст. 140 УПК РФ следует считать появление дополнительных гарантий по защите прав предпринимателей от необоснованного уголовного преследования путем утверждения особого порядка инициации уголовного преследования по соответствующей категории составов преступлений. Кроме того, налогово-контрольное производство предполагает право налогоплательщика знакомиться с материалами налоговой проверки, представить возражения на акт проверки и обжаловать ее результаты в досудебном и судебном порядках, а значит, на длительный срок отсрочить переход налоговых правоотношений в сферу уголовно-процессуальных. Немаловажно и то, что новые правила обусловят сокращение случаев параллельного производства по уголовному делу и судебного рассмотрения арбитражных и гражданских споров в судах по одному и тому же нарушению налогового законодательства, что было нередким явлением на практике [11, с. 135].

Справедливо также считать, что принятый порядок суть продолжение курса, взятого законодателем на обеспечение процессуальных возможностей так называемого фискально-административного соучастия в расследовании профильных преступлений, определяющего значения результатов налогово-контрольного производства в уголовно-процессуальном доказывании на стадии возбуждения уголовного дела [12, с. 99].

Новая «оттепель» в противодействии налоговой преступности и реализации фискальных интересов государства вместе с тем требует разрешения спорных вопросов. Ведь законодателю не удалось в свое время преодолеть недостатки правовой регламентации вводимого исключительного порядка возбуждения уголовных дел о налоговых преступлениях.

[1] Состояние преступности за 2010, 2011, 2012 г. по данным ГИАЦ МВД РФ URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/folder/101762 (дата обращения: 02.10.2022)

Так, неясно, каким образом оформляется решение налоговой инспекции о направлении материалов в следственные органы [13, с. 1229], не раскрывается содержание и перечень этих материалов. Это важно с точки зрения оценки полноты и достаточности поступившей информации о признаках налогового преступления. Данный повод, в отличие от других, не имеет строгой процессуальной формы. Понятно, что на практике основными документами в комплекте представляемых материалов являются, конечно, акт налоговой проверки и решение налогового органа о привлечении к ответственности за совершение налогового правонарушения, раскрывающие ключевые обстоятельства налогового преступления, входящие в предмет доказывания, содержат его документальное, правовое и математическое (расчетное) обоснование. При этом выводы контролирующего органа обосновываются первичной учетной документацией и иными информационными источниками [14, с. 263] (запросы, сведения о расчетных счетах, IP-адресах, выписки из ЕГРЮЛ, декларации, возражения налогоплательщика и пр.), объем материалов налоговой проверки может доходить до нескольких томов, поэтому указание на четкий перечень представляемых документов – приоритетное условие для успешного взаимодействия сотрудников правоохранительных органов и налогового ведомства.

Другой спорный момент касается допустимости передачи результатов налоговой проверки в орган предварительного расследования в случаях, когда в рамках реализации обеспечительных мер по судебному решению оспариваемое решение налогового органа было приостановлено (по ходатайству заявителя). Несмотря на единичные решения, в которых признается порочность подобной практики со стороны налоговиков[1], распространено мнение о том, что решение суда о наложении обеспечительных мер в виде приостановления соответствующего решения не исключает обязанности налоговой инспекции направить материалы проверки в следственные органы в порядке ст. 32 НК РФ [8, с. 135; 15, с. 54]. Закон этого во всяком случае прямо не запрещает.

В числе критических замечаний следует упомянуть и то обстоятельство, что в условиях действия ч. 1.3 ст. 140 УПК РФ срок давности уголовного преследования фактически ограничен трехлетним периодом финансово-хозяйственной деятельности недобросовестного налогоплательщика, право проверить который предоставлено налоговым органам в соответствии с положениями НК РФ [16, с. 119; 17, с. 124].

Вопреки ожиданиям до сих пор не решен вопрос о целесообразности применения мер уголовной репрессии уголовного преследования в отношении налогоплательщика, который после направления материалов в следственные органы возместил ущерб в полном объеме. Для временных рамок первоначальной стадии уголовного процесса положения ст. 28.1 УПК РФ на этот счет не имеют прямых разъяснений. Следовательно, в соответствующей части стоит расширить перечень оснований для отказа в возбуждении уголовного дела в ст. 24 УПК РФ.

Следует также признать, что эффективность противодействия налоговой преступности будет снижаться не только за счет ожидаемого уменьшения количества выявления налоговых преступлений, но и в силу более глубинных причин: налоговые органы контролируют правильность исчисления, полноту и своевременность внесения в соответствую-

[1] Постановление ФАС Поволжского округа от 06.08.2013 г. по делу № А12-31578/2012. URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/b4csLKzHxwHB/; определение Верховного Суда Российской Федерации от 26 августа 2014 г. по делу № 303-ЭС14-42, А80-303/2013. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi (дата обращения 02.10.2022).

щий бюджет налоговых платежей и не ориентированы на борьбу с преступлениями в налоговой сфере, если они и выявляют их, то не уделяют достаточного внимания фиксации и сохранению следов возможных преступлений, документированию умысла на совершение уклонения от уплаты налогов и т. д. [18, с. 94; 19, с. 174] В текущем варианте налоговый орган, по сути, наделяется несвойственными ему функциями обвинения, ведь только от действий налогового органа теперь зависит, перейдет ли налоговое правонарушение в плоскость уголовно-процессуальных отношений. Получается, что первичная уголовно-правовая квалификация правонарушения в налоговой сфере отныне прерогатива налогового органа.

Нельзя недооценивать различия в подходах (правовых средствах, условиях и методах) к квалификации и доказыванию факта совершения налогового правонарушения и преступления, закрепленных в налоговом и уголовном законодательстве. Налоговые органы не являются субъектами оперативно-разыскной деятельности, следовательно, возможности по выявлению данных видов преступлений только средствами налогового контроля у них весьма ограничены. Нередко следователь вынужден выносить постановление об отказе в возбуждении уголовного дела по причине определения недоимки по итогам налоговой проверки и доначисления налогов расчетным путем, что недопустимо при установлении размера причиненного вреда в ходе уголовно-процессуального доказывания [20, с. 144].

Выводы

Возвращение специального налогового повода для возбуждения уголовного дела говорит о новой «оттепели» в уголовно-процессуальной сфере, когда эффективность раскрытия преступления сменяется на риск-ориентированный подход в вопросе выявления налоговых преступлений.

«Старый» новый порядок регламентации начального момента уголовного судопроизводства по делам о преступлениях указанной категории, имея положительные и отрицательные стороны, с одной стороны, вносит определённость в вопросах разделения компетенции налоговых и правоохранительных органов при выявлении преступлений, связанных с уклонением от уплаты налогов, поскольку обращению в орган предварительного следствия теперь должна предшествовать регламентированная Налоговым кодексом РФ процедура обращения к налогоплательщику с целью добиться от него погашения недоимки и уплате пеней и штрафа. С другой стороны, требуют дальнейшего изучения вопросы соотнесения традиционных подходов к налоговому администрированию с потребностями современной правоохранительной практики, в том числе при документировании умысла налогоплательщика на совершение налоговых правонарушений; приведения сроков проведения налоговых проверок и проверяемых налоговых периодов согласно требованиям законодательства о налогах и сборах в соответствие со сроками давности привлечения к уголовной ответственности в рамках уголовного закона.

Стоит ожидать, что поиск возможных альтернатив оптимизации правового режима возбуждения уголовных дел при совершении налоговых преступлений еще не окончен, дальнейшая либерализация уголовного законодательства в отношении предпринимателей неизбежно потребует модернизации существующих уголовно-процессуальных порядков досудебного расследования преступлений в налоговой сфере.

Список литературы

1. Привалов К. В. Налоговая преступность в современной России: состояние и основные направления профилактики // Universum: Вестник Герценовского университета. 2013. № 2. С. 130–133.

2. Галимов Э. Р. Возбуждение уголовных дел по налоговым преступлениям: перспективы законодательных изменений // Вестник Удмуртского университета. Серия: Экономика и право. 2014. № 3. С. 154–157.

3. Пайзулаев И. Р. Новый порядок возбуждения уголовных дел по налоговым преступлениям // Вестник Владимирского юридического института. 2015. № 4. С. 102–105.

4. Ряполова Я. П. Актуальные вопросы возбуждения уголовных дел о налоговых преступлениях // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2018. № 4 (47). С. 124–131.

5. Севостьянов И. А., Кулюкин С. Л. Совершенствование механизма привлечения к уголовной ответственности за налоговые преступления // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2017. № 2 (66). С. 81–83.

6. Пятышев Я. С. Современное состояние уголовного преследования по делам о налоговых преступлениях // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2013. № 21. С. 147–152.

7. Буторов А. Н. Анализ законодательных новелл, касающихся особого порядка возбуждения уголовных дел о налоговых преступлениях // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2015. № 2 (30). С. 50–54.

8. Стельмах В. Ю. Особенности процессуального порядка возбуждения уголовных дел о налоговых преступлениях // Вестник Удмуртского университета. Серия: Экономика и право. 2021. Т 31, № 1. С. 133–141.

9. Тюрин И. В. Кому доверить дела о налоговых преступлениях? Новые инициативы государства и старый опыт в решении вопроса // Статистика и экономика. 2015. № 6. С. 46–49.

10. Стаценко В. Г. Некоторые проблемные вопросы возбуждения и предварительного расследования уголовных дел о налоговых преступлениях // Северо-Кавказский юридический вестник. 2016. № 2. С. 103–108.

11. Саньков В. И. Проверка доводов стороны защиты о незаконном возбуждении уголовного дела о налоговом преступлении // Противодействие налоговой преступности: материалы Всероссийской научно-практической конференции / под общ. ред. А. М. Багмета. М.: Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2018. С. 134–137.

12. Ряполова Я. П. Процессуальные возможности участия налогового органа на этапе возбуждения уголовных дел о налоговых преступлениях // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2019. Т. 9, № 6. С. 93–101.

13. Химичева Г. П. О совершенствовании поводов для возбуждения уголовных дел о налоговых преступлениях // Научные труды. Российская академия юридических наук. Вып. 15. М.: Мос Юрист, 2015. С. 1228–1232.

14. Табакова Н. А. Проблемы выявления и возбуждения уголовных дел о налоговых преступлениях // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 5, ч. 1. С. 262–267.

15. Золотарева А. Б., Киреева А. В. Возможные пути реформирования ответственности за нарушения налогового законодательства // Журнал российского права. 2016. № 10 (238). С. 121–133.

16. Иванов Ю. Новый порядок возбуждения уголовных дел по налоговым преступлениям. Комплексный анализ // Энергетика и право. 2015. №. 2. С. 54–57.

17. Жидкова Е. И. Новая редакция УПК РФ: возврат к прежнему порядку производства по уголовным делам о налоговых преступлениях? // Уголовное право. 2015. № 2. С. 118–121.

18. Савченко М. М. Актуальные вопросы выявления признаков налоговых преступлений на стадии принятия решения о возбуждении уголовного дела // Противодействие налоговой преступности: материалы Всероссийской научно-практической конференции / под общ. ред. А. М. Багмета. М.: Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2018. С. 94–97.

19. Дубровин В. В. Проблемы доказывания вины по уголовным делам в связи с уклонением от уплаты налогов // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 3 (100). С. 170–176.

20. Матушкина Н. В. Особенности возбуждения уголовных дел по налоговым преступлениям // Вестник Удмуртского университета. Серия: Экономика и право. 2017. Т. 27, № 5. С. 140–146.

References

1. Privalov K. V. Nalogovaya prestupnost' v sovremennoj Rossii: sostoyanie i osnovnye napravleniya profilaktiki [Tax crime in modern Russia: the state and main directions of prevention]. *Universum: Vestnik Gercenovskogo universiteta = Universum: Bulletin of Herzen University*, 2013, no. 2, pp. 130–133.

2. Galimov E. R. Vozbuzhdenie ugolovnyh del po nalogovym prestupleniyam: perspektivy zakonodatel'nyh izmenenij [Initiation of criminal cases on tax crimes: prospects for legislative changes]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya: Ekonomika i pravo = Bulletin of the Udmurt University. Series: Economics and Law*, 2014, no. 3, pp. 154–157.

3. Pajzulaev I. R. Novyj poryadok vozbuzhdeniya ugolovnyh del po nalogovym prestupleniyam [New procedure for initiating criminal cases on tax crimes]. *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta = Bulletin of the Vladimir Law Institute*, 2015, no. 4, pp. 102–105.

4. Ryapolova Y. P. Aktual'nye voprosy vozbuzhdeniya ugolovnyh del o nalogovyh prestupleniyah [Topical issues of initiation of criminal cases on tax crimes]. *Vestnik Volgogradskoj akademii MVD Rossii = Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia,* 2018, no. 4 (47), pp. 124–131.

5. Sevost'yanov I. A., Kulyukin S. L. Sovershenstvovanie mekhanizma privlecheniya k ugolovnoj otvetstvennosti za nalogovye prestupleniya [Improving the mechanism of criminal prosecution for tax crimes]. *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo social'no-ekonomicheskogo universiteta = Bulletin of the Saratov State Socio-Economic University*, 2017, no. 2 (66), pp. 81–83.

6. Pyatyshev Y. S. Sovremennoe sostoyanie ugolovnogo presledovaniya po delam o nalogovyh prestupleniyah [The current state of criminal prosecution in cases of tax crimes]. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii = Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2013, no. 21, pp. 147–152.

7. Butorov A. N. Analiz zakonodatel'nyh novell, kasayushchihsya osobogo poryadka vozbuzhdeniya ugolovnyh del o nalogovyh prestupleniyah [Analysis of legislative novelties con-

cerning a special procedure for the initiation of criminal cases on tax crimes]. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii = Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2015, no. 2 (30), pp. 50–54.

8. Stel'mah V. Y. Osobennosti processual'nogo poryadka vozbuzhdeniya ugolovnyh del o nalogovyh prestupleniyah [Features of the procedural procedure for initiating criminal cases on tax crimes]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Ekonomika i pravo = Bulletin of the Udmurt University. Series: Economics and Law*, 2021, vol. 31, no. 1, pp. 133–141.

9. Tyurin I. V. Komu doverit' dela o nalogovyh prestupleniyah? Novye iniciativy gosudarstva i staryj opyt v reshenii voprosa [Who should be entrusted with cases of tax crimes? New initiatives of the state and old experience in solving the issue]. *Statistika i ekonomika = Statistics and economics*, 2015, no. 6, pp. 46–49.

10. Stacenko V. G. Nekotorye problemnye voprosy vozbuzhdeniya i predvaritel'nogo rassledovaniya ugolovnyh del o nalogovyh prestupleniyah [Some problematic issues of initiation and preliminary investigation of criminal cases of tax crimes]. *Severo-Kavkazskij yuridicheskij vestnik = North Caucasian Legal Bulletin*, 2016, no. 2, pp. 103–108.

11. San'kov V. I. [Verification of the arguments of the defense about the illegal initiation of a criminal case on a tax crime]. *Protivodejstvie nalogovoj prestupnosti. Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii* [Countering tax crime: materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference]; ed. by A. M. Bagmet. Moscow, Moskovskaya akademiya Sledstvennogo komiteta Rossijskoj Federacii, 2018, pp. 134–137 (In Russ.)

12. Ryapolova Y. P. Processual'nye vozmozhnosti uchastiya nalogovogo organa na etape vozbuzhdeniya ugolovnyh del o nalogovyh prestupleniyah [Procedural possibilities of participation of the tax authority at the stage of initiation of criminal cases on tax crimes]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*, 2019, vol. 9, no. 6, pp. 93–101.

13. Himicheva G. P. O sovershenstvovanii povodov dlya vozbuzhdeniya ugolovnyh del o nalogovyh prestupleniyah [On improving the reasons for initiating criminal cases on tax crimes]. *Nauchnye trudy. Rossijskaya akademiya yuridicheskih nauk = Scientific works. Russian Academy of Legal Sciences*, 2015, pp. 1228–1232.

14. Tabakova N. A. Problemy vyyavleniya i vozbuzhdeniya ugolovnyh del o nalogovyh prestupleniyah [Problems of detection and initiation of criminal cases on tax crimes]. *Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki = Humanities, socio-economic and social sciences*, 2014, no. 5, pt. 1, pp. 262–267.

15. Zolotareva A. B., Kireeva A. V. Vozmozhnye puti reformirovaniya otvetstvennosti za narusheniya nalogovogo zakonodatel'stva [Possible ways to reform liability for violations of tax legislation]. *Zhurnal rossijskogo prava= Journal of Russian Law*, 2016, no. 10 (238), pp. 121–133.

16. Ivanov Y. Novyj poryadok vozbuzhdeniya ugolovnyh del po nalogovym prestupleniyam. Kompleksnyj analiz [A new procedure for initiating criminal cases on tax crimes. Comprehensive analysis]. *Energetika i pravo= Energy and Law*, 2015, no. 2, pp. 54–57.

17. Zhidkova E. I. Novaya redakciya UPK RF: vozvrat k prezhnemu poryadku proizvodstva po ugolovnym delam o nalogovyh prestupleniyah? [New edition of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation: return to the previous procedure for criminal proceedings on tax crimes?]. *Ugolovnoe pravo= Criminal law*, 2015, no. 2, pp. 118–121.

18. Savchenko M. M. [Topical issues of identifying signs of tax crimes at the stage of making a decision on initiating a criminal case]. *Protivodejstvie nalogovoj prestupnosti. Materialy*

Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii [Countering tax crime. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference]; ed. by A. M. Bagmet. Moscow, Moskovskaya akademiya Sledstvennogo komiteta Rossijskoj Federacii, 2018, pp. 94–97.

19. Dubrovin V. V. Problemy dokazyvaniya viny po ugolovnym delam v svyazi s ukloneniem ot uplaty nalogov [Problems of proving guilt in criminal cases in connection with tax evasion]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava = Actual problems of Russian law,* 2019, no. 3 (100), pp. 170–176.

20. Matushkina N. V. Osobennosti vozbuzhdeniya ugolovnyh del po nalogovym prestupleniyam [Features of initiation of criminal cases on tax crimes]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya: Ekonomika i pravo = Bulletin of the Udmurt University. Series Economics and Law*, 2017, vol. 27, no. 5, pp. 140–146.

Информация об авторе / Information about the Author

Ряполова Ярослава Петровна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: yarosslava@mail.ru,
ORCID: 0000-0001-7587-1183,
Researcher ID: N-4594-2016

Yaroslava P. Ryapolova, Cand. of Sci. (Juridical), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: yarosslava@mail.ru,
ORCID: 0000-0001-7587-1183,
Researcher ID: N-4594-2016

Оригинальная статья / Original article

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-6-143-154

CC BY 4.0

Классификация организационно-технических мер противодействия кибертерроризму в отношении предприятий и организаций

А. С. Унукович[1] ✉, А. В. Цвилий

[1]Омская академия МВД России
пр-т Комарова 7, г. Омск 644092, Российская Федерация,

[2]Краснодарский университет МВД России
ул. Ярославская 128, г. Краснодар 350005, Российская Федерация

✉ e-mail: unukovich94@mail.ru

Резюме

Актуальность. *Кибертерроризм опасен своими действиями для предприятий и организаций, обладающих большими человеческими, денежными и иными ресурсами. Для реализации своих преступных целей в этом направлении киберпреступники используют всю мощь современных цифровых научно-технических достижений. Актуальным является изучение современного состояния практики систематизации организационно-технических мер противодействия кибертерроризму в отношении предприятий и организаций путем уточнения их классификации.*

Целью *является характеристика возможностей применения системы организационно-технических мер в целях противодействия киберпреступлениям террористического характера на территории Российской Федерации.*

Задачи: *изучить актуальность, виды и структуру организационно-технических мер противодействия киберпреступлениям террористического характера, направленным против предприятий и организаций, провести их классификацию в зависимости от периодичности применения.*

Методология. *Методологическую базу исследования составляют общенаучные и частнонаучные методы познания действительности, позволяющие исследовать содержание организационно-технических мер противодействия кибертерроризму. Применены методы анализа и синтеза, логического, системного анализа в исследовании.*

Результаты*. В ходе исследования раскрыто содержание организационно-технических мер противодействия кибертерроризму в отношении предприятий и организаций, проведена их классификация в зависимости от периодичности их проведения.*

Выводы. *В противодействии кибертерроризму в отношении предприятий и организаций большое значение имеет периодичность их применения. Оптимальная классификация основных видов организационных и технических мер противодействия киберпреступлениям связана с выделением четырех групп организационно-технических мер, обеспечивающих непрерывность противодействия угрозам.*

Ключевые слова*: киберпреступность; кибертерроризм; организационно-технические меры; противодействие кибертерроризму.*

Конфликт интересов*: Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Для цитирования: Унукович А. С., Цвилий А. В. Классификация организационно-технических мер противодействия кибертерроризму в отношении предприятий и организаций // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2022. Т. 12, № 6. С. 143–154. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-6-143-154.

Поступила в редакцию 11.10.2022 Принята к публикации 17.11.2022 Опубликована 16.12.2022

© Унукович А. С., Цвилий А. В., 2022

Classification of Organizational and Technical Measures to Counteract Cyberterrorism in Relation to Enterprises and Organizations

Anton S. Unukovich[1] ✉, Alexander V. Tsviliy[2]

[1]Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia
7 Komarova Ave., Omsk 644092, Russian Federation

Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
128 Yaroslavskaya Str., Krasnodar 350005, Russian Federation

✉ e-mail: unukovich94@mail.ru

Abstract

Relevance. *Cyberterrorism is dangerous by its actions in all directions, however, one of the desired and priority targets for cybercriminals is precisely enterprises and organizations with large human, financial and other resources. To achieve their criminal goals in this direction, cybercriminals use the full power of modern digital scientific and technological achievements. It is relevant to study the current state of the practice of systematizing organizational and technical measures to counter cyber-terrorism against enterprises and organizations in order to further improve them, in particular, by clarifying their classification.*

The purpose *is to characterize the possibilities of applying a system of organizational and technical measures to counter terrorist cybercrimes on the territory of the Russian Federation.*

Objectives: *study the relevance, types and structure of organizational and technical measures to counter cybercrimes of a terrorist nature directed against enterprises and organizations, classify them depending on the frequency of application.*

Methodology. *The methodological base of the research is made up of general scientific and particular scientific methods of cognition of reality, which make it possible to investigate the content of organizational and technical measures to counteract cyberterrorism. Methods of analysis and synthesis, logical, system analysis were applied in the study.*

Results. *In the course of the study, the content of organizational and technical measures to counteract cyberterrorism in relation to enterprises and organizations was revealed, and their classification was carried out depending on the frequency of their implementation.*

Conclusions. *In countering cyberterrorism against enterprises and organizations, not only the content of the organizational and technical measures to counter cyberterrorism against enterprises and organizations, but also the frequency of their application is of great importance. The optimal classification of the main types of organizational and technical measures to counter cybercrimes of a terrorist nature in relation to enterprises and organizations, depending on the time of their application, is associated with the allocation of four groups of organizational and technical measures that ensure the continuity of countering threats.*

Keywords: *cybercrime; cyberterrorism; counteraction to crime; organizational and technical measures; counteraction to cyberterrorism.*

Conflict of interest: *The Authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Unukovich A. S., Tsviliy A. V. Classification of Organizational and Technical Measures to Counteract Cyberterrorism in Relation to Enterprises and Organizations. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2022; 12(6): 143–154. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-6-143-154.

Received 11.10.2022 Accepted 17.11.2022 Published 16.12.2022

***

Введение

В современный момент преступность в сфере информационно-телекоммуникационного пространства является одной из основных опасностей как для Российской

Федерации, так и для всего мира[1]. В отличие от многих других видов преступности киберпреступность в настоящее время является наиболее быстрорастущим сегментом, что связано с увеличением численности пользователей гаджетов, подключенных к информационно-телекоммуникационным сетям, как физических лиц, так и предприятий, постоянным повышением уровня профессионализма киберпреступников, устойчивым развитием и совершенствованием информационных технологий. При этом многие отмечают, что любые информационные и технические новации значительно расширяют сферу киберпреступности и создают условия для повышения эффективности хакерских атак [1, с. 334; 2, с. 32].

В связи с доступностью, высоким уровнем обеспечения анонимности, широким охватом аудитории многие преступления, совершение которых в физическом мире затруднено, стали возможными в информационно-телекоммуникационном пространстве [3, с. 309; 4, с. 2; 5, с. 222]. Прежде всего, это касается предприятий и организаций. Вред, который трудно было напрямую причинить им путем физического воздействия, стало возможным легко реализовать путем действий в информационном пространстве.

Учитывая технологическую сущность таких посягательств, противодействовать терроризму, совершаемому в отношении предприятий и организаций с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, необходимо, в первую очередь, посредством совершенствования содержания и практики применения организационных и технических превентивных мер.

Значимость борьбы с кибертерроризмом сложно недооценить в реалиях современного общества. Актуальность данной проблемы остается высокой, что подтверждается в научных работах Г. П. Афонькина, Д. Б. Басировой, И. Р. Бегишева, И. И. Бикеева, Ю. М. Батурина, Р. Ф. Галяутдинова, А. В. Долбилова, Р. Ф. Галяутдинова, И. А. Гревцева, Э. Ф. Исмаилова, И. С. Клименко, А. А. Коновалова, Ю. А. Кузьмина, Ч. Ш. Купировой, Е. В. Левченко В. В. Лядского, И. В. Манаховой, В. В. Номоконова, Г. В. Плехановой, Е. О. Савченко, А. А. Сидоренко, Е. В. Смирнова, Д. В. Чемерчева, А. С. Черепашкина, Т. Н. Шарыповой.

Методология

В основе научного исследования лежит диалектический метод познания. Также использован общенаучный метод анализа, который позволил провести классификацию видов организационно-технических мер противодействия кибертерроризму в отношении предприятий и организаций. В процессе работы над исследованием также использовались иные методы теоретического исследования (синтез, индукция и дедукция, мысленное моделирование).

Результаты и их обсуждение

В конце XX в. киберпреступники действовали в одиночку, стараясь оставаться в тени от всех, в том числе и от своих «коллег», совершая незначительные по масштабам киберпреступления. В настоящее же время отличительной чертой киберпреступности является объединение злоумышленников в группы для совершения крупных кибератак как на частных лиц, так и для совершения преступлений террористической направленности на предприятия и организации, включая объекты критической информационной инфраструктуры государств [6, с. 237; 7, с. 64; 8, с. 979].

[1] О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации: федер. закон от 26 июля 2017 г. № 187-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_220885/; О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/ (дата обращения: 04.09.2022).

Одним из самых известных примеров кибертерроризма является кибератака на ядерный завод в Иране. Так, в 2010 г. злоумышленники внедрили в компьютерную сеть завода вирус “Stuxnett”, который был создан для причинения реального физического ущерба. Вирус, взяв под контроль ядерные центрифуги, постоянно менял скорость их вращения, тем самым заставляя центрифуги работать в критическом режиме. Также вирус хорошо маскировался в компьютерной сети ядерного завода, в связи с чем операторы, отвечающие за стабильность работы центрифуг, не знали об их критичном состоянии. В результате кибератаки 1368 из имевшихся 1700 центрифуг были сломаны без возможности восстановления[1].

Одной из самых масштабных и успешных кибератак современности принято считать террористический акт, совершенный в отношении Венесуэлы 7 марта 2019 г. В результате атаки 22 из 23 штатов страны остались без электричества. Причиной блэкаута стала диверсия на крупнейшей в стране ГЭС «Гури». Отмечается, что главной целью кибертеррористов являлись объекты критической инфраструктуры страны – в первую очередь медицинские заведения с целью привести в неисправное состояние аппараты жизнеобеспечения, требующие бесперебойной подачи электричества. В результате данного кибертеррористического акта стране был причинен колоссальный материальный ущерб, более 200 человек погибли[2].

Примером может послужить и недавняя кибератака на Литву, которая состоялась 28 июня 2022 г. В результате кибератаки на несколько дней перестали функционировать: литовский аналог «Госуслуг», аэропорты Вильнюса, Каунаса и Паланги, Центральный государственный архив, Высший административный суд Литвы, Государственная налоговая инспекция, сейм и правительство страны, система электронного декларирования, крупная сеть АЗС Baltic Petroleum, местный телеком-гигант Telia Lietuva и ряд компаний поменьше[3].

Также 5 октября 2022 г. хакерская группировка “Killnet” осуществила атаку на правительственные сайты ряда штатов США. Были атакованы официальные ресурсы 12 штатов[4].

Следует отметить, что целью кибертерроризма являются объекты критической инфраструктуры Российской Федерации. Статистические данные, представленные Лабораторией Касперского, указывают, что Россия в 2022 г. находится на втором месте по числу кибератак, в период с 01.01.2022 по 01.10.2022 на территории Российской Федерации было выявлено более 163 миллиардов преступных посягательств данного вида. При этом более 21 млн кибератак приходятся на объекты критической инфраструктуры[5].

Рассматривая аспекты обеспечения безопасности объектов критической информационной инфраструктуры, следует сказать, что совершение кибертеррористического акта возможно посредством технических и антропогенных угроз [9].

[1] Вирус страшнее бомбы. Как хакеры уничтожили ядерный завод в Иране. URL: https://life.ru/p/1047800 (дата обращения: 10.09.2022)

[2] Причина блэкаута в Венесуэле — кибератака на ГЭС «Эль-Гури» // BFM.RU. 2019. 9 марта. URL: https://www.bfm.ru/news/408878 (дата обращения: 10.09.2022)

[3] Хакеры атаковали учреждения Литвы после запрета транзита в Калининград // РБК. 2022. 27 июня. URL: https://www.rbc.ru/ society/27/06/2022/62b9a4749a79472b56cc5d85 (дата обращения: 10.09.2022)

[4] Российская хакерская группировка Killnet обрушила правительственные сайты ряда штатов США // lenta.ru. URL: https://lenta.ru/news/2022/10/05/killnet/ (дата обращения: 10.09.2022)

[5] Интерактивная карта киберугроз. URL: https://cybermap.kaspersky.com/ru/stats#country=213&type=OAS&period=w (дата обращения: 10.09.2022).

Технические угрозы представляют собой опасность, напрямую зависящую от свойств техники, используемой на предприятии, а антропогенные угрозы могут исходить как от внешних злоумышленников, так и от внутренних, к примеру, от нелояльных или уволенных сотрудников, которые случайно или специально ставят под угрозу целостность информационной безопасности предприятия и его нормального функционирования. Внешние угрозы исходят в первую очередь от хакеров, которые действуют самостоятельно или целенаправленно по чьему-либо заказу [10, с. 224].

Однако руководство большинства предприятий не подозревает о том, что злоумышленники и сотрудники, работающие непосредственно на самом предприятии, представляют наибольшую угрозу в связи с тем, что изначально имеют гораздо больший доступ к информации, чем те, кто не является сотрудником компании [11, с. 217; 12, с. 11]. В качестве примера можно привести опасность действий нерадивого системного администратора объекта критической информационной инфраструктуры, который своевременно не устранил обнаруженные уязвимости в защите информационной безопасности, или сотрудника, который не предпринял меры предусмотрительности на рабочем месте и посредством USB-устройства «заразил» свой рабочий компьютер и компьютерную сеть организации вредоносным кодом, тем самым предоставив кибертеррористу доступ к управлению системой. В любом случае можно говорить о том, что какой бы совершенной ни была техническая составляющая защиты информационной безопасности, только комплекс организационных и технических мер способен обеспечить целостность защиты информации, иначе говоря, снизить риски для нарушения конфиденциальности, целостности, доступности информации и стабильной деятельности объекта критической информационной инфраструктуры.

В целом такие организационные меры являются достаточно продуктивными, имеют большую вариативность и обходятся предприятию значительно дешевле в сравнении с техническими. К примеру, для предотвращения атак на рабочие места сотрудников можно отключить подключение к сети Интернет на данных компьютерах (если, конечно, данная мера не парализует деятельность предприятия). В некоторых режимных предприятиях достаточно действенной мерой противодействия киберугрозам будет создание локального нормативного акта, запрещающего использовать сотрудникам мобильные и иные устройства, имеющие функцию подключения к глобальной сети, а для сотовых звонков разрешить использование мобильных телефонов первого и второго поколения, пейджеров и т.д. [13, с. 169; 14, с. 17]

Учитывая свойство киберугроз постоянно воздействовать на безопасность предприятия, предприятия и организации должны непрерывно предпринимать усилия для их нейтрализации, однако постоянное реагирование не всегда возможно в силу ряда объективных и субъективных причин, поэтому актуальным является правильное дифференцирование организационно-технических мер по времени их воздействия. В зависимости от этого организационные и технические меры противодействия кибертерроризму можно разделить на следующие категории:

1) разовые мероприятия, которые проводятся единовременно, одномоментно и повторяются исключительно в случае полного пересмотра принятых решений;

2) окказиональные, т. е. те, которые выполняются по необходимости, проводимые при реализации или появлении конкретных изменений в защищаемой компьютерной сети или внешней среде;

3) периодические мероприятия, которые проводятся через какой-либо промежуток времени;

4) регулярные мероприятия, которые проводятся непрерывно.

Разовые мероприятия играют важную роль при противодействии кибертерроризму, к ним можно отнести такие мероприятия, как:

− действия, направленные на создание научно-технических и методологических основ информационной безопасности организации;

− мероприятия, выполняемые на стадии проектирования, формирования и оборудования организации. В ходе указанных мероприятий исключаются вероятные возможности доступа в помещения третьим лицам, скрытная установка в задании прослушивающих устройств, устройств перехвата сигнала, устройств удаленного доступа и т. д.;

− мероприятия, направленные на проектирование, подготовку и ввод в эксплуатацию технических средств и программного обеспечения, установленного на них. Ряд предприятий не придает данному моменту особого значения, устанавливая на технические средства «пиратские» операционные системы, дешевые и неэффективные антивирусные программы, что может иметь негативные последствия при кибератаке;

− проведение специальных проверок всех используемых в компьютерной сети электронно-вычислительных машин, анализ полученных результатов и последующее устроение уязвимостей утечки информации по каналам побочных электромагнитных излучений и наводок;

− создание и утверждение прав и обязанностей всех лиц, работающих в организации, а также предупреждение указанных лиц о средствах защиты, установленных на ЭВМ организации, предупреждение об ответственности за утечку конфиденциальной информации и т. д.;

− переработка и исправление всех организационно-распорядительных документов (к примеру, положений о подразделениях, функциональных обязанностей должностных лиц, инструкций пользователей системы и т. д.) по вопросам обеспечения безопасности программно-информационных ресурсов компьютерных сетей и действиям в случае возникновения кризисных ситуаций [15, с. 266];

− установление порядка назначения, изменения, утверждения и предоставления определенным уполномоченным сотрудникам необходимых прав и обязанностей по доступу к ресурсам компьютерной сети;

− установление порядка управления и доступа к ресурсам компьютерной сети, т. е. определение реестра функций, которые выполняются работниками предприятия при использовании компьютерной сети, а также формирование перечня конфиденциальной информации, содержащейся в компьютерной сети организации. Кроме того, меры по обеспечению информационной безопасности на всех уровнях защищенности сети предприятия от неправомерного доступа к охраняемой законом компьютерной информации, выяснение незащищенных мест компьютерной сети организации;

− определение вида и способа использования различных съемных носителей информации, используемых на предприятии для обработки, передачи и хранения охраняемой законом информации;

− установление порядка использования, учета, хранения и уничтожения документов и съемных магнитных носителей, в которых содержится конфиденциальная информация;

− установление порядка проектирования, разработки, отладки, модификации, приобретения, специального исследования, приема в эксплуатацию, хранения и контроля целостности программных продуктов, а также порядка обновления версий используемых и установки новых системных и прикладных программ на рабочих местах защищенной системы (кто обладает правом разрешения таких действий, кто осуществляет,

кто контролирует и что при этом они должны делать) [16, с. 172];

− создание отделов, задачей которых будет являться обеспечение стабильной эксплуатации информационно-телекоммуникационных технологий, используемых в работе организации, установка, обновление и устранение уязвимостей программного обеспечения и т. д.

К мероприятиям, выполняемым по необходимости, можно отнести следующие:

− осуществление изменений в компьютерной системе предприятия при кадровых изменениях в составе персонала системы. Речь ведется об ограничении пользователя при его отсутствии на рабочем месте (командировка, больничный и т. д.), увольнении сотрудника из предприятия с последующим лишением его права доступа к компьютерной системе, повышении или понижении сотрудника в должности, что позволяет делегировать ему новые полномочия или, наоборот, отнять у него часть полномочий, предоставленных ему на прежней должности, в компьютерной системе;

− осуществление надзора за профилактическими и «ремонтными» мероприятиями, проводимыми с компьютерной системой предприятия (строгое санкционирование, рассмотрение и утверждение всех изменений, проверка их на удовлетворение требованиям защиты, документальное отражение изменений и т. д.) [17, с. 53].

К периодическим мероприятиям, которые проводятся через какой-либо промежуток времени, можно отнести:

− распределение между персоналом, в зависимости от прав и обязанностей конкретно взятого сотрудника, а также его занимаемой должности, реквизитов разграничения доступа (пароли, средства криптографии, электронные подписи и т. д.);

− изучение и оценку системных журналов, регистрирующих потенциально нежелательную, нежелательную или незаконную деятельность сотрудников предприятия, а также принятие мер для устранения данных факторов;

− пересмотр правил разграничения доступа пользователей к информации на предприятии;

− периодическое привлечение сторонних специалистов, которые осуществляют проверку, анализ и сбор сведений о степени защищенности предприятия от кибератак, степени защищенности организации от утечки конфиденциальной информации за счет внутренних угроз, анализ и оценку применяемых средств технической защиты. В последующем, после проведения данных действий, необходимо принять меры по устранению уязвимостей и совершенствованию системы защиты, основываясь на оценке сторонних специалистов [18, с. 48];

− самостоятельную оценку средств технической защиты предприятия, основываясь на требованиях законодательства, и государственных и международных стандартов, предъявляемых для организаций, работающих с конфиденциальной информацией.

К регулярным мероприятиям можно отнести следующее:

− поддержание требуемого уровня физической защиты всех элементов компьютерной системы. Речь ведется о противопожарной охране, охране помещения организации, пропускном режиме, обеспечении сохранности и физической целостности средств вычислительной техники, носителей информации и т. д.;

− явный и скрытый контроль за работой персонала системы;

− контроль за реализацией выбранных мер защиты в процессе проектирования, разработки, ввода в строй и функционирования автоматизированных систем;

− проведение с сотрудниками предприятия семинарских занятий по вопросам обеспечения информационной безопасности и ее конфиденциальности. Кроме того, на данных семинарах необходимо доводить до сотрудников инфор-

мацию о существующих и новых способах и методах совершения кибератак [19, с. 48]. К примеру, ряд кибератак на предприятия требует ответных действий от потенциальной жертвы, например, открытия сотрудником на рабочем компьютере фишинговых писем, перехода по вредоносным ссылкам или вложениям, которые в дальнейшем активируют макрос или исполняемый файл, после чего появится возможность работы с компьютером посредством удаленного доступа.

Следует отметить, что организационные и технические меры напрямую соотносятся с требованиями законодательства [20, с. 12]. К примеру, при осуществлении проекта по защите предприятия от кибертерроризма необходимо создать локальные нормативные акты и распорядительные документы, проводить семинары и брифинги исходя из информации и требований, представленных в Федеральном законе от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных»[1], постановлении Правительства РФ от 1 ноября 2012 г. № 1119[2], − для определения требований по защите персональных данных, приказе ФСТЭК России от 18 февраля 2013 г. № 21[3] − для выбора наиболее оптимальных организационных и технических мер защиты от кибертерроризма.

Также следует учитывать, что организации имеют различные сферы деятельности и располагают конфиденциальной информацией различного уровня. Например, сферой деятельности одних организаций является здравоохранение, а других — военная отрасль.

В связи с этим полагаем необходимым разграничение организаций по сферам их деятельности, в соответствии с которым должны быть предложены индивидуальные организационно-технические меры предупреждения ИТ-преступлений для каждой из них. Наиболее значимые сферы деятельности предприятий и организаций: 1) сфера критической инфраструктуры; 2) военная и правоохранительная сферы; 3) сфера обеспечения ИТ-безопасности; 4) банковская сфера; 5) сфера частного бизнеса.

При этом организации и предприятия сами могут выбрать совокупность организационно-технических мер предупреждения ИТ-преступлений в зависимости от сферы деятельности и степени конфиденциальной информации, которой они располагают.

Выводы

Подводя итог, следует сказать, что принятые решения о спектре определенных методов информационной безопасности перерастают в конкретную политику защиты информации и систему, состоящую из организационных и технических мер безопасности, которая является общей политикой и системой информационной безопасности всего объекта.

Предложенные организационные и технические меры противодействия преступлениям террористической направленности, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, помогут предприятиям успешнее противодействовать уголовно наказуемым деяниям данной категории.

В условиях стремительного роста киберугроз в Российской Федерации борьба с кибертерроризмом в отношении

[1] О персональных данных: федер. закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 31, ч. 1, ст. 3451.

[2] Об утверждении требований к защите персональных данных при их обработке в информационных системах персональных данных: постановление Правительства РФ от 1 нояб. 2012 г. № 1119 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. № 45, ст. 6257.

[3] Об утверждении Состава и содержания организационных и технических мер по обеспечению безопасности персональных данных при их обработке в информационных системах персональных данных: приказ ФСТЭК России от 18 февр. 2013 г. № 21 // Российская газета. 2013. 22 мая.

предприятий и организаций является одной из приоритетных задач не только ее правоохранительных органов, но и самих предприятий и организаций. Эффективность данной деятельности напрямую зависит от повышения потенциала использования в этих целях организационно-технических мер. При планировании противодействия киберпреступлениям, совершаемым в отношении предприятий и организаций, необходимо учитывать возможности комплекса мер организационно-технических мер, классифицированных по периодичности их применения.

Список литературы

1. Киберпреступность как угроза экономической безопасности / Д. Б. Басирова, В. Р. Даутова, Г. В. Ильясова, А. В. Старцева // Аллея науки. 2020. Т. 1, № 3 (42). С. 333−337.

2. Бегишев И. Р., Бикеев И. И. Преступления в сфере обращения цифровой информации: монография. Казань: Познание, 2020. 300 с.

3. Галяутдинов Р. Ф. Киберпреступность в России // Актуальные проблемы государства и общества в области обеспечения прав и свобод человека и гражданина. 2021. № 1. С. 308−315.

4. Коновалов А. А., Наумов С. А., Колесникова Д. Д. Киберпреступность как глобальная угроза экономической безопасности: виды, особенности, проблемы воздействия // Ростовский научный журнал. 2018. № 1. С. 20−27.

5. Лядский В. В. Преступления в сфере компьютерной информации // Электронный вестник Ростовского социально-экономического института. 2019. Т. 1, № 3. С. 220–228.

6. Долбилов А. В. Противодействие киберпреступности как угрозе экономической безопасности государства // Форум. Серия: Гуманитарные и экономические науки. 2021. № 2 (22). С. 236−239.

7. Черепашкин А. С. Противодействие киберпреступности в России: уголовно-правовые и криминологические аспекты // Вестник Уральского института экономики, управления и права. 2021. № 3 (56). С. 63−66.

8. Шарыпова Т. Н., Сидоренко А. А. Киберпреступность в XXI веке // Аллея науки. 2019. Т. 2, № 1 (28). С. 978−981.

9. Евдокимов К. Н. Структура и состояние компьютерной преступности в Российской Федерации // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2016. № 2. С. 87−93.

10. Александрина Н. М. Виктимологическая характеристика компьютерных преступлений, совершенных в отношении юридических лиц // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2019. № 2. С. 223−227.

11. Исмаилов Э. Ф. Киберпреступления в банковской сфере // Моя профессиональная карьера. 2019. Т. 1, № 6. С. 216–237.

12. Гревцев И. А. Три принципа кибернетической безопасности для малого бизнеса // Современные научные исследования и инновации. 2017. № 10. С. 10−16.

13. Савченко Е. О. Информационная база обеспечения экономической безопасности предприятия // Вестник Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова. 2017. № 5. С. 167–174.

14. Манахова И. В., Левченко Е. В. Обеспечение экономической безопасности компании в условиях цифровизации экономики // Известия Саратовского университета. Серия Экономика. Управление. Право. 2020. № 1. С. 16–21.

15. Пархоменко С. В., Евдокимов К. Н. Предупреждение компьютерной преступности в Российской Федерации: интегративный и комплексные подходы // Всероссийский криминологический журнал. 2015. Т. 9, № 2. С. 265–276.

16. Илясова К. А. Юридические лица как жертвы преступлений: постановка проблемы // Актуальные проблемы экономики и права. 2014. № 3. С. 171−175.

17. Глотина И. М. Киберпреступность как теневой бизнес // Вестник Челябинского государственного университета. 2016. № 6. С. 51–57.

18. Номоконов В. В., Тропина Т. Л. Киберпреступность как новая криминальная угроза // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2012. № 1. С. 45−55.

19. Немов М. В. Киберпреступность как новая криминальная угроза // Эпоха науки. 2017. № 9. С. 47−51.

20. Афонькин Г. П., Смирнов Е. В., Чемерчев Д. В. Основы противодействия преступлениям, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных технологий // Полицейский вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. 2021. № 1. С. 10–17.

References

1. Basirova D. B., Dautova V. R., Il'yasova G. V., Starceva A. V. Kiberprestupnost' kak ugroza ekonomicheskoj bezopasnosti [Cybercrime as a threat to economic security]. *Alleya nauki = Alley of Science*, 2020, vol. 1, no. 3 (42), pp. 333−337.

2. Begishev I. R., Bikeev I. I. Prestupleniya v sfere obrashcheniya cifrovoj informacii [Crimes in the sphere of digital information circulation]. Kazan', Poznanie Publ., 2020. 300 p.

3. Galyautdinov R. F. Kiberprestupnost' v Rossii [Cybercrime in Russia]. *Aktual'nye problemy gosudarstva i obshchestva v oblasti obespecheniya prav i svobod cheloveka i grazhdanina = Actual problems of the state and society in the field of ensuring human and civil rights and freedoms*, 2021, no. 1, pp. 308−315.

4. Konovalov A. A., Naumov S. A., Kolesnikova D. D. Kiberprestupnost' kak global'naya ugroza ekonomicheskoj bezopasnosti: vidy, osobennosti, problemy vozdejstviya [Cybercrime as a global threat to economic security: types, features, impact problems]. *Rostovskij nauchnyj zhurnal = Rostov Scientific Journal*, 2018, no. 1, pp. 20−27.

5. Lyadskij V. V. Prestupleniya v sfere komp'yuternoj informacii [Crimes in the field of computer information]. *Elektronnyj vestnik Rostovskogo social'no-ekonomicheskogo instituta = Electronic bulletin of the Rostov Socio-Economic Institute*, 2019, vol. 1, no. 3, pp. 220–228.

6. Dolbilov A. V. Protivodejstvie kiberprestupnosti kak ugroze ekonomicheskoj bezopasnosti gosudarstva [Countering cybercrime as a threat to the economic security of the state]. *Forum. Seriya: Gumanitarnye i ekonomicheskie nauki = Forum. Series: Humanities and Economic Sciences*, 2021, no. 2 (22), pp. 236−239.

7. Cherepashkin A. S. Protivodejstvie kiberprestupnosti v Rossii: ugolovno-pravovye i kriminologicheskie aspekty [Countering cybercrime in Russia: criminal law and criminological

aspects]. *Vestnik Ural'skogo instituta ekonomiki, upravleniya i prava = Bulletin of the Ural Institute of Economics, Management and Law*, 2021, no. 3 (56), pp. 63−66.

8. Sharypova T. N., Sidorenko A. A. Kiberprestupnost' v XXI veke [Cybercrime in the XXI century]. *Alleya nauki = Alley of Science,* 2019, vol. 2, no. 1 (28), pp. 978−981.

9. Evdokimov K. N. Struktura i sostoyanie komp'yuternoj prestupnosti v Rossijskoj Federacii [Structure and state of computer crime in the Russian Federation]. *Yuridicheskaya nauka i pravoohranitel'naya praktika = Legal science and law enforcement practice*, 2016, no. 2, pp. 87−93.

10. Aleksandrina N. M. Viktimologicheskaya harakteristika komp'yuternyh prestuplenij, sovershennyh v otnoshenii yuridicheskih lic [Victimological characteristics of computer crimes committed against legal entities]. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii = Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2019, no. 2, pp. 223−227.

11. Ismailov E. F. Kiberprestupleniya v bankovskoj sfere [Cybercrimes in the banking sector]. *Moya professional'naya kar'era = My professional career*, 2019, vol. 1, no. 6, pp. 216–237.

12. Grevcev I. A. Tri principa kiberneticheskoj bezopasnosti dlya malogo biznesa [Three principles of cybernetic security for small business]. *Sovremennye nauchnye issledovaniya i innovacii = Modern scientific research and innovation*, 2017, no. 10, pp. 10−16.

13. Savchenko E. O. Informacionnaya baza obespecheniya ekonomiche-skoj bezopasnosti predpriyatiya [Information base for ensuring the economic security of the enterprise]. *Vestnik Rossijskogo ekonomicheskogo universiteta imeni G. V. Plekhanova = Bulletin of the Plekhanov Russian University of Economics*, 2017, no. 5, pp. 167–174.

14. Manahova I. V., Levchenko E. V. Obespechenie ekonomicheskoj bezopasnosti kompanii v usloviyah cifrovizacii ekonomiki [Ensuring the economic security of the company in the conditions of digitalization of the economy]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Upravlenie. Pravo = Bulletin of the Saratov University. Series: Economics. Control. Right,* 2020, no. 1, pp. 16–21.

15. Parhomenko S. V., Evdokimov K. N. Preduprezhdenie komp'yuternoj prestupnosti v Rossijskoj Federacii: integrativnyj i kompleksnye podhody [Prevention of computer crime in the Russian Federation: integrative and complex approaches]. *Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal = All-Russian Journal of Criminology*, 2015, vol. 9, no. 2, pp. 265–276.

16. Ilyasova K. A. Yuridicheskie lica kak zhertvy prestuplenij: postanovka problemy [Legal entities as victims of crimes: problem statement]. *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava = Actual problems of economics and law*, 2014, no. 3, pp. 171−175.

17. Glotina I. M. Kiberprestupnost' kak tenevoj biznes [Cybercrime as a shadow business]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Chelyabinsk State University*, 2016, no. 6, pp. 51–57.

18. Nomokonov V. V., Tropina T. L. Kiberprestupnost' kak novaya kriminal'naya ugroza [Cybercrime as a new criminal threat]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra = Criminology: yesterday, today, tomorrow*, 2012, no. 1, pp. 45−55.

19. Nemov M. V. Kiberprestupnost' kak novaya kriminal'naya ugroza [Cybercrime as a new criminal threat]. *Epoha nauki = Epoch of Science*, 2017, no. 9, pp. 47−51.

20. Afon'kin G. P., Smirnov E. V., Chemerchev D. V. Osnovy protivodejstviya prestupleniyam, sovershaemym s ispol'zovaniem informacionno-telekommunikacionnyh tekhnologij

[Fundamentals of countering crimes committed using information and telecommunication technologies]. *Policejskij vestnik Vserossijskogo instituta povysheniya kvalifikacii sotrudnikov Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii = Police Bulletin of the All-Russian Institute for Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation*, 2021, no. 1, pp. 10–17.

Информация об авторах / Information about the Authors

Унукович Антон Станиславович, преподаватель кафедры криминологии и профилактики преступлений, Омская академия МВД России, г. Омск, Российская Федерация,
e-mail: unukovich94@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-3944-8211

Anton S. Unukovich, Lecturer of the Department of Criminology and Crime Prevention, Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Omsk, Russian Federation,
e-mail: unukovich94@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-3944-8211

Цвилий Александр Владимирович, старший преподаватель кафедры деятельности органов внутренних дел, Краснодарский университет МВД России, г. Краснодар, Российская Федерация,
e-mail: tsvilii_av@mail.ru,
ORCID: 0000-0003-4713-0788

Alexander V. Tsviliy, Senior Lecturer of the Department of Internal Affairs, Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnodar, Russian Federation,
e-mail: tsvilii_av@mail.ru,
ORCID: 0000-0003-4713-0788

Оригинальная статья / Original article

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-6-155-164

CC BY 4.0

Общая характеристика сирийского Закона об охране исторических памятников

Закер Манаф[1] ✉

[1]Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: manafsaker2020@gmail.com

Резюме

Актуальность. *Одной из важнейших задач государства на современном этапе развития является сохранение общепризнанных достижений культурной и исторической жизнедеятельности наших предков. Уважение к своему прошлому имеет особое значение для формирования национальной этнокультурной идентичности. Сирийское законодательство имеет уникальный в данной части характер, где одновременно к виновному может быть применена уголовно-правовая норма и норма Закона об охране исторических памятников. Несмотря на то, что Закон об охране исторических памятников является составной частью уголовного законодательства, он определяет права, обязанности как физических, так и юридических лиц, указывает полномочия государственных органов, то есть выполняет не только охранительную, но и регулятивную функцию. Непрекращающийся вооруженный конфликт в Сирии, когда разрушаются памятники истории, подчеркивает остроту исследования охранительного законодательства.*

Целью *данного исследования является углубленная характеристика Закона об охране памятников культурного и исторического наследия и разработка теоретических положений и рекомендаций по совершенствованию законодательства об охране и защите памятников культурного и исторического наследия.*

Задачи. *Указанные цели обусловили постановку и решение следующих задач: представить понятие и виды объектов культурно-исторического наследия; определить особенности правового регулирования порядка сохранения памятников старины; определить проблемы и предложить пути их решения в области регламентации охранительного законодательства Сирии объектов культурного наследия.*

Методология. *В процессе исследования использовались методы: аналитический, формально-юридический, абстрагирования, позволившие сформулировать основные выводы.*

Результаты. *Сформулированы предложения, которые могут оказаться полезными при разработке Закона «О памятниках старины».*

Вывод. *Данная работа затрагивает такие вопросы, как определение памятников старины, их виды, положения о праве собственности и некоторых правовых норм, в соответствии с которыми эти памятники охраняются, а также о видах преступлений, совершаемых против объектов культурного наследия.*

Ключевые слова: *памятники старины; археологическое учреждение; недвижимые объекты; объект культурного наследия; собственность государства.*

Конфликт интересов*: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Для цитирования: Закер Манаф. Общая характеристика сирийского Закона об охране исторических памятников // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2022. Т. 12, № 6. С. 155–164. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-6-155-164.

Поступила в редакцию 18.10.2022 Принята к публикации 15.11.2022 Опубликована 16.12.2022

© Закер Манаф, 2022

General Characteristics of the Syrian Antiquities Protection Law

Manaf Saker[1] ✉

[1]Southwest State University
50 Let Oktyabrya Str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: manafsaker2020@gmail.com

Abstract

Relevance. *One of the most important tasks of the state at the present stage of development is to preserve the universally recognized achievements of the cultural and historical life of our ancestors. Respect for one's past is of particular importance for the formation of a national ethno-cultural identity. The Syrian legislation has a unique character in this part, where at the same time a criminal law norm and a norm of the Law on the Protection of Historical Monuments can be applied to the perpetrator. Despite the fact that the Law on the Protection of Historical Monuments is an integral part of criminal legislation, it defines the rights and obligations of both individuals and legal entities, specifies the powers of state bodies, i.e. performs not only a protective, but also a regulatory function. The ongoing armed conflict in Syria, when historical monuments are being destroyed, underlines the urgency of the study of protective legislation.*

The purpose *of this study is an in-depth characterization of the law on the protection of cultural and historical heritage monuments, the development of theoretical provisions and recommendations for improving the legislation of the protection law and protection of cultural and historical heritage monuments.*

Objectives. *These goals lead to the formulation and solution of the following tasks: to present the concept and types of objects of cultural and historical heritage; to determine the specifics of the legal regulation of the order of preservation of ancient monuments; to identify problems and propose ways to solve them in the field of regulation of the protective legislation of Syria of cultural heritage objects.*

Methodology. *In the course of the study, the subsequent methods were used: analytical, formal-legal, and abstraction methods, which make it possible to formulate the main conclusions.*

Results. *Proposals have been formulated that may be useful in the development of the Law on Antiquities.*

Conclusion. *The present study tackles issues such as the definition of ancient monuments, their types, the provisions on the right of ownership and some legal norms according to which these monuments are protected, as well as on the types of crimes committed against cultural heritage objects.*

Keywords: *monuments; archaeological institution; immovable objects; object of cultural heritage; state property.*

Conflict of interest: *The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Manaf Saker. General Characteristics of the Syrian Antiquities Protection Law. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2022; 12(6): 155–164. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-6-155-164.

Received 18.10.2022 Accepted 15.11.2022 Published 16.12.2022

***

Введение

Памятники старины – это память и сердце народа, неотъемлемая часть истории, духовного и цивилизационного наследия, важнейшие элементы культурного достояния народа, а также образ, отражающий цивилизацию народов и их прошлое. Древние памятники в Сирии имеют большое значение для всего сирийского народа, и очевидно, что сирийский законодатель заинтересован в защите древностей, т. к. они представляют собой один из базовых элементов человеческой, культурной и государственной цивилизации. Кроме того, территория современной Сирии стала свидетелем нескольких древнейших цивилизаций на Земле, о чем указывают огромные археологические находки, которые датируются более чем восемью тысячами лет до нашей эры.

Уголовная политика фокусируется на оси криминализации и наказания, посредством которой она направлена на обеспечение защиты физических и юридических лиц с целью поиска решения проблемы преступности и методов борьбы с ней.

В действительности, если законодатель проводит правильную и последовательную уголовную политику, то он способен обеспечить защиту общества. Исходя из концепции уголовно-правовой законодательной политики, которая связана с потребностями общества, следует, что законодательная политика должна быть направлена на защиту памятников старины путем криминализации посягательств на них [1, с. 112; 2, с. 25].

Философия криминализации и наказания в современной уголовной мысли распространяется на защиту нравственных ценностей в обществе и сохранение элементов его развития, его цивилизационного наследия, его культурного достояния, поэтому защита объектов культурного наследия осуществляется в том числе и уголовно-правовыми средствами. Стоит отметить, что в исследованиях и научно-исследовательских работах, посвященных предмету археологии, не уделялось должного внимания правовому аспекту. Сирийское уголовное законодательство предприняло ряд важных шагов по защите памятников старины, что было подкреплено изданием Закона «Об объектах культурного наследия» (памятников старины) и поправок к нему.

Методология

Тематике уголовно-правовой охраны культурного наследия в Сирии отчасти посвящены работы С. А. Аль-Абдулла [3], М. С. Мохаммед [4], Х. М. Аль Харкан [5], Махмуд Саид [6], Хамаду Фатима [7] и некоторых других [8–16].

Методологическую базу исследования составили методы: аналитический, формально-юридический, абстрагирования. Аналитический метод позволил очертить границы охраны памятников культурного наследия нормами Уголовного кодекса и нормами Закона об охране исторических памятников[1]. Формально-юридический метод обеспечил возможность создания формализованного инструментария, направленного на правовую оценку классификаций преступной деятельности в изучаемой области. На основе использования метода абстрагирования были сформулированы вывод и рекомендации по дальнейшему совершенствованию охранительного законодательства в сфере защиты объектов культурного наследия.

Результаты и их обсуждение

Сирийское законодательство имеет специальный закон «Об объектах культурного наследия» (далее по тексту – Закон «О памятниках старины»), который считается приложением к Уголовному кодексу и дополняет его в вопросах защиты частных интересов.

Закон «О памятниках старины» относится к специальному уголовному законодательству. Это уголовные тексты, содержащиеся в независимых от Уголовного кодекса законах, в том смысле, что он гарантирует своего рода интересы различных сторон.

Уголовный кодекс Сирии содержит некоторые статьи, касающиеся исторических памятников, в связи с чем возникает следующий вопрос: можно ли применить положения о преступлениях, содержащиеся в Уголовном кодексе, к аналогичным деяниям в Законе «О памятниках старины»?

Здесь можно сказать, что сирийский Закон «О памятниках старины» учитывал существование другого, более строгого законодательного акта, но не отказывался от своего мандата при применении. Скорее, происходило сочетание Закона «О

[1] القانون 1 لعام 1999 تعديل قانون الآثار الصادر بالمرسوم التشريعي رقم 222 لعام 1963 = The Law of Syria "On the Protection of Monuments". URL: http://www.parliament.gov.sy (дата обращения: 22.09.2022).

памятниках старины» с другим законом, который был известен содержанием положений о строгих наказаниях в случае его нарушения.

Об этом гласит статья 61: «…вынесение сурового наказания, предусмотренного в Уголовном кодексе или любом другом законе, в добавление к штрафам, предусмотренным Законом «О памятниках старины». Например, в случае отказа сообщить об обнаружении предмета старины следует наказание, предусмотренное ст. 659 Уголовного кодекса, а также предусмотренное ст. 27 и 35 Закона «О памятниках старины».

Статья 659 Уголовного кодекса Сирии предусматривает наиболее строгое наказание в виде лишения свободы на срок от трех месяцев до двух лет в дополнение к штрафу, т. е. тот, кто воздержится от сообщения о находке исторического памятника, будет судим в соответствии со ст. 659 Уголовного кодекса Сирии и в то же время будет назначен штраф, предусмотренный Законом «О памятниках старины».

Такая ситуация предстает непростой, поэтому важно, чтобы сирийский законодатель либо упразднил тексты, защищающие объекты культурного наследия в Уголовном кодексе, либо включил тексты Закона «О памятниках старины» в специальный раздел Уголовного кодекса, чтобы предотвратить появление противоречий между разрозненными текстами и исключить двойную ответственность виновного.

Сирийский Закон «О памятниках старины» в первой статье определяет объекты как: «Недвижимое и движимое имущество, построенное, изготовленное, произведенное, написанное или нарисованное человеком, возраст которого насчитывает более 200 лет (по григорианскому календарю) или 206 лет (по хиджре)». Также закон предоставляет археологическим учреждениям и сообществам право рассматривать объекты культурного наследия как недвижимое или движимое имущество, относящееся к более поздней эпохе, если они считают, что они имеют историческую, художественную или национальную ценность. Для этого издается специальное министерское постановление.

Из этого следует, что данный законодательный акт охватывает все исторические памятники, возраст которых составляет 200 лет по григорианскому календарю или 206 лет по хиджре[1]. В Сирии повсеместно распространены два вида календаря, григорианский и хиджры.

Необходимо отметить, что под археологическими учреждениями подразумевается Главное управление памятников старины и музеев, которое является научно-исследовательской структурой, базирующейся в Дамаске. Оно напрямую связано с Министерством культуры и отвечает за защиту недвижимых и движимых объектов культурного наследия.

Закон разделяет объекты культурного наследия на два вида: недвижимые и движимые.

1. Недвижимые – это объекты, напрямую связанные с землей, такие как естественные или искусственно созданные пещеры, которые были посвящены нуждам древнего человека, а также скалы, на которых древний человек рисовал или гравировал изображения, надписи или письмена. Кроме того, к этому типу относятся руины городов и построек, погребенных в недрах земли, исторические здания, созданные для разных целей, такие как мечети, церкви, храмы, дворцы, жилые дома, больницы, школы, замки, форты, ограды, стадионы, театры, постоялые дворы, бани, кладбища, искусственные каналы, плотины, руины этих зданий и то, что с ними связано, например, двери, окна, колонны, балконы, лестницы, потолки, алтари и надгробия.

[1] Хиджры календарь – лунный календарь, расчет которого зависит от фаз полнолуния. Год по хиджре составляет 354 дня, что примерно на 11, 12 дней отличается от григорианского года.

2. Движимые – это объекты, созданные человеком, которые не связаны с землей или историческими зданиями и место которых можно изменять (например, скульптуры, монеты, картины, надписи, рукописи, ткани и артефакты, независимо от материала, назначения и использования).

3. Некоторые движимые объекты могут считаться недвижимыми, если они являются частично недвижимыми или их украшениями.

Решение о том, причислять ли объект к движимому или недвижимому типу, принимают компетентные археологические органы (например, скульптура является частью древнего здания).

Что касается критериев, на которые опираются археологические учреждения при принятии решения о причислении того или иного объекта к памятникам старины, то их можно вывести из определения, данного законом: объект должен быть продуктом человека или природы, или того и другого вместе, в дополнение к учету археологического возраста и археологической важности предмета, с материальной или духовной точки зрения.

Следует подчеркнуть, что авторитет археологических властей дает им полное право по своему усмотрению решать археологические или неархеологические вопросы, поэтому для того, чтобы археологическая структура решила, является ли тот или иной объект памятником старины, она должна руководствоваться условиями, указанными исключительно в законе. Иными словами, их компетенция ограничена, а не абсолютна. Согласно Закону «О памятниках старины», археологический орган имеет право определять ценность найденных предметов, однако должен согласовывать свои действия с органом административной судебной власти. Этот надзор носит комплексный и общий характер, поскольку административная судебная власть лишь проверяет правильность представленных фактов и их юридическое описание.

Согласно судебной практике сирийского кассационного суда, «если законодатель уполномочил археологические органы определять ценность предметов или имущества, эта компетенция осуществляется только в рамках закона и после проверки наличия характеристик, присущих памятнику старины. При этом административная судебная власть вправе контролировать наличие или отсутствие правовых условий для обоснованного определения объекта как движимого или недвижимого имущества»[1].

Владение объектами культурного наследия

Сирийский закон «Об объектах культурного наследия» рассматривает все недвижимые, движимые объекты в Сирийской Арабской Республике как общественную собственность государства, за некоторым исключением, приведенным ниже.

1. Недвижимые объекты, владельцы которых подтверждают свое право собственности или распоряжение ими официальными документами.

Примером этого типа объектов являются дома в старой части города Дамаска, которые заселены по сей день. Они считаются зарегистрированными историческими археологическими постройками, которые не принадлежат государству, т. к. остаются в руках своих владельцев и распорядителей. Отмечается, что законодатель сохранил индивидуальную собственность на упомянутые выше объекты культурного наследия, оставшиеся в руках их владельцев, и разрешил им распоряжаться ими в целях, для которых они были установлены. Также законодатель разрешил использовать их в гуманитарных или культурных целях – явление, которое широко распространено в настоящее время. Многие исторические памятники, особенно дамасские дома, пре-

[1] Решение опубликовано на сайте. URL: http://arab-ency.com.sy/law/details/26005 (дата обращения: 04.07.2022).

вратились в картинные галереи и площадки телесъемок, а также площадки для лекций, семинаров и поэтических вечеров.

Владелец недвижимых объектов имеет ряд обязанностей, среди которых можно выделить следующие:

– владелец недвижимых объектов, зарегистрированных в соответствии с положениями Закона «О памятниках старины», не может сносить, перемещать (полностью или частично), восстанавливать, обновлять или изменять их каким-либо образом без предварительной лицензии, полученной у археологических властей, в случае нарушения обязанностей археологические органы восстанавливают историческое здание в том виде, в котором оно было, и нарушитель будет нести расходы за эти работы в дополнение к штрафу, предусмотренному Законом «О памятниках старины»;

– каждое физическое или юридическое лицо, занимающее историческое здание, должно разрешать вход специалистам в данной области для осмотра, изучения, фотографирования и составления чертежей.

2. Движимые объекты, зарегистрированные их владельцами в археологических учреждениях.

Предыдущие законы о памятниках старины разрешали в некоторых случаях владеть движимым имуществом и даже продавать его. Согласно действующему в настоящее время закону, археологические структуры разрешили владельцам тех объектов, которые были куплены в период действия предыдущих законов или были унаследованы ими, владеть ими и хранить их, но с условием, что они должны быть зарегистрированы в соответствующих органах.

3. Движимые объекты, которые археологические учреждения не считают нужным регистрировать.

Если археологические власти посчитают, что объект не представляет собой археологической ценности, они могут его не зарегистрировать, т. е. пренебречь им.

Что касается передачи права собственности на памятники старины, то в сирийском Законе «О памятниках старины» и поправках к нему проводится различие между правом собственности на недвижимое и движимое имущество. В ст. 29 вышеупомянутого закона говорится, что если собственник хочет продать принадлежащий ему объект культурного наследия или хочет заложить его, то он должен указать в договоре, что его имущество находится на учете в Главном управлении памятников старины и музеев, а также проинформировать об этом археологическую структуру в течение трех дней с даты подписания окончательного контракта, не дожидаясь одобрения этих органов, поскольку не существует закона, обязывающего его это делать. Однако если объект, находящийся во владении имущества, является движимым предметом, требуется предварительное одобрение соответствующих органов в соответствии со ст. 34. Согласно данной норме, собственник вправе уступить памятник старины иностранному лицу в случае, если иностранец желает вывезти объект за границу, для чего необходимо получить лицензию. Такие действия представляют опасность для памятников старины, т. к. ведут к их утечке за границу.

Можно сказать, что позиция сирийского законодателя в этом вопросе неясна, т. к. нет никакой пользы в разграничении недвижимого и движимого имущества. Кроме того, закон не содержит каких-либо процедур, ограничивающих распоряжение предметами старины, находящимися в собственности, кроме как получения предварительного согласия соответствующих органов. В добавление к этому достигается баланс между защитой объектов культурного наследия, с одной стороны, и свободой отдельных лиц распоряжаться собственным имуществом, с другой стороны. В то же время

большинство современных законодательных актов по охране памятников старины и других культурных ценностей стремятся ограничить любые действия, затрагивающие право собственности.

Следует также отметить, что археологические органы имеют право экспроприировать любое движимое и недвижимое имущество, находящееся в частной собственности, если государство заинтересовано в их приобретении. Министр культуры принимает решение, основанное на предложении Главного управления памятников старины и музеев, которое может предложить размер компенсации, присуждаемой владельцу объекта. Одним из условий является то, что данная архитектурная структура принимает окончательное решение, если собственник имущества не высказывает возражений в течение 30 дней со дня извещения его о принятом решении. В случае несогласия возражение должно быть передано в компетентный суд первой инстанции, который рассмотрит его безотлагательно, и его решение будет окончательным.

Классификация преступлений в Законе «О памятниках старины»

В целях обеспечения защиты недвижимых и движимых объектов культурного наследия, а также противодействия всем видам преступлений, связанных с ними, законом предусмотрены наказания для всех, кто крадет, перевозит или раскапывает без лицензии, или кто торгует, занимается вандализмом или подделкой исторических ценностей. Наказания также предусмотрены в случаях изменения конструкции археологического памятника или права на ее сервитут, повреждение или восстановление объекта без разрешения, несообщение о найденном объекте или его продажа, обезображивание и отказ регистрировать тот или иной культурный объект.

В законе «О памятниках старины» преступления разделены по нескольким основаниям.

1. Положительные и отрицательные преступления.

Положительным преступлением является такое нарушение, в котором поведение, составляющее его материальный (объективный) элемент, является положительным, т. е. преступник совершает запрещенное законом деяние, такое как кража, убийство, избиение и т. д. Что касается негативных преступлений, то это те преступления, в которых поведение, составляющее материальный (объективный) элемент, является негативным, т. е. воздержание от действия, которое предписывает совершить закон. Тот, кто воздерживается, подлежит наказанию (например, отказ свидетеля от дачи показаний). Различие между положительными и отрицательными преступлениями незначительное с практической точки зрения, за исключением случаев, когда лишь предпринимается попытка совершить правонарушение, вне зависимости от дальнейшего результата.

К положительным преступлениям относятся раскопки объектов без лицензии или их перемещение из одного места в другое без лицензии.

Отрицательные преступления, в которых виновный воздерживается от выполнения того, что предписано законом, включают обнаружение объекта и неуведомление государственных органов о находке в течение 24 часов.

2. Немедленные и длительные преступления.

Немедленными (временными) преступлениями являются те преступления, которые состоят из деяния, начинающегося и заканчивающегося в ограниченное время, т. е. совершаемое в определенное время, даже если их совершение занимает короткий промежуток времени. К немедленным преступлениям относится обезображивание объектов при помощи надписей, рисунков или иных способов. Такой вид преступления совершается сразу после нанесения урона.

Длительные же преступления включают в себя приобретение незарегистрированных объектов, которые подлежат регистрации. Это преступление продолжает совершаться до тех пор, пока преступник продолжает владеть памятником старины, и оно не прекращается до тех пор, пока памятник не будет зарегистрирован в предназначенном для него реестре. Закон об исторических памятниках содержит много длительных преступлений [19, с. 158].

3. Причиняющие вред и опасные преступления.

Преступления, причиняющие вред, происходят в результате нанесения вреда (например, кража того или иного культурного памятника). Что касается преступлений, связанных с опасностью, то это преступления, в которых преступник не наносит фактического вреда (например, раскопки объекта без лицензии).

4. Умышленные и неумышленные преступления.

Нравственным (субъективным) элементом в большинстве преступлений, предусмотренных Законом «О памятниках старины», является преступное намерение. Большинство преступлений, указанных в этом законе, являются умышленными [20, с. 254]. Примеры такого типа преступлений изложены в статье 3: «…любой, кто строит археологические объекты без одобрения археологических властей». Следовательно, правонарушитель должен осознавать, что он видоизменяет конструкцию археологического объекта, не получив одобрения на это археологических властей.

Если говорить о неумышленных преступлениях, то законодатель не посвятил ни одной статьи данному виду преступления в Законе «О памятниках старины».

В данном вопросе законодатель не преуспел, т. к. важность и ценность памятников старины неизбежно влекут за собой появление вопроса об их защите, в частности, в случае наличия непреднамеренного характера преступления. Примером, когда объект уничтожается по ошибке, может быть ситуация, если человек по неосторожности или несоблюдению законов и правил стал причиной уничтожения памятника старины. Это деяние должно быть признано неумышленным преступлением.

Выводы

Данная работа затрагивает такие вопросы, как определение памятников старины, их виды, положения о праве собственности и некоторых правовых норм, в соответствии с которыми эти памятники охраняются, а также о видах преступлений, совершаемых против объектов культурного наследия.

Проведенное исследование позволяет сформулировать некоторые предложения, которые могут оказаться полезными при доработке Закона «О памятниках старины»:

1. Уголовное законодательство имеет тенденцию к унификации основных уголовных текстов в единый уголовный кодекс с целью предупреждения противоречий между текстами, разбросанными по нескольким специальным уголовным законам. Полагаем, законодатель должен либо упразднить статьи, касающиеся охраны памятников старины в Уголовном кодексе, либо объединить статьи, где оговаривается ответственность Закона «Об охране культурного наследия» в специальной части Уголовного кодекса, чтобы предотвратить появление разногласий при прочтении правовых текстов.

2. Закон не содержит каких-либо процедур, ограничивающих распоряжение предметами старины, находящимися в собственности, кроме как получения предварительного согласия соответствующих органов. В добавление к этому достигается баланс между защитой объектов культурного наследия, с одной стороны, и свободой отдельных лиц распоряжаться собственным имуществом, с другой стороны.

3. Законодатель не предусмотрел ни одной статьи, касающейся неумышленного преступления, в рамках Закона «О

памятниках старины». Таким образом, необходимо разработать юридический текст, затрагивающий непреднамеренные преступления, которые совершаются в отношении памятников старины в Сирийской Арабской Республике.

Список литературы

قائمة المراجع باللغة العربية

1 . أمين أحمد الحذيفي , الحماية الجنائية للآثار التاريخية, دار النهضة العربية, القاهرة , مصر , 2007 , ص 112 .

2 . أحمد حلمي أمين ، حماية الآثار والأعمال الفنية ، دار النشر والتدريب الأمين ، الرياض ، السعودية ، 2007 ، ص 25 .

3 . سليمان عباس العبد الله , الحماية الجزائية للآثار في التشريعات العربية , أطروحة دكتوراه ، جامعة حلب , 2015 .

4 . محمد سمير محمد ، الحماية الجزائية للآثار , دراسة مقارنة , كلية الحقوق , جامعة القاهرة , 2012 .

5 . الحركان خالد محمد , الحماية النظامية للآثار في المملكة العربية السعودية وفي جمهورية مصر العربية , جامعة نايف العربية للعلوم الأمنية , كلية الدراسات العليا , الرياض , 2010 .

6 . محمود سعيد , الحماية الجزائية للآثار , دراسة مقارنة , جامعة جيلالي ليابس-سيدي بلعباس , كلية الحقوق والعلوم السياسية , الجزائر , 2018 .

7 . حمادو فاطيمة , الحماية القانونية للآثار على ضوء التشريعات الوطنية والاتفاقيات الدولية , جامعة جيلالي ليابس-سيدي بلعباس , كلية الحقوق والعلوم السياسية , الجزائر ,2019 .

8 . طارق الكردي، قانون الآثار السوري «دراسة مقارنة»، بحث لنيل درجة الدبلوم في القانون الخاص ، جامعة بيروت العربية، 2006 .

9 . عيسى مخول ، الحماية الجزائية للآثار في التشريع السوري , مجلة جامعة دمشق للعلوم الاقتصادية والقانونية , المجلد 35 ، العدد الأول ، 2019 .

10 . إبراهيم محمد العناني، الحماية القانونية للتراث الإنساني والبيئة وقت النزاعات المسلحة، الطبعة الأولى، منشورات الحلبي الحقوقية، لبنان , 2010 .

11 . سلامة صالح الرهايفة، حماية الممتلكات الثقافية أثناء النزاعات المسلحة، الطبعة الأولى، دار حامد للنشر والتوزيع، الأردن، 2012

12 . محمد سمير، المسؤولية الجنائية لمرمم الآثار، دراسة مقارنة، دار النهضة العربية، مصر، 2016

13 . موسى بو دهان، النظام القانوني لحماية التراث الوطني، الطبعة الأولى، دار الهدى للنشر والتوزيع، الجزائر ،2013

14 . عزالدين عثماني، الحماية الجنائية للآثار والممتلكات الثقافية، رسالة لنيل شهادة الدكتوراه في القانون الجنائي، كلية الحقوق، جامعة العربي تبسي، تبسة،.2017

15 . خالد سعد ، مع البروفيسور هانس ، زنوبيا ، ملكة تدمر والشرق ، دمشق ، مطبعة الصالحاني ، الطبعة الأولى ، 2006.

16 . سمير فرنان بالي , قانون حماية الآثار التاريخية , منشورات الحلبي , الطبعة الاولى, بيروت , لبنان , .2009

17 . عز الدين غالية، الحماية الدولية للممتلكات الثقافية أثناء النزاعات المسلحة، رسالة لنيل شهادة دكتوراه في القانون، جامعة ابو بكر بلقايد، تلمسان .2017

18 . عمر القصاب، « قراءة في قانون الآثار السوري»، مقال منشور في مجلة الشرطة الصادرة عن وزارة الداخلية في الجمهورية العربية السورية، العدد 478، تشرين الأول، 2008 .

19 . بارعة القدسي ، قانون أصول المحاكات الجزائية ، منشورات جامعة دمشق ، الجزء الأول ، ٢٠١٣ ، ص 158.

20 . عبود السراج , شرح قانون العقوبات العام , منشورات جامعة دمشق , سوريا , 2014 , ص 254.

References

1. Amin Ahmed Al-Hudaifi. Criminal protection of historical monuments. Cairo, Egypt, Dar an-Nahda al-Arabiya, 2007. 112 p. (In Arabic.)

2. Ahmed Helmi Amin. Protection of historical monuments and works of art. Riyadh, Saudi Arabia, Amin Publishing House and Training Center, 2007. 25 p. (In Arabic.)

3. Al-Abdullah Suleiman Abbas. Criminal protection of historical monuments in Arab legislation. Cand. legal sci. diss. Aleppo, Aleppo University, 2015. (In Arabic.)

4. Mohammed Samir Mohammed. Criminal protection of historical monuments, comparative research. Cand. legal sci. diss. Cairo, Faculty of Law, Cairo University, 2012. (In Arabic.)

5. Al-Harkan Khalid Mohammed. Systematic protection of historical monuments in the Kingdom of Saudi Arabia and in the Arab Republic of Egypt. Riyadh, Naifa Arab University of Security Sciences, Faculty of Postgraduate Education, 2010. (In Arabic.)

6. Mahmoud Said. Criminal Protection of historical monuments, comparative research, Cand. legal sci. diss. Algeria, Gilali Liabis -Sidi Bel Abbes University, Faculty of Law and Political Science, 2018. (In Arabic.)

7. Hamadou Fatima. Legal protection of historical monuments in the light of national legislation and international conventions. Cand. legal sci. diss. Algeria, Gilali Liabis -Sidi Bel Abbes University, Faculty of Law and Political Science, 2019. (In Arabic.)

8. Tariq Al-Kurdi. The Syrian Law on the Protection of Historical Monuments "comparative study", a study for obtaining a diploma in private law. Beirut, Arab University, 2006. (In Arabic.)

9. Issa Mahoul. Criminal Protection of Historical Monuments in Syrian Legislation. *Journal of Economic and Legal Sciences of Damascus University*, 2019, vol. 35, first is. (In Arabic.)

10. Ibrahim Mohammed Al-Adnani. Legal protection of human heritage and the environment during armed conflicts. First ed. Lebanon, Halabi Publications, 2010. (In Arabic.)

11. Salam Saleh al-Rahaifa. Protection of cultural values during armed conflict. First ed. Dar Al-Hamid, Jordan, Publishing and Distribution, 2012. (In Arabic.)

12. Mohammed Samir. Criminal liability of the restorer of historical monuments, comparative study. Dar al-Nahda al-Arabiya, Egypt, 2016. (In Arabic.)

13. Musa Bu Dahan. The legal system for the protection of national heritage. First ed. Algeria, Publishing house and distribution of "Dar Al Huda", 2013. (In Arabic.)

14. Izzedin Osmani. Criminal protection of monuments and cultural values. Cand. legal sci. diss. Tabsi, Faculty of Law of the Arab University of Tabsi, 2017. (In Arabic.)

15. Khaled Saad. Together with Professor Hans, Zenobia, Queen of Palmyra and the East. First ed. Damascus, Salhani Press, 2006. (In Arabic.)

16. Samir Farnan Bali. Law on the Protection of Historical Monuments. First ed. Beirut, Lebanon, Halabi Publ., 2009. (In Arabic.)

17. Izzedin Galina. International protection of cultural property during armed conflict. Cand. legal sci. diss. Tlemcen, Abu Bakr Belkaid University, 2017. (In Arabic.)

18. Omar Al-Kassab. Reading the Law on the Protection of Syrian Historical Monuments. *Police Journal of the Ministry of Internal Affairs of the Syrian Arab Republic*, 2008, no. 478. (In Arabic.)

19. Barea al-Qudsi. Code of Criminal Procedure. Damascus, Publ. of the University of Damascus, pt. I. 158 p. (In Arabic.)

20. Abboud al-Sarraj. Explanation of the General Criminal Code. Damascus, Syria, Publ. of the University of Damascus, 2014. 254 p. (In Arabic.)

Информация об авторе / Information about the Author

Закер Манаф, аспирант кафедры уголовного права, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: manafsaker2020@gmail.com

Manaf Saker, Post-Graduate Student of the Department of Criminal Law, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: manafsaker2020@gmail.com

Оригинальная статья / Original article

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-6-165-174

CC BY 4.0

Установление научной периодизации на примере исследования деятельности метеорологической службы по обеспечению военно-воздушных сил Красной армии в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов

А. Г. Гаврилов[1], В. Н. Прямицын[1] ✉

[1] Военная академия Генерального штаба Вооруженных сил Российской Федерации
пр. Вернадского 100, г. Москва 119571, Российская Федерация

✉ e-mail: priamitzynvn@mail.ru

Резюме

Актуальность. *Научная периодизация событий прошлого является одним из распространенных результатов, получаемых в ходе проведения исторических исследований. При этом порой соискатели допускают серьезные ошибки при ее формулировании. В связи с этим рассмотрение требований, предъявляемых к установлению научной периодизации, и их иллюстрирование на конкретном примере представляется актуальным.*

Целью *статьи является ознакомление профессионального сообщества историков с опытом установления научной периодизации предмета исследования на конкретном примере.*

Задачей *статьи является установление периодизации деятельности метеорологической службы по обеспечению Военно-воздушных сил Красной армии в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов и демонстрация на ее примере практического применения историко-генетического метода.*

Методология. *При подготовке статьи использованы методы, свойственные военно-историческим исследования, в частности при установлении периодов применялся историко-генетический метод.*

Результатом *проведенного исследования стало установление научной периодизации деятельности метеорологической службы по обеспечению Военно-воздушных сил Красной армии в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов. В процессе работы были учтены основные требования, предъявляемые к научной периодизации. Она характеризуется единым подходом к делению хронологических рамок на последовательные промежутки, имеет четко сформулированный и теоретически обоснованный базовый критерий, на основе которого выполнено это деление, имеет четкие границы между периодами, маркируемые значимыми событиями, и коррелирует с периодизацией более масштабного исторического процесса. Выявленные периоды пронумерованы, названы, очерчены хронологическими рамками и охарактеризованы. В качестве базового критерия была предложена подчиненность метеорологической службы ВВС КА.*

Выводы. *Установлено, что современная историческая наука располагает необходимым методологическим аппаратом и четкими представлениями о формулировании научной периодизации. На примере конкретного предмета исследования выявлено, что ключевой составляющей успеха проведения периодизации является корректное определение базового критерия.*

Ключевые слова: *методология; периодизация; метеорологическое обеспечение; метеорологическая служба; Военно-воздушные силы; Красная армия.*

Благодарности: *Авторы выражают благодарность руководству Военной академии Генерального штаба ВС РФ и редакции журнала «Известия Юго-Западного государственного университета» за внимание к рассматриваемой теме.*

© Гаврилов А. Г., Прямицын В. Н., 2022

***Конфликт интересов**: Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Для цитирования: Гаврилов А. Г., Прямицын В. Н. Установление научной периодизации на примере исследования деятельности метеорологической службы по обеспечению военно-воздушных сил Красной армии в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2022. Т. 12, № 6. С. 165–174. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-6-165-174.

Поступила в редакцию 05.10.2022 Принята к публикации 09.11.2022 Опубликована 16.12.2022

The Establishment of Scientific Periodization on the Example of Activity of Meteorological Service for the Support of the Red Army air Force During the Great Patriotic War of 1941–1945

Alexey G. Gavrilov[1], Vladimir N. Pryamitsyn[1] ✉

[1] Military Academy of the General Staff of the Armed Forces of the Russian Federation
100 Vernadsky Ave., Moscow 119571, Russian Federation

✉ e-mail: priamitzynvn@mail.ru

Abstract

***Relevance.** The scientific periodization of past events is one of the most common results obtained in the course of historical research. At the same time, sometimes applicants make serious mistakes when formulating it. In this regard, consideration of the requirements for the establishment of scientific periodization and their illustration by a specific example seems relevant.*

***The purpose:** of the article is to familiarize the professional community of historians with the experience of establishing scientific periodization of the subject of research on a specific example.*

***The objective** of the article is to establish the periodization of the activities of the meteorological service to support the Air Force of the Red Army during the Great Patriotic War of 1941-1945 and demonstrate by its example the practical application of the historical and genetic method.*

***Methodology.** During the preparation of the article, methods peculiar to military-historical research were used. In particular, the historical-genetic method was used to establish the periods.*

***The result** of the conducted research was the establishment of a scientific periodization of the activities of the meteorological service to provide the Air Force of the Red Army during the Great Patriotic War of 1941-1945. In the process of work, the basic requirements for scientific periodization were taken into account. It is characterized by a unified approach to dividing the chronological framework into successive intervals, has a clearly formulated and theoretically justified basic criterion on the basis of which this division is performed, has clear boundaries between periods marked by significant events, and correlates with the periodization of a larger historical process. The identified periods are numbered, named, outlined chronologically and characterized. As a basic criterion, the subordination of the meteorological service of the Red Army Air Force was proposed.*

***Conclusion.** It is established that modern historical science has the necessary methodological apparatus and clear ideas about the formulation of scientific periodization. Using the example of a specific subject of research, it was revealed that the key component of the success of periodization is the correct definition of the basic criterion.*

***Keywords:** methodology; periodization; meteorological support; meteorological service; Air Force; Red Army.*

***Acknowledgements:** The authors express their gratitude to the leadership of the Military Academy of the General Staff of the Armed Forces of the Russian Federation and the editorial board of the journal "Izvestia of the Southwestern State University" for their attention to the topic under consideration.*

***Conflict of interest:** The Authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Gavrilov A. G., Pryamitsyn V. N. The Establishment of Scientific Periodization on the Example of Activity of Meteorological Service for the Support of the Red Army air Force During the Great Patriotic War of 1941–1945. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2022; 12(6): 165–174. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-6-165-174.

Received 05.10.2022 Accepted 09.11.2022 Published 16.12.2022

***

Введение

Периодизация является одной из важнейших составляющих теоретического осмысления исторических процессов и явлений. Ее суть заключается в делении этих процессов и явлений на качественно однородные хронологические интервалы. Первостепенными задачами периодизации являются систематизация и аналитическое обобщение исторического материала. По мнению коллектива авторов под руководством академика А. О. Чубарьяна, в первом случае периодизация используется в качестве инструмента упорядочения исторических сведений и фактов и выступает как способ эмпирического познания. Во втором случае она выполняет не только функции систематизации исторической информации, но и несет познавательную нагрузку, т. к. позволяет глубже осмыслить исторический процесс, его внутренние закономерности [1, с. 382].

Таким образом, качественно проработанная периодизация является надежной основой проводимого исследования. В свою очередь, несовершенства, допущенные при разработке периодизации, могут впоследствии отозваться внутренними противоречиями в работе. Ведь, по мнению генерала армии В. Курасова, «периодизация войны – это не самоцель, а средство, обеспечивающее объективное изложение истории войны и глубокое понимание ее событий» [2, с. 27].

Словарь русского языка С. И. Ожегова дает периодизации лаконичное определение: «Периодизация – это деление на периоды». В качестве иллюстрации приводится «периодизация русской истории». В свою очередь, термин «период» трактуется С. И. Ожеговым как промежуток времени, в течение которого что-нибудь происходит. Здесь в качестве примера указывается «послевоенный период» [3, с. 503].

Несмотря на то, что С. И. Ожегов иллюстрирует значение терминов примерами из исторической науки, все же в Толковом словаре русского языка определения носят общий характер. Применительно конкретно к теории и методологии исторической науки термин «период исторический» предлагается трактовать как основную структурную единицу исторического процесса, которая отражает качественное своеобразие определенного отрезка исторического времени и имеет хронологические границы [1, с. 381]. В военно-исторической науке под периодизацией, к примеру, войны также понимается деление ее на основные, качественно отличающиеся друг от друга периоды [4, с. 12].

Таким образом, результатом проведения периодизации (и в общем понимании, и с точки зрения методологии исторической науки, и с позиций военной истории) является выявление периодов. По мере накопления критической массы качественных изменений наступает следующий период. Он отделяется от предыдущего на символической шкале времени объективно обоснованными рубежами.

По мнению академика И. Д. Ковальченко, такими «разграничительными линиями» должны выступать «сконцентрированные по времени, революционные по своей сущности» (независимо от сферы проявления) события, приводящие к возникновению нового качества» [5, с. 98].

Анализ современной научной литературы в области методологии исторических исследований, а также практический опыт установления научной периодизации позволил определить пять основных требований к ней (рис. 1).

Рис. 1. Основные требования, предъявляемые к научной периодизации

Схема свидетельствует о том, что при разработке научной периодизации необходимо сохранять единый подход к делению хронологического интервала на последовательные промежутки, использовать теоретически обоснованный базовый критерий, на основе которого выполнено это деление, определять четкие границы между периодами, маркируемые значимыми событиями, учитывать периодизацию более масштабных исторических процессов и явлений [1, с. 382]. Выявленные периоды должны иметь ряд необходимых «атрибутов», таких как порядковый номер, имя собственное и хронологические рамки, а также описание (характеристику), объем которой зависит от целей, задач и масштаба исследования. В описании могут быть приведены характерные черты периода, отличающие его от соседних, наиболее значимые события, «сильные» и «слабые» стороны и т. д.

Примером периодизации, отвечающей перечисленными требованиям, в отечественной исторической науке выступает периодизация Второй мировой войны [6, с. 26]. Представленная периодизация отличается единым подходом к делению исторического события на хронологические интервалы. Она располагает теоретически обоснованным базовым критерием. В фундаментальном труде «Вторая мировая война. Итоги и уроки», подготовленном в 1985 г. коллективом Института военной истории Министерства обороны СССР, он сформулирован следующим образом: «…качественные изменения в военно-политической и стратегической обстановке, соотношении сил противоборствующих сторон, характере вооруженной борьбы на фронтах» [7, с. 5]. Рубежи между периодами преимущественно связаны с важнейшими событиями, знаменовавшими радикальные качественные изменения. Периоди-

зация Второй мировой войны гармонично вписана в общепринятую периодизацию мировой истории XX века. Своей ранней хронологической рамкой она стыкуется с завершением межвоенного периода, а своей поздней – с началом послевоенного периода.

Методология

Основным методом, использующимся при установлении научной периодизации предмета исследования, является историко-генетический. Он предполагает последовательное раскрытие свойств, функций и изменений изучаемой реальности в процессе ее исторического движения. При этом он подразумевает фиксацию качественных изменений в развитии предмета исследования, что позволяет разделять его на хронологические интервалы с относительно однородными свойствами [5, с. 171].

Предлагается рассмотреть, как историко-генетический метод был применен к соответствующему предмету исследования при установлении научной типизации деятельности метеорологической службы по обеспечению Военно-воздушных сил Красной армии (ВВС КА) в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. В процессе рассмотрения предлагается использовать за основу требования, выдвигаемые к установлению научной периодизации, перечисленные выше.

Результаты и их обсуждение

Хронологические рамки данного исследования ограничены датами начала и завершения Великой Отечественной войны. На протяжении этого времени метеорологическая служба осуществляла обеспечение ВВС КА, при этом в ее деятельности постоянно происходили качественные изменения [8, с. 86–89]. Анализ этих изменений показал, что они были связаны с широким набором факторов, однако наиболее устойчивая взаимосвязь обнаружена с преобразованиями организационно-штатной структуры. В связи с этим в качестве единого подхода к делению хронологического интервала на последовательные промежутки было избрано установление критического количества качественных преобразований организационно-штатной структуры [9, с. 37–42].

В качестве базового критерия, на основе которого деятельность метеорологической службы по обеспечению ВВС КА с 22 июня 1941 г. по 9 мая 1945 г. была разделена на хронологические интервалы с относительно однородными характеристиками, была предложена подчиненность метеорологической службы ВВС КА. В результате проведенного исследования было установлено, что именно ее изменения на протяжении Великой Отечественной войны инициировали дальнейшие организационно-штатные преобразования [10, с. 17].

В качестве значимых событий, выполняющих роль рубежей между хронологическими интервалами с относительно однородными характеристиками, было избрано издание документов, регламентировавших изменение подчиненности метеорологической службы ВВС КА и инициировавших дальнейшие организационно-штатные преобразования [11, с. 6–20]. Таковыми являлись: приказ народного комиссара обороны СССР от 4 февраля 1942 г. № 0027, регламентировавший возвращение метеорологической службы из подчинения Главного управления гидрометеорологической службы Красной армии (ГУГМС КА) в подчинение ВВС КА; создание Отдела метеорологической службы Штаба ВВС КА и расширение номенклатуры подразделений в войсках [12, л. 18]; приказ командующего ВВС КА от 2 июня 1944 г. №

0120, предписывавший на всех уровнях военного управления подчинить метеорологическую службу в системе ВВС КА Штурманской службе [13, л. 44].

Таким образом, с использованием историко-генетического метода и с учетом требований, предъявляемых к научной периодизации, была получена следующая периодизация деятельности метеорологической службы по обеспечению Военно-воздушных сил Красной армии в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

Первый период получил наименование «Деятельность метеорологической службы под руководством ГУГМС КА» (22 июня 1941 г. – 4 февраля 1942 г.). Хронологические рамки данного периода находятся между датой начала Великой Отечественной войны и датой издания приказа народного комиссара обороны № 0027. Он характеризовался проведением масштабных мобилизационных мероприятий и подчинением авиационных метеорологов вновь созданному ГУГМС КА [14, с. 27].

Деятельность по обеспечению ВВС КА в первом периоде отличалась относительно низким качеством, что было связано с некомплектом профильных специалистов, нехваткой необходимых технических средств, недостатком количества подразделений в войсках и опыта практической работы в условиях военного времени (дефицит первичной метеорологической информации, работа с шифрами…) [15, л. 153–156].

Второй период – «Деятельность метеорологической службы под руководством начальника Штаба ВВС КА» (4 февраля 1942 г. – 2 июня 1944 г.). Период охватывает следующий промежуток времени и завершается датой издания приказа командующего ВВС КА № 0120. На его протяжении велась масштабная работа по укомплектованию метеорологической службы кадрами необходимой квалификации, снабжению подразделений техническими средствами, наращиванием возможностей связи [16, с. 70]. Метеорологическая служба расширяла свой состав и накапливала опыт практической работы, за счет чего повышалось качество ее работы по обеспечению ВВС КА [17, с. 3–8].

Третий период – «Деятельность метеорологической службы под руководством Штурманской службы ВВС КА» (2 июня 1944 г. – 9 мая 1945 г.). Период распространяется на оставшееся время Великой Отечественной войны, вплоть до даты ее окончания. Он охарактеризовался подчинением метеорологической службы Штурманской службе ВВС КА на всех уровнях военного управления, существенным расширением организационно-штатной структуры, повышением качества метеорологического обеспечения [18, с. 57, 58]. Оно достигалось за счет насыщения метеорологических частей и подразделений необходимым количеством квалифицированных кадров, технических средств метеорологии, средств связи, автомобильной и авиационной техникой, использования богатого опыта практической работы, накопленного в двух предыдущих периодах [19, с. 31–38].

Предложенная периодизация коррелирует с периодизацией более масштабного события – Великой Отечественной войны, также включающей в себя три периода [20, с. 11–19]. В целях упрощения восприятия, полученная периодизация может быть отражена графически, (рис. 2).

Рис. 2. Научная периодизация деятельности метеорологической службы по обеспечению Военно-воздушных сил Красной армии в годы Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг.

Схема свидетельствует, что предложенная периодизация деятельности метеорологической службы по обеспечению Военно-воздушных сил Красной армии в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. отвечает всем требованиям, выдвигаемым к формулированию научной периодизации. Она характеризуется единым подходом к делению хронологических рамок на последовательные промежутки, имеет четко сформулированный и теоретически обоснованный базовый критерий, на основе которого выполнено это деление, имеет четкие границы между периодами, маркируемые значимыми событиями, и коррелирует с периодизацией более масштабного исторического процесса. Выявленные периоды пронумерованы, названы, очерчены хронологическими рамками и охарактеризованы.

Выводы

Подводя итог рассмотрению вопроса установления научной периодизации, можно сделать выводы о том, что историческая наука располагает необходимым методологическим аппаратом и четкими представлениями о формулировании научной периодизации. Основным методом определения периодизации является историко-генетический, а требования к ее установлению сводятся к необходимости выполнения пяти пунктов. Наиболее значимым представляется необходимость четкого формулирования базового критерия, лежащего в основе деления хронологических рамок исследования на периоды. В ходе исследования на тему деятельности метеорологической службы по обеспечению Военно-воздушных сил Красной армии в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. была установлена научная периодизация предмета исследования, отвечающая каждому из сформулированных требований.

Список литературы

1. Теория и методология исторической науки: терминологический словарь / отв. ред. А. О. Чубарьян. М.: Аквилон, 2014. 576 с.

2. Курасов В. О характере и периодизации Второй мировой войны 1939–1945 // Военно-исторический журнал. 1959. № 1. С. 23–40.

3. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1963. 900 с.

4. Болтин Е. О периодизации Великой Отечественной войны Советского Союза // Военно-исторический журнал. 1959. № 2. С. 12–24.

5. Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. М.: Наука, 1987. 440 с.

6. История Второй мировой войны. 1939–1945 гг. Т. 1. Зарождение войны. Борьба прогрессивных сил за сохранение мира. М.: Воениздат, 1973. 366 с.

7. Вторая мировая война. Итоги и уроки. М.: Воениздат, 1985. 447 с.

8. Новожилов Н. И. Воспоминания авиационного метеоролога о Великой Отечественной войне // Военная метеорология и ее роль в гидрометеорологическом обеспечении военных действий в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: сборник статей. СПб.: [Б. и.], 1995.

9. Николаев И. С. Метеорологическая служба ВВС в период ВОВ 1941–1945 гг. // Военная метеорология и ее роль в гидрометеорологическом обеспечении военных действий в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: сборник статей. СПб.: [Б. и], 1995.

10. Шталь В. А. Развитие методов метеорологического обеспечения авиации в России в 1910–1940 гг. // Военная метеорология и ее роль в гидрометеорологическом обеспечении военных действий в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: сборник статей. СПб.: [Би], 1995.

11. Наставление по метеорологической службе Военных воздушных сил Красной армии (НАМС-44). М.: Военное издательство НКО, 1944. 54 с.

12. ЦАМО РФ (Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации). Ф. 35. Оп. 11264. Д. 40.

13. ЦАМО РФ. Ф. 35. Оп. 11250. Д. 95.

14. Куропаткина Л. В. Оперативное гидрометеорологическое обеспечение. М.: ГГМЦ МО РФ, 2012. 406 с.

15. ЦАМО РФ. Ф. 35. Оп. 11264. Д. 116.

16. Родченко Н. В. Метеорологическое обеспечение союзников. М.: ГГМЦ МО РФ, 2012.

17. Федоров Е. К. Гидрометслужба СССР в Великой Отечественной войне // Метеорология и гидрология. 1975. № 5. С. 3–8.

18. Новикова Т. П. Советские метеорологи в Берлине. М.: ГГМЦ МО РФ, 2012.

19. Информационный сборник № 2 (Метеорологическая служба ВВС в годы Второй мировой и Великой Отечественной войн). М.: Воениздат, 1947.

20. Великая Отечественная война 1941–1945: энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1985. 832 с.

References

1. Teoriya i metodologiya istoricheskoj nauki: terminologicheskij slovar' [Theory and methodology of historical science: terminological dictionary]; ed. by A. O. Chubar'yan. Moscow, Akvilon Publ., 2014. 576 p.

2. Kurasov V. O haraktere i periodizacii Vtoroj mirovoj vojny 1939–1945 [On the nature and periodization of the Second World War 1939–1945]. *Voenno-istoricheskij zhurnal = Military History Magazine*, 1959, no. 1, pp. 23–40.

3. Ozhegov S. I. Slovar' russkogo yazyka [Dictionary of the Russian language]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannyh i nacional'nyh slovarej Publ., 1963. 900 p.

4. Boltin E. O periodizacii Velikoj Otechestvennoj vojny Sovetskogo Soyuza [On the periodization of the Great Patriotic War of the Soviet Union]. *Voenno-istoricheskij zhurnal = Military History Magazine*, 1959, no. 2, pp. 12–24.

5. Koval'chenko I. D. Metody istoricheskogo issledovaniya [Methods of historical research]. Moscow, Nauka Publ., 1987. 440 p.

6. Istoriya Vtoroj mirovoj vojny. 1939–1945 gg. Vol. 1. Zarozhdenie vojny. Bor'ba progressivnyh sil za sohranenie mira [History of the Second World War. 1939-1945 Vol. 1. The origin of the war. The struggle of progressive forces for the preservation of peace]. Moscow, Voenizdat Publ., 1973. 366 p.

7. Vtoraya mirovaya vojna. Itogi i uroki [The Second World War. Results and lessons]. Moscow, Voenizdat Publ., 1985. 447 p.

8. Novozhilov N. I. Vospominaniya aviacionnogo meteorologa o Velikoj Otechestvennoj vojne [Memoirs of an aviation meteorologist about the Great Patriotic War]. *Voennaya meteorologiya i ee rol' v gidrometeorologicheskom obespechenii voennyh dejstvij v gody Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–1945 gg. Sbornik statej* [Military meteorology and its role in hydrometeorological support of military operations during the Great Patriotic War of 1941–1945. Collection of articles]. St. Petersburg, 1995.

9. Nikolaev I. S. Meteorologicheskaya sluzhba VVS v period VOV 1941–1945 gg. [Meteorological Service of the Air Force during the Second World War 1941–1945]. *Voennaya meteorologiya i ee rol' v gidrometeorologicheskom obespechenii voennyh dejstvij v gody Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–1945 gg. Sbornik statej* [Military meteorology and its role in hydrometeorological support of military operations during the Great Patriotic War 1941–1945. Collection of articles]. St. Petersburg, 1995.

10. Shtal' V. A. Razvitie metodov meteorologicheskogo obespecheniya aviacii v Rossii v 1910–1940 gg. [Development of methods of meteorological support of aviation in Russia in 1910–1940]. *Voennaya meteorologiya i ee rol' v gidrometeorologicheskom obespechenii voennyh dejstvij v gody Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–1945 gg. Sbornik statej* [Military meteorology and its role in hydrometeorological support of military operations during the Great Patriotic War of 1941–1945. Collection of articles]. St. Petersburg, 1995.

11. Nastavlenie po meteorologicheskoj sluzhbe Voennyh vozdushnyh sil Krasnoj armii (NAMS-44) [Manual on the meteorological service of the Military Air Forces of the Red Army (ON MS-44)]. Moscow, Voennoe izdatel'stvo NKO Publ., 1944. 54 p.

12. CAMO RF (Central'nyj arhiv Ministerstva oborony Rossijskoj Federacii) [Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation], f. 35, op. 11264, d. 40.

13. CAMO RF, f. 35, op. 11250, d. 95.

14. Kuropatkina L. V. Operativnoe gidrometeorologicheskoe obespechenie [Operational hydrometeorological support]. Moscow, GGMC MO RF Publ., 2012. 406 p.

15. CAMO RF, f. 35, op. 11264, d. 116.

16. Rodchenko N. V. Meteorologicheskoe obespechenie soyuznikov [Meteorological support of the Allies]. Moscow, GGMC MO RF Publ., 2012.

17. Fedorov E. K. Gidrometsluzhba SSSR v Velikoj Otechestvennoj vojne [Hydrometeorological Service of the USSR in the Great Patriotic War]. *Meteorologiya i gidrologiya = Meteorology and Hydrology*, 1975, no. 5, pp. 3–8.

18. Novikova T. P. Sovetskie meteorologi v Berline [Soviet meteorologists in Berlin]. Moscow, GGMC MO RF Publ., 2012.

19. Informacionnyj sbornik No. 2 (Meteorologicheskaya sluzhba VVS v gody Vtoroj mirovoj i Velikoj Otechestvennoj vojn) [Information collection No. 2 (Meteorological Service of the Air Force during the Second World War and the Great Patriotic War)]. Moscow, Voenizdat Publ., 1947.

20. Velikaya Otechestvennaya vojna 1941–1945. Enciklopediya [The Great Patriotic War 1941–1945. Encyclopedia]. Moscow, Sovetskaya enciklopediya Publ., 1985. 832 p.

Информация об авторах / Information about the Authors

Гаврилов Алексей Геннадьевич, соискатель, Военная академия Генерального штаба Вооруженных сил Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация, e-mail: gag-77@yandex.ru, ORCID: 0000-0001-9730-2432

Alexey G. Gavrilov, Researcher, Military Academy of the General Staff of the Armed Forces of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation, e-mail: gag-77@yandex.ru, ORCID: 0000-0001-9730-2432

Прямицын Владимир Николаевич, доктор исторических наук, начальник отдела Научно-исследовательского института военной истории, Военная академия Генерального штаба Вооруженных сил Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация, e-mail: priamitzynvn@mail.ru, ORCID: 0000-0003-0011-8319

Vladimir N. Pryamitsyn, Dr. of Sci. (History) Head of Department of Military History Research Institute, Military Academy of the General Staff of the Armed Forces of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation, e-mail: priamitzynvn@mail.ru, ORCID: 0000-0003-0011-8319

Оригинальная статья / Original article

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-6-175-188

CC BY 4.0

«Музеи для общества»: о работе коллекционеров в городах Иркутской губернии во второй половине XIX века

В. В. Ткачев[1]✉

[1] Иркутский государственный университет
ул. К. Маркса 1, г. Иркутск 664003, Российская Федерация

✉e-mail: vitaliy.tkachev.96@mail.ru

Резюме

Актуальность. *Во второй половине XIX века происходит заметный рост интереса горожан к музеям, который подтверждается сохранившимися историческими документами. Представленные в статье сюжеты дают возможность понять принципы, направления работы коллекционеров в городах Иркутской губернии. В результате изучения предметов, создания художественных, этнографических коллекций музейных фондов расширяются исследовательские возможности учёных.*

Цель *– проследить процесс организации работы коллекционеров в городах Иркутской губернии по развитию музейного пространства как центра научного сообщества во второй половине XIX века.*

Задачи*: определить документы из собраний архивов Иркутска, которые дают представление об основных этапах становления тематических направлений музейных собраний; проследить работу коллекционеров в составе научных коллективов при создании, оформлении экспозиций и выставочных пространств; рассмотреть направления работы коллекционеров по комплектованию музейных собраний; определить роль собирателей в осмыслении значимости музеев для развития сибирского общества в изучении региона.*

Методология. *При написании статьи использованы: принцип историзма, объективности, научности, проблемно-хронологический и историко-генетический методы.*

Результаты. *В собраниях архивов Иркутска находятся документы, которые подтверждают разностороннюю работу коллекционеров по поддержанию музейного дела. Во второй половине XIX века прослеживается повышенный интерес горожан к музеям как научным и образовательным центрам по изучению культурных и природных богатств региона.*

Выводы. *Коллекционеры Иркутской губернии объединяются в процессе проведения мероприятий, которые организовывали разные музейные пространства. Вовлечённость многих горожан в значимые выставочные, просветительские проекты подтверждает то, что общественность участвовала в создании музеев. Повышенный интерес к исследованию региона проявлялся в результате определения значимости музеев для развития общества. Документы о музее при Восточно-Сибирском отделе Императорского Русского географического общества представили возможным восстановить работу коллекционеров.*

Ключевые слова: *Иркутская губерния; городская культура; городское общество; коллекционирование; художественная интеллигенция; художественная жизнь.*

Конфликт интересов*: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Для цитирования: Ткачев В. В. «Музеи для общества»: о работе коллекционеров в городах Иркутской губернии во второй половине XIX века // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2022. Т. 12, № 6. С. 175–188. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-6-175-188.

Поступила в редакцию 19.10.2022 Принята к публикации 17.11.2022 Опубликована 16.12.2022

© Ткачев В. В., 2022

"Museums for Society": About the Work of Collectors in the Cities of the Irkutsk Province in the Second Half of the 19th Century

Vitaliy V. Tkachev[1]✉

[1]Irkutsk State University
1 K. Marx Str., Irkutsk 664003, Russian Federation

✉ e-mail:vitaliy.tkachev.96@mail.ru

Abstract

Relevance. *In the second half of the 19th century, there was a noticeable increase in the interest of citizens in museums, which is confirmed by the preserved historical documents. The plots presented in the article make it possible to understand the principles and directions of work of collectors in the cities of the Irkutsk province. As a result of the study of objects, the creation of art, ethnographic collections of museum funds, the research capabilities of scientists are expanding.*

The purpose *is to trace the process of organizing the work of collectors in the cities of the Irkutsk province to develop the museum space as a center of the scientific community in the second half of the 19th century.*

Objectives: *to identify documents from the collections of the archives of Irkutsk, which give an idea of the main stages in the formation of thematic areas of museum collections; follow the work of collectors as part of scientific teams in the creation and design of expositions and exhibition spaces; consider the areas of work of collectors in the acquisition of museum collections; determine the role of collectors in understanding the significance of museums for the development of Siberian society and the study of the region.*

Methodology. *When writing the article, the following are included: the principle of historicism, objectivity, scientific character, problem-chronological and historical-genetic methods.*

Results. *In the collections of the archives of Irkutsk there are documents that confirm the versatile work of collectors to maintain the museum business. In the second half of the 19th century, there was an increased interest of citizens in museums as scientific and educational centers for the study of the cultural and natural wealth of the region.*

Conclusions. *Collectors of the Irkutsk province unite in the process of holding events organized by various museum spaces. The involvement of many citizens in significant exhibition and educational projects confirms that the public participated in the creation of museums. An increased interest in the study of the region was manifested as a result of determining the importance of museums for the development of society. Documents about the museum at the East Siberian Department of the Imperial Russian Geographical Society made it possible to restore the work of collectors.*

Keywords: *Irkutsk province; urban culture; urban society; collecting; artistic intelligentsia; artistic life.*

Conflict of interest: *The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Tkachev V. V. "Museums for Society": About the Work of Collectors in the Cities of the Irkutsk Province in the Second Half of the 19th Century. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2022; 12(6): 175–188. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-6-175-188.

Received 19.10.2022 Accepted 17.11.2022 Published 16.12.2022

***

Введение

В процессе модернизации городов Иркутской губернии во второй половине XIX в., усиления экономического положения, совершенствования условий для обустройства быта его жителей важное значение в культурной среде имела работа музеев как центров по изучению и сохранению художественного наследия. Музеи становились местом сосредоточения и соединения научного сообщества, которое не только продвигало свои ис-

следования, но и просвещало других о том, что можно увидеть. В научных трудах отечественных исследователей последних десятилетий определены исторические источники, которые представляют музейное дело, процесс становления музейного пространства во второй половине XIX в. Также они описывают то, как в Иркутской губернии были созданы благоприятные научные и творческие условия, которые способствовали эффективной реализации проектов, направленных на изучение природных богатств, истории создания информационных и культурных связей с отдалёнными регионами, сотрудничество со многими представителями местных органов власти, общественными структурами, отдельными учёными и другими деятелями.

По результатам проведённых маршрутов в малоизученные территории коллективом, в который входили известные руководители музеев, учёные и мастера, были выявлены исторические, этнографические источники, позволившие не только пополнить фонды музеев, но и расширить тематику исследований [1]. Предметы, которые были обнаружены в это время, постепенно были включены в собрания с целью их использования в рамках определённой работы. Так по многим тематическим коллекциям были составлены каталоги и организованы выставки, а лучшие экспонаты отправлялись на международные выставочные площадки для экспертизы ведущими специалистами в области истории, этнографии, экономики и других научных областей. После завершения прохождения продолжительных маршрутов организовывались заседания обществ с участием коллекционеров. Предприниматели не только понимали значимость поддержания работы местных музеев, но и предлагали свои идеи по поводу заказа и приобретения макетов, плакатов, оборудований для демонстрации и хранения экспонатов, необходимых предметов для дополнения тематических собраний [2].

Таким образом, для раскрытия основных направлений музейной работы коллекционеров и восстановления процесса создания собраний во второй половине XIX в. необходимо на основе имеющихся архивных материалов представить историю участия исследователей в пополнении новыми экспонатами фондов и выявление уникальных предметов для выставочных проектов. Сохранившиеся материалы в Иркутске, обращение внимания современных отечественных историков на изучение региональных событий и формирование отдельных направлений по тематическим собраниям даёт возможность в данной работе проследить процесс создания коллекций, оформление и представление уникальных экспонатов для общественности в рамках проведения художественных мероприятий, открытых лекций, учебных занятий, составления образовательных программ по истории художественной жизни в городах.

Стоит отметить, что на протяжении всего периода изучения музейного дела в Иркутской губернии прослеживается интерес исследователей к деятельности сотрудников музеев, коллекционеров, которые постепенно приобретали предметы для фондов. Историки публиковали результаты своих исследований, которые восстанавливали исторические сюжеты по формированию первых собраний, выставочной работе комиссий и комитетов при проведении мероприятий. В последнее десятилетие можно наблюдать обращение к сюжетам, которые раскрывают основные принципы коллекционирования, интересы купечества к истории, художественному наследию [3; 4; 5; 6; 7]. Раскрытию проблем коллекционирования и создания музейных собраний В. П. Сукачевым посвящены работы историков, музейных работников, искусствоведов [8; 9; 10]. Фрагменты, раскрывающие процесс становления культурных учреждений в городах и деятельности представителей разных социальных слоёв при организации мероприятий, возможно найти

в трудах исследователей [11; 12; 13; 14; 15; 16]. Стоит отметить, что просветительскую работу учёных Иркутска изучали многие сибирские историки, которые в дальнейшем выпускали отдельные коллективные монографии [17; 18].

Собранные в архивах материалы, которые отражают с разных сторон поляризационную деятельность общественных, творческих, научных объединений, достижения деятелей искусства, послужили основой для проведения отечественными историками более глубоких исследований. Так, учёные подтвердили то, что музеи, музейное дело, коллекционирование становятся важными составляющими в городской среде для жителей Иркутской губернии. Постепенно можно было наблюдать процесс включения собирателей в состав экспертных комиссий, комитетов по определению ценности поступивших в музеи предметов [19; 20; 21].

Наследие мастеров Иркутской губернии во второй половине XIX в. представлено подробно в научных работах Ю. П. Лыхина [22; 23]. Историк провёл анализ выявленных исторических источников в столичных и местных архивах, которые показали традиционные и новые средства, методы, которые использовались в музеях при создании экспозиций, выставок, формировании фондов и др. Сюжеты, связанные с музейной работой деятелей искусства и коллекционеров, рассматривает автор данной статьи [24].

Представленные научные труды историков отражают разные аспекты музейной работы, направленные на изучение, освоение территории Иркутской губернии. Исследователями рассматривалась жизнь и деятельность иркутских коллекционеров, отмечались возможности для поддержания музеев, но в работах авторов не определён процесс формирования интереса общественности к собраниям, которые были связаны с основными принципами построения выставочных площадок в регионе, включение предметов из музейного собрания и частных коллекций в состав экспозиций во второй половине XIX в. Данные аспекты в полной степени не представлены в работах. В представленной статье приведены примеры работы коллекционеров с участием художников и учёных по проведению разных художественных мероприятий в Иркутской губернии. Исторические документы объяснили то, что музеи становятся центрами для объединения интеллектуального, научного сообщества.

Методология

В процессе написания статьи были соблюдены принципы проведения комплексных исторических исследований, благодаря которым была восстановлена история работы коллекционеров в музеях Иркутской губернии во второй половине XIX в. Так, были учтены принципы объективности и научности, которые позволяют сделать данное исследование значимым для исторической науки. В работе использовался системный подход, благодаря которому было проведено детальное изучение исторических документов, выявленных в собраниях музеев и архивов Иркутска. Стоит отметить, что для объяснения основных этапов создания тематических собраний в музеях коллекционерами был использован историко-генетический метод, который позволил ответить на вопросы, связанные с особенностями участия представителей общественности в важных городских событиях. В результате включения в работу проблемно-хронологического метода была представлена возможность изучить историю организации музейной работы, участия в данном процессе деятелей искусства и коллекционеров по решению разных проблем, выявления неточностей при оформлении выставочных пространств, где посетители знакомились с отечественным и мировым художественным наследием, культурными и природными богатствами.

В процессе проведения исследования были представлены и рассмотрены отдельные документы Государственного архива Иркутской области (письма, протоколы, отчёты) первого научного общества в Иркутской губернии – Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества (ВСОИРГО). Включение материалов, отражающих деятельность коллекционеров в Иркутской губернии, дают возможность восстановить основные сюжеты построения экспозиций, пополнение фондов новыми экспонатами, которые использовались исследователями при организации процесса изучения природных и культурных богатств Иркутской губернии. Музейное дело, подходы сотрудников музеев к проведению мероприятий отражены в отдельных делах фондов архива художественного музея Иркутска. В обозначенных собраниях были выявлены и включены в работу документы, раскрывающие историю создания коллекций по результатам экспедиционной работы ВСОИРГО. Выявлены отдельные дела о работе В. П. Сукачева, М. Д. Бутина, Н. М. Ядринцева, Г. Н. Потанина, В. А. Комаровского, А. П. Богословского, И. Н. Дроздова, Б. И. Лебединского и многих других в Иркутской губернии. Данные источники подтверждают то, что иркутские коллекционеры принимали участие в оформлении пространств, в сборе уникальных предметов искусства для музеев во второй половине XIX в.

Результаты и их обсуждение

В музеях Иркутска собраны уникальные и редкие предметы искусства, этнографии, которые послужили основой для проведения более глубоких исследований отдалённых территорий Иркутской губернии, окрестностей Байкала. Сохранившиеся материалы в архивах сообщают то, что представители купеческого сословия активно участвовали в организации учреждений культуры, науки, образования, деятельности объединений в городах во второй половине XIX в. Так, постепенно музеи и картинные галереи становятся центрами научной, культурной, художественной жизни для жителей разного поколения.

Как заметили исследователи прошлого, музеи и картинные галереи Иркутской губернии всегда были центрами научной, культурной, художественной жизни городов. Исторические документы сообщают современным исследователям о том, что в данных учреждениях организовывались экспедиции в отдалённые территории Азиатской России: в Монголию, Китай, по Сибири. Также создавались выставочные павильоны, проводились открытые лекции и тематические встречи с учёными, мастерами. В событиях участвовали как специалисты определённого научного направления (этнографы, историки, геологи), так и начинающие учёные, которые не определились с отраслью знания, сибирская интеллигенция. Как живой организм, учреждения постоянно развивались, изменялись подходы музейной работы, создавались новые коллекции и экспозиции. В качестве примеров можно привести работу таких центров, как публичный музей в Нерчинске, музей в Чите Приамурского отдела Императорского Русского географического общества, музей в Иркутске Сибирского отдела Императорского Русского географического общества, Иркутская картинная галерея и многие другие. Состав рабочего коллектива постепенно пополнялся ведущими учёными, педагогами, общественными деятелями, коллекционерами, художниками. Достаточно вспомнить деятельность Г. Н. Потанина, В. А. Комаровского, А. П. Богословского, В. П. Сукачева и многих других, которые не только предлагали свои идеи, но и эффективно реализовывали их в целях культурного развития сибирского общества [25].

Как заметил и отразил впечатления в своих записях Н. М. Ядринцев: «Интерес к науке, пробуждающийся в обществе,

есть первый признак сознательно-культурной жизни. Такое пробуждение в сибирском обществе началось недавно. Признаки его появления выразились, однако, не в главных торгово-промышленных и административных центрах, не в больших городах, хотя эти города и обладают многими образовательными учреждениями и даже учеными обществами» [26, л. 8].

Позднее Николай Михайлович обратил внимание на то, что общественность стремилась открывать новые культурные центры, такие как музеи. Повышенный интерес к истории региона, значимость происходящих событий он объяснил так: «Создание таких учреждений, как местные музеи, должно иметь питание и ростки в самом обществе, они должны объединять и учить людей; это не одни кладовые для ученых специалистов. Эти научные склады имеют свое научное значение. Закинутый на окраины ученый, скиталец-путешественник, не имеющий пристанища, угла, знакомых, найдет, правда, здесь свой очаг, нечто близкое, облюбленное, и местные коллекции дадут ему возможность ориентироваться, познакомиться с тем, что есть в стране, и направить исследования куда нужно, но общеобразовательное значение таких музеев еще большее.

Они соединяют общество и образованных людей, они пробуждают любознательность в массе, вот почему они должны быть публичными; они дают научный материал, живую иллюстрацию, пособие тем, кто желает учиться не на скамье, а в жизни, в обществе, во всяком возрасте, для того и другого пола; они указывают обществу высший научный интерес, отвлекая это общество от дрязг, обыденных мелочен, в которых засдается, тухнет проблеск человеческой мысли и лучших стремлений. Они напоминают, что есть у человека в жизни нечто такое, что объединяет всех, привлекает и соединяет более, чем промышленные и торговые дела, даже собрания во имя удовольствий и наслаждений. Они соединяют людей бескорыстно во имя идеи, облагораживающей натуру и создающей высшую цель жизни. Они заставляют чувствовать на минуту, что есть в жизни что-то высшее, благородное, чем обыденные житейские стремления и страсти, объединяющее все человечество, дающее ему полет и вечное существование духа» [27, л. 13].

В создании музеев участвовала общественность, которую представляли известные коллекционеры. Собиратели редких и ценных предметов участвовали в составлении проектов будущих учреждений, формировании фондов и оформлении экспозиций, выставок. Многие обращали своё внимание на то, чтобы музеи и галереи становились центрами научной и культурной жизни, поэтому их работа была направлена на разработку новых форм взаимодействия с посетителями через лекции, экскурсии, тематические встречи. В результате организации диалога с учёными отмечалась важность музеев в просвещении и приобщении жителей к отечественному и мировому художественному наследию. Так, Владимир Платонович Сукачев писал Всеволоду Ивановичу Вагину в письме от 30 июля 1900 г.: «Большое спасибо за доброе слово по поводу моего предложения устроить в Иркутске картинную галерею. Многие и очень многие, даже из интеллигентов, смотрят на это как на пустую затею. Школу, говорят, нам дайте, образованных техников, а образование вкусов, любовь к искусству – без этого ещё долго можно обойтись; русские живописцы в галерее будут представлены в оригинальных произведениях, в хороших копиях, гравюрах и фотографиях с наилучших их произведений... В настоящее время изготовленные по моему заказу копии разбросаны по частным квартирам или в тех случаях, когда размеры их слишком велики – остаются в галереях. Настало время собрать их воедино. С этой целью осенью этого года я намерен объявить

при Обществе петербургских художников конкурс на постройку специального здания. Место я наметил на Тихвинской улице на углу Трапезниковского переулка, там, где была аптека Щульца, а потом дом Котельникова» [28, л. 10].

Важность сохранения и изучения архивных материалов для восстановления исторических событий понимали многие учёные, деятели искусства, коллекционеры Иркутска. Так, в сохранившихся документах Иркутского архива сообщается, как осуществлялся процесс выявления и сбора документов: «Вопрос о необходимости изучения местных архивов, не раз ставившийся Отделом, в начале 1900-х годов вновь занял видное место среди его работ. В 1902 году в составе В.-Сибирского Отдела наряду с другими секциями была образована особая архивная комиссия. Председателем этой комиссии был избран известный своими исследованиями в области сибирской церковной истории преподаватель Иркутской духовной семинарии свящ. И. Н. Дроздов. Кроме него в архивную комиссию вошли: Н. Н. Бакай, Н. Н. Козьмин, А. М. Станиловский, М. П. Овчинников, Я. А. Корейша и др. чл.; архивная комиссия взяла на себя заботы по охране, а также описание и изучение, местных архивов. Преимущественное же внимание членов комиссии привлекал архив б. иркутского магистрата, находившийся в ныне разобранных Московских воротах. Комиссией было задумано научное описание этого архива по образцу того, как велось "Описание документов и дел, хранящихся в архиве Синода" [28, л. 14].

В результате изучения архитектуры, исторических памятников Иркутской губернии и Забайкальской области, создания Б. И. Лебединским живописных работ уникальных построек в городах были выявлены новые документы, которые в дальнейшем использовали исследователи. Также значимость деятельности архивной комиссии общества состоит и в отношении к сохранению памятников местной старины.

Приведём другой пример, когда по инициативе общественности и власти создавался музей как научный центр. 17(29) ноября 1851 г. в Иркутске объединяются общественные силы в одной организации – Сибирском отделе Императорского Русского географического общества, который начинал проводить комплексную собирательскую и исследовательскую работу. И. Н. Дроздов работал в области изучения духовенства в губернии, подготовил доклад на тему «Из быта сибирского духовенства начала XVIII века». Магистр богословия собирал редкие материалы об искусстве в Сибири, обустройстве, убранстве первых православных храмов, повседневности духовенства и о многом другом. И. Н. Дроздов на основании выявленных в архивах документов представил подробную историю борьбы между известным в своё время архимандритом иркутского Вознесенского монастыря Антонием Платковским и провинциал-инквизитором иеродиаконом Иевлевым, завершившийся расстрижением последнего. В дальнейшем И. Н. Дроздов подготовил доклад по теме «О жизни и нравах местного духовенства и общества в Камчатке конца XVIII века». Исследователь, используя исторические источники иркутской духовной консистории, создал образ сложившихся своеобразных нравов захолустного камчатского духовенства данного периода, которые напомнили общественности сюжеты из жизни русского духовенства XVI в., которые обсуждались на Стоглавом соборе. И. Н. Дроздов отметил то, что в архивах находится большое количество исторического материала, который необходимо сохранить и продолжать изучать научным сообществом.

Стоит отметить, что И. Н. Дроздов во второй половине XIX в. активно принимал участие во многих художественных мероприятиях, которые организовывались учебными заведениями, обществен-

ными, научными и творческими объединениями разной направленности. Так, он участвовал в учебном процессе при рисовальной школе в Иркутске, проводил занятия, устраивал выставки и читал открытые лекции по истории искусства. Все имеющиеся исторические материалы историк использовал в процессе подготовки и проведения лекционных занятий, что являлось особенностью.

Первое время существования музея при ВСОИРГО, после открытия нового каменного здания, возможно определить как продуктивное, т. к. на этом этапе поступило большое количество ценного и редкого материала. О работе коллекционеров по созданию собраний сохранились записи, которые находятся в архивах Иркутска. Исторические документы сообщают подробные сведения: «Обращаюсь к Иркутскому музею при Восточно-Сибирском отделе Императорского Русского географического общества. Отдел этот, как старейший, учреждённый в 1851 г., снаряжавший много экспедиций и принимавший многих путешественников, мог собрать самые богатые научные коллекции. К сожалению, музей отдела несколько лет назад был жертвою пожара, нанесшего всему городу огромные бедствия. В настоящее время музей обновлён; из старых коллекций сохранились весьма немногие предметы. Иркутский отдел занимает собственный дом, зал его украшен красивыми и большими витринами, в которых расположены преимущественно этнографические коллекции. Всех коллекций по последнему отчёту было 41, а численность предметов доходила до 4107. В нынешнем 1886 году коллекции обогатились на 1045 предметов, большинство предметов выпало на зоологические (556) и палеонтологические коллекции (273 предмета), по археологии внесено всего 22 предмета» [29, л. 24].

Так, в результате составления плана по комплексному формированию фондов членами сообщества к 1889 г. музей приобрёл 9048 новых экспонатов. Постепенно налаживалась и научно-популярная деятельность отдела и музея. Устраивались воскресные лекции, на которых пояснялось содержание коллекций. Лекторами выступали такие известные ученые, как В. И. Подгорбунский, Д. П. Першин, Н. И. Попов, А. И. Кириллов, Н. П. Левин, Д. А. Клеменц и многие другие. В результате активной работы было создано собрание, которое подробно представило историю Байкальского региона от древности до настоящего времени. Также коллекция послужила основой для проведения сибирскими учёными более глубоких исследований по географии, биологии, геологии, этнографии, культуре отдельных территорий. Результаты данной работы публиковались в местных изданиях как научного, так и научно-популярного формата.

Иркутяне стремились постоянно развивать контакты с другими художественными центрами. Так, Нерчинск и Иркутск поддерживали связи по сохранению художественного наследия. На основе собрания М. Д. Бутина в 1886 г. была создана библиотека и публичный музей. Многие иностранные и местные жители посещали мероприятия, организуемые Михаилом Дмитриевичем. Знакомились они и с интерьерами дворца, отдельными предметами из его коллекции. В качестве примера можно привести воспоминания Джона Кеннана: «Попасть в этот замечательный дворец было для меня настоящим чудом. Когда я увидел в роскошном зале самое большое зеркало в мире, я стал протирать себе глаза, чтобы удостовериться, что я не сплю. Кто бы ожидал увидеть в глуши Восточной Сибири такой богатый дом с паркетными полами, шелковыми занавесками, дорогими обоями, с мягкими персидскими коврами, позолоченной мебелью, крытою атласом, старыми фламандскими картинами, галерей фамильных портретов, с оранжереей… Редко встречал подобное соединение пышности с тонким вкусом» [30, л. 12].

Историки собирают и изучают уникальные архивные материалы, которые показывают участие купечества в разных городских мероприятиях, в том числе и в выставках. Источники подтверждают то, что огромные денежные средства от купцов поступали и на реализацию научных исследований, просветительских проектов.

Другая сторона их деятельности была направлена на поддержание работы музеев и участие сотрудников в международных выставочных проектах. Нерчинские и иркутские купцы, такие как М. Д. Бутин и В. П. Сукачев, участвовали в процессе развития художественной жизни, приобщении городского общества к произведениям живописи, графики, скульптуры, создании местных собраний предметов искусства для представления ценных и редких экспонатов на конкурсе экспертному сообществу. Их живописная, графическая, этнографическая и другие коллекции получили высокую оценку мировой общественности. Известно то, что они собирали картины, рисунки, эскизы, скульптуры и другие предметы, которые представляли особую ценность. Они привлекали к участию в просветительских мероприятиях и жителей региона, т. к. считали это полезным для развития интересов, предпочтений в сфере искусства.

На настоящий момент не существует подробных трудов, рассматривающих с разных сторон то художественное пространство, которое было создано иркутским и нерчинским купечеством в данный период. Общественную деятельность Михаила Дмитриевича и Владимира Платоновича стоит рассматривать отдельно, т. к. исторические документы сохранили подробные свидетельства о том, что в отличие от других они стремились создавать общедоступные площадки (музеи и галереи), где городское общество знакомилось с художественными полотнами сибирских и западных мастеров. Также прослеживаются сходные методы в их просветительской работе при реализации общественных и выставочных проектов, что подтверждает предложенное утверждение о том, что их объединяло единство интересов в развитии художественного пространства, расширении доступности к мировому и отечественному художественному наследию.

Выводы

Во второй половине XIX в. музеи становятся, по наблюдению известных учёных и общественных деятелей, центрами сосредоточения интеллектуального и научного сообщества. Для горожан данные учреждения были необходимы как места для поиска новых материалов, знакомства с достижениями и результатами экспедиционной работы по изучению территории Иркутской губернии, окрестностей озера Байкала, населённых пунктов. В. П. Сукачев, М. Д. Бутин, Н. М. Ядринцев, Г. Н. Потанин, В. А. Комаровский, А. П. Богословский, И. Н. Дроздов, Б. И. Лебединский и многие другие поддерживали инициативы по созданию собраний, отражающих историю региона с разных сторон. Коллекционеры Иркутской губернии участвовали в работе музеев по формированию художественных собраний. К процессу обсуждения проектов развития и совершенствования музейной работы приглашали представителей городской власти и общественности. В дискуссиях по составлению планов развития, реализации предложенных идей участвовали специалисты многих профессий, которые понимали основные принципы построения экспозиций и размещения экспонатов в необходимых местах для сосредоточения внимания посетителей. Они использовали существующие материалы о том, как проводить общедоступные события для горожан.

При написании основных положений правил по сбору предметов для тематических разделов коллекционеров специалисты размышляли и указывали свои собственные предложения о финансирова-

нии, сборе необходимых средств для поддержания центров по изучению культурных и природных богатств Иркутской губернии. Указанные положения давали возможность представить собрания не только музеев, но и частные коллекции сибирского купечества. Также источники иркутских архивов отмечали и трудности, которые постепенно появлялись: недостаточно было средств для перемещения экспонатов от одного города к другому в случае нахождения материалов в отдалённых территориях организуемых мероприятий, выявления уникальных коллекций на других площадках, многие коллекционеры не предоставляли вовремя необходимых и отобранных ранее музейными экспертами и учёными предметов, осложнялась работа по сохранению отдельных частей собраний и т. д.

Исследование даёт представление о том, что просветительская деятельность коллекционеров была направлена на создание благоприятных условий для совершенствования музейной работы в городах Иркутской губернии второй половины XIX в. На организуемых дискуссионных площадках обсуждались научные достижения, вопросы комплектования фондов и многие другие вопросы. В Государственном архиве Иркутской области и архиве художественного музея в Иркутске сохранились документы, которые сохранили свидетельства о музейной работе коллекционеров. В делах отражен процесс сбора предметов, экономическое сопровождение (доходы и расходы от мероприятия), работа отдельных коллекционеров и художников. Данные источники в полной степени дали возможность восстановить историю музейного дела в Иркутской губернии.

Список литературы

1. Очерки историографии и источниковедения истории Сибири эпохи империи (XIX – начало XX века) / Л. М. Дамешек, И. Л. Дамешек, А. А. Иванов, В. П. Шахеров. Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2022. С. 60−134.

2. Шахеров В. П. Социально-демографические характеристики городского населения Иркутской губернии // Государственная власть и общество: на материалах городов Иркутской губернии XIX – начала XX веков : коллективная монография. Иркутск: Оттиск, 2019. С. 132–181.

3. Шахеров В. П. Исторический опыт участия иркутского купечества в эффективном развитии сибирской экономики XIX в. // Сибиряковские чтения: материалы VII Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 210-летию со дня рождения Н. Н. Муравьева-Амурского и 170-летию со дня рождения А. М. Сибирякова. Иркутск: Оттиск, 2020. С. 143–156.

4. Шахеров В. П. Роль купечества в становлении художественной жизни городов Байкальской Сибири в конце XVIII–XIX вв. // Материалы научной конференции «Сукачевские чтения – 2020». Иркутск: Изд-во ИОХМ, 2020. С. 14–22.

5. Гаврилова Н. И. Купеческий род Сибиряковых: страницы истории / Иркутский национальный исследовательский технический университет; Музей истории г. Иркутска им. А. М. Сибирякова. Иркутск: Оттиск, 2017. С. 15−17.

6. Комлева Е. В. Сибирское купечество: вклад в хозяйственное освоение и изучение Северо-Восточной Евразии (конец XVIII – XIX век). Новосибирск: Параллель, 2018. С. 249−254.

7. Комлева Е. В. «Тузы-капиталисты»: образ сибирского купца в региональной периодической печати второй половины XIX в. // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. 2018. Т. 24. С. 36–45.

8. Гончаренко Н. В. Сукачёвы. История одной семьи. Иркутск: Артиздат, 2019. С. 12−18.

9. Чирков В. Ф. Изобразительное искусство Сибири XVII – начала XXI вв.: словарь-указатель: в 2-х т. Т. 1. Тобольск: Общественный благотворительный фонд «Возрождение Тобольска», 2014. С. 81−82.

10. Завещано потомкам : художественная коллекция В. П. Сукачева в Иркутске : художественный альбом / Иркутский областной художественный музей им. В. П. Сукачева. Иркутск: Артиздат, 2009. С. 8–13.

11. Зуляр Ю. А. О периодизации истории Восточно-Сибирского отделения Русского географического общества (К итогам 160-летней деятельности ВСОРГО) // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. 2012. № 1(2). С. 73–85.

12. Зуляр Ю. А. К истории музея ВСОРГО // Краеведческие записки / Иркут. обл. краев. музей. Иркутск, 2000. Вып. 7. С. 38–42.

13. Зубрий Е. С. 150 лет Иркутскому областному художественному музею им. В. П. Сукачева // Изобразительное искусство Урала, Сибири и Дальнего Востока : научно-практический журнал. 2020. № 1. С. 155–163.

14. Кошман Л. В. Город и городская жизнь XIX столетия: социальные и культурные аспекты. М.: РОССПЭН, 2008. С. 348−349.

15. Манзырева Е. С. Развитие художественной культуры в городах Восточной Сибири (XIX – начало XX вв.) // Вестник Восточно-Сибирской государственной академии культуры и искусств. 2014. № 2 (7). С. 18–22.

16. Гаврилова Н. И. Покинувшие Сибирь. Территориальная мобильность иркутского купечества во второй половине XIX – начале XX в.: социокультурные аспекты (к постановке проблемы) // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. 2016. Т. 18. С. 39–48.

17. Гимельштейн А. В. Выставки и краеведческая деятельность ВСОРГО. 1851–1931 гг. Иркутск: ВостСибкнига, 2012. С. 25−30.

18. Иркутский край. Четыре века: история Иркутской губернии (области) XVII–XXI вв. / гл. ред. Л. М. Дамешек. Иркутск: ВостСибкнига, 2012. С. 60−78.

19. Фатьянов А. Д. Художники, выставки, коллекционеры Иркутской губернии. Иркутск: Восточно-Сибирское кн. изд-во, 1995. С. 19−20.

20. Фатьянов А. Д. Судьба сокровищ. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1967. С. 12−13.

21. Фатьянов А. Д. Владимир Сукачев. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1990. С. 51−54.

22. Лыхин Ю. П. Художественная жизнь Иркутска (первая четверть XX века). Иркутск: АЭМ «Тальцы», 2002. С. 35−38.

23. Лыхин Ю. П. Хроника художественных событий в Иркутске (XVII век – 1899 год) // Известия Архитектурно-этнографического музея «Тальцы» / отв. ред. Ю. П. Лыхин. Иркутск : Изд-во ИП «Макаров С. Е.», 2004. Вып. 3. С. 51−91.

24. Ткачев В. В. Организация художественных мероприятий Восточно-Сибирским отделом Императорского Русского географического общества во второй половине XIX – начале XX века // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 11, № 4. С. 216–227.

25. Известия Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества // Обзор деятельности ВСОРГО за 75 лет. 1851–1926 гг.: юбилейный сборник. Т. 50, Вып. 1. Иркутск: Власть Труда, 1926. С. 61–94.

26. ГАИО (Государственный архив Иркутской области). Ф. 293. Оп. 1. Д. 282. Л. 10.

27. ГАИО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 162.

28. ГАИО. Ф. 197. Оп. 1. Д. 5.

29. Архив Иркутского областного художественного музея им. В. П. Сукачева (ИОХМ). Дело по истории Иркутского областного художественного музея. Л. 24.

30. Архив ИОХМ. Дело Б. И. Лебединского. Л. 12.

References

1. Dameshek L. M., Dameshek I. L., Ivanov A. A., Shakherov V. P. Ocherki istoriografii i istochnikovedeniya istorii Sibiri epokhi imperii (XIX – nachalo XX veka) [Essays on historiography and source study of the history of Siberia in the era of the empire (XIX – early XX century)]. Irkutsk, Irkutsk St. Univ. Publ., 2022, pp. 60−134.

2. Shaherov V. P. Social'no-demograficheskie harakteristiki gorodskogo naseleniya Irkutskoj gubernii [Socio-demographic characteristics of the urban population of the Irkutsk province]. *Gosudarstvennaya vlast' i obshchestvo: na materialah gorodov Irkutskoj gubernii XIX – nachala XX vekov* [State power and society: on the materials of the cities of the Irkutsk province of the XIX – early XX centuries]. Irkutsk, Ottisk Publ., 2019, pp. 132–181.

3. Shakherov V. P. [The historical experience of the participation of the Irkutsk merchants in the effective development of the Siberian economy in the 19th century]. *Sibiryakovskiye chteniya. Materialy VII Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy 210-letiyu so dnya rozhdeniya N. N. Murav'yeva-Amurskogo i 170-letiyu so dnya rozhdeniya A. M. Sibiryakova* [Siberian Readings. Proceedings of the VII All-Russian scientific and practical conference dedicated to the 210th anniversary of the birth of N. N. Muravyov-Amursky and the 170th anniversary of the birth of A. M. Sibiryakov]. Irkutsk, Ottisk Publ., 2020, pp. 143–156. (In Russ.).

4. Shakherov V. P. [The role of the merchants in the formation of the artistic life of the cities of Baikal Siberia at the end of the 18th–19th centuries]. *Materialy nauchnoy konferentsii "Sukachevskiye chteniya – 2020"* [Materials of the scientific conference "Sukachev readings – 2020"]. Irkutsk, IOKHM Publ., 2020, pp. 14–22. (In Russ.).

5. Gavrilova N. I. Kupecheskiy rod Sibiryakovykh: stranitsy istorii [Merchant family of Sibiryakovs: pages of history]. Irkutsk, Ottisk Publ., 2017, pp. 15−17.

6. Komleva Ye. V. Sibirskoye kupechestvo: vklad v khozyaystvennoye osvoyeniye i izucheniye Severo-Vostochnoy Yevrazii (konets XVIII – XIX vek) [Siberian merchants: contribution to the economic development and study of North-Eastern Eurasia (the end of the 18th – 19th centuries)]. Novosibirsk, Parallel' Publ., 2018, pp. 249−254.

7. Komleva Ye. V. "Tuzy-kapitalisty": obraz sibirskogo kuptsa v regional'noy periodicheskoy pechati vtoroy poloviny XIX v. [“Aces-capitalists”: the image of a Siberian merchant in the regional periodical press of the second half of the 19th century]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya = Proceedings of the Irkutsk State University. Series: History*, 2018, vol. 24, pp. 36–45.

8. Goncharenko N. V. Sukachovy. Istoriya odnoy sem'i [Sukachevy. The history of one family]. Irkutsk, Artizdat Publ., 2019, pp. 12−18.

9. Chirkov V. F. Izobrazitel'noe iskusstvo Sibiri XVII – nachala XXI vv. [Fine arts of Siberia of the XVII – early XXI centuries]. Tobol'sk, Obshchestvennyj blagotvoritel'nyj fond "Vozrozhdenie Tobol'ska", 2014, pp. 81−82.

10. Zaveshchano potomkam : khudozhestvennaya kollektsiya V. P. Sukacheva v Irkutske [Bequeathed to descendants: art collection of V. P. Sukachev in Irkutsk]. Irkutsk, Artizdat Publ., 2009, pp. 8–13.

11. Zulyar Yu. A. O periodizatsii istorii Vostochno-Sibirskogo otdeleniya Russkogo geograficheskogo obshchestva (K itogam 160-letney deyatel'nosti VSORGO) [On the periodization of the history of the East Siberian Branch of the Russian Geographical Society (On the results of the 160-year activity of the VSORGO)]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya = Proceeding of the Irkutsk State University. Series: History,* 2012, no. 1(2), pp. 73–85.

12. Zulyar Yu. A. K istorii muzeya VSORGO [On the history of the ESORGO museum]. Krayevedcheskiye zapiski [Local history notes]. Irkutsk, 2000, is. 7, pp. 38–42.

13. Zubriy Ye. S. 150 let Irkutskomu oblastnomu khudozhestvennomu muzeyu im. V. P. Sukacheva [150 years of the Irkutsk Regional Art Museum. V. P. Sukacheva]. *Izobrazitel'noye iskusstvo Urala, Sibiri i Dal'nego Vostoka = Visual arts of the Urals, Siberia and the Far East*, 2020, no. 1, pp. 155–163

14. Koshman L. V. Gorod i gorodskaya zhizn' XIX stoletiya: social'nye i kul'turnye aspekty [City and urban life of the XIX century: social and cultural aspects]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2008, pp. 348−349.

15. Manzyreva Ye. S. Razvitiye khudozhestvennoy kul'tury v gorodakh Vostochnoy Sibiri (XIX – nachalo XX vv.) [Development of artistic culture in the cities of Eastern Siberia (XIX – early XX centuries)]. *Vestnik Vostochno-Sibirskoy gosudarstvennoy akademii kul'tury i iskusstv = Bulletin of the East Siberian State Academy of Culture and Arts*, 2014, no. 2 (7), pp. 18–22.

16. Gavrilova N. I. Pokinuvshiye Sibir'. Territorial'naya mobil'nost' irkutskogo kupechestva vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v.: sotsiokul'turnyye aspekty (k postanovke problemy) [Left Siberia. Territorial mobility of the Irkutsk merchants in the second half of the 19th – early 20th centuries: socio-cultural aspects (to the formulation of the problem)]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya = Proceedings of the Irkutsk State University. Series: History*, 2016, vol. 18, pp. 39–48.

17. Gimel'shteyn A. V. Vystavki i krayevedcheskaya deyatel'nost' VSORGO. 1851–1931 gg. [Exhibitions and local history activities of the East Siberian Geographical Society. 1851–1931]. Irkutsk, VostSibkniga Publ., 2012, pp. 25−30.

18. Irkutskiy kray. Chetyre veka : istoriya Irkutskoy gubernii (oblasti) XVII-XXI vv. [Irkutsk region. Four centuries: the history of the Irkutsk province (region) of the XVII-XXI centuries]; ed. by L. M. Dameshek. Irkutsk, VostSibkniga Publ., 2012, pp. 50−53.

19. Fat'yanov A. D. Hudozhniki, vystavki, kollekcionery Irkutskoj gubernii [Artists, exhibitions, collectors of Irkutsk province]. Irkutsk, Vost.-Sib. kn. izd-vo, 1995, pp. 19−20.

20. Fat'yanov A. D. Sud'ba sokrovishch [The fate of treasures]. Irkutsk, Vost.-Sib. kn. Izdvo, 1967, pp. 12−13.

21. Fat'yanov A. D. Vladimir Sukachev [Vladimir Sukachev]. Irkutsk, Vost.-Sib. kn. izd-vo, 1990, pp. 51−54.

22. Lykhin Yu. P. Khudozhestvennaya zhizn' Irkutska (pervaya chetvert' XX veka) [Artistic life of Irkutsk (the first quarter of the 20th century)]. Irkutsk, AEM "Tal'tsy", 2002, pp. 35−38.

23. Lyhin Yu. P. Hudozhestvennaya zhizn' Irkutska (pervaya chetvert' XX veka) [Artistic life of Irkutsk (the first quarter of the XX century)]. Irkutsk, AEM "Tal'cy", 2002, pp. 35−38.

24. Tkachev V. V. Organizatsiya khudozhestvennykh meropriyatiy Vostochno-Sibirskim otdelom Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva vo vtoroy polovine XIX – nachale XX veka [Organization of Artistic Events by the East Siberian Department of the Imperial Russian Geographical Society in the Second Half of the 19th - early 20th Centuries]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law,* 2021, vol. 11, no. 4, pp. 216–227.

25. Izvestiya Vostochno-Sibirskogo otdela Russkogo geograficheskogo obshchestva [Proceedings of the East Siberian department of the Russian geographical society]. Obzor deyatel'nosti VSORGO za 75 let. 1851–1926 gg. [Overview of the activities of the VSORGO for 75 years. 1851–1926]. Vol. 50, is. 1. Irkutsk, Vlast' Truda Publ., 1926, pp. 61–94.

26. GAIO (Gosudarstvennyy arkhiv Irkutskoy oblasti) [State Archives of the Irkutsk Region], f. 293, op. 1, d. 282.

27. GAIO, f. 293, op. 1, d. 162.

28. GAIO, f. 197, op. 1, d. 5.

29. IOChM (Arkhiv Irkutskogo oblastnogo khudozhestvennogo muzeya im. V. P. Sukacheva) [Archive of the Irkutsk Regional Art Museum. V.P.Sukacheva]. Delo po istorii Irkutskogo oblastnogo khudozhestvennogo muzeya [Case on the history of the Irkutsk Regional Art Museum], l. 24.

30. IOChM. Delo B. I. Lebedinskogo [The case of B. I. Lebedinsky], l. 12.

Информация об авторе / Information about the Author

Ткачев Виталий Викторович, аспирант кафедры истории России, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация,
e-mail: vitaliy.tkachev@mail.ru
ORCID: 0000-0002-1057-3270

Tkachev V. Vitaliy, Post-Graduate Student of the Department of Russian History, Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation,
e-mail: vitaliy.tkachev@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-1057-3270

Оригинальная статья / Original article

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-6-189-201

CC BY 4.0

Развитие советско-японских научных связей в советский период

Д. В. Киба[1] ✉

[1]Комсомольский-на-Амуре государственный университет
ул. Ленина 27, г. Комсомольск-на-Амуре 681013, Российская Федерация

✉ e-mail: darya.kiba.80@mail.ru

Резюме

***Актуальность**. В настоящее время реализация программ двустороннего научного сотрудничества Японии и России затруднена в связи с обострившейся международной обстановкой. Однако научные контакты необходимо развивать, так как они способствуют взаимопониманию русского и японского народов, даже при условии политических разногласий. Обращение к советскому опыту развития взаимодействия СССР и Японии в сфере науки позволит учесть накопленный опыт, разнообразные формы и пути налаживания двустороннего научного диалога между странами на современном этапе.*

***Цель** исследования – определить формы советско-японского научного взаимодействия в советский период.*

***Задачи исследования**: выявить вклад правительственных, общественных структур, частных лиц в развитие советско-японских научных связей, изучить механизм научного взаимодействия СССР и Японии.*

***Методология**. В работе использовались сравнительно-исторический и хронологический методы.*

***Результаты**. Автором прослежена деятельность правительственных, общественных организаций Японии и СССР, вклад частных компаний и отдельных ученых в развитие советско-японских научных связей. Выделены четыре этапа формирования научных связей, их специфика и участники: довоенный период, время 1960-х гг., 1970-е первая половина 1980-х гг., 1985-1991 гг. Изучена деятельность японских и советских университетов по налаживанию двустороннего научного обмена и книгообмена. Определена роль политико-экономических процессов, происходящих в СССР в ходе выстраивания научного диалога во второй половине 1980-х гг.*

***Выводы.** В советский период одной из форм советско-японского научного сотрудничества стал книгообмен. Действенной формой двустороннего научного взаимодействия являлись непосредственные контакты ученых двух стран на международных научных конференциях и во время визитов исследователей в СССР и Японию. Самой интенсивно развивающейся формой научного взаимодействия стали научные обмены между японскими и советскими учреждениями. Следует отметить значительный вклад отдельных институтов и общественных организаций стран в процесс развития научных двусторонних связей. Факторами, стимулирующими развитие научных обменов, стало изучение русского и японского языков, заключение долгосрочных соглашений о сотрудничестве. Кроме того, значительно интенсифицировали научные обмены изменения политико-экономической ситуации в советском государстве во второй половине 1980-х гг.*

***Ключевые слова:** книгообмен; научный обмен; советско-японские связи; перестройка.*

***Конфликт интересов**: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Для цитирования: Киба Д. В. Развитие советско-японских научных связей в советский период // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2022. Т. 12, № 6. С. 189–201. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-6-189-201.

Поступила в редакцию 12.10.2022 Принята к публикации 16.11.2022 Опубликована 16.12.2022

© Киба Д. В., 2022

Development of Soviet-Japanese Scientific Relations in the Soviet period

Darya V. Kiba[1] ✉

[1]Komsomolsk-on-Amur State University
27 Lenina Str., Komsomolsk-on-Amur 681013, Russian Federation

✉ e-mail: darya.kiba.80@mail.ru

Abstract

Relevance. *At present, the implementation of bilateral scientific cooperation programs between Japan and Russia is difficult due to the aggravated international situation. However, scientific contacts need to be developed, as they contribute to mutual understanding between the Russian and Japanese peoples, even under the condition of political differences. An appeal to the Soviet experience in the development of interaction between the USSR and Japan in the field of science will allow taking into account the accumulated experience, various forms and ways of establishing a bilateral scientific dialogue between countries at the present stage.*

The ***purpose*** *of the study is to determine the forms of Soviet-Japanese scientific interaction in the Soviet period.*

Research objectives*: to identify the contribution of government, public structures, and individuals to the development of Soviet-Japanese scientific ties, to study the mechanism of scientific interaction between the USSR and Japan.*

Methodology. *The comparative-historical and chronological methods were used in the work.*

Results. *The author traces the activities of governmental and public organizations of Japan and the USSR, the contribution of private companies and individual scientists to the development of Soviet-Japanese scientific ties. The activities of Japanese and Soviet universities to establish bilateral scientific exchange and book exchange have been studied.*

Conclusion. *During the Soviet period, book exchange became one of the forms of Soviet-Japanese scientific cooperation. An effective form of bilateral scientific cooperation has become direct contacts between scientists of the two countries at international scientific conferences and during visits of researchers to the USSR and Japan. The most intensively developing form of scientific interaction was scientific exchanges between Japanese and Soviet institutions. It should be noted the significant contribution of individual institutions and public organizations of the countries to the development of scientific bilateral relations. The factors stimulating the development of scientific exchanges were the study of Russian and Japanese languages, the conclusion of long-term cooperation agreements. In addition, scientific exchanges were significantly intensified by changes in the political and economic situation in the Soviet state in the second half of the 1980s.*

Keywords*: book exchange; scientific exchange; Soviet-Japanrse relations; perestroika.*

Conflict of interest: *The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Kiba D. V. Development of Soviet-Japanese Scientific Relations in the Soviet period. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2022; 12(6): 189–201. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-6-189-201.

Received 12.10.2022 Accepted 16.11.2022 Published 16.12.2022

Введение

В условиях современных международных отношений связи нашего государства с Японией осложнены. Однако советский опыт показывает, что развитие гуманитарного взаимодействия, в том числе научных контактов, способствует не только налаживанию полноправного диалога между странами, но и содействует решению важнейших политико-экономических проблем. Важно обратиться к практике развития взаимодействия СССР и Японии в сфере науки в советский период для того, чтобы на современном этапе учесть данный истори-

ческий опыт, разнообразные формы и пути налаживания двустороннего научного диалога между странами.

Проблема советско-японского взаимодействия в сфере науки затрагивалась в работах советских и современных ученых [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8]. Обращались к данной проблематике и японские исследователи [9; 10]. Следует отметить, что научные контакты Японии и СССР в советский период исследователями прослеживались фрагментарно. В настоящий момент необходимо, используя документы Государственного архива Российской Федерации, Архива внешней политики Российской Федерации, материалы отечественной периодической печати, впервые введенные в научный оборот, обратиться к изучению советско-японских научных связей в советский период.

Формирование научных связей началось с установления официальных дипломатических контактов Советского государства и Японии в 1925 г. Верхняя хронологическая рамка настоящего исследования определена 1991 г. – распадом СССР.

Исходя из вышеизложенного цель настоящего исследования – определить формы советско-японского научного взаимодействия в советский период.

Методология

В работе использовались сравнительно-исторический и хронологический методы. Сравнительно-исторический метод позволил выявить особенности формирования организационной среды, в которой функционировали советская и японская научная общественность. Хронологический метод позволил поэтапно проследить процесс развития научных связей Советского государства и Японии в их историческом контексте.

Результаты и их обсуждение

Развитие научных связей в начале 1920-х гг. затруднял взаимный запрет на ввоз научной литературы, существующий в СССР и Японии. Транспортировка советских книг в Японию была запрещена до 1924 г. С установлением дипломатических отношений в 1925 г. в СССР необходимо было получать разрешения Главного управления научными, научно-художественными и музейными учреждениями на ввоз в страну научных материалов, что создавало преграду для общения советских ученых с иностранными, в том числе японскими, коллегами. Контактам ученых способствовала деятельность Всесоюзного общества культурных связей с заграницей (далее – ВОКС). Последнее занималось организацией книгообмена между учреждениями СССР и Японии. Своим собственным книжным фондом ВОКС не располагало, а выступало посредником между советскими и зарубежными учреждениями. Бюро книгообмена Общества заключало договоры с библиотеками, книжными палатами, бесплатно поставлявшими научную, техническую, художественную литературу. ВОКС организовывало кампании среди издательств по передаче книг за рубеж. Безусловно, оно следило за тематикой отправляемых книг, играя роль органа цензуры, так наряду с обменом литературой осуществлялась пропаганда социалистического образа жизни.

Практика безвозмездной передачи книг встречала сопротивление ряда советских организаций. Так, постановлением Народного комиссариата просвещения от 11 ноября 1926 г. Центральная книжная палата должна была выделить ВОКС 1500 томов для пожертвования Токийской библиотеке, разрушенной землетрясением 1923 г. Однако Книжная палата решила аннулировать решение Наркомпроса и отказалась вступить с библиотекой в книгообмен. ВОКС 7 апреля 1927 г. в письме отделу Дальнего Востока Народного комиссариата иностранных дел СССР (НКИД) выразило протест против данной попытки сорвать крупное культурно-политическое мероприятие [11, л. 139]. В итоге в 1927 г. ВОКС удалось вручить профессору Е. Г. Спальвину

10 тысяч книг для передачи библиотеке Токийского государственного университета [11, л. 2].

С января 1927 г. Отдел книгообмена Отдела Дальнего Востока НКИД на основании обоюдного соглашения установил порядок книгообмена с International Exchange Service Imperial Library Токио. Библиотека принимала книги от японских учреждений, которые хотели наладить книгообмен с СССР и направляла литературу в ВОКС. Однако несмотря на это в июне 1927 г. профессор Е. Г. Спальвин жаловался, что в СССР не допускаются научные книги из Японии.

В конце 1920-х гг. ВОКС было принято решение организовать с помощью научно-технического сектора обмен научными материалами (гербариями, образцами почв и пр.) советских учёных с их коллегами за границей [1, с. 90]. В 1930-е гг. ВОКС продолжало прикладывать усилия для налаживания книгообмена между странами. Так, уполномоченный ВОКС М. Галкович в 1932 г. докладывал в Москву о библиотеке в Хакодате, являющейся одним из центров научно-исследовательской работы, в которой были сосредоточены большие комплексы газет и журналов. М. Галкович договорился с библиотекой осуществлять обмен литературой при условии согласия советских структур [12, л. 38]. Таким образом, в 1930-е гг. по-прежнему стоял вопрос организации обмена литературой, несмотря на то, что ВОКС предпринимало определенные меры для решения данной проблемы.

Важнейшим направлением научного сотрудничества стран было изучение русского и японского языков. В Японии в рассматриваемый период русский язык преподавался в университете Такусёку. Мощный импульс преподаванию русского языка и изучению России дал виконт Гото, занимавший пост ректора университета. Русский язык в университете преподавался с 1917 г., страноведческие курсы о России читались с 1924 г. Русские преподаватели работали в университете с 1922 по 1925 г. и с 1932 г. по 1990-е г. При виконте Гото преподавание русского языка велось по учебникам, составленным или изданным Японо-Русским обществом.

Значимым центром подготовки специалистов-русистов был университет Васэда. В марте 1920 г. было открыто русское отделение университета. Студенты получали хорошую филологическую подготовку. Преподавателями были русист Баба Тацуя, Хара Хисаитиро. При университете было создано Общество русской литературы. К преподаванию были привлечены живущие в Японии русские эмигранты – Г. Магницкий, А. Ванновский. В 1931 г. университет прекратил прием студентов и в 1937 г. отделение, на котором занималось 150 человек, было закрыто [13, л. 73].

Непосредственные контакты исследователей двух стран начались после 1925 г. В октябре в Москву прибыла группа японских ученых на празднование 200-летия Академии наук СССР [6, с. 473]. С 30 октября по 1 ноября 1926 г. советские ученые принимали участие в работе III Тихоокеанского Конгресса в Токио. Данное научное мероприятие было организовано Всетихоокеанской ассоциацией (AU-Pacifici Association). Ее главной целью было установление культурных связей между странами, расположенными на берегах Тихого океана [5, с. 198]. В работе первых двух конгрессов, состоявшихся в 1920 и 1923 гг., советские ученые не принимали участия. Однако в 1926 г. Академия наук приняла решение не игнорировать столь важное с научной точки зрения мероприятие, т. к. в СССР в рассматриваемый период активизировалась работа по изучению Тихого океана. Во Владивостоке был создан университет, в 1926 г. восстановлена Биологическая станция, занимающаяся исследованием тихоокеанских вод. Академия наук СССР избрала особую комиссию, которая выработала программу участия русских

ученых в конгрессе. Комиссия пришла к выводу, что необходимо принять участие в работе международного конгресса, для того чтобы работе по исследованию Тихого океана была придана планомерность и широта. Участниками научного мероприятия стали 600 ученых из 20 тихоокеанских государств. Конгресс был выдающимся мировым научным съездом. Участие в нем советского государства подчеркивало его заинтересованность в тихоокеанских вопросах.

После конгресса Япония продолжала проявлять интерес к русским ученым, занимающимся тихоокеанскими водами. В 1930 г. Управление рыбного хозяйства Народного комиссариата земледелия РСФСР получило от профессора Рыбопромышленного Императорского университета Хоккайдо Кокици Осима проект устава «Японо-русской Ассоциации ихтиологов». Документ был разработан японскими научными кругами в 1928 г. и предусматривал сотрудничество в сфере ихтиологии. Планы российско-японского сотрудничества не встретили возражения со стороны НКИД.

В конце 1920-х гг. в СССР приехали ряд японских исследователей. В 1927 г. нашу страну посетил русист Кандзо Наруми. Он работал преподавателем японского языка в Ленинградском восточном институте, потом на Восточном факультете Ленинградского университета, где ему помог найти место Н. И. Конрад. В Советском Союзе Кандзо Наруми прожил девять лет. Ученый был коллекционером старых и редких книг, поклонник русской литературы, пушкинист. Посещая букинистические магазины в Москве и Ленинграде, он покупал не только старые издания А. С. Пушкина (в том числе и первое издание «Евгения Онегина»), но и книги, сборники поэтов и произведения писателей «Серебряного века» и авангарда. Книги Наруми передал в библиотеку при университете Хитоцубаси в г. Токио. В Ленинграде в 1931 г. жил и учился Ёсио Нодзаки, будущий профессор и театровед университета Васэда в Токио.

В 1927 г. профессор истории искусства Ясиро выехал в Европу и останавливался в Москве и Ленинграде, изучая русское искусство. В июне 1927 г. Ленинград посещали известный писатель Кавадзи и профессор агрономии Танака. В 1935 г. секретаря советского полпредства в Токио посетил профессор Симамура и выразил желание Археологического общества Японии наладить научный обмен с Антропологическим кабинетом Украинской академии наук, Таврическим обществом истории в Симферополе, Западно-Сибирским музеем в Омске, Географическим обществом в Иркутске и Читинским краевым музеем [14, л. 2]. Таким образом, в 1920–30-е гг. общественность Японии и отдельные ученые проявляли интерес к Советской России и предпринимали конкретные шаги в направлении развития научного диалога между странами.

В 1931 г. Уполномоченный ВОКС М. Галкович посетил физико-химический институт Токио. В ходе беседы с генеральным секретарем учебного заведения он предложил наладить научный обмен с СССР. Секретарь Уно ответил, что не возражает, однако, по его мнению, «обмен практически невозможно осуществить» [12, л. 63]. В том же году М. Галкович посетил университет в Саппоро, где профессор Сакамура сообщил, что несколько лет назад институт посещал Н. И. Вавилов.

Таким образом, у научной общественности Японии, лояльно настроенной по отношению к СССР, было желание сотрудничать с советскими учеными, однако оно наталкивалось на противодействие японского правительства, с недоверием относившегося к представителям советского государства, и на препоны, создаваемые советской политической системой. В конце 1930-х гг. советское партийно-государственное руководство придерживалось политики ограничения кон-

тактов с восточным соседом из-за агрессивной внешней политической линии Японии.

После Второй мировой войны одними из первых среди гуманитарных контактов активизировались связи в области литературы и искусства. Научные контакты получили свое дальнейшее развитие в 1950–60-е гг.

Взаимодействие осуществлялось с отдельными научными учреждениями и частными фирмами. Академия наук и Научно-технический совет (НТС) Японии не принимали активного участия в налаживании связей с советскими учеными. Научно-технический совет являлся основным научным центром, который занимался разработкой важнейших научных проблем. Он был создан в 1949 г. как консультативный орган при японском правительстве, но не мог самостоятельно ставить перед ним вопросы о необходимости разработки той или иной проблемы. НТС контролировал работу всех научно-исследовательских учреждений Японии, осуществлял связь с академиями наук других стран в вопросах обмена делегациями, участия в международных конференциях. Однако связи с СССР не прослеживались. В 1950 г. НТС объединил все научные организации в союзы: Союз японских обществ литературы, философии и истории, Союз японских обществ права и политики, Японский Союз ассоциаций экономических наук [15, л. 58]. После учреждения НТС Академия наук Японии административно подчинялась Совету. В 1955 г. Академия отделилась от Совета и действовала как самостоятельная организация. Практические активные шаги по налаживанию советско-японского научного взаимодействия осуществляли не НТС и Академия наук, а общественные организации и научные учреждения Японии.

В Стране восходящего солнца еще в довоенный период было создано Мичуринское общество «Митюринкай». Правительство рассматривало общество как просоветское и оно находилось в тяжелом положении. Общее число его членов составляло одну тысячу человек: научные работники и лица, заинтересованные в развитии сельского хозяйства. По партийной принадлежности члены общества были коммунистами, социалистами, либерал-демократами и беспартийными. Организация содействовала переводу на японский язык советской сельскохозяйственной литературы, распространению и пропаганде знаний о достижениях советской сельскохозяйственной науки и обмену опытом в деле внедрения в Японии мичуринского учения. К 1962 г. мичуринцы не раз обращались в различные учреждения СССР по вопросам взаимодействия, но ответа не получали [16, л. 162–164].

В 1960-е гг. научные контакты развивались в форме научных обменов между советскими и японскими учреждениями. В 1962 г. в соответствии с планами научных связей Академия наук СССР должна была отправить в Японию биолога, сейсмолога, биохимика, историка, экономиста. Кроме того, СССР был готов направить в Японию двух ученых по естественным наукам для чтения лекций. Академия наук была готова принять японских ученых на срок от 2 недель до 3 месяцев. Переговоры с японскими научными учреждениями об обмене велись через посредничество Госкомитета по культурным связям с зарубежными странами при Совете Министров СССР, были затянутыми во времени и осложняли научный обмен.

В результате МИД Японии предложил сократить обмен научными сотрудниками до шести человек при продолжительности поездки в один год, что было предусмотрено в проекте бюджета Японии на 1962–1963 гг. [16, л. 88–89] В 1967 г. правительство Японии внесло предложение обмениваться ежегодно научными работниками для работы в высших учебных заведениях в течение

10 месяцев [17, л. 165]. Таким образом, срок пребывания ученых был сокращен.

Активность в налаживании научных связей проявляли японские университеты и частные издательские компании. В начале 1960-х гг. Институт славяноведения университета Хоккайдо, единственный исследовательский центр по изучению славяноведения в Японии, обменивался периодическими изданиями с Академией наук СССР и Институтом славяноведения. В письме Председателю Государственного комитета по культурным связям Г. Жукову от 28 марта 1962 г. японский институт указывал, что желает поддерживать связи и с другими университетами СССР. Японская сторона с 1956 г. посылала свои периодические издания Московскому и Ленинградскому университетам, предлагала им программу обмена, но ответа не было. В связи с этим директор университета Сигето Торияма просил оказать содействие в осуществлении программы научного обмена [16, л. 295]. В результате обмена нотами между Государственным комитетом по культурным связям и посольством Японии в СССР была достигнута договоренность об обмене учеными на период с 1 апреля 1965 г. по 31 марта 1966 г. [18, л. 95] В Японию были направлены кандидат юридических наук, японовед-филолог Г. В. Дружинин на стажировку на юридический факультет Токийского государственного университета, аспирант В. В. Виноградов, являвшийся специалистом международником по странам Востока.

В 1966 г. Японию посетил заведующий Государственного комитета по культурным связям В. М. Каменев. Президент и владелец издательского концерна «Иомиури» Мацутаро Сиорики выразил заинтересованность в развитии научного обмена с СССР и предложил заключить соглашение с советской стороной об обмене научными работниками с пребыванием в Японии от 5 до 10 месяцев. Содержать ученых должна была принимающая сторона. Такое соглашение концерн уже заключил с Францией [18, л. 12]. Государственный комитет по культурным связям направил проект соглашения Заместителю председателя госкомитета Совета Министров СССР по науке и технике, т. к. у последнего уже был опыт заключения соглашения о научно-техническом сотрудничестве в области химии и нефтехимии с группой «Мицуи».

Правление Всесоюзного общества «Знание» в соответствии со своим планом культурных связей СССР с зарубежными странами направило в Японию с 15 по 26 мая 1967 г. туристическую группу членов общества, ученых, которые были готовы выступить с лекциями. Принимало группу японо-советское туристическое бюро [17, л. 86].

К 1967 г. Ленинградский государственный университет и Осакский институт иностранных языков договорились ежегодно осуществлять обмен преподавателями русского и японского языков по одному с каждой стороны сроком до одного учебного года [17, л. 112]. Киевский государственный университет и государственный университет г. Киото договорились осуществлять обмен учебной и научной литературой [17, л. 114]. Обмен предусматривал также поездки двух молодых научных сотрудников для прохождения стажировки на срок девять месяцев и командировки двух профессоров на срок до одного месяца для чтения лекций. Институт восточных языков при МГУ и Институт иностранных языков г. Кобэ условились об обмене преподавателями русского и японского языков сроком до восьми месяцев.

Договоренностями о научных обменах занималось с японской стороны и Министерство просвещения. Так, 21 января 1966 г. в г. Йекогаму направили профессора Р. Н. Солоухина и Б. А. Токина для прочтения лекций в Токийском университете и Государственном университете генетики г. Мисима префектуры

Сидзуока. Вопросами приглашения занимался Отдел международных культурных связей (Кокусай бункака) Министерства просвещения. В соответствии с достигнутой договоренностью 24 февраля в Москву на два месяца прибыл профессор геологического факультета Токийского педагогического института Курода Иосимасу.

В Университете Тохоку, расположенном в префектуре Мияги г. Сэндай, в 1965 г. было открыто отделение русского языка, где обучалось 50 студентов. Однако университет не имел хорошей учебной базы для изучения русского языка и не обладал необходимым количеством специалистов. Единственным преподавателем являлась Тохоку Урисибара, которая посетила посольство СССР в Японии и попросила записать на магнитную пленку тексты на русском языке, а также просила оказать содействие в приобретении методической и учебной литературы.

Несмотря на сложности налаживания учебной деятельности университетов, кафедры русского языка японских вузов расширялись. В Осакском институте иностранных языков за 1964–1965 гг. прием студентов на отделение русского языка увеличился в два раза. В 1965 г. русскому языку обучались 150 студентов, первый и второй курсы по 50 человек), третий и четвертый курсы – по 25 человек [18, л. 135]. В том же году в городском институте г. Кобе русский язык изучали 150 человек, в Университете Тенри г. Нара – 100 студентов.

Значительным стимулирующим средством повышения интереса к изучению русского языка в Японии являлся Конкурс русского языка. 27 мая 1967 г. в Токио состоялся финальный тур Четвертого Всеяпонского конкурса изучающих русский язык. Он проводился посольством при содействии газеты Асахи и «Асахи ивнинг ньюс». В первом туре приняло участие 50 человек, в 1,5 раза больше, чем в 1966 г. Участниками являлись студенты, аспиранты, служащие компаний. Конкурс предусматривал написание сочинения и устные выступления.

Значительную методическую помощь курсам русского языка оказывало Общество «СССР-Япония». Однако несмотря на это около 70% учебных заведений на периферии, где преподавался русский язык, не имели литературы на русском языке [18, л. 171]. Ряд учебных заведений готовы были пригласить в Японию преподавателей русского языка с оплатой 70-80 тыс. иен в месяц – на 50–60 тыс. меньше прожиточного минимума для иностранцев. Выплачивать повышенную зарплату учебные заведения не могли. При отсутствии советских преподавателей они приглашали преподавателей из числа русских эмигрантов.

Новый этап в советско-японском взаимодействии по линии университетов наступил в 1970-е – первой половине 1980-х гг. В данный период были подписаны долговременные соглашения о сотрудничестве между университетами. В апреле 1973 г. МГУ подписал первую рабочую программу научного сотрудничества с японским частным университетом Васэда. В октябре 1973 г. было подписано Соглашение с университетом Токай об обмене студенческими группами во главе с преподавателями на десятимесячную языковую и страноведческую стажировку. Оба эти соглашения продолжили действовать даже в 1990-е гг.

Во время первого визита Д. Икеды в СССР в сентябре 1974 г. подписывается Протокол о научных обменах с университетом Сока. Сотрудничество МГУ и университета Сока было расширено и закреплено в соглашениях 1980 и 1991 г. о научных и культурных обменах. За эти годы сотрудничества в научном обмене приняли участие более 500 студентов, профессоров и преподавателей МГУ и университета Сока. Они стали участниками обмена с целью чтения лекций и ведения научной работы.

Не всегда переговорный процесс завершался удачно. Так, в апреле 1976 г. во время пребывания делегации МГУ в

Японии были проведены переговоры с руководством Токийского государственного университета об установлении прямых межвузовских научных связей. В ходе переговоров было достигнуто согласие о заключении соглашения и назначена дата приезда ректора Токийского университета профессора Хаяси в МГУ в сентябре 1976 г. Но визит не состоялся. Велись переговоры о научном сотрудничестве с Киотским государственным университетом, но они также не увенчались успехом.

В 1985 г. начался новый этап в двусторонних отношениях СССР и Японии. Советское руководство выразило готовность расширять советско-японское сотрудничество в русле политики «нового мышления», провозглашенной М. С. Горбачевым.

Во второй половине 1980-х гг. правительственные структуры двух стран стали предпринимать практические шаги по активизации гуманитарного взаимодействия. В мае 1986 г. была достигнута договоренность о возобновлении прерванной работы советско-японской и японо-советской комиссий по научно-техническому сотрудничеству. В том же году было подписано советско-японское Соглашение о культурных связях [19]. В нем указывалось, что обменные письма министров иностранных дел СССР и Японии от 27 января 1972 г. и от 10 октября 1973 г. способствовали развитию культурных связей между двумя странами. Таким образом, подписание данного документа являлось продолжением политики потепления двусторонних отношений начала 1970-х гг.

Эволюция советской политической и экономической систем во второй половине 1980-х гг. и демократические изменения 1990-х гг. в СССР вызвали интерес Японии к его внутренним социальным и культурным процессам. На страницах японской прессы появляются многочисленные статьи о советской литературе, увидевшей свет благодаря политике гласности, публикации, разъясняющие суть перестройки. Таким образом, на данном этапе развития двусторонних отношений политические и экономические изменения в СССР повлекли за собой активизацию и научных связей.

Важным мероприятием стало создание Управлением по культурным связям МИД СССР Советско-японской комиссии по культурным связям, которая разработала программу культурных связей на 1991–1993 гг. Данная программа уделяла внимание не только культурному сотрудничеству, но и научному. Программой было предусмотрено субсидирование Японским фондом поездок советских ученых в Японию, а также японская сторона планировала способствовать изучению японского языка в Москве и на Дальнем Востоке СССР.

Советско-японское сотрудничество продолжалось в областях, вызывающих традиционный интерес японцев: математика, материаловедение. В 1985 г. прошел Четвертый японо-советский семинар по проблемам коррозии металлических поверхностей. В результате был опубликован сборник трудов «Труды четвертого Японско-СССР Семинара по коррозии: характеристика и контроль металлических поверхностей и поверхностных пленок в коррозии». В 1986 г. в Киото прошел пятый симпозиум Японии-СССР «Теория вероятностей и математическая статистика». В результате был издан сборник под редакцией S. Watanabe, Ю. В. Прохорова.

В рассматриваемый период активизировались двусторонние научные контакты в сфере литосферы и геотектоники. В 1980-е гг. стороны развернули масштабные исследовательские работы в Японском море. Важным этапом стал шестой советско-японский международный симпозиум по проблемам литосферы и геотектоники, прошедший в Токио в 1988 г. В рамках симпозиума ученые двух стран обсуждали конкретную программу научных исследований, сроки, методику. Хотя симпозиум был обозначен как советско-японский, он носил значительно более широкий международный характер, поскольку, помимо основных

заинтересованных сторон, на нем в качестве гостей присутствовали представители 20 стран, включая США, Англию, Францию, а также государства западной части Тихого океана – Индонезию, Австралию, Новую Зеландию, Тайвань. В составе советской делегации было одиннадцать человек, в том числе директор Сахалинского института морской геологии и геофизики, член-корреспондент АН СССР К. Сергеев. Главное значение симпозиума заключалось в широчайшем обмене информацией, новейшими данными исследований строения и эволюции Восточной Азии и Западной Пасифики. На симпозиуме была достигнута договоренность о создании совместных советско-японских исследовательских групп для проведения работ на поверхности и дне северной части Японского моря.

Новым направлением советско-японского сотрудничества было взаимодействие в сфере экономической науки. С 1960-х гг. советско-японский симпозиум экономистов являлся специализированным научным мероприятием с хорошей традицией. В Москве и Токио собирались ученые-экономисты и обсуждали интересующие их проблемы. В начале 1980-х гг. к экономической науке, и особенно к состоянию советской экономики, у японцев было очень скептическое отношение. Японские экономисты говорили об устаревших советских структурах, о колоссальной материалоемкости промышленности. Больший интерес японцев вызывали экономики европейских социалистических стран – Венгрии, Польши, ГДР, ЧССР.

К концу 1980-х гг. ситуация резко изменилась. Взоры участников советско-японского симпозиума экономистов 1988 г. были обращены именно к СССР. Советские ученые выслушивали множество критических замечаний, но тон японских коллег был уважительным, японские экономисты стремились понять, что изменилось в советской экономике за годы перестройки. Выступления советских ученых заинтересовали на этот раз не только университетских профессоров, но и бизнесменов, представителей прессы, что явно говорит о всевозрастающем интересе к Советскому Союзу и его экономическому потенциалу.

В октябре 1989 г. в Токио открылся второй японский форум нобелевских лауреатов. Первый состоялся в ноябре 1988 г. В рамках форума лауреаты получили возможность периодически встречаться и обсуждать проблемы современности. Инициаторами и спонсорами форума выступили газета «Йомиури», корпорация «Эн Эйч Кэй», газета «Джапан таймс». Устроители форума ставили задачу способствовать формированию в Японии плодотворного, гуманистического, творческого климата. Большой интерес постоянно проявлялся к ученому и общественному деятелю, народному депутату СССР академику А. Д. Сахарову.

Во второй половине 1980-х гг. сотрудничество МГУ и университета Сока было расширено и закреплено в соглашении о научных и культурных обменах 1991 г. Авторитетной в СССР была японоведческая школа в Институте стран Азии и Африки при МГУ, но её недостатком являлось почти полное отсутствие преподавателей – носителей японского языка. Отчасти помогала стажировка успевающих студентов в японских университетах «Токай» и «Сока». Но стажировка длилась всего десять месяцев, данного срока явно не хватало. Расширению советско-японских научных связей способствовало подписание соглашения об обмене аспирантами и специалистами между компанией «Тохо сэймэй» и Институтом востоковедения [20, с. 12]. Одним из успешно стажирующихся стал выпускник МГУ С. В. Брагинский, занимающий в СССР должность старшего научного сотрудника.

В рассматриваемый период МГУ превратился в открытый университет, на базе которого проводились семинары русского языка для стажеров из Японии, международные конгрессы, симпозиумы. Расширялось сотрудничество МГУ с частными университетами Японии: Васэ-

да, Токай, Асия, институтом иностранных языков в г. Кобе.

Следует отметить, что не все вузы СССР активно участвовали в международных обменах. Так в 1985 г. было подписано Соглашение о научном сотрудничестве между Ленинградским государственным университетом и Осакским университетом. В ноябре 1985 г. профессор последнего С. Фудзита заявил в Генеральном консульстве г. Осака, что соглашение не реализуется, т. к. ЛГУ не проявляет заинтересованности.

В 1985–1991 гг. отдельные японские структуры разбросанно вели контакты с советскими организациями, в результате отсутствовало их координирование. В СССР также не существовало единой централизованной политики по налаживанию международного образовательного сотрудничества. Степень интенсивности связей зависела от усилий каждого конкретного вуза СССР и Японии. В СССР самым активным участников научных обменов был МГУ. Закономерным результатом его деятельности стало создание в 1989 г. Ассоциации университетом СССР, которая решала все важнейшие вопросы международного сотрудничества.

Выводы

В советский период одной из первых форм советско-японского научного сотрудничества стал книгообмен, налаживаемый ВОКС. Важнейшей движущей силой, реализующей данную форму научных связей, стала инициатива отдельных сподвижников двусторонних научных и культурных контактов – М. Галковича и Е. Спальвина.

Действенной формой двустороннего научного взаимодействия стали непосредственные контакты ученых двух стран на международных научных конференциях и во время визитов исследователей в СССР и Японию. Визиты наносились как русскими учеными, посещавшими Страну восходящего солнца, так и японскими учеными, приезжающими в СССР.

Самой интенсивно развивающейся формой научного взаимодействия стали научные обмены между японскими и советскими учреждениями. Следует отметить значительный вклад отдельных институтов и общественных организаций Японии и СССР в процесс развития научных двусторонних связей. Государственные структуры двух стран направляли и регламентировали данные обмены, что нередко приводило к затягиванию и усложнению договорных процессов.

Факторами, стимулирующими развитие научных обменов, стало изучение русского и японского языков, заключение долгосрочных соглашений о сотрудничестве. Кроме того, значительно интенсифицировали научные обмены изменения политико-экономической ситуации в советском государстве во второй половине 1980-х гг.

Список литературы

1. Гриднев Ю. А. Всесоюзное общество культурной связи с заграницей (1925–1929): дис. … канд. ист. наук. М., 2006. 183 с.

2. Иоффе А. Е. Интернациональные, научные, культурные связи Советского Союза. 1928–1932 гг. М.: Наука, 1969. 200 с.

3. Корнеев С. Г. Сотрудничество Академии наук СССР с японскими научными организациями // СССР-Япония. К 50-летию установления советско-японских дипломатических отношений (1925-1975). М.: Наука, 1978. С. 188–207.

4. Латышев И. А. Япония, японцы и японоведы. М.: Алгоритм, 2001. 823 с.

5. Международный Всетихоокеанский научный конгресс // Запад и Восток: сборник Всесоюзного общества культурной связи с заграницей. М.: ВОКС, 1926. 260 с.

6. Попов К. М. Япония: очерки развития национальной культуры и географической мысли. М.: Мысль, 1964. 640 с.

7. Тропин В. И. Встреча длинною в тридцать лет. Президент «Сока Гоккай Интернэшнл» Дайсаку Икеда и Россия. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2009. 408 с.

8. Угринович Б. И. Япония: движение за добрососедство с Советским Союзом. М.: Наука, 1984. 112 с.

9.レニングラード東洋大学の日本人たち = Японские студенты в Ленинградском университете // 早稲田大学ロシア文学会 1997 通号 4 = Русское литературное общество Университета Васэда. 1997. № 4. С. 142–154.

10. 原田 佑四郎 ソ連科学アカデミーとの文献交流についてタイトルで = Литературный обмен с Академией наук СССР // National Diet Library Cooperation Department. 1953. Vol. 11 (4). С. 6–9.

11. АВП РФ (Архив Внешней политики Российской Федерации). Ф. 0146. Оп. 10. Д. 68.

12. АВП РФ. Ф. 0146. Оп. 15. Д. 49.

13. ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. 5283. Оп. 4. Д. 545.

14. АВП РФ Ф. 0146. Оп. 18. Д. 100.

15. АВП РФ Ф. 9518. Оп.1. Д. 473.

16. ГАРФ. Ф. 9518. Оп.1. Д. 480.

17. ГАРФ. Ф. 9518. Оп. 1. Д. 1066.

18. ГАРФ. Ф. 9518. Оп.1. Д. 1062.

19. Соглашение между Правительством СССР и Правительством Японии о культурных связях // Ведомости Верховного Совета СССР. 1988. № 2.

20. Дунаев В. Сережа – японский «подмастерье» // Советская культура. 1990. 22 сентября. С. 12.

References

1. Gridnev Yu. A. Vsesoyuznoe obshchestvo kul'turnoj svyazi s zagranicej (1925–1929). Diss. kand. ist. nauk [All-Union Society for Cultural Relations with Foreign Countries (1925-1929). Cand. hist. sci. diss.]. Moscow, 2006. 183 p.

2. Ioffe A. E. Internacional'nye, nauchnye, kul'turnye svyazi Sovetskogo Soyuza [International, scientific, cultural relations of the Soviet Union]. 1928–1932 gg. Moscow, Nauka Publ., 1969. 200 p.

3. Korneev S. G. Sotrudnichestvo Akademii nauk SSSR s yaponskimi nauchnymi organizaciyami [Cooperation of the USSR Academy of Sciences with Japanese scientific organizations]. SSSR-YAponiya. K 50-letiyu ustanovleniya sovetsko-yaponskih diplomaticheskih otnoshenij (1925-1975) [USSR-Japan. On the 50th anniversary of the establishment of Soviet-Japanese diplomatic relations (1925-1975)]. Moscow, Nauka Publ., 1978, pp. 188–207.

4. Latyshev I. A. Yaponiya, yaponcy i yaponovedy [Japan, Japanese and Japanese studies]. Moscow, Algoritm Publ., 2001. 823p.

5. Mezhdunarodnyj Vsetihookeanskij nauchnyj kongress [International All-Pacific Scientific Congress]. Zapad i Vostok. Sbornik Vsesoyuznogo obshchestva kul'turnoj svyazi s zagranicej [West and East. Collection of the All-Union Society of Cultural Communication with Abroad]. Moscow, VOKS Publ., 1926. 260 p.

6. Popov K. M. Yaponiya: ocherki razvitiya nacional'noj kul'tury i geograficheskoj mysli [Japan: essays on the development of national culture and geographical thought]. Moscow, Mysl' Publ., 1964. 640 p.

7. Tropin V. I. Vstrecha dlinnoyu v tridcat' let. Prezident "Soka Gokkaj Interneshnl" Dajsaku Ikeda i Rossiya [A thirty-year-long meeting. President of Soka Gokkai International Daisaku Ikeda and Russia]. Moscow, Moscow St. Univ. Publ., 2009. 408 p.

8. Ugrinovich B. I. Yaponiya: dvizhenie za dobrososedstvo s Sovetskim Soyuzom [Japan: the Movement for Good Neighborliness with the Soviet Union]. Moscow, Nauka Publ., 1984. 112 p.

9. [Japanese students at Leningrad University]. *Russian Literary Society of Vaseda University*, 1997, no. 4, pp. 142–154. (In Japan.)

10. [Literary exchange with the USSR Academy of Sciences]. *National Diet Library Cooperation Department*, 1953, vol. 11 (4), pp. 6–9. (In Japan.)

11. AVP RF (Arhiv Vneshnej politiki Rossijskoj Federacii) [Archive of the Foreign Policy of the Russian Federation], f. 0146, op. 10, d. 68.

12. AVP RF, f. 0146, op. 15, d. 49.

13. GARF (Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii) [State Archive of the Russian Federation], f. 5283, op. 4, d. 545.

14. AVP RF, f. 0146, op. 18, d. 100.

15. AVP RF, f. 9518, op. 1, d. 473.

16. GARF, f. 9518, op. 1, d. 480.

17. GARF, f. 9518, op. 1, d. 1066.

18. GARF, f. 9518, op. 1, d. 1062.

19. Soglashenie mezhdu Pravitel'stvom SSSR i Pravitel'stvom Yaponii o kul'turnyh svyazyah [Agreement between the Government of the USSR and the Government of Japan on Cultural relations]. *Vedomosti Verhovnogo Soveta SSSR = Vedomosti of the Supreme Soviet of the USSR*, 1988, no. 2.

20. Dunaev V. Serezha – yaponskij "podmaster'e" [Seryozha – the Japanese "apprentice"]. *Sovetskaya kul'tura = Soviet culture*, 1990, September 22. p. 12.

Информация об авторе / Information about the Author

Киба Дарья Валерьевна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры «История и культурология», Комсомольский-на-Амуре государственный университет, г. Комсомольск-на-Амуре, Российская Федерация,
e-mail: darya.kiba.80@mail.ru,
ORCID: 0000-0003-1013-2659

Daria V. Kiba, Cand. of Sci. (History), Associate Professor at the Department of History and Cultural Studies, Komsomolsk-on-Amur State University Komsomolsk-on-Amur, Russian Federation,
e-mail: darya.kiba.80@mail.ru,
ORCID: 0000-0003-1013-2659

Оригинальная статья / Original article

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-6-202-214

CC BY 4.0

Инновации в лесоустройстве, учете и оценке лесов России в XIX веке

С. А. Никифоров[1]✉, Л. Сембиева[2]

[1] Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

[2] Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева
ул. Сатпаева 2, г. Нур-Султан (Астана) 010008, Республика Казахстан

✉ e-mail: s.nikiforoff@rambler.ru

Резюме

Актуальность. *До настоящего времени одной из главных проблем в лесной отрасли остается проблема учета и сохранения лесов от истребления. При этом в истории России есть примеры реализации программ учета лесных угодий, опыт которых целесообразно учесть в рамках оптимизации современной «лесной» политики. В этой связи представленная статья приобретает особую актуальность и своевременность.*

Цель. *Изучение опыта проведения статистического учета лесных угодий в России в середине XIX в.*

Задачи. *В рамках статьи решаются следующие задачи: оценить достоверность статистических сведений о площади лесов, имевшихся в распоряжении Лесного департамента на момент начала реализации программы статического учета; выявить особенности проведения статистического учета лесных угодий в России в середине XIX в.; установить препятствия, возникшие на пути реализации государственной программы по учету лесов Российской империи и оценить их влияние на организацию и результаты учета лесных ресурсов.*

Методология. *Методология исследования опирается на принципы историзма, детерминизма и объективности. В статье проведен разносторонний анализ архивных документов и опубликованных источников, использованы методы статистики и сопоставления данных, синтеза. Полученные результаты опираются на исторические источники.*

Результаты. *В 1860-х гг. данные о количестве и качестве лесов европейской части Российской империи, несмотря на наличие значительных трудностей, были собраны Министерством государственных имуществ по всем губерниям. Сведения были опубликованы в журнале министерства.*

Выводы. *Реализация программы статистического описания лесов и лесной промышленности по губерниям европейской части Российской империи сама по себе являлась инновацией. С времен Екатерины II до 60-х годов XIX века в государстве ни разу не проводилась инвентаризация лесных угодий. Таким образом, программа статистического описания лесов губерний европейской части России, запущенная Министерством государственных имуществ в конце 1858 г., стала первой попыткой получить достоверные сведения о площади российских лесов.*

Ключевые слова: *лесистость; учет лесов; Министерство государственных имуществ; Лесной департамент; инвентаризация; таксация; статистика.*

Конфликт интересов: *Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Финансирование: *Публикация выполнена в рамках государственного задания на 2022 год «Трансформация частного и публичного права в условиях эволюционирующих личности, общества и государства (номер 0851-20200033).*

Для цитирования: Никифоров С. А., Сембиева Л. Инновации в лесоустройстве, учете и оценке лесов России в XIX веке // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2022. Т. 12, № 6. С. 202–214. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-6-202-214.

Поступила в редакцию 04.10.2022 Принята к публикации 10.11.2022 Опубликована 16.12.2022

© Никифоров С. А., Сембиева Л., 2022

Innovations in Forest Management, Accounting and Assessment of Forests in Russia in the XIX Century

Sergey A. Nikiforov[1]✉, Lyazzat Sembiyeva[2]

[1] Southwest State University
50 Let Oktyabrya Str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

[2] Eurasian National University
2 Satpayeva Str., Nur-Sultan (Astana) 010008, Republic of Kazakhstan

✉ e-mail: s.nikiforoff@rambler.ru

Abstract

Relevance. *Until now, one of the main problems in the forest industry remains the problem of accounting and saving forests from destruction. Huge damage to forests is caused by illegal logging and fires. It is possible to take into account losses only if we have information about the area of forests growing in Russia. Today, the state is conducting the second stage of the state forest inventory program "Forestry Development" to identify the quantitative and qualitative characteristics of Russian forests. Due to the significant amount of work, this stage will last until 2030 inclusive. At the same time, in the history of Russia there are examples of the implementation of programs for accounting for forest lands, the experience of which should be taken into account in the framework of optimizing the modern "forest" policy. In this regard, the presented article acquires special relevance and timeliness.*

The purpose. *Studying the experience of conducting statistical accounting of forest lands in Russia in the middle of the 19th century.*

Objectives. *Within the framework of the article, the following tasks are solved: to assess the reliability of statistical information on the area of forests available to the Forest Department at the time of the start of the implementation of the static accounting program; to identify the features of statistical accounting of forest lands in Russia in the middle of the 19th century; identify the obstacles that have arisen in the way of implementing the state program for accounting for the forests of the Russian Empire and assess their impact on the organization and results of accounting for forest resources.*

Methodology. *The research methodology is based on the principles of historicism, determinism and objectivity. The article carried out a comprehensive analysis of archival documents and published sources, used the methods of statistics and data comparison, synthesis. The results obtained are based on historical sources.*

Results. *В 1860-х гг. данные о количестве и качестве лесов европейской части Российской империи, несмотря на наличие значительных трудностей, были собраны Министерством государственных имуществ по всем губерниям. Сведения были опубликованы в журнале министерства.*

Conclusion. *The implementation of the program of statistical description of forests and the forest industry in the provinces of the European part of the Russian Empire was in itself an innovation. From the time of Catherine II to the 60s. 19th century In the state, an inventory of forest lands has never been carried out. Thus, the program of statistical description of the forests of the provinces of the European part of Russia, launched by the Ministry of State Property at the end of 1858, was the first attempt to obtain reliable information about the area of Russian forests.*

Keywords: *forest cover; forest accounting; Ministry of State Property; Forest Department; inventory; taxation; statistics.*

Conflict of Interest: *The authors declares no apparent or potential conflict of interest related to the publication of this article.*

Funding: *The publication was prepared as part of the implementation of the state task for 2022 "Transformation of private and public law in an evolving individual, society and state" (No. 0851-20200033).*

For citation: Nikiforov S. A., Sembiyeva L. Innovations in Forest Management, Accounting and Assessment of Forests in Russia in the XIX Century. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2022; 12(6): 202–214. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-6-202-214.

Received 04.10.2022 Accepted 10.11.2022 Published 16.12.2022

***

Введение

До настоящего времени одной из главных проблем в лесной отрасли остается проблема учета и сохранения лесов от истребления. Огромный ущерб лесам наносят незаконная рубка и пожары. В

декабре 2019 г. на коллегии Счетной палаты аудитор М. А. Мень констатировал: «На протяжении последних 10 лет сохраняется количество случаев незаконных рубок в пределах 16–17 тысяч единиц в объеме 1,3 млн кубометров в год. Сумма нанесенного ущерба – в среднем 11–12 миллиардов рублей ежегодно»[1]. Таким образом, государство не имеет точных сведений о масштабах заготовки леса, объемах торговли древесиной и экспорте лесоматериалов. Сведения о состоянии и площади лесов, находящиеся в распоряжении государства, устарели на 85%. Российское государство до недавнего времени не располагало информацией о состоянии 974 млн га леса из имеющихся в России 1 млрд 187,6 млн га[2]. В настоящее время для выявления количественных и качественных характеристик российских лесов проводится второй этап государственной программы инвентаризации лесов «Развитие лесного хозяйства». В связи со значительными объемами работ этот этап продлится до 2030 г. включительно.

Сегодня для инвентаризации российского леса разработаны передовые цифровые технологии. Подготовлены программно-аппаратные комплексы, которые в сотни раз ускоряют проведение таксации леса. Для проведения фотосъемки леса используются беспилотные летательные аппараты. Они фотографируют участок леса, затем полученные фотографии обрабатываются с помощью компьютера. Компьютерная программа выдает информацию о количестве деревьев в лесу, классифицирует их по породам. Координаты каждого дерева определяются с точностью до нескольких сантиметров[3]. Обратим внимание на то, что даже при использовании современных цифровых технологий инвентаризация леса занимает годы.

В более ранние исторические периоды получение достоверной информации о количестве и качестве лесов было сопряжено со значительными трудностями. Для таксации использовались примитивные технологии [1]. Отсутствие достоверной информации о количестве и качестве леса открывало простор для злоупотреблений и преступлений при использовании лесных ресурсов. Вопросам инвентаризации леса и сохранения лесных богатств России уделяли внимание исследователи XIX–XX и XXI вв. [2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 12]

Проблема получения достоверной информации о площади лесов России и их качественном составе не нова. В середине XIX в. российское государство приняло меры для получения максимально точной информации о количестве и качестве лесов в европейской части страны. При реализации программы инвентаризации лесов чиновники Министерства государственных имуществ столкнулись с многочисленными трудностями.

Методология

Методология исследования опирается на принципы историзма, детерминизма и объективности. В статье проведен разносторонний анализ архивных документов и опубликованных источников, использованы методы статистики и сопоставления данных, синтеза. Полученные результаты опираются на исторические источники.

Результаты и их обсуждение

Площади лесов в европейской части России постоянно сокращались на про-

[1] В Счетной палате рассказали об ущербе от незаконных рубок леса // РИА «Новости». URL: https://ria.ru/20191203/1561883175.html (дата обращения: 01.10.2022).

[2] Государственная инвентаризация лесов // Федеральное агентство лесного хозяйства. URL: https://roslesinforg.ru/services/gil/ (дата обращения: 01.10.2022).

[3] В России создана технология цифрового учета леса с помощью дронов // CNews. URL: https://www.cnews.ru/news/line/2022-10-07_v_rossii_sozdana_tehnologiya (дата обращения: 01.10.2022).

тяжении XVII–XX вв. Этот факт на основании данных статистики убедительно доказал автор фундаментального труда об изменении площади лесов России М. А. Цветков. По его расчетам, за период с 1696 по 1914 г. в европейских губерниях России площадь лесов сократилась практически в два раза (за исключением шести относительно слабозаселенных северных губерний – Архангельской, Вологодской, Пермской, Вятской, Олонецкой, Новгородской, где лесистость за это время сократилась на 16%) [13, с. 123–124].

В первой половине XIX в. российские леса, расположенные в губерниях с более высокой плотностью населения, стремительно исчезали. В европейской части России площадь лесов за период с 1796 по 1861 г. сократилась на 10 043 тыс. га – 4,62% (с 217 322 тыс. га до 207 279 тыс. га). При этом в северных губерниях лесистость даже выросла на 0,46% (с 136 927 тыс. га до 137 561 тыс. га). В остальных губерниях из 80 395 тыс. га (на 1796 г.) к 1861 г. сохранилось лишь 69 718 тыс. га [13, с. 124]. Таким образом, Россия потеряла на этой территории 10 677 тыс. га (13,28%) леса за 65 лет, что составляет 23% от уменьшения лесистости европейской части России за 219 лет (с 1796 по 1914 г.).

Российское государство на протяжении XIX в. осуществляло управление лесным доменом через Лесной департамент, созданный в 1798 г. на основе Сенатской экспедиции. Лесной департамент в разное время входил в состав различных ведомств. Первоначально он действовал как структурное подразделение Адмиралтейств-коллегии, с 1802 до 1837 г. – входил в состав Министерства финансов. После учреждения Министерства государственных имуществ в 1837 г. Лесной департамент стал частью этого ведомства [14, с. 27–29].

Несмотря на наличие в государстве специализированного учреждения, которое должно было осуществлять учет лесов и контроль за использованием лесных ресурсов, фактически казенные леса были отданы в пользование различным ведомствам. Например, Горный департамент распоряжался всеми лесами, приписанными к частным и государственным заводам (с 1806 г.), отдельные лесные массивы находились в ведении Департамента уделов, Экспедиции кремлевского строения и др. Сложившаяся в первой трети XIX в. практика управления лесным фондом препятствовала эффективному использованию лесных ресурсов, не позволяла собирать достоверные сведения о площади и качестве лесов.

В 1850-х гг. стало очевидным несоответствие имевшихся статистических сведений о лесистости реальному положению дел в лесном фонде европейской части России. Фактически, ни одно ведомство учет площади лесов не вело. Министр государственных имуществ в циркуляре от 25 октября 1858 г. отмечал: «…производство лесных работ не везде делается с должной отчетливостью и из общих, имеющихся в Палатах, данных нельзя составить положительного заключения о том, что именно сделано… Кроме Палат Черниговской и Полтавской, где вообще замечена в управлении особая заботливость…» [15, с. 18]. Министерство государственных имуществ констатировало факт отсутствия статистических сведений о площади лесов в России по губерниям, уездам и видам в период до 1859 г. [16, отд. III, с. 89]

В 1858 г. было опубликовано «Статистическое описание казенных лесов Черниговской губернии», составленное губернским лесничим Черниговской губернии Николаем Шульгиным [17]. Министр государственных имуществ М. Н. Мура-

вьёв, ознакомившись с сочинением Н. Шульгина, посчитал его «отличным трудом» и примером эффективной работы для других губернских лесничих [18, л. 2]. В декабре 1858 г. Лесным департаментом Министерства государственных имуществ по всем губернским палатам государственных имуществ были разосланы циркуляры (№ 902 от 8.12.1858 г.), предписывающие составление статистических описаний лесов и лесной промышленности по губерниям. К циркуляру прилагалась программа проведения статистического описания лесов и по три экземпляра статистического очерка Н. Шульгина в качества примера. Окончательные варианты статистических отчетов губернские лесничие должны были предоставить к 1 июля 1860 г. [18, л. 2]

Несмотря на предписание министра, статистические данные так и не удалось собрать вовремя. Лесной департамент в конце июля 1860 г. был вынужден напомнить губернским палатам государственных имуществ о необходимости «скорейшего исполнения означенного предписания». Типичное письмо Министерства, содержащее требование ускорить проведение работ, сохранилось в фонде 153 «Курская палата государственных имуществ Министерства государственных имуществ» Государственного архива Курской области [18, л. 8].

Несмотря на возникшие проблемы с реализацией программы статистического описания лесов и фактическое отсутствие актуальных сведений о количестве и качестве лесов в 1860 г., Министерство государственных имуществ сделало попытку восполнить пробел и обнародовало имеющиеся сведения о площади лесов в губерниях Российской империи. В декабре 1960 г. в Журнале Министерства государственных имуществ в специальной статье «Сведения о пространстве лесов, подведомственных Лесному управлению Государственных имуществ» были опубликованы сведения о площади лесов России по губерниям, уездам и разрядам. Автором статистического обзора выступил А. Рудский. Автор, предваряя данные статистики, отметил наличие лишь приблизительных данных о частновладельческих лесах.

Для оценки точности сведений, приведенных государственным ведомством, соотнесем данные о площади лесов по губерниям европейской части России, находившиеся в распоряжении Министерства государственных имуществ на 1860 г., со сведениями о лесистости тех же регионов (табл.), представленными в работе М. А. Цветкова (на 1861 г.) [13], признанными научным сообществом и до настоящего времени являющимися источником объективной информации для исследователей [19; 20; 21]. Статистические данные относятся к одному историческому периоду, формальным расхождением в два года можно пренебречь. Отметим тот факт, что по ряду регионов Министерство государственных имуществ не представило сведений о площади лесов ввиду их отсутствия в распоряжении ведомства. В монографии М. А. Цветкова сведения по нескольким губерниям объединены в связи с невозможностью их вычленения для отдельных регионов. Так, объединены Самарская, Саратовская и Симбирская губернии; Оренбургская и Уфимская губернии (статистические сведения по Оренбургской и Уфимской губерниям также объединены в очерке Министерства государственных имуществ).

Таблица. Сведения о лесистости по регионам европейской части Российской империи на 1860-1861 гг. (приведены с точностью до 1 га, 1 десятины)

Регион	Площадь лесов, по данным Министерства государственных имуществ, на 1860 г. [16, отд. III, с. 91–117]		Площадь лесов, по данным М. А. Цветкова, на 1861 г. [13, с. 125–132]	
	га	десятин	га	десятин
1. Архангельская губерния	32816168	30037682	46334000	42410984
2. Астраханская губерния	207173	189632	213000	194966
3. Бессарабская область	19902	18217	434000	397254
4. Виленская губерния	410756	375978	1476000	1351030
5. Витебская губерния	382048	349701	1874000	1715332
6. Владимирская губерния	636731	582820	2297000	2102517
7. Войска Донского область	*Сведения не опубликованы*	*Сведения не опубликованы*	395000	361556
8. Вологодская губерния	35286095	32298485	37253000	34098856
9. Волынская губерния	797965	730403	2910000	2663616
10. Воронежская губерния	367113	336030	593000	542792
11. Вятская губерния	9985680	9140211	10603000	9705263
12. Гродненская губерния	620912	568340	1017000	930892
13. Екатеринославская губерния	40037	36648	95000	86957
14. Казанская губерния	2129345	1949057	2651000	2426545
15. Калужская губерния	171454	156937	819000	749657
16. Киевская губерния	302855	277213	1214000	1111213
17. Ковенская губерния	321045	293863	845000	773455
18. Костромская губерния	1707572	1562995	5672000	5191762
19. Курляндская губерния	456519	417866	1018000	931808
20. Курская губерния	181197	165855	446000	408238
21. Лифляндская губерния	223892	204935	1977000	1809611
22. Минская губерния	1147750	1050572	3958000	3622883
23. Могилевская губерния	190950	174783	1350000	1235698
24. Московская губерния	415999	380777	1292000	118261
25. Нижегородская губерния	930125	851373	2558000	2341419
26. Новгородская губерния	2116215	1937039	7683000	7032494
27. Олонецкая губерния	9643278	8826799	11812000	10811899
28. Оренбургская и Уфимская губернии	887746	812582	11620000	10636156
29. Орловская губерния	442772	405283	1103000	1009611
30. Пензенская губерния	526556	481973	1382000	1264989
31. Пермская губерния	12179371	11148166	23876000	21854462
32. Петербургская губерния	453171	414802	2420000	2215103
33. Подольская губерния	95711	87608	597000	546453
34. Полтавская губерния	50594	46310	424000	388101
35. Псковская губерния	147500	135011	2153000	1970709

Окончание табл.

Регион	Площадь лесов, по данным Министерства государственных имуществ, на 1860 г. [16, отд. III, с. 91-117]		Площадь лесов, по данным М.А. Цветкова, на 1861 г. [13, с. 125-132]	
	га	десятин	га	десятин
36. Рязанская губерния	398788	365023	977000	894279
37. Самарская губерния	710069	649948	4333000	3966133
38. Саратовская губерния	419134	383647		
39. Симбирская губерния	*Сведения не опубликованы*	*Сведения не опубликованы*		
40. Смоленская губерния	141565	129579	2006000	1836156
41. Ставропольская губерния	*Сведения не опубликованы*	*Сведения не опубликованы*	32000	29291
42. Таврическая губерния	134276	122907	331000	302975
43. Тамбовская губерния	740277	677599	1238000	1133181
44. Тверская губерния	590494	540498	2195000	2009153
45. Тульская губерния	73436	67218	285000	260870
46. Харьковская губерния	293747	268876	676000	618764
47. Херсонская губерния	34480	31561	100000	91533
48. Черниговская губерния	291873	267161	1011000	925400
49. Эстляндская губерния	2505	2293	477000	436613
50. Ярославская губерния	315033	288360	1254000	1147826
Итого	120437873	110240616	207279000	189729062

Сравнивая объективные данные о площади лесов европейской части России, полученные М. А. Цветковым, со сведениями, которыми располагал Лесной департамент, нельзя не отметить значительные расхождения на более чем 86 841 тыс. га (41,9%). Таким образом, на конец 1850 – начало 1860-х гг. во всех российских губерниях был допущен значительный недоучет площади лесов государственным ведомством. Примечательно, что по некоторым губерниям мы наблюдаем кратные расхождения в данных. Так, действительная площадь лесов в Пермской губернии почти в два раза превышала данные государственной статистики, а реальная площадь лесов Витебской губернии была больше в 4,9 раза.

Публикуя вышеуказанные статистические сведения, Министерство госимуществ заранее признавало их низкую точность. Помимо несоответствия сведений, имевшихся в Лесном департаменте, действительной площади лесов в европейской части России, нами была выявлена также арифметическая ошибка, содержащаяся в очерке. Так, автор, суммируя сведения по всем губерниям, называет суммарную площадь лесов европейской части России – 110 235 202 десятины [16, отд. III, с. 116]. Суммируя статистические сведения по губерниям, приведенные в очерке, мы получили площадь лесов, равную 110 240 616 десятин. Погрешность в 5 414 десятин не представляется значительной. Однако сам факт ее наличия говорит о поспешности, с которой проводился подсчет площади, занятой лесами, и написание самого очерка.

В очерке было публично заявлено о планах Лесного департамента восполнить статистические данные посредством запланированного нового статистического описания лесов [16, отд. III, с. 90]. Целью

программы был объявлен сбор «полных статистических данных о пространстве всех лесов Европейской России, верных настолько, насколько это только возможно при настоящем состоянии межевания и кадастра» [16, отд. III, с. 91]. Вероятно, публичное заявление о реализуемой программе инвентаризации лесов должно было стимулировать губернских лесничих ускорить предоставление статистических отчетов в Министерство госимуществ.

Несмотря на требования Министерства, сбор статистических сведений проходил крайне медленно. Упомянутая Курская палата государственных имуществ в мае 1861 г. получила от Лесного департамента новое письмо с требованиями ускорить исполнение циркулярного предписания № 902 от 8.12.1858 г. и отчитаться о причинах неисполнения распоряжения [18, л. 10]. Курский губернский лесничий, в свою очередь, затребовал объяснения от лесничих губернии (в Курской губернии на тот момент имелось 5 лесничеств: Курское, Белгородское, Корочанское, Льговское и Рыльское [21, с. 28]).

Между тем лесничие демонстрировали крайнюю незаинтересованность в любых мероприятиях, связанных с учетом количества и качества лесов. Их позиция объясняется несколькими причинами. С одной стороны, при отсутствии статистических сведений о лесах лесничие имели возможность незаконно торговать лесом – проверить, какое количество леса было истреблено по причине их злоупотреблений не представлялось возможным [1, с. 192–193]. С другой стороны, вероятно, у лесничих не имелось необходимой подготовки для произведения измерений леса. Так, отвечая на письмо Курского губернского лесничего, Льговский лесничий штабс-капитан Пиотровский рапортовал: «…составление статистических описаний лесов остановилось за получением разных сведений от Земских судов…» [18, л. 15]. Лесничие вместо проведения измерений площади лесов запрашивали сведения о лесах у других ведомств, которые не могли располагать актуальной информацией.

Передовые методы регулирования использования лесов были характерны для Царства Польского. Министерство государственных имуществ, желая распространить польский опыт на другие регионы России, опубликовало в ноябрьском и декабрьском номерах собственного журнала статью А. Шлейснера под названием «Взгляд на некоторые отделы лесных узаконений Царства Польского» [16, отд. III, с. 74–88, 126–127]. Однако даже наличие профессиональных знаний по лесной части у российских подданных польского происхождения не являлось, с точки зрения российских властей, веским основанием для их службы в составе Лесного департамента. Губернаторы, генерал-губернато-ры требовали от Министерства госимуществ отстранять от службы политически неблагонадежных лесничих (в том числе высокого ранга), поддерживающих своих, осужденных за участие в восстании 1863-1864 гг., земляков. Подтверждением такого подхода служит секретная переписка между временным генерал-губернатором Казанской, Пермской и Вятской губерний А. Е. Тимашевым и министром государственных имуществ А. А. Зеленым по поводу благонадежности Пермского губернского лесничего капитана Корзуна. В первом письме (от 28 июня 1863 г.) А. Е. Тимашев заявляет, что Пермская палата государственных имуществ, а в особенности лесное ведомство «переполнены поляками, которые сочувствуют современным политическим событиям» [23, л. 1], и высказывает мнение о том, что считает «дальнейшее пребывание в Перми капитана Корзуна… положительно вредным» [23, л. 1 об.]. В ответном послании (от 21 июля 1863 г.) А. А. Зеленой лишь подтвердил, что осведомлен о мнении генерал-губернатора, никаких кадровых решений министр не принял [23, л. 2].

Очевидно, грамотные и компетентные сотрудники были в дефиците, и министерство не хотело потерять одного из них, особенно во время проведения инвентаризации российских лесов. В следующем письме А. Е. Тимашев напрямую просит уволить Корзуна с государственной службы [23, л. 4 об.]. В ответ на просьбу А. А. Зеленой предложил перевести Корзуна в Астрахань (при условии строгого надзора за его деятельностью), дабы удалить его с территории, подведомственной Тимашеву [23, л. 5].

Первые отчеты с вновь собранными статистическими сведениями с описанием лесов по губерниям стали поступать в Министерство госимуществ в 1861 г. Они публиковались в Журнале Министерства [13, с. 121]. Однако в целом ряде губерний лесные отделения не смогли уложиться даже в новые сроки. Так, в Курской губернии Министерство госимуществ было вынуждено неоднократно переносить сроки подготовки отчета [18, л. 20]. К составлению отчетов по уездам губернии были привлечены топографические подразделения Военного министерства [18, л. 31–31 об.] и полицейские чины Министерства внутренних дел Российской империи [17, л. 35]. Земской полицией был проделан большой объем работы по сбору сведений о размерах частновладельческих лесов. Собранная информация отдельными рапортами земских уездных исправников была передана в губернскую палату государственных имуществ [18, л. 38–59]. Статистическое описание лесов Курской губернии было подготовлено лишь к январю 1863 г. Курский губернский лесничий рапортовал об этом 26 января 1863 г. [18, л. 62] Статистическое описание лесов Курской губернии было опубликовано в журнале Министерства госимуществ в 1864 г. [24, с. 14]

Чрезвычайная медлительность, проявленная лесными отделениями губернских палат и лесничими при составлении статистических описаний лесов, подтолкнула Министерство государственных имуществ к проведению ревизии организации управления лесами в российских губерниях. 20 октября 1862 г. министром государственных имуществ А. А. Зеленым была утверждена особая «Инструкция вице-инспекторам корпуса лесничих и чиновникам, командируемым для ревизии лесного управления в губерниях» [25, с. 140–163]. Ревизоры должны были проверить не только организацию управления лесным хозяйством в губернии, но и лично осмотреть лесные дачи с составлением отчета об увиденном. Они должны были изучить целый комплекс вопросов по лесной части, в том числе верность результатов учета лесов.

Отметим, что первейшей задачей ревизоров в Инструкции названо составление отчетов о кадровом составе лесничеств губернии. Ревизорам предписывалось проанализировать правильность распределения лесничих по лесничествам согласно их способностям, благонадежности, наличию специального образования и персонально выделить как чиновников, которые являются особенно полезными для лесной службы, так и тех, кто «недостаточно заботлив к выгодам казенного интереса, или вообще приносит мало пользы на службе» [25, с. 141–142]. По результатам этих отчетов Министерство госимуществ принимало решения о кадровых перемещениях служащих.

Выводы

Как видим, в XIX в., как и в современных условиях, в России остро стоял вопрос получения достоверных статистических сведений о количестве и качестве лесов. Проведение учета лесов в конце 1850-х – начале 1860-х гг. проходило в условиях отсутствия необходимой профессиональной подготовки у значительной части лесничих. Для сбора необходимой информации были задействованы ресурсы Военного министерства и Министерства внутренних дел Российской империи. Инновацией при проведении ин-

вентаризации лесного хозяйства стал учет частновладельческих лесов, которые ранее не попадали под надзор государства.

Реализация программы статистического описания лесов и лесной промышленности по губерниям европейской части Российской империи сама по себе являлась инновацией. С времен Екатерины II до 60-х годов XIX века в государстве ни разу не проводилась инвентаризация лесных угодий. Таким образом, программа статистического описания лесов губерний европейской части России, запущенная Министерством государственных имуществ в конце 1858 г., стала первой попыткой получить достоверные сведения о площади российских лесов.

Список литературы

1. Никифоров С. А. Реформирование управления лесами в Российской империи в середине XIX в. Первые шаги реформы (на примере Курской губернии) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2022. Т. 12, № 5. С. 189–198.

2. Арнольд Ф. К. История лесоводства в России, Франции и Германии. СПб.: Изд. А. Ф. Маркса, 1895. 403 с.

3. Ведров С. О лесоохранении по русскому праву: Исслед. Сергея Ведрова. СПб.: Тип. В. Безобразова и К°, 1878. 224 с.

4. Истомина Э. Г. Лесное хозяйство губерний Европейской России в XIX – начале XX в.: механизмы управления и охраны // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2014. № 17(139). С. 169–184.

5. Малевич Б. Лес и лесоустройство. Очерк из практики лесоустроительных и оценочных работ. М.: Тип. Тов-ва И. Д. Сытина, 1903. 239 с.

6. Рыбалкин А. И. Учреждение Министерства государственных имуществ и его деятельность по модернизации управления лесным комплексом Российской империи // Евразийский форум. 2010. № 1 (2). С. 5–21.

7. Рыбалкин А. И. Деятельность Министерства государственных имуществ по совершенствованию системы управления лесным комплексом Российской империи // Берегиня. 777. Сова: общество. политика. экономика. 2019. № 4 (19). С. 32–45.

8. Тяпкин М. О., Тяпкина О. А. Модернизация лесной отрасли Российской империи во второй трети XIX в. // Известия Алтайского государственного университета. 2016. № 2(90). С. 148–154.

9. Тяпкин М. О. Реформирование системы лесного управления и охраны лесов Российской империи в 20-30-е гг. XIX в. // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 403. С. 130–134.

10. Черных В. В. Лесное законодательство в период правления Николая I // Сибирский юридический вестник. 2020. № 1(88). С. 15–21.

11. Черных В. В. Лесной департамент как государственно-правовой институт Российской империи: становление и развитие // Сибирский юридический вестник. 2021. № 4(95). С. 41–46.

12. Никифоров С. А., Смирнова М. А. Влияние традиций межевания лесов XVI–XVII вв. на современное межевание лесных участков // Современное российское право. 2020. № 9 (18). URL: https://journallaw.ru/archive/18/383 (дата обращения: 02.10.2022).

13. Цветков М. А. Изменение лесистости Европейской России с конца XVII столетия по 1914 год. М.: Изд. Академии наук СССР, 1957. 213 с.

14. Алексеев А. И., Третьяков А. В. Государственное регулирование лесного хозяйства Российской империи в XIX – начале XX в. // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2017. № 2(42). С. 27–32.

15. Министерство государственных имуществ. Журнал Министерства государственных имуществ. Ч. 69. СПб.: В тип. В. Безобразова и комп., 1858.

16. Министерство государственных имуществ. Журнал Министерства государственных имуществ. Ч. 75. СПб.: В тип. Леонида Демиса, 1860.

17. Шульгин Н. Статистическое описание казенных лесов Черниговской губернии. Чернигов: Губ. тип., 1858. 38 с.

18. ГАКО (Государственный архив Курской области). Ф. 153. Оп. 1. Д. 606.

19. Архипова М. В. Изменение лесистости в центре Восточно-европейской равнины за последние 150 лет // Лесоведение. 2020. № 1. С. 35–45.

20. Дегтярь А. В., Григорьева О. И. Изменение лесистости Белгородской области за 400-летний период // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: естественные науки. 2018. Т. 42, № 4. С. 574–586.

21. Рыбалкин А. И. Сведения о лесах Российской империи // Известия высших учебных заведений. Лесной журнал. 2007. № 3. С. 145–148.

22. Историческое обозрение пятидесятилетней деятельности Министерства государственных имуществ. 1837-1887. Часть III. Государственные имущества. СПб.: Тип. В. Безобразова и К°, 1888.

23. ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. 39. Оп. 1. Д. 14.

24. Министерство государственных имуществ. Журнал Министерства государственных имуществ. Ч. 86. СПб.: Тип. Министерства государственных имуществ, 1864.

25. Министерство государственных имуществ. Журнал Министерства государственных имуществ. Ч. 81. СПб.: Тип. Ф. Стелловского, 1862.

References

1. Nikiforov S. A. Reformirovanie upravleniya lesami v Rossijskoj imperii v seredine XIX v. Pervye shagi reformy (na primere Kurskoj gubernii) [Forest management reform in the Russian Empire in the middle of the XIX century. The first steps of the reform (on the example of Kursk province)]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law,* 2022, vol. 12, no. 5, pp. 189–198.

2. Arnol'd F. K. Istoriya lesovodstva v Rossii, Francii i Germanii [History of forestry in Russia, France and Germany]. St. Petersburg, Izd. A. F. Marksa, 1895. 403 p.

3. Vedrov S. O lesoohranenii po russkomu pravu: Issled. Sergeya Vedrova [About forest protection under Russian law: Research. Sergei Fedorov]. St. Petersburg, Tip. V. Bezobrazova i K°, 1878. 224 p.

4. Istomina E. G. Lesnoe hozyajstvo gubernij Evropejskoj Rossii v XIX – nachale XX v.: mekhanizmy upravleniya i ohrany [Forestry of the provinces of European Russia in the XIX – early XX century: management and protection mechanisms]. *Vestnik RGGU. Seriya: Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul'turologiya = Bulletin of the Russian State University. Series: Literary Studies. Linguistics. Cultural studies*, 2014, no. 17(139), pp. 169–184.

5. Malevich B. Les i lesoustrojstvo. Ocherk iz praktiki lesoustroitel'nyh i ocenochnyh rabot [Forest and forest management. An essay from the practice of forest management and appraisal work]. Moscow, Tip. Tov-va I. D. Sytina, 1903. 239 p.

6. Rybalkin A. I. Uchrezhdenie Ministerstva gosudarstvennyh imushchestv i ego deyatel'nost' po modernizacii upravleniya lesnym kompleksom Rossijskoj imperii [Establishment of the Ministry of State Property and its activities to modernize the management of the forest complex of the Russian Empire]. *Evrazijskij forum = Eurasian Forum*, 2010, no. 1 (2), pp. 5–21.

7. Rybalkin A. I. Deyatel'nost' Ministerstva gosudarstvennyh imushchestv po sovershenstvovaniyu sistemy upravleniya lesnym kompleksom Rossijskoj imperii [Activity of the Ministry of State Property on improving the management system of the forest complex of the Russian Empire]. *Bereginya. 777. Sova: obshchestvo. politika. Ekonomika = Bereginya. 777. Owl: society. politics. Economy*, 2019, no. 4 (19), pp. 32–45.

8. Tyapkin M. O., Tyapkina O. A. Modernizaciya lesnoj otrasli Rossijskoj imperii vo vtoroj treti XIX v. [Modernization of the forest industry of the Russian Empire in the second third of the XIX century]. *Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta = News of the Altai State University*, 2016, no. 2(90), pp. 148–154.

9. Tyapkin M. O. Reformirovanie sistemy lesnogo upravleniya i ohrany lesov Rossijskoj imperii v 20-30-e gg. XIX v. [Reforming the system of forest management and protection of forests of the Russian Empire in the 20-30s of the XIX century]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Tomsk State University*, 2016, no. 403, pp. 130–134.

10. Chernyh V. V. Lesnoe zakonodatel'stvo v period pravleniya Nikolaya I [The Forest Department as a state-legal institution of the Russian Empire: formation and development]. *Sibirskij yuridicheskij vestnik = Siberian Legal Bulletin*, 2020, no. 1(88), pp. 15–21.

11. Chernyh V. V. Lesnoj departament kak gosudarstvenno-pravovoj institut Rossijskoj imperii: stanovlenie i razvitie [The Forest Department as a state-legal institution of the Russian Empire: formation and development]. *Sibirskij yuridicheskij vestnik = Siberian Legal Bulletin*, 2021, no. 4(95), pp. 41–46.

12. Nikiforov S. A., Smirnova M. A. Vliyanie tradicij mezhevaniya lesov XVI–XVII vv. na sovremennoe mezhevanie lesnyh uchastkov [The influence of the traditions of surveying forests of the XVI–XVII centuries on the modern surveying of forest areas]. *Sovremennoe rossijskoe pravo = Modern Russian Law*, 2020, no. 9 (18). Available at: https://journallaw.ru/archive/18/383 (accessed: 02.10.2022).

13. Cvetkov M. A. Izmenenie lesistosti Evropejskoj Rossii s konca XVII stoletiya po 1914 god [Changes in the forest cover of European Russia from the end of the XVII century to 1914]. Moscow, Izd. Akademii nauk SSSR, 1957. 213 p.

14. Alekseev A. I., Tret'yakov A. V. Gosudarstvennoe regulirovanie lesnogo hozyajstva Rossijskoj imperii v XIX – nachale XX v. [State regulation of forestry of the Russian Empire in the XIX – early XX century]. *Uchenye zapiski. Elektronnyj nauchnyj zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta = Scientific notes. Electronic Scientific Journal of Kursk State University*, 2017, no. 2(42), pp. 27–32.

15. Ministerstvo gosudarstvennyh imushchestv. Zhurnal Ministerstva gosudarstvennyh imushchestv [Ministry of State Property. Journal of the Ministry of State Property], pt. 69. St. Petersburg, V tip. V. Bezobrazova i komp., 1858.

16. Ministerstvo gosudarstvennyh imushchestv. Zhurnal Ministerstva gosudarstvennyh imushchestv [Ministry of State Property. Journal of the Ministry of State Property], pt. 75. St. Petersburg, V tip. Leonida Demisa Publ., 1860.

17. Shul'gin N. Statisticheskoe opisanie kazennyh lesov Chernigovskoj gubernii [Statistical description of the state forests of Chernihiv province]. Chernigov, Gub. tip., 1858, 38 p.

18. GAKO (Gosudarstvennyj arhiv Kurskoj oblasti) [The State Archive of the Kursk region], f. 153, op. 1, d. 606.

19. Arhipova M. V. Izmenenie lesistosti v centre Vostochno-evropejskoj ravniny za poslednie 150 let [Changes in forest cover in the center of the East European Plain over the past 150 years]. *Lesovedenie = Forestry*, 2020, no. 1, pp. 35–45.

20. Degtyar' A. V., Grigor'eva O. I. Izmenenie lesistosti Belgorodskoj oblasti za 400-letnij period [Changes in the forest cover of the Belgorod region over a 400-year period]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: estestvennye nauki = Scientific*

Bulletin of the Belgorod State University. Series: Natural Sciences, 2018, vol. 42, no. 4, pp. 574–586.

21. Rybalkin A. I. Svedeniya o lesah Rossijskoj imperii [Information about the forests of the Russian Empire]. *Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. "Lesnoj zhurnal" = News of higher educational institutions. "Forest Magazine",* 2007, no. 3, pp. 145–148.

22. Istoricheskoe obozrenie pyatidesyatiletnej deyatel'nosti Ministerstva gosudarstvennyh imushchestv [Historical review of the fifty-year activity of the Ministry of State Property]. 1837-1887. Chast' III. Gosudarstvennye imushchestva. St. Petersburg, Tip. V. Bezobrazova i K°, 1888.

23. GARF (Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii) [State Archive of the Russian Federation], f. 39, op. 1, d. 14.

24. Ministerstvo gosudarstvennyh imushchestv. Zhurnal Ministerstva gosudarstvennyh imushchestv [Ministry of State Property. Journal of the Ministry of State Property], pt. 86. St. Petersburg, Tip. Ministerstva gosudarstvennyh imushchestv, 1864.

25. Ministerstvo gosudarstvennyh imushchestv. Zhurnal Ministerstva gosudarstvennyh imushchestv [Ministry of State Property. Journal of the Ministry of State Property], pt. 81. St. Petersburg, Tip. F. Stellovskogo, 1862.

Информация об авторах / Information about the Authors

Никифоров Сергей Александрович, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории и социально-культурного сервиса, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: s.nikiforoff@rambler.ru,
ORCID: 0000-0003-0853-0842

Sergey A. Nikiforov, Cand. of Sci. (History), Associate Professor, Associate Professor of the Department of History and Sociocultural Service, Southwest State University Kursk, Russian Federation,
e-mail: s.nikiforoff@rambler.ru,
ORCID: 0000-0003-0853-0842

Ляззат Сембиева, доктор экономических наук, профессор, кафедра государственного аудита, Евразийский национальный университет имени Л. Н. Гумилева, г. Нур-Султан (Астана), Республика Казахстан,
e-mail: sembiyeva@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-2430-512X

Lyazzat Sembiyeva, Dr. of Sci. (Economics), Professor of the Department of "State Audit", L. N. Gumilyov Eurasian National University, Nur-Sultan (Astana), Republic of Kazakhstan,
e-mail: sembiyeva@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-2430-512X

Оригинальная статья / Original article

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-6-215-223

CC BY 4.0

Проблемы кадрового обеспечения физкультурной работы в школах Курского края (1918–1940 годы)

О. М. Цуканова[1], Г. Г. Карпова[1] ✉

[1]Юго-Западный государственный университет,
ул. 50 лет Октября 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: karpova.gelika@yandex.ru

Резюме

Актуальность *научной статьи обусловлена современным положением дел в российской школе, проводящей активную подготовку учащихся к сдаче нормативов по программе «ГТО». При этом несомненно важной составляющей является сегодня кадровое обеспечение современной школы соответствующими специалистами. В связи с чем обращение к историческому опыту в сфере физкультурной работы со школьниками в довоенные годы, безусловно, актуально и полезно.*

Цель *научного исследования состоит в выявлении проблем кадрового обеспечения физкультурной работы в школах Курского края в период с 1918 по 1940 год.*

Задачи: *раскрыть основные проблемы кадрового обеспечения физкультурной работы в школах Курского края в обозначенный период времени и проследить главные направления в решении данного вопроса.*

Методология. *Методологической основой исследования послужили основные научные принципы объективности, историзма и системности; специальные методы исторического анализа: историко-генетический, историко-типологический, историко-системный.*

Результаты. *Проблемы, с которыми столкнулась советская школа в период своего становления, связаны с острой нехваткой квалифицированных кадров, в частности в физкультурной работе. Чтобы заполнить «нишу», отведённую учителю физкультуры в школьном коллективе и урокам физического воспитания, к ведению занятий были допущены люди, малосведущие в педагогике и физкультуре. Так, в некоторых школах уроки физкультуры вели бывшие офицеры, прапорщики, учителя других предметов. Кадровая проблема была связана и с большой текучестью кадров из состава инструкторов – физкультурников. Кроме того, занятия проводились по старой методике, которая не соответствовала требованиям нового времени.*

Выводы. *Основные проблемы кадрового обеспечения связаны с нехваткой учителей физкультуры, текучестью кадров, устаревшей методикой преподавания физкультуры в школе. Главным направлением в решении кадрового обеспечения физкультурной работы в школах Курского края в 1918–1940 годах явилась организация курсов повышения квалификации учителей физической культуры.*

Ключевые слова: *физическое воспитание школьников; курсы переподготовки кадров; повышение квалификации; учителя физкультуры.*

Конфликт интересов*: Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Для цитирования: Цуканова О. М., Карпова Г. Г. Проблемы кадрового обеспечения физкультурной работы в школах Курского края (1918–1940 годы) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2022. Т. 12, № 6. С. 215–223. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-6-215-223.

Поступила в редакцию 30.09.2022 Принята к публикации 11.11.2022 Опубликована 16.12.2022

© Цуканова О. М., Карпова Г. Г, 2022

Problems of Staffing Physical Education Work in Schools of the Kursk Region (1918–1940)

Olga M. Tsukanova[1], Galina G. Karpova[1] ✉

[1]Southwest State University
50 let Oktyabrya Str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: karpova.gelika@yandex.ru

Abstract

The relevance *of the scientific article is due to the current state of affairs in the Russian school, which actively prepares students to pass the standards for the "GTO" program. At the same time, undoubtedly an important component today is the staffing of a modern school with appropriate specialists. In this connection, the appeal to historical experience in the field of physical education work with schoolchildren in the pre-war years is certainly relevant and useful.*

The purpose *of the research is to reveal the problems of staffing physical education work in schools of the Kursk Region in the period from 1918 to 1940 of the twentieth century.*

Objectives: *to identify the main problems of staffing physical education work in schools of the Kursk Region in the designated period of time and to trace the main directions in solving this issue.*

Methodology*. The methodological basis of the research was the main methods of historical science: the principles of historicism and objectivity; analytical, comparative – historical, historical-chronological, historical-genetic methods.*

Results. *The problems faced by the Soviet school during its formation are associated with an acute shortage of qualified personnel, in particular in physical education work. In order to fill the "niche" assigned to the physical education teacher in the school team and physical education lessons, people with little knowledge in pedagogy and physical education were allowed to conduct classes. So in some schools, physical education classes were conducted by former officers, warrant officers, teachers of other subjects. The personnel problem was also associated with a large turnover of personnel from the composition of physical education instructors. In addition, classes were conducted according to the old methodology, which did not meet the requirements of the new time.*

Conclusions. *The specifics of staffing problems are related to the shortage of physical education teachers, staff turnover, outdated methods of teaching physical education at school. The main direction in solving the staffing of physical education work in the schools of the Kursk Region in 1918 – 1940 of the twentieth century was the organization of advanced training courses for physical education teachers.*

Keywords*: physical education; schoolchildren; retraining courses; advanced training; physical education teachers.*

Conflict of interest: *The Authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Tsukanova O. M., Karpova G. G. Problems of Staffing Physical Education Work in Schools of the Kursk Region (1918–1940). *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2022; 12(6): 215–223. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-6-215-223.

Received 30.09.2022 Accepted 11.11.2022 Published 16.12.2022

***

Введение

Тема научного исследования в реалиях современного образовательного процесса актуальна по нескольким причинам.

Во-первых, сегодня высшая и средняя общеобразовательная школы ищут новые пути отбора, подачи и контроля получаемых знаний, т. к. Болонская система, взятая на вооружение в двухтысячные годы, изжила себя. Российские

учёные считают, что, пересматривая школьные и вузовские программы обучения, следует оглянуться назад и вспомнить тех конструкторов, инженеров, изобретателей, учителей, спортсменов, которые получали начальные и последующие знания в советской школе. При этом практически все выпускники довоенного времени под руководством учителей и инструкторов-физкультурников с энтузиазмом занимались физической культурой и спортом, были членами ДОСААФ, массово сдавали комплекс норм «ГТО». Они сумели не только отстоять и поднять нашу страну из руин после Великой Отечественной войны, но и превзойти мировые достижения в космонавтике, приборостроении, военных технологиях, спорте.

Во-вторых, в Советской России 20–30-х годов XX века кадровый вопрос, в том числе и в сфере физического воспитания, в образовательной среде всегда был на первом месте. Учительские и преподавательские кадры, как правило, отличались глубокими и разносторонними знаниями, которые целенаправленно и грамотно передавали своим воспитанникам. Однако в связи с острой нехваткой в довоенный период учителей физической культуры, которые имели бы специальное образование, осложнялось дело физического воспитания школьников.

В-третьих, процесс перехода в новую систему образования как раньше, так и сегодня затруднён малым количеством «первопроходцев», профессионально подготовленных к педагогической работе в сфере физического воспитания. Несмотря на наличие в современной России вузов, выпускающих преподавателей физической культуры, далеко не все выпускники стремятся трудиться по специальности по различным причинам. И подчас физическую культуру преподают педагоги, не получившие специального образования.

Методология

В научной статье авторы использовали методологические принципы объективности, историзма и системности. Кроме того, опорой для исследования послужили специальные исторические методы. Историко-генетический метод позволил раскрыть специфику проблем кадрового обеспечения физкультурной работы в школах Курского края в указанный исторический период. Историко-типологический – дал возможность на основе единичных примеров продемонстрировать типичность проблемы с кадровым обеспечением в сфере обучения физкультуре школьников. Историко-системный метод способствовал созданию цельной картины положения дел с кадровым обеспечением физкультурной работы в Курском крае в 1918–1940 гг.

Использованные авторами данной статьи научные принципы и методы исследования позволили решить поставленную задачу и достичь указанной цели.

Результаты и их обсуждение

В 1917 г. в Курской губернии советские органы народного образования приступили к восстановлению учебно-образовательных и культурно-просветительских учреждений. Согласно справке комиссии ВЦИК о народном образовании количество дошкольных и культурно-просветительских учреждений в Курском крае на 1 января 1918 г. составляло: две тысячи четыреста семьдесят одна школа I ступени, семьдесят четыре школы II ступени и три спортивные площадки [1, с. 37–38].

14 февраля 1918 г. руководителями физкультурных организаций губернии обсуждались кадровые проблемы (в том числе и в сфере физического воспитания), сложившиеся в учебных заведениях г. Курска, а также трудное материальное

положение дел в физкультурно-спортивной работе [2].

Органы народного образования совместно с Всевобучем (Отдел всеобщего военного обучения) Курского губернского комиссариата поддерживали переход к милицейской системе, согласно которой главным и обязательным предметом на школьных занятиях физкультурой должна стать гимнастика «…не менее 6 часов в неделю…» [3, л. 43]. Кроме того, требовалась реорганизация ячеек физического развития и спортивных кружков. Однако именно в школах возникли кадровые проблемы, связанные с отсутствием инструкторов и учителей физической культуры.

На начало января 1920 г. в шестнадцати школах I и II ступени с общим количеством детей более тысячи трёхсот человек, рабоче-крестьянском университете, детских домах Курской губернии занятия по физической культуре проводили представители ротных участков [4, с. 45]. К 1922 г. физкультуре в школах обучали инструкторы Всевобуча при финансировании Отделом народного образования занятий, сведённых к минимуму из-за сокращения штатов по Отделу всеобщего военного обучения.

Недокомплект педагогов по физкультуре составлял 270 человек, ситуацию усугубляла и проблема текучести кадров. Физкультурная работа в школах Областным отделом народного образования не проверялась. Учителями физкультуры подчас становились случайные люди или преподаватели других дисциплин (например, пения, географии и др.). Данные факты вели к снижению «качества физкультурной работы среди школьников» [5, л. 77]. В отдельных районах (М.-Архангельском, Щигровском) учителей физкультуры не было несколько лет или физкультуру преподавали учителя-совместители [6, л. 72; 7, л. 82–82 об.].

В 1923 г. утверждённые Высшим советом физической культуры (ВСФК) «Основные положения методики физического воспитания в школе» стали руководством для введения в учебные программы всех школ уроков физкультуры для детей разных возрастов. «Положения…» указывали также на необходимость создания кружков по физической культуре [1, с. 152]. Однако большинство преподавателей физической культуры продолжали «вести занятия по методике, установленной ранее» [1, с. 168].

Важные вопросы преподавания физкультуры были рассмотрены на конференции учителей физической культуры, которая состоялась в Курске 6–11 сентября 1926 г. Помимо докладов и выступлений о постановке физкультуры в школах Курской губернии, был поднят вопрос о «ликвидации тормозов, затрудняющих правильное развитие этой серьёзной отрасли» [8, л. 54]. Речь шла о переподготовке и повышении квалификации кадров. В помещении Дома физической культуры (ДФК) были организованы курсы по переподготовке инструкторов физкультуры школ II ступени. В программу, рассчитанную на двадцать семь часов, вошли темы, связанные с системами воспитания, составлением уроков физкультуры для различных возрастных групп, необходимым врачебным контролем на занятиях, а также методические указания к программам физического воспитания [9]. Слушателей курсов знакомили с новинками специальной литературы и научно-педагогическими работами известных советских учёных.

В июле 1929 г. были проведены бесплатные курсы, укомплектованные из представителей 10 районов Курской губернии, по подготовке работников физической культуры для деревни, районных школ II ступени, школ коммунистической молодёжи, руководителей физкультурных кружков при коммунах и инструкто-

ров районных Советов физической культуры. Кандидатами на обучение стали активисты-физкультурники от 18 до 30 лет из крестьян-батраков; бедняков; середняков; красноармейцев, демобилизованных из армии.

Следует отметить, что Окружной отдел народного образования (Окроно) совместно с Окружным Советом физической культуры инициировали проверку качества преподавательского состава и «…его нагрузку» [10, л. 45] ещё перед началом 1928–1929 учебного года. Однако в ряде округов Курской губернии некоторая часть руководителей учебных заведений допускала сокращение и использование учебных часов, отводимых на физическую культуру, в пользу других предметов или «…полное изъятие часов, отводимых на физкультуру» [10, л. 45].

В целях контроля работы по физической культуре в учебных заведениях Курского края Областной отдел народного образования распорядился о доведении учебных часов по физической культуре в 1929–1930 учебном году до утверждённой Народным комиссариатом просвещения (Наркомпросом) нормы. Ответственность возлагалась на заведующих окружными отделами народного образования (Окроно).

Состояние физкультурной работы в учебных заведениях Курского края в эти годы было сложным из-за нехватки учителей-профессионалов. Так, в «Докладной записке» о поездке в города Щигры и Обоянь с 26 ноября по 5 декабря 1929 г. с целью проверки школ II ступени инспектор Окружного исполнительного комитета (Окрисполкома) Г. А. Герцег писал о «неблагополучном» положении дел с учебным предметом физическая культура в г. Щигры. В одной из школ руководителем физического воспитания являлся «бывший прапорщик» (выпускник Варшавской фехтовальной школы), в другой физкультуру вёл отсутствующий на момент проверки «бывший офицер Щёголев» [11, л. 6]. Про школу II ступени в г. Обоянь в своей «Докладной записке» Г. А. Герцег отметил, что руководителем физкультуры в школе была врач [11, л. 6].

4 декабря 1929 г. обследовалась девятилетняя школа с педагогическим уклоном в г. Обоянь. Комиссия под руководством инструктора-организатора Обл. ЦФК К. И. Бойченко выявила серьёзные недостатки: малое количество спортинвентаря, полное отсутствие мячей. Кружок физической культуры не был организован, отсутствовал врачебный контроль. Преподаватель физкультуры Булашенко не владела методикой преподавания физической культуры, соответствующей «задачам физического воспитания и образования в советской трудовой школе» [11, л. 7].

Для решения кадровых проблем в Доме физической культуры, специалисты которого помогали в деле школьного физвоспитания [11, л. 6; 77], были организованы курсы повышения квалификации учителей физкультуры, продлившиеся с 9 декабря 1929 г. по 14 февраля 1930 г. Занятия, проводимые преподавателями ДФК, врачом и инструкторами-физкультурниками, были рассчитаны на девятнадцать часов [11, л. 27]. Слушателями курсов стали 32 работника школ и руководительницы детских садов. Курсы были нацелены на подъём физкультурной работы в детском саду, в школе, на развитие методических навыков у физкультурных руководителей по «охране здоровья, труду и обороне страны» [12]. Теоретические знания слушателей курсов пополнились сведениями о биологических особенностях детей школьного возраста; о факторах, влияющих на здоровье человека; о методически правильной постановке занятий физической культурой в школе и детском саду [13]. На курсах присутствовал врач Курского Дома физкультуры, что подчеркивало значимость и необхо-

димость врачебного контроля на занятиях физической культурой. Следует отметить, что катастрофическое положение, сложившееся с врачебным контролем занятий физкультурой в школах, было повсеместным в Курском крае [14].

С 15 апреля 1930 г. в ДФК открылись курсы руководителей физкультуры и отрядов юных пионеров, где обучение прошли сорок четыре человека пионерского актива в возрасте 13–16 лет. Занятия проводились ежедневно по два часа преподавателями – инструкторами ДФК А. В. Клочковым, П. Д. Бабкиным, врачом М. А. Гиновым [11, л. 27; 15]. В программу были включены темы, связанные с целями и задачами советской физической культуры, методическими особенностями современного урока, с необходимостью врачебного контроля состояния здоровья занимающихся физкультурой школьников и др. [11, л. 28]

Кадровым проблемам в сфере физической культуры уделяли внимание ежемесячный методической журнал «Физкультура в школе», издаваемый с 1930 г., и периодическая печать г. Курска. Так, газета «Курская правда» от 10 марта 1930 г. опубликовала заметку «Физкультура в загоне», где сообщалось, что недостаточно грамотное руководство физкультурной работой в учебных заведениях (школах и техникумах) привело к «…отсутствию материальных средств» у физкультурных организаций. В статье прозвучал призыв к новым формам работы и практической «увязке» физкультуры с общественностью [16].

В сентябре 1931 г. в Курске был открыт техникум физической культуры, который, к сожалению, просуществовал недолго [15]. В нём обучалось сто человек, что было хорошим подспорьем для обеспечения квалифицированными кадрами физкультурной работы в школе. Техникум готовил «профессиональных преподавателей по физкультуре и спорту» [17, с. 420–422].

Решения о введении в общеобразовательные школы уроков по физической культуре по специальным учебным программам, принятые ЦК ВКП (б) 5 сентября 1931 г. и 25 августа 1932 г., способствовали лучшему усвоению учебного материала и «развёртыванию внеклассных и внешкольных форм работы по физическому воспитанию школьников» [18].

Особо отметим положение дел в физкультурной работе в высшей школе, а именно в Курском педагогическом институте, открывшемся в 1934 г. [19, л. 54] Данное учебное заведение было хорошо оборудовано, имелся актовый и спортивный залы, площадки для занятий физической культурой. Институт проводил большую оборонно-спортивную работу по сдаче норм комплекса «Готов к труду и обороне» (ГТО) и получению спортивных разрядов. В предвоенные годы Курский педагогический институт пять раз завоёвывал переходящее Красное Знамя за успехи в физкультурной работе.

Для повышения квалификации учителей физкультуры в Курск в апреле 1939 г. прибыли приглашенные с этой целью преподаватели Харьковского института физкультуры. Ими были прочитаны лекции о Международном спортивном движении, по истории физкультуры в дореволюционной России и СССР [20]. На лекциях присутствовали физкультурные инструкторы и учителя физической культуры в количестве восьмидесяти человек.

Несмотря на попытки Областного и Окружного отделов народного образования повысить качество кадрового обеспечения физкультурной работы в школах Курского края, постановка физкультурной работы на 1940 г. велась крайне слабо. В большинстве школ физкультура рассматривалась как второстепенный предмет. Например, в Ракитянском районе физическая культура проводилась в

трёх школах из четырнадцати, в Уразовском районе – в одной школе из двенадцати, в Ивнянском районе – в пяти школах из тринадцати [7, л. 90].

В результате острой нехватки квалифицированных кадров по физической культуре и отсутствия должного внимания к делу физического воспитания со стороны Областного отдела народного образования план по сдаче норм комплекса ГТО школьниками старших классов был выполнен на 80,7%, план по комплексу «Будь готов к труду и обороне» (БГТО), охватывающему подростковую группу учащихся, – на 36,4% [7, л. 90].

Выводы

Проведённый в научной статье анализ архивных документов и иных материалов, связанных с проблемами кадрового обеспечения физкультурной работы в школах Курского края в 1918–1940 гг., позволил раскрыть следующие проблемы и основные направления их решения.

1. Главные проблемы кадрового обеспечения физкультурной работы в школах Курского края заключались в следующем:

– нехватка и текучесть квалифицированных кадров учителей физического воспитания и инструкторов-физкультурников, использование труда учителей других дисциплин (географии, пения и пр.), которым администрация школ поручала вести занятия по физической культуре, несмотря на их некомпетентность в данном вопросе;

– в некоторых школах Курского края уроки физического воспитания не проводились вообще или проходили под руководством бывших военных – прапорщиков и офицеров;

– использование старых методик преподавания физической культуры также тормозило процесс овладения школьниками необходимыми навыками физической культуры.

2. Отделы народного образования пытались решить кадровую проблему в физкультурной работе школ с помощью различных курсов повышения квалификации и переподготовки учителей и инструкторов по физкультуре. Определённым подспорьем в решении кадрового вопроса стал выпуск учителей – физкультурников, окончивших Курский техникум физической культуры.

Список литературы

1. Из истории культурного строительства в Курской губернии. 1917 – 1928 гг.: сборник документов. Курск: Центр.-Черн. кн. изд-во, 1979. 286 с.

2. ГАКО (Государственный архив Курской области). Ф. Р-328. Оп. 1. Д. 226. Л. 179–189 а.

3. ГАКО. Ф. Р-328. Оп. 1. Д. 905.

4. Курский педагогический: страницы истории: [сборник документов, исторических очерков, научных статей] / ред.-сост. Н. А. Постников. Курск: Изд-во КГПУ, 1990. 60 с.

5. ГАОПИ КО (Государственный архив общественно-политической истории Курской области). Ф. П-1. Оп.1. Д. 2520.

6. ГАОПИ КО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 2513.

7. ГАОПИ КО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 2516.

8. ГАКО. Ф. Р-309. Оп. 9. Д. 117.

9. ГАКО. Ф. Р-309. Оп. 9. Д. 317.

10. ГАКО. Ф. Р-1064. Оп. 1. Д. 13.

11. ГАКО. Ф. Р-1064. Оп. 1. Д. 22.

12. ГАКО. Ф. Р-1084. Оп. 1. Д. 13.

13. Курская правда. 1929. 9 декабря.

14. Цуканова О. М., Карпова Г. Г. Становление и развитие врачебного контроля физкультурно-спортивной работы в России в 1917–1930 годах (на примере Курской губернии) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2020. Т.10, №1. С. 161–169.

15. Клочков А. В. Физкультура и спорт в Курске за 40 лет (Очерки по истории развития физической культуры и спорта за 1917 – 1957 гг.). Курск: Курск. кн. изд-во, 1958. 72 с.

16. Курская правда. 1930. 10 марта.

17. Курск: Краеведческий словарь-справочник / Курское обл. краевед. общество, Гос. архив Курской области; гл. ред. Ю. А. Бугров. Курск: ЮМЭКС, 1997. 495 с.

18. Столбов В. В. История физической культуры. М.: Просвещение, 1989. 288 с.

19. ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 1. Д. 91.

20. Курская правда. 1939. 2 апреля.

References

1. Iz istorii kul'turnogo stroitel'stva v Kurskoj gubernii. 1917 – 1928 gg. Sbornik dokumentov [From the history of cultural construction in the Kursk province. 1917 – 1928. Collection of documents]. Kursk, Centr.-Chern. kn. izd-vo, 1979. 286 p.

2. GAKO (Gosudarstvennyj arhiv Kurskoj oblasti) [The State Archive of the Kursk region], f. R-328, op. 1, d. 226, l. 179–189 a.

3. GAKO, f. R-328, op. 1, d. 905.

4. Kurskij pedagogicheskij: stranicy istorii. Sbornik dokumentov, istoricheskih ocherkov, nauchnyh statej [Kursk Pedagogical University: pages of history. Collection of documents, historical essays, scientific articles]; ed. by N. A. Postnikov. Kursk, Izd-vo KGPU, 1990. 60 p.

5. GAOPI KO (Gosudarstvennyj arhiv obshchestvenno-politicheskoj istorii Kurskoj oblasti) [State Archive of Socio-Political History of the Kursk region], f. P-1, op. 1, d. 2520.

6. GAOPI KO, f. P-1, op. 1, d. 2513.

7. GAOPI KO, f. P-1, op. 1, d. 2516.

8. GAKO, f. R-309, op. 9, d. 117.

9. GAKO, f. R-309, op. 9, d. 317.

10. GAKO, f. R-1064, op. 1, d. 13.

11. GAKO, f. R-1064, op. 1, d. 22.

12. GAKO, f. R-1084, op. 1, d. 13.

13. *Kurskaya pravda = Kurskaya Pravda*, 1929, December 9.

14. Cukanova O. M., Karpova G. G. Stanovlenie i razvitie vrachebnogo kontrolya fizkul'turno-sportivnoj raboty v Rossii v 1917–1930 godah (na primere Kurskoj gubernii) [Formation and development of medical control of physical culture and sports work in Russia in 1917-1930 (on the example of Kursk province)]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*, 2020, vol. 10, no. 1, pp. 161–169.

15. Klochkov A. V. Fizkul'tura i sport v Kurske za 40 let (Ocherki po istorii razvitiya fizicheskoj kul'tury i sporta za 1917 – 1957 gg. [Physical culture and sports in Kursk for 40 years (Essays on the history of the development of physical culture and sports for 1917 – 1957]. Kursk: Kursk. kn. izd-vo, 1958. 72 p.

16. *Kurskaya pravda = Kurskaya Pravda*, 1930, March 10.

17. Kursk. Kraevedcheskij slovar'-spravochnik [Kursk. Local history dictionary-reference]; ed. by Yu. A. Bugrov. Kursk, YUMEKS Publ., 1997. 495 p.

18. Stolbov V. V. Istoriya fizicheskoj kul'tury [History of physical culture]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1989. 288 p.

19. GAKO, f. R-3322, op. 1, d. 91.

20. *Kurskaya pravda = Kurskaya Pravda*, 1939, April 2.

Информация об авторах / Information about the Authors

Цуканова Ольга Михайловна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры физического воспитания, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: cukanov_oleg@inbox.ru

Карпова Галина Гельевна, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры физического воспитания, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: karpova.gelika@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-8957-9551

Olga M. Tsukanova, Cand. of Sci. (Historical), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Physical Education, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: cukanov_oleg@inbox.ru

Galina G. Karpova, Cand. of Sci. (Psychological), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Physical Education, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: karpova.gelika@yandex.ru,
ORCID: 0000-0002-8957-9551

Оригинальная статья / Original article

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-6-224-232

(cc) BY 4.0

Советская массовая песня 1920-1940-х годов в зеркале эпохи

И. Ф. Стародубцева[1], Г. А. Хаит[1], К. С. Башкеева[1] ✉

[1]Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: ksenya3270@yandex.ru

Резюме

Актуальность *изучения феномена советской массовой песни возрастает в настоящее время в связи с особым вниманием к воспитательной работе, к формированию активной гражданской позиции у современной молодёжи. Данный жанр не только является знаком эпохи, но и ярко отражает духовно-нравственные, патриотические ценности российского общества.*

Цель исследования *состоит в рассмотрении этапов становления жанра советской массовой песни в 1920–1940-х годах.*

Задачи *исследования: рассмотреть становление и развитие жанра советской массовой песни в 1920–1940-х годах; выявить влияние основных событий отечественной истории, повлиявших на эволюцию данного жанра.*

Методология. *В работе использованы общенаучные методы анализа и синтеза информации, а также комплекс методов историко-культурного, проблемно-хронологического характера; применялся анализ средств музыкальной выразительности и жанрово-стилистических особенностей предмета исследования.*

Результаты. *Изменившаяся после Октябрьской революции 1917 года социальная структура общества потребовала изменений в культурной политике страны. Стремление «сбросить Пушкина с корабля современности» и построить новый мир привело к появлению и расцвету жанра советской массовой песни. Понятие «массовая песня» наполнялось новым содержанием на разных этапах развития: в 1920-е годы в числе ведущих направлений композиторского творчества были аранжировки революционных песен для хорового состава. Широко распространяется практика сочинения нового текста на уже существовавшую мелодию. После окончания Гражданской войны в массовую песню проникают современные танцевальные ритмы, против чего в обществе разворачивается масштабная кампания. В предвоенные годы в этом жанре нашли отражение темы социалистического строительства, воспоминаний о событиях истории и светлых надежд. С началом Великой Отечественной войны задача, стоявшая перед художниками, определялась необходимостью помочь народу выстоять, поднять его боевой дух, усиливать патриотические чувства.*

Выводы. *Советская массовая песня стала выразителем ценностей и нужд эпохи и настоящим документальным свидетельством своего времени.*

Ключевые слова: *советская массовая песня; Советский Союз; Октябрьская революция; Гражданская война; Великая Отечественная война.*

Конфликт интересов*: Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Для цитирования: Стародубцева И. Ф., Хаит Г. А., Башкеева К. С. Советская массовая песня 1920-1940-х годов в зеркале эпохи // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2022. Т. 12, № 6. С. 224–232. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-6-224-232.

Поступила в редакцию 18.10.2022 Принята к публикации 17.11.2022 Опубликована 16.12.2022

© Стародубцева И. Ф., Хаит Г. А., Башкеева К. С., 2022

Soviet Mass Song of the 1920s-1940s in the Mirror of the Epoch

Irina F. Starodubtseva[1], Gennadii A. Khait[1], Kseniya S. Bashkeeva[1]✉

[1]Southwest State University
50 let Oktyabrya Str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: ksenya3270@yandex.ru

Abstract

Relevance. *The relevance of studying the phenomenon of Soviet mass song is currently increasing due to special attention to educational work, to the formation of an active civic position among modern youth. This genre is not only a sign of the era, but also clearly reflects the spiritual, moral, patriotic values of Russian society.*

The purpose of this article *is consideration of the stages of formation of the Soviet mass song genre in the 1920-1940s.*

Research objectives *to consider the formation and development of the Soviet mass song genre in the 1920-1940s; to identify the influence of the main events of national history that influenced the evolution of this genre.*

Methodology. *The work uses general scientific methods of analysis and synthesis of information, as well as a set of methods of historical-cultural, problem-chronological nature; the analysis of the means of musical expressiveness and genre and stylistic features of the subject of research was applied.*

Results. *The social structure of society, which changed after the October Revolution of 1917, required changes in the country's cultural policy. The desire to "throw Pushkin off the ship of modernity" and build a new world led to the emergence and flourishing of the Soviet mass song genre. The concept of "mass song" was filled with new content at different stages of development: in the 1920s, arrangements of revolutionary songs for the choir were among the leading directions in composer creativity. The practice of composing a new text to an already existing melody was widespread. After the end of the civil war, modern dance rhythms penetrate the mass song, against which a large-scale campaign is unfolding in society. In the prewar years, this genre reflected the themes of socialist construction, memories of historical events and bright hopes. With the beginning of the Great Patriotic War, the task facing the artists was determined by the need to help the people survive, raise their fighting spirit, and strengthen patriotic feelings.*

Conclusion. *The Soviet mass song has become an expression of the values and needs of the era and a real documentary evidence of its time.*

Keywords: *soviet mass song; Soviet union; October revolution; Civil war; Great Patriotic war.*

Conflict of interest: *The Authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Starodubtseva I. F., Khait G. A., Bashkeeva K. S. Soviet Mass Song of the 1920s-1940s in the Mirror of the Epoch. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2022; 12(6): 224–232. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-6-224-232.

Received 18.10.2022 Accepted 17.11.2022 Published 16.12.2022

***

Введение

Революция 1917 г. принесла перемены не только в политическую и социальную сферы. Изменившаяся социальная структура общества и установившаяся власть пролетариата требовали изменений в культурной политике страны [1, с. 6]. Новый слушатель заметно отличался от той публики, которая посещала концерты до революции. К музыкальному искусству получили доступ рабочие, крестьяне, для многих из которых дореволюционная культура была terra incognita [2, с. 161]. Всё это совпало с желанием властей порвать с существующей традицией, «сбросить Пушкина с корабля современности» и построить новый мир, в котором ничего не напоминало бы о дореволюционном. Культурный слом при-

вёл к выходу на первый план находившихся прежде в тени жанров, в частности песни [3, с. 89].

Именно песня должна была составить жанровую основу музыкального искусства нового строя. Как форма наиболее простая, она соответствовала вкусам нового слушателя. Возникла необходимость принять этого нового слушателя во внимание и создать такой репертуар, который отвечал бы его потребностям, и при этом возвести музыку в «массовую степень» [4, с. 5]. Вслед за отменой сословных различий упала преграда между высокими и низкими жанрами, элитарными и массовыми.

С другой стороны, в условиях нестабильности первых лет советской власти обращение к малым жанрам было вполне закономерно. Более того, песня позволяла донести до слушателя очень понятные идеологические установки, позволявшие консолидировать общество, мотивировать на продолжение борьбы [5, с. 61].

Методология

В работе использованы общенаучные методы анализа и синтеза информации, содержащейся в трудах отечественных исследователей – музыковедов, культурологов, историков, филологов и др. Также применялся комплекс методов историко-культурного, проблемно-хронологического характера; применялся анализ средств музыкальной выразительности и жанрово-стилистических особенностей предмета исследования.

Результаты и их обсуждение

Новый жанр появлялся не на пустом месте. М. Тараканов писал: «Революции сопутствовал великий интонационный кризис, а точнее, “ситуация перелома”, отмеченная столкновением и взаимодействием старого и нового – привычных оборотов, восходящих к деревенскому и городскому фольклору, и четких маршевых ритмоинтонационных прежних и вновь возникавших песен революционной борьбы» [6, с. 14]. В разгар революции это были песни, которые пели люди, с оружием в руках отстаивающие советскую власть. На улицах и площадях звучали «Рабочая Марсельеза», игравшая роль государственного гимна [7, с. 118], «Интернационал», «Варшавянка», «Смело, товарищи, в ногу» и другие песни, вышедшие из революционного подполья [8, с. 22]. Широко была распространена практика сочинения нового текста на уже существовавшую мелодию. Интересный пример такой «перелицовки» – один из красноармейских гимнов «Смело мы в бой пойдем», мелодия которого восходит к популярному дореволюционному салонному романсу «Белой акации гроздья душистые». Многие из песен существовали в десятках текстовых вариантов. Всё это отражало переходный период, с его смесью старого и нового, преобладанием фольклорного подхода в музыкальной культуре [9, с. 105].

На первом этапе аранжировки революционных песен для хорового состава составляли один из основных жанров композиторского творчества. Эти аранжировки призваны были возместить существующую нехватку нового репертуара.

Образцами песен начала 1920-х гг. являются «Марш Будённого» (муз. Дм. Покрасса, сл. А. Д.’Актиля (А. Френкеля)), «Красная армия всех сильней» (муз. С. Покрасса, сл. П. Горинштейна (П. Григорьева)), передающие героическое настроение эпохи. Написанный в те же годы «Авиамарш» (муз. Ю. Хайта, сл. П. Германа), посвящённый только зарождающейся советской авиации, отличается от остальных песен этой эпохи жизнерадостностью и объединением маршевости с танцевальностью, предвосхищая траекторию развития жанра в 1930-е гг.

Новый поворот в развитии массовой песни наступил с окончанием Гражданской войны, восстановлением мирного уклада жизни и, соответственно, необходимостью формирования новой структуры культуры. Акцент смещается с армии и флота на культурные организации при

клубах. Массовая песня 1920-х гг. была по преимуществу хоровой. Такая форма соответствовала и дополнительно подчёркивала активно культивируемое в СССР «чувство превосходства общего над частным» [10, с. 225].

Само понятие «массовая песня» родилось в 1920-е гг., определив, таким образом, уже существующий жанр. Принципиальное отличие песен этого периода в том, что в тексте речь шла уже не о сокрушении старого режима, а построении нового. Если раньше «мы» означало противопоставление своего и чужого, то сейчас «мы» служило символом объединения [9, с. 108].

Первые песни все еще несут в себе черты предыдущего этапа. Героический настрой напоминает о недавней борьбе за установление советской власти. Вместе с тем проявляются и новые черты. Так, одним из главных героев произведений искусства становится молодежь. Молодое государство искало себе опору именно среди этого слоя населения. Среди ярких образцов таких песен «Наш паровоз» (коллективное авторство комсомольцев Киевских главных железнодорожных мастерских), «Молодая гвардия» (на основе музыки гимна Тироля австрийского композитора Л. Кнебельсбергера, сл. А. Айльдерманна, пер. А. Безыменского) и «Краснофлотская» (муз. М. Блантера, сл. Д. Долева и Ю. Данцигера).

В то же время музыкальная культура 1920-х гг. отмечена проникновением в песню танцевальных ритмов, таких как шимми, фокстрот, танго. Против данного явления в печати разворачивается масштабная кампания, что отражает ситуацию 1920-х гг., когда на смену военному коммунизму приходит нэп и какое-то время сохраняется разноголосица жанров и мнений.

Развитие массовой песни связано с деятельностью РАПМ (Российской ассоциации пролетарских музыкантов) и «Проколла» (Производственного коллектива студентов-композиторов Московской консерватории). Для композиторов этих групп основным критерием оценки творчества было соответствие целям революции и психологии пролетарского слушателя [11, с. 29]. Ставя своей целью как можно скорее создать революционный репертуар, композиторы-«проколловцы» считали массовую песню самым подходящим жанром. Новая пролетарская песня должна была также послужить основой для создания оперы, симфонии, сонаты. Основными темами композиторов этого направления были: революция, гражданская война, труд. Для музыкального языка характерны маршевость, квартовые волевые интонации.

Все вышесказанное подчёркивает происхождение массовой песни от революционных песен, пролетарских гимнов [12, с. 156]. Среди образцов данного жанра – «Песня о героях» (муз. М. Коваля, А. Давиденко, Б. Шехтера, сл. Н. Владимирского), «Пролетарии всех стран, соединяйтесь» (муз. В. Белого, сл. И. Френкеля), «Железными резервами» (муз. Б. Шехтера, сл. С. Третьякова). Излюбленным жанром руководителя «Проколла» А. Давиденко стала походная песня, к которой принадлежат «Конница Будённого» и «Винтовочка» на слова Н. Асеева, «Нас побить, побить хотели» (сл. Д. Бедного). Нужно сказать, что из-за некоторой умозрительности и недостаточной мелодической выразительности эти песни не пользовались большой популярностью среди населения. Определённый кризис жанра, однако, подготовил его расцвет в 1930-е гг.

Предвоенное десятилетие ставило перед страной сложные вопросы. Задача превращения СССР в державу с развитой промышленностью достигалась ценой миллионов человеческих жертв. Усилилась борьба с внутренними и внешними врагами, что привнесло атмосферу напряжённости во все сферы жизни. Своеобразное «окостенение» режима в то же время привело к созданию советской классики. С установлением социалистического реализма как единственно возможного стиля творчества разноголосица

нэпа подошла к концу, в некоторой степени происходил возврат к классическим образцам, но творить было возможно лишь в раз и навсегда установленных рамках. Следует отметить, что сами композиторы осознавали важность своей миссии [13, с. 13].

Мелодика песен 1930-х гг. отмечена синтезом элементов революционного фольклора, старой и современной бытовой музыки, музыкальной эстрады [10, с. 222]. Наиболее ярко это явление отразилось в творчестве И. Дунаевского, Дм. и Дан. Покрассов, А. Александрова, В. Захарова, М. Блантера.

Одна из ведущих тем этого времени, тема труда, отражает пафос строительства первых пятилеток. При этом плакатные краски песен 1930-х гг. рисуют советское общество в идеальном свете, как лишенное проблем и неудач. Это отражает один из постулатов социалистического реализма об отражении действительности в ее революционном развитии, что можно было воспринять как призыв показывать действительность не такой, какая она *есть*, а такой, какой она *должна быть*. Одним из ярких примеров соединения темы труда с ещё одной важной образной сферой, темой молодости, является «Песня о встречном» (муз. Д. Шостаковича, сл. Б. Корнилова), которая стала одной из самых популярных песен на эстраде и в концертах по заявкам [14, с. 41]. Характерной музыкальной особенностью этого сочинения является сочетание маршевых элементов с танцевальными, что позволяет сохранить энергичный настрой, но при этом несколько «облегчить» его по сравнению с маршами 1920-х гг. Такое сочетание маршевости и танцевальности станет стилистической приметой десятилетия.

Другой характерной чертой была тесная связь массовой песни с кино. Этот новый жанр заявил о себе именно в 1930-е гг. и сразу же стал одним из главных проводников массовой песни в народ. «Песня была панорамой переживаний, мечтаний жизни целого народа, она могла поднять настроение, увлечь романтикой, возвысить над буднями», – утверждает П. К. Корнев [15, с. 44]. Многие композиторы работали в кино [16], но самая большая популярность выпала на долю И. Дунаевского. В его творчестве можно легко различить влияние джаза, фольклора латиноамериканских стран, сплавленного с уже знакомыми интонациями городского и деревенского современного фольклора, бытового романса. «Марш весёлых ребят», «Песня о весёлом ветре», «Молодёжная» (все на слова В. Лебедева-Кумача) отмечены подчёркнутой мажорностью, энергичностью и оптимизмом. Вместе с тем его «Песня о Родине» является образцом песни – гимна родной земле.

Еще одна важная тема в 1930-е гг. – тема воспоминаний о Гражданской войне – ключевом событии истории с точки зрения власти и самом важном историческом символе. Основными являлись идеи подвига, самопожертвования, готовности умереть за правое дело, что должно было стать примером для молодых: «Дан приказ: ему – на запад, / Ей – в другую сторону... / Уходили комсомольцы / На гражданскую войну» («Прощанье», муз. Дм. Покрасса, сл. М. Исаковского) [17, с. 143]. С одной стороны, это обеспечивало историческую преемственность, связь с предыдущим поколением, а с другой – в годы нарастающей фашистской опасности такие песни подспудно подготавливали к войне новое поколение. Не случайно многие из написанных в эти годы песен регулярно исполнялись во время Великой Отечественной войны. Получил развитие жанр песни-баллады, где повествование ведется от первого лица. Образцами такого жанра являются песни «Каховка» (муз. И. Дунаевского, сл. М. Светлова), «Орлёнок» (муз. В. Белого, сл. Я. Шведова), «Песня о Щорсе» (муз. М. Блантера, сл. М. Голодного). При сохранении марша в качестве жанровой основы в них находит выражение и лирическое начало.

С началом Великой Отечественной войны страна зажила под лозунгом «Всё

для фронта, всё для победы». Произошла переориентация всей жизни. Задача, стоявшая перед художниками, определялась необходимостью помочь народу выстоять, поднять его боевой дух, усиливать патриотические чувства [18, с. 66]. Песня вновь оказалась тем жанром, который смог наиболее оперативно откликнуться на происходящее. Она становится ещё одним оружием в борьбе за победу. Одной из особенностей песни военного периода был её практически моментальный отклик на происходящие события. Напечатанное в сегодняшней газете стихотворение уже завтра становилось песней.

Жанровый облик песен начала войны определяется сочетанием маршевых и гимнических интонаций, «что соответствовало официальной доктрине “бить врага малой кровью на чужой территории”» [19, с. 77]. Таковы «До свиданья, города и хаты» (муз. М. Блантера, сл. М. Исаковского), «Песня защитников Москвы» (муз. Б. Мокроусова, сл. А. Суркова), «Песня смелых» (муз. В. Белого, сл. А. Суркова), воспевающие мужество и смелость советского солдата. Настоящей эмблемой военного времени стала «Священная война» (муз. А. Александрова, сл. В. Лебедева-Кумача). Существовали песни, посвященные определенному роду войск, такие как «Морская гвардия» (муз. Ю. Милютина, сл. В. Лебедева-Кумача), «Это в бой идут матросы» (муз. Б. Терентьева, сл. Н. Флёрова), или партизанским отрядам, такие как «Ой, туманы мои, растуманы» (муз. В. Захарова, сл. М. Исаковского), «Шумел сурово брянский лес» (муз. С. Каца, сл. А. Софронова). В песнях находят отражение крупные военные операции, такие как битва за Москву в песне «Моя Москва» (муз. И. Дунаевского, сл. С. Аграняна и М. Лисянского).

Особую группу составляли песни лирического и шуточного характера, которые позволяли хотя бы на минуту отвлечься от тягот военной жизни. С другой стороны, напоминание о семье и доме повышало мотивацию к скорейшей Великой Победе: лирическая песня так же нужна воину, как и призывная патриотическая [20, с. 64]. Яркими примерами стали «Давай закурим» (муз. М. Табачникова, сл. И. Френкеля), «Смуглянка» (муз. А. Новикова, сл. Я. Шведова), «В землянке» (муз. К. Листова, сл. А. Суркова), «Тёмная ночь» (муз. Н. Богословского, сл. В. Агатова).

Выводы

Таким образом, сама жанровая природа советской массовой песни позволяла ей наиболее чутко откликаться на требования общества. Именно поэтому она наиболее полно отражала ценности и нужды эпохи и становилась настоящим документальным свидетельством времени. В наши дни как никогда актуально обращение к этому золотому фонду песенного наследия отечественных композиторов XX века в связи с проблемами формирования исторической памяти и воспитания чувства патриотизма у подрастающего поколения.

Список литературы

1. Стародубцева И. Ф. К вопросу об интерпретации «Шести стихотворений ор. 38» С. Рахманинова в контексте духовно-нравственных представлений композитора // Формирование и развитие исторического типа русской цивилизации: к 700-летию преподобного Сергия Радонежского: материалы X Международной научно-образовательных Знаменских чтений. Курск: Курск. гос. ун-т, 2014.

2. Соловьянова М. В. Роль интеллигенции в построении и развитии социалистического общества // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2012. № 2, ч. 2. С. 160-162.

3. Бурматов М. А. Зарождение новых форм песенного репертуара в Советской России (20-30-е годы XX века) // Человек и культура. 2017. № 1. С. 88–97.

4. Ильичева О. С. Песня как явление в истории отечественной массовой музыкальной культуры // Universum: филология и искусствоведение. 2016. № 3-4 (26). URL: https://7universum.com/ru/philology/archive/item/3067 (дата обращения: 08.03.2022).

5. Стародубцева И. Ф., Белоусенко М. И. Психолого-педагогические условия формирования вокальной индивидуальности // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2017. Т. 7, № 1 (22). С. 60-64.

6. Тараканов М. Музыкальная культура РСФСР. М.: Музыка, 1987. 365 с.

7. Рустам И. Ф. «Русская Марсельеза»: жестокий романс Петра Лаврова // Антропологический форум. 2018. № 36. С. 117-153.

8. Лях В. И., Сигида Д. А. Советская массовая песня как феномен музыкального искусства XX века // Культурная жизнь Юга России. 2015. № 2. С. 22-25.

9. Иванова Л. И. Советская песня // Отечественная музыкальная литература 1917–1985. М.: Музыка, 1996. С. 103–164.

10. Ганская Е. Н. Советская массовая песня как форма идеологии // Вестник культурологии. 2019. № 4 (91). С. 221-225.

11. Степанова Е. А. «Все проходит. Остаётся Родина – то, что не изменит никогда»: образ Родины в советской песне // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2015. №4. С. 28-42.

12. Страшнов С. Л. Стихи в системе массовой культуры (к постановке проблемы) // Вестник Костромского государственного университета. 2018. № 2. С. 153-157.

13. Цукер А. М. К проблеме авторства в массовой музыке // Южно-Российский музыкальный альманах. 2020. № 4. С. 11-18.

14. Сипкина Н. Я., Антонов В. П. Вещий характер интимной лирики XX века: автобиографические черты // Вестник Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. 2018. № 24. С. 41–54.

15. Корнев П. К. Сотрудничество артистов и композиторов СССР и США в 1930–1950-х гг. // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2016. № 3 (28). С. 42-46.

16. Хаит Г. А., Хаит Ю. Г. Страницы отечественной истории в киномузыке Сергея Прокофьева // Русская цивилизация в свете исторического выбора святого князя Владимира: материалы XI Международных научно-образовательных Знаменских чтений. Курск: Курск. гос. ун-т, 2015.

17. Сидорчук И. В. Символика прошлого в советской песне 1930-х гг. // Россия в глобальном мире. 2020. № 16-17 (39-40). С. 140–148.

18. Лексин В. Н. Великая культура Великой войны // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2015. № 3 (41). С. 64-83.

19. Жильцов С. В., Макаров И. Б. «Победа будет за нами!»: звуковые документы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.), год 1941-й // Военно-исторический журнал. 2021. № 5. С. 76–85.

20. Пронякина П. С., Белова Л. Г. Песни военного времени – культурное наследие России // Образование. Карьера. Общество. 2020. № 1 (64). С. 63–64.

References

1. Starodubtseva I. F. K voprosu ob interpretatsii "Shesti stikhotvorenii or. 38" S. Rakhmaninova v kontekste dukhovno-nravstvennykh predstavlenii kompozitora [On the question of the interpretation of "Six Poems, Op. 38" S. Rachmaninov in the context of the composer's spiritual and moral ideas]. *Formirovanie i razvitie istoricheskogo tipa russkoi tsivilizatsii: k 700-letiyu*

prepodobnogo Sergiya Radonezhskogo. Materialy X Mezhdunarodnoi nauchno-obrazovatel'nykh Znamenskikh chtenii [Formation and development of the historical type of Russian civilization: to the 700th anniversary of St. Sergius of Radonezh. Materials of the X International Scientific and Educational Znamensky Readings. Kursk, Kursk St. Univ. Publ., 2014.

2. Solov'yanova M. V. Rol' intelligentsii v postroenii i razvitii sotsialisticheskogo obshchestva [The role of the intelligentsia in the construction and development of a socialist society]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and law*, 2012, no. 2, pt. 2, pp. 160-162.

3. Burmatov M. A. Zarozhdenie novykh form pesennogo repertuara v Sovetskoi Rossii (20-30-e gody XX veka) [The emergence of new forms of song repertoire in Soviet Russia (20-30s of the XX century)]. *Chelovek i kul'tura = Man and culture*, 2017, no. 1, pp. 88–97.

4. Il'icheva O. S. Pesnya kak yavlenie v istorii otechestvennoi massovoi muzykal'noi kul'tury [Song as a phenomenon in the history of national mass musical culture]. *Universum: filologiya i iskusstvovedenie = Universum. Philology and Art History*, 2016, no. 3-4 (26). Available at: https://7universum.com/ru/philology/archive/item/3067. (accessed 08.03.2022)

5. Starodubtseva I. F., Belousenko M. I. Psikhologo-pedagogicheskie usloviya formirovaniya vokal'noi individual'nosti [Psychological and pedagogical conditions for the formation of vocal individuality]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika = Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogy*, 2017, vol. 7, no. 1(22), pp. 60-64.

6. Tarakanov M. Muzykal'naya kul'tura RSFSR [Musical culture of the RSFSR]. Moscow, Muzyka Publ., 1987. 365 p.

7. Rustam I. F. "Russkaya Marsel'eza": zhestokii romans Petra Lavrova ["Russian Marseillaise": the cruel romance of Pyotr Lavrov]. *Antropologicheskii forum = Anthropological forum*, 2018, no. 36, pp. 117-153.

8. Lyakh V. I., Sigida D. A. Sovetskaya massovaya pesnya kak fenomen muzykal'nogo iskusstva XX veka [Soviet mass song as a phenomenon of musical art of the XX century]. *Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii = Cultural life of South Russia*, 2015, no. 2, pp. 22-25.

9. Ivanova L. I. Sovetskaya pesnya [Soviet song]. *Otechestvennaya muzykal'naya literatura* 1917–1985 [Domestic musical literature 1917–1985]. Moscow, Muzyka Publ., 1996, pp. 103-164.

10. Ganskaya E. N. Sovetskaya massovaya pesnya kak forma ideologii [Soviet mass song as a form of ideology]. *Vestnik kul'turologii = Bulletin of Cultural Studies*, 2019, no. 4 (91), pp. 221-225.

11. Stepanova E. A. "Vse prokhodit. Ostaetsya Rodina – to, chto ne izmenit nikogda": obraz Rodiny v sovetskoi pesne ["Everything passes. The Motherland remains – something that will never change": the image of the Motherland in a Soviet song]. *Labirint. Zhurnal sotsial'no-gumanitarnykh issledovanii = Labyrinth. Journal of Social and Humanitarian Studies*, 2015, no. 4, pp. 28-42.

12. Strashnov S. L. Stikhi v sisteme massovoi kul'tury (k postanovke problemy) [Poems in the system of mass culture (to the formulation of the problem)]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Kostroma State University*, 2018, no. 2, pp. 153-157.

13. Tsuker A. M. K probleme avtorstva v massovoi muzyke [On the problem of authorship in mass music]. *Yuzhno-Rossiiskii muzykal'nyi al'manakh = South Russian Musical Almanac*, 2020, no. 4, pp. 11-18.

14. Sipkina N. YA., Antonov V. P. Veshchii kharakter intimnoi liriki XX veka: avtobiograficheskie cherty [The prophetic character of intimate lyrics of the 20th century: autobiographical features]. *Vestnik Hakasskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. F. Katanova = Bulletin of N. F. Katanov Khakass State University*, 2018, no. 24, pp. 41-54.

15. Kornev P. K. Sotrudnichestvo artistov i kompozitorov SSSR i SSHA v 1930-1950-kh gg. [Cooperation between artists and composers of the USSR and the USA in the 1930s-1950s.]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury = Bulletin of the St. Petersburg State Institute of Culture*, 2016, no. 3 (28), pp. 42–46.

16. Khait G. A., Khait Yu. G. Stranitsy otechestvennoi istorii v kinomuzyke Sergeya Prokof'eva [Pages of national history in the film music of Sergei Prokofiev]. *Russkaya tsivilizatsiya v svete istoricheskogo vybora svyatogo knyazya Vladimira. Materialy XI Mezhdunarodnykh nauchno-obrazovatel'nykh Znamenskikh chtenii* [Russian Civilization in the Light of the Historical Choice of Saint Prince Vladimir: Materials of the XI International Scientific and Educational Znamensky Readings]. Kursk, Kursk St. Univ. Publ., 2015.

17. Sidorchuk I. V. Simvolika proshlogo v sovetskoi pesne 1930-kh gg. [Symbolism of the past in the Soviet song of the 1930s.]. *Rossiya v global'nom mire = Russia in the global world,* 2020, no. 16-17 (39-40), pp. 140-148.

18. Leksin V. N. Velikaya kul'tura Velikoi voiny [Great culture of the Great War]. *Kontury global'nykh transformatsii: politika, ehkonomika, pravo = Outlines of global transformations: politics, economics, law*, 2015, no. 3 (41), pp. 64-83.

19. Zhil'tsov S. V., Makarov I. B. "Pobeda budet za nami!": zvukovye dokumenty Velikoi Otechestvennoi voiny (1941-1945 gg.), god 1941-j ["Victory will be ours!": sound documents of the Great Patriotic War (1941–1945), year 1941]. *Voenno-istoricheskij zhurnal = Military History Magazine*, 2021, no. 5, pp. 76-85.

20. Pronyakina P. S., Belova L. G. Pesni voennogo vremeni – kul'turnoe nasledie Rossii [Wartime songs are the cultural heritage of Russia]. *Obrazovanie. Kar'era. Obshchestvo = Education. Career. Society*, 2020, no. 1 (64), pp. 63-64.

Информация об авторах / Information about the Authors

Стародубцева Ирина Филипповна, заслуженная артистка Российской Федерации, доцент, заведующая кафедрой вокального искусства, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: irinakursk@mail.ru

Irina F. Starodubtseva, Honored Artist of the Russian Federation, Associate Professor, Head of the Department of Vocal Art, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: irinakursk@mail.ru

Хаит Геннадий Аронович, доцент кафедры вокального искусства, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: vi-kafedra@mail.ru

Gennadii A. Khait, Associate Professor of the Department of Vocal Art, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: vi-kafedra@mail.ru

Башкеева Ксения Сергеевна, старший преподаватель кафедры вокального искусства, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: ksenya3270@yandex.ru,
ORCID: 0000-0002-2837-7438

Kseniya S. Bashkeeva, Senior Lecturer of the Department of Vocal Art, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: ksenya3270@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-2837-7438

К сведению авторов

1. К публикации в журнале «Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право» принимаются актуальные материалы, содержащие новые результаты научных и практических исследований, соответствующие профилю журнала, не опубликованные ранее и не переданные в редакции других журналов.

2. Авторы статей должны представить в редакцию журнала:

- статью, оформленную в соответствии с правилами оформления статей, представляемых для публикации в журнале;
- разрешение на опубликование в открытой печати статьи от учреждения, в котором выполнена работа.
- сведения об авторах (фамилия, имя отчество, место работы, должность, ученая степень, звание, почтовый адрес, телефон, e-mail);
- лицензионный договор.

3. Бумажный вариант статьи подписывается всеми авторами.

4. Редакция не принимает к рассмотрению рукописи, оформленные не по правилам.

5. **Публикация бесплатная.**

6. Основной текст рукописи статьи (кроме аннотации и ключевых слов) набирают в текстовом редакторе MS WORD шрифтом «Times New Roman» размером 14 пт с одинарным интервалом, выравнивание по ширине. Поля с левой стороны листа, сверху и снизу – 2,5 см, с правой стороны – 2 см. Абзацный отступ – 1,5 см.

7. Схема построения публикации: УДК (индекс по универсальной десятичной классификации), фамилия и инициалы автора(ов), места работы (полностью), почтового адреса места работы, электронного адреса (телефона), название (полужирный), аннотация и ключевые слова, текст с рисунками и таблицами, список литературы. Авторы, название, аннотация и ключевые слова, список литературы приводятся на русском и английском языках.

Перед основным текстом печатается аннотация (200-250 слов), отражающая краткое содержание статьи. Аннотация должна быть рубрицирована (актуальность, цель, задачи, методология, результаты, выводы). Текст статьи должен иметь следующую структуру: введение, методология, результаты и их обсуждение, выводы (рекомендации).

Например:

УДК 004.9:519.8

Построение модели прогнозирования обеспеченности кадрами градообразующего предприятия

А.Л. Иванов[1] ✉

[1]Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября 94, Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: ivanov@gmail.com

Актуальность. В статье рассматривается агентная модель прогнозирования обеспеченности кадрами градообразующего предприятия, основанная на структуризации поведения агента и определения влияния его внутреннего представления об окружающем мире на его деятельность.
...

Ключевые слова: агентное моделирование; градообразующее предприятие; событие.

В конце статьи приводятся сведения об авторе(ах) на русском и английском языках: фамилия, имя, отчество полностью, ученое звание, ученая степень, должность, организация, город, страна, e-mail.

8. При формировании текста не допускается применение стилей, а также внесение изменения в шаблон или создание собственного шаблона. Слова внутри абзаца следует разделять одним пробелом; набирать текст без принудительных переносов; не допускаются разрядки слов.

12. **Список литературы к статье обязателен** и должен содержать все цитируемые и упоминаемые в тексте работы (не менее 20). Пристатейные библиографические списки оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008. «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления». Ссылки на работы, находящиеся в печати, не допускаются. При ссылке на литературный источник в тексте приводится порядковый номер работы в квадратных скобках.

13. В материале для публикации следует использовать только общепринятые сокращения.

Все материалы направлять по адресу: 305040, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94. ЮЗГУ, редакционно-издательский отдел.

Тел.(4712) 22-25-26, тел/факс (4712) 50-48-00.

E-mail: rio_kursk@mail.ru

Изменения и дополнения к правилам оформления статей и информацию об опубликованных номерах можно посмотреть на официальном сайте журнала: **https://swsu.ru/izvestiya/serieshistory/**